

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

**2023 год Том 16 Выпуск 1
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1**

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова, Е. Н. Азарова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 25.02.2023 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвиоров Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2023 год Том 16 Выпуск 1

Содержание

Contents

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Воденко К. В., Гурба В. Н., Черных С. С. Академическое лидерство: институциональные и региональные аспекты.....7	Vodenko K. V., Gurba V. N., Chernykh S. S. Academic Leadership: Institutional and Regional Aspects.....7
Гурба В. Н., Узунов В. В. Реалии и перспективы инновационного развития регионов Юга России (по итогам экспертного опроса).....18	Gurba V. N., Uzunov V. V. Realities and Prospects of Innovative Development of the Regions of the South of Russia (Based on the Results of an Expert Survey).....18
Лукичев П. Н. Восемь вариантов детерминации ростом ВВП естественного движения населения (на примере статистических данных Российской Федерации).....26	Lukichev P. N. Eight Options for Determining by the Growth GDP the Natural Movement the Population (on the Example of Statistical Data of the Russian Federation).....26
Ростовская Т. К. О разработке Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства: авторский взгляд.....40	Rostovskaya T. K. On the Development of an Action Strategy to Save Men and Support Responsible Fatherhood: The Author's View.....40
Самыгин С. И. Институциональный аспект процесса десекуляризации в России.....48	Samygin S. I. Institutional Aspect of the Process of Desecularization in Russia.....48

Серeda М. В., Остапенко Д. К. Стратегии самореализации современной молодежи на сельских территориях (на примере Матвеево-Курганского района Ростовской области).....57	Sereda M. V., Ostapenko D. K. Strategies of Self-Realization of Modern Youth in Rural Areas (on the Example of Matveevo-Kurgan District of Rostov Region).....57
Тищенко Ю. Г., Ковалева Н. Ю., Тищенко И. А. Методика оценки эффективности профессиональной педагогической деятельности.....63	Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Performance Assessment Methodology Professional Pedagogical Activities.....63
Щербакова Л. И. Критическое мышление в личностно-профессиональном потенциале инженерных кадров как индикатор их научно-инновационной активности.....74	Shcherbakova L. I. Critical Thinking in the Personal and Professional Potential of Engineering Personnel as an Indicator of Their Scientific and Innovative Activity.....74
Эбзеева Ю. Н. Особенности организационного механизма управления структурным подразделением вуза в условиях конкуренции.....84	Ebzeeva Yu. N. Organizational Mechanism for Managing a University Department in a Competitive Environment.....84
Экономика и управление	Economics and Managment
Влад М. М., Куликов М. М. Анализ использования автоматизированных систем управления отечественными предприятиями.....93	Vlad M. M., Kulikov M. M. Analysis of the Use of Automated Control Systems of Domestic Enterprises.....93
Глазунова В. В. Влияние государственно-частного партнерства на региональное развитие.....103	Glazunova W. V. Impact of Public-Private Partnerships on Regional Development.....103
Комиссарова М. А., Семенова В. Н. Нелинейные методы получения заданных результатов, информации и прогнозирования.....115	Komissarova M. A., Semenova V. N. Non-linear Methods as Ways to Forecast, Obtaining Information and Implementation of Predetermined Results.....115
Куликов М. М., Индюков М. А. Перспективы применения технологии Big Data в электроэнергетике.....131	Kulikov M. M., Indukov M. A. Prospects of Use of Big Data Technology in the Power Industry.....131
Пархоменко Т. В., Гузенко Н. В., Халын В. Г. Логистическое развитие транзитного потенциала систем товародвижения.....138	Parkhomenko T. V., Guzenko N. V., Khalyn V. G. Logistic Development Transit Potential of Commodity Transportation Systems.....138

**Сайпидинов И. М., Карбекова А. Б.,
Карбекова М. Ж.**

Современные тенденции и перспективы
развития эко-этнотуризма в Ошской
области Кыргызстана.....147

**Saipidinov I. M., Karbekova A. B.,
Karbekova M. Zh.**

Modern Trends and Prospects
for the Development of Eco-ethnotourism
in the Osh Region of Kyrgyzstan.....147

Сармад База

Гендерная специфика оплаты труда
и инвестирования в развитие
профессиональных качеств работников
арабских отелей.....155

Sarmad Baza

Gender Specifics of Remuneration
and Investment in the Development
of Professional Qualities of Employees
of Arab Hotels.....155

Сухарев О. С.

Макроэкономическая политика:
накопительный эффект и его
преодоление.....166

Sukharev O. S.

Macroeconomic Policy:
Cumulative Effect and Its
Overcoming.....166

Хасан Сара

Удовлетворенность трудом как фактор
достижения баланса социальной
и трудовой составляющих и удержания
работников в отелях.....182

Hasan Sara

Labor Satisfaction as a Factor
in Achieving a Balance of Social
and Labor Components
and Retention of Employees in Hotels.....182

Социальная философия

Social Philosophy

Борисова О. С., Кожяева И. В.

Насилие и праздник:
история утраты.....195

Borisova O. S., Kozhaeva I. V.

Violence and Celebration:
a History of Loss.....195

Герасимов М. В.

Коммерциализация спортивной
деятельности в глобальном сетевом
обществе.....203

Gerasimov M. V.

Commercialization of Sports
in the Global Network
Society.....203

Дементьев С. А.

Безопасность личности в современной
глобальной сети.....212

Dementiev S. A.

Personal Security in Today's Global
Network.....212

Залевская А. А.

Профессиональная субъектность
личности в условиях цифровизации
общества: социально-философский
анализ.....219

Zalevskaya A. A.

Professional Subjectivity of Personality
in the Conditions of Digitalization
of Society: Socio-Philosophical
Analysis.....219

Захарова В. А.

Онтологический аспект философской
рефлексии конструкта «экофильное
поведение».....228

Zakharova V. A.

The Ontological Aspect
of Philosophical Reflection of the
Construction «Ecophilic Behavior».....228

Козловский М. Е. Город в предметном пространстве социально-гуманитарного знания: исторические и современные аспекты исследования.....234	Kozlovsky M. E. City in the Subject Space of Socio-Humanitarian Knowledge: Historical and Modern Aspects of Research.....234
Молоканов А. А., Пономарев П. А. Человеческая телесность как социокультурный феномен.....243	Molokanov A. A., Ponomarev P. A. Human Corporation as a Socio-Cultural Phenomenon.....243
Попов Е. С. Экологический императив и проблемы национальной безопасности современной России.....251	Popov E. S. Environmental Imperative and t he Problems of National Security of Modern Russia.....251
Савкина Т. Б. Информационное противоборство России и Запада в контексте современной геополитики.....259	Savkina T. B. Information Confrontation Between Russia and the West in the Context of Modern Geopolitics.....259
Сальникова И. И. Публикационная культура современного ученого: постановка проблемы.....267	Salnikova I. I. Publication Culture of a Modern Scientist: Problem Statement.....267
Шевченко Л. В. Развитие гражданской субъектности в условиях информационного общества...274	Shevchenko L. V. Development of Civil Subjectness in the Conditions of the Information Society.....274
Эмирбекова Э. Э., Захарова В. А. Экологическое воспитание и экологическое поведение молодежи: философский анализ их взаимообусловленности.....283	Emirbekova E. E., Zakharova V. A. Environmental Education and Environmental Youth Behavior: a Philosophical Analysis of Their Interdependence.....283

Хроника

Римский В. П. Памяти товарища и друга.....290

Chronicle

Rimsky V. P. In Memory of a Comrade and Friend.....290
--

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-7-17

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

*Константин Викторович Воденко¹, Владимир Николаевич Гурба²,
Сергей Сергеевич Черных³*

^{1,3}*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

²*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

¹*vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,
WoS Research ID: L-4112-2016, AuthorID Scopus: 56669747300*

²*social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825*

³*s.s.chernykh@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2019-5736, AuthorID РИНЦ: 745140,
AuthorID Scopus: 57201127260, WoS Research ID: ABF-4703-2020*

Аннотация. *Цель статьи* заключается в анализе актуальных проблем современного высшего образования в России с учетом необходимости формирования персональных компетенций выпускников вузов в условиях цифровизации.

Результаты исследования. Среди ведущих тенденций, способствующих внедрению и укреплению академического лидерства, акцентируется внимание на транспрофессионализме, регионализации отечественного образования, создании внутри социума сильных горизонтальных связей на основе образовательных кластеров и реализации «третьей миссии» университета. В статье показано, что дальнейшие перспективы государственной политики в сфере высшего образования находятся в плоскости инновационного развития институциональной среды собственного региона. Отмечается, что академическое лидерство выступает тем механизмом и образовательной стратегией, которая направлена на качественное совершенствование научно-образовательной сферы, включая и региональное измерение социума. В исследовании акцентируется внимание на антропологических спецификах системы высшего образования, которая изыскивает возможности для социализации «инновационного», «креативного» типа личности.

Перспективы исследования. Вместе с тем делается вывод, что контуры изучаемой и одновременно образуемой личности должны быть ориентированы на правило «золотой середины», то есть на синтезы предшествующего (классического) образовательного опыта и наиболее передовых технологических достижений современности.

Ключевые слова: академическое лидерство, российское высшее образование, транспрофессионализм, регионализация образования, образовательный опыт, технологические достижения современности

Для цитирования: Воденко К.В., Гурба В.Н., Черных С.С. Академическое лидерство: институциональные и региональные аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. нач–конеч. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-7-17>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Original article

ACADEMIC LEADERSHIP: INSTITUTIONAL AND REGIONAL ASPECTS

*Konstantin V. Vodenko¹, Vladimir N. Gurba²,
Sergey S. Chernykh³✉*

^{1,3}*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

²*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,
WoS Research ID: L-4112-2016, AuthorID Scopus: 56669747300*

²*social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825*

³*s.s.chernykh@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-2019-5736, AuthorID RSCI: 745140,
AuthorID Scopus: 57201127260, WoS Research ID: ABF-4703-2020*

Abstract. *The purpose of the article is to analyze the current problems of modern higher education in Russia, taking into account the need to form the personal competencies of university graduates in the conditions of digitalization.*

The results of the study. *Among the leading trends contributing to the introduction and strengthening of academic leadership, attention is focused on transprofessionalism, the regionalization of domestic education, the building of strong horizontal ties within society on the basis of educational clusters and the implementation of the «third mission» of the university. The article shows that the future prospects of state policy in the field of higher education are in the plane of innovative development of the institutional environment of their own region. It is noted that academic leadership is the mechanism and educational strategy that is aimed at the qualitative improvement of the scientific and educational sphere, including the regional dimension of society. The study focuses on the anthropological specifics of the higher education system, which seeks opportunities for the socialization of an «innovative», «creative» personality type.*

Research prospects. *At the same time, it is concluded that the contours of the studied and simultaneously formed personality should be oriented to the rule of the «golden mean», that is, to the syntheses of the previous (classical) educational experience and the most advanced technological achievements of modernity.*

Keywords: *academic leadership, Russian higher education, transprofessionalism, regionalization of education, educational experience, technological achievements of modernity*

For citation: *Vodenko K. V., Gurba V. N., Chernykh S. . Academic leadership: institutional and regional aspects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-*

economic Sciences. 2023; 16(1): 7–17. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-7-17>.

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. В настоящее время развитие и совершенствование системы высшего образования в России является одной из главных стратегических задач государственной политики, направленной на концентрацию человеческого капитала в наиболее перспективных и инновационных отраслях современной экономики. Профессионализм становится особенно востребованным на фоне повсеместного внедрения цифровых технологий и роботизации современной промышленности. Тем не менее сохраняются риски отставания, связанные с неоднородностью отечественного образования внутри страны по сравнению с образовательными услугами, которые предлагаются на глобальном рынке, тем более, что в последнее время международное сотрудничество по линии образования довольно сильно затруднено в силу целого ряда политических факторов, включая санкции коллективного Запада против государственных институтов России. В условиях цифрового неравенства также происходит отставание по всему миру ряда региональных университетов, не создавших эффективные собственные социальные сети. В данной связи свою актуальность сохраняет профессиональная социализация выпускников высших образовательных учреждений, которые продолжают находиться в орбите университетов, помогая организовывать и развивать их собственные информационные сети.

По-прежнему приоритетной для российского образования остается необходимость формирования креативных навыков учащейся молодежи, способной в дальнейшем возглавить инновационное развитие страны и социума. Необходимо сохранить высокие академические стандарты при ориентации на пластичность усваиваемых в ходе образовательного процесса знаний, подготавливаю-

щих выпускника к дальнейшему обучению в целях расширения компетенций. При этом высшее образование как социальный институт продолжит реализацию функции культурного воспроизводства, ориентированного также на освоение самых передовых технологий в сфере управления. Таким образом, лабильность современных студентов в области приобретения наиболее инновационных навыков и умений не должна вступать в противоречие со стремлением к приобретению фундаментальных академических знаний [1].

Для современного государства особенно актуальными можно считать инвестиции в развитие региональных университетов, способных образовывать относительно самостоятельные кластеры научно-технического роста и инновационной деятельности. Расширение и обустройство академической среды в регионах может существенно снизить оттуда отток наиболее квалифицированной части населения, ориентированного на профессиональную карьеру в сфере науки, тем самым реализуя одну из стратегических задач социальной политики государства. При этом при дальнейшем внедрении цифровых технологий может быть сокращен разрыв между центральными («столичными») регионами и всеми остальными, находящимися от центра на значительной дистанции, а главное — не располагающими сравнимыми финансовыми ресурсами. Тем не менее проекты по дальнейшей регионализации высшего образования продолжают сохранять свое значение ведущих интегративных структур и систем управления человеческими ресурсами.

Формирование персональных компетенций учащихся в системе высшего образования. Основные тренды последних лет свидетельствуют о необходимости расши-

рения взаимодействия выпускников вузов с возможными работодателями, что позволяет существенно повысить качество предоставляемых образовательных услуг. В сложившейся ситуации глобального кризиса необходимо обеспечить государственную поддержку переломным отраслям экономики при соблюдении практик социальной защиты молодых специалистов. Однако, несмотря на инновации в сфере образовательного процесса, важно сохранить ядро классического академизма, включающее в себя научный базис фундаментальных знаний и компетенций, позволяющих воспитывать всесторонне развитую личность. Несмотря на ускорение процесса разделения труда, важно сохранить уже достигнутую планку высшего образования в области широкого кругозора и обладания гуманистическим потенциалом. В данной связи стоит отметить, что крайняя узость отдельной специализации и так называемый «профессиональный кренизм» вряд ли будут способствовать формированию креативного мышления выпускника современного вуза.

Университетское образование таким образом выполняет важную селективную функцию в отношении современной молодежи, поскольку далеко не все инновационные практики могут быть признаны легитимными. Более того, нет ничего удивительного в том, что именно в молодежной среде довольно легко формируются паттерны девиантного и делинкветного поведения, требующие профилактики, коррекции и устранения. Следовательно, *инновационный потенциал молодежи*, по мнению современных исследователей, оказывается «подобным горному ландшафту: определенные виды инноваций, идущих от молодежи, приветствуются, другие — блокируются неформальными средствами, третьи — пресекаются как девиации, на четвертые общество смотрит, применяя дифференцирующий принцип свое — чужое, т.е. приглядывается к таким потенциальным инновациям как прорывным или, напротив, губительным для общества» [7, с. 351], поэтому высшее образование продолжает сохранять свой дисциплинарный характер, необходимый для воспитания целостной (морально-устойчивой) личности, способной придерживаться вполне определенных этических принципов. К тому же в настоящее время

на фоне значительной «утечки мозгов» (оттока молодых специалистов за рубеж) особенно актуальным будет также формирование патриотических установок в среде образованных профессионалов.

Модернизация отечественного образования продолжает находиться в плоскости подготовки специалистов, необходимых для дальнейшей цифровизации современного социума. Особое внимание образовательные институты должны уделять профессионально-квалификационному потенциалу личности молодого специалиста, под которым понимаются возможности дальнейшего обучения и повышения квалификации, а также ориентации на карьерный рост [4]. Вместе с тем по-прежнему важным направлением развития академического лидерства в стране и регионе выступает подготовка «многомерных» профессионалов широкого профиля, что в ряде исследований конкретизируется посредством понятия «транспрофессионализм» [3]. В целом к личности профессионала предъявляются требования большей адаптивности в отношении быстро изменяющихся условий труда, а также культивируются установки, направленные на фактическое освоение новых профессий. Таким образом, в рамках концепции «транспрофессионализма» происходит рост специалиста в направлении преодоления противоречий, возникающих в ходе глобального процесса разделения труда.

Несомненно, что перед современным человечеством актуальной остается задача научиться существованию в цифровой среде, которая навязывает определенный образ жизни и поведения. Риски, связанные с повсеместным внедрением цифровых технологий, не могут не волновать самих преподавателей, которые опасаются падения качества образовательного процесса в результате чрезмерного использования студентами гаджетов и введения режима удаленного тестирования. Вместе с тем сохранение личностного общения между преподавателями и студентами остается одной из ключевых ценностей классического академизма, наличие которой переводит образование в «элитарный» формат. К тому же в данной связи существенно усложняется реальный контроль качества знаний, в большей степени вытесняемый количественными показателями, многие из которых не находятся

в полной компетенции преподавателя, а оказываются фактически «спущенными сверху». Соответственно, определенная нагрузка по цифровизации ложится на образовательные учреждения, которые при этом должны сохранить высокие академические стандарты подготовки студентов [6; 8]. Так, например, еще совсем недавно освоение цифровых технологий напрямую связывалось с необходимостью работы на дистанции в условиях нарастающих эндемических угроз. В сложившейся ситуации цифровизация приобретает характер систематической политики высшей школы, направленной на достижение экономических, и коммуникативных эффектов.

Формирование идентичностей молодежи в значительной степени протекает в ситуации экспансии так называемых виртуальных технологий, существенно расширяющих представление дополненной реальности, что порой довольно негативно воздействует на формирование личности современного студента. В частности, по мере эксплуатации гаджетов в большей степени утомляется память молодых людей, а также существенно страдает воображение, деятельность которого затрудняется, особенно в контексте преподавания гуманитарных дисциплин, доминированием «клипового мышления». В данной связи ряд исследователей отмечают, что развитие «коммуникаций сопровождается кардинальными изменениями образа жизни современного человека. Слияние реальной и виртуальной сред, стирание границ реальной и виртуальной форм коммуникации, диффузия образцов взаимодействий, зарождавшихся преимущественно в сетевых коммуникациях и их выход в офлайн, изменение способов организации повседневной жизни, формирование новых социальных компетенций и кристаллизация феномена цифрового поколения “digitalgeneration” — результат стремительных изменений в информационном секторе среды обитания» [5, с. 11]. В целом с процессом цифровизации (или дигитализации) современные исследователи напрямую связывают прогресс российской системы образования, ее выход на глобальный уровень, осуществляемый с учетом требований региональной политики, направленной на укрепление сетевых взаимодействий вуза с выпускниками и работодателями.

Таким образом, несмотря на то, что цифровые технологии открыли возможности для «непрерывного» образования и дальнейшего роста «транспрофессионализма», процесс цифровизации привел к появлению экзистенциальной тревоги, в том числе вызванной вторжением в повседневность «умных» вещей [11]. Сложившаяся ситуация в свою очередь привела к вопросу о том, насколько изменится классическая образовательная система в контексте экспансии гаджетов и цифровых технологий.

Региональные аспекты академического лидерства в сфере высшего образования. Пожалуй, глобализация и цифровизация образовательного процесса предполагает и его регионализацию, связанную с созданием конкурентоспособных университетов в различных регионах страны, которые могут выполнять важные социальные функции и оказывать поддержку местной экономике. Значительную роль в формировании академического лидерства в регионах должны играть научно-образовательные кластеры, эффективность которых будет зависеть от успешной аккумуляции ресурсов в человеческий капитал, в том числе они должны способствовать перераспределению потоков внутренней миграции молодежи в наиболее привлекательные для образования и последующей работы локации.

Регионализация высшего образования включает внедрение режима партнерства между структурами вузов, общественными организациями и местной властью, который должен стимулировать создание инновационных рабочих мест и уменьшение «проточности» в сфере функционирования профессиональных кадров [9]. Основные задачи университета в регионе будут направлены на стимулирование социума близлежащих территорий, а если необходимо — то и на его моральное «оздоровление». Важно побудить молодых специалистов к общению на академические темы, которые необходимо развивать и после окончания вуза. Таким образом, выпускникам вузов важно сохранять взаимодействие со структурами университета и после его окончания, тем самым реализуя научно-образовательные и экономические проекты на основе уже имеющегося потен-

циала. Вместе с тем академическое лидерство в регионах предполагает не только конкуренцию между собой различных образовательных учреждений, но и необходимую поддержку со стороны федерального центра. В данной связи необходимо говорить и о специфике отечественного образовательного регионализма, предполагающего существенную поддержку из центра, тем более что академическое лидерство также может стать достижимым и для вузов, расположенных не в городах, являющихся административными центрами республик, краев и областей.

Значительный отток специалистов из страны и целого ряда регионов является важной проблемой на пути гармонизации распределения трудовых ресурсов. Следовательно, удовлетворение потребностей регионального социума в профессионалах и молодых специалистах должно стать заслоном на пути оттока данной прослойки населения в столичные локации и тем более за рубеж, на постоянное место жительства. Тем не менее лидеры образовательного процесса в регионах будут ориентироваться усваивать опыт не только столичных вузов, но и международных, признанных в научной среде всего мира, образовательных учреждений. По-прежнему актуальными остаются вопросы финансовой поддержки региональных лидеров, которые действуют на рынке образовательных слуг, получая при этом необходимое бюджетное финансирование.

Таким образом, процесс регионализации российского образования вполне вписывается в международные тенденции, позволяющие обеспечить академическое лидерство даже в довольно удаленных от центров капитала локациях. Во многом именно внедрение цифровых технологий и экспансии виртуального социума открыло дополнительные возможности для профессионалов образовательной сферы из регионов, способных по крайней мере в информационном пространстве конкурировать с наиболее медийными столичными учеными. Более того, теперь и сами потенциальные потребители образовательных услуг, то есть студенты, могут более объективно посредством сети Интернет оценивать предлагаемый им академический контент. Следовательно, регионализация образования трансформируется в связи с использованием

инновационных технологий, что дает возможность сделать учебный процесс намного более открытым и прозрачным для потенциальных клиентов.

Усилия государства в сфере формирования привлекательной образовательной (институциональной) среды будут носить «опережающий» характер и в целом могут иметь успех, если реализуются цели его дальнейшего регионального развития, тем более что сами регионы в большей степени нуждаются в инвестициях, направляемых на реализацию социально-значимых и одновременно инфраструктурных проектов. В данной связи академическое лидерство в регионах напрямую зависит от повышения социального престижа регионального образования. К тому же немаловажной остается задача формирования вокруг определенного вуза сообщества (с сильными горизонтальными связями), которые, несмотря на свое пространственное расположение, будут сохранять связи с регионом и культивировать ценности регионального патриотизма, основанного на эффективности неформального общения.

В России регионализация программ академического лидерства сталкивается с проблемой значительного неравенства в сфере распределения человеческого капитала. При этом надо понимать неоднородность регионов самой страны, включая их политический статус и взаимодействие (и одновременно конкуренцию между собой), что предполагает рационализацию и целесообразность повсеместно внедряемых образовательных проектов. Пожалуй, в наибольшей степени «депрессивные» регионы могут существенно повысить позитивное самочувствие жителей за счет привлечения дополнительных образовательных ресурсов, тем более что и само образование все в большей степени становится непрерывным и воспринимается как самостоятельная ценность, обладающая собственным не сугубо инструментальным содержанием. Вместе с тем опыт последних лет показывает, что вузы в России практически не создаются «с нуля», а имеют, как правило, советские (реже «имперские») корни.

В целом регионализация академического лидерства, реализуемого на основе кластерного подхода, во многом совпадает с так называемой «третьей миссией университета»,

достижение которой находится в плоскости расширения социального участия вузов в решении проблем гражданского общества, диалога различных культур и наиболее актуальной экологической повестки. Таким образом, можно говорить о расширении гуманистической и даже эколого-антропологической составляющей современного образования, роль которого в профилактике девиантного поведения и социальной терапии в значительной степени повышается. Очевидно также, что рост гуманитарного образования в регионах может существенно снизить риски различного рода сепаратистских тенденций, не в последнюю очередь связанных с проблемами социально-экономической депривации местного населения.

Роль академического лидерства в системе совершенствования высшего образования. Дальнейшая политика в сфере высшего образования в стране, направленная на реализацию третьей миссии университета (в том числе и в пространстве регионального социума), развитие и внедрение транс-профессиональной идентичности, создание дополнительных социально-профессиональных сетей и усиление горизонтальных связей между студентами, преподавателями и работодателями, выступает залогом достижения академического лидерства. Создание точек интеллектуального и научно-технического роста выдвигает академическое лидерство далеко за пределы исключительно образовательной сферы, которая и сама все в большей степени преобразуется, тем самым создавая благоприятные условия для бизнеса и реализации различных креативных проектов.

Более того, вышеописанный сценарий в целом приведет к росту ресурсности системы отечественного высшего образования, которая в значительной степени остается фиксированной на проблемах, связанных с необходимостью диверсификации источников финансирования. Образовательные стандарты, способные обеспечить академическое лидерство, должны быть ориентированы на региональные потребности и одновременно на фундаментальные знания.

Рационализация распределения финансовых потоков, направленных на поддержку образовательных программ, по-прежнему

остается одной из важных проблем современного российского образования, тем более что поиск и распределение грантов стимулируют научную деятельность часто в ущерб собственно преподавательской активности. Следовательно, и в научном сообществе происходит разделение труда, которое необходимо правильно стимулировать, высвобождая ряд позиций для исследовательской работы, но в том числе и активно привлекая к этим разработкам самих студентов. Академическое лидерство также должно влиять на идентичности представителей научного сообщества, их социальный статус и в целом способствовать повышению уровня самоуважения. Внимание к проблемам, связанным с цифровизацией университетской бюрократии, не должно отвлекать от расширения задач современной науки и ее социальной миссии.

В настоящее время развитие академического потенциала на местах продолжает находиться в зависимости от расширения инвестиционных программ в человеческий капитал. Актуальным в разрезе академического лидерства является не только экономическая задача, связанная с прибылью, но и социальное программирование, позволяющее обеспечить гармонизацию культурной среды, тем более что во многих регионах высшие учебные заведения, особенно сохранившие традиции, являются одними из главных оплотов отечественной культуры. Вместе с тем в России государство фактически остается ключевым источником инвестиционной поддержки образовательных институтов, что накладывает дополнительные обязательства на практики академического сообщества, поэтому альянс государства и образовательных учреждений оказывается неизбежным, особенно в условиях нарастания рисков безопасности.

Повышение исследовательской эффективности вузов предполагает усвоение учеными самых последних достижений в области организации образовательных программ. На основании проводившихся ранее иностранных исследований можно признать, что академическое лидерство развивающихся стран не особенно сильно влияет на исследовательскую деятельность самих ученых [12; 13], чья деятельность не выходит за рамки преподавательского профиля. Тем самым сохраняется различие между учеными, заня-

тыми конкретными исследованиями и собственнo обучающей деятельностью студентов. Поэтому для интенсификации научного процесса особенно поощряется индивидуальная инициатива в реализации исследовательских проектов, для успеха которых требуются государственная поддержка и благоприятные условия.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что академическое лидерство возможно не только в результате внедрения инновационных технологий в образовательный процесс, но и при сохранении фундаментальных знаний, которые резко повышают культурную компетентность выпускника. Необходимо учитывать долгосрочный эффект на общество, которое имеет образование в том случае, если основные задачи по совершенствованию системы носят стратегический характер. Речь в данной связи идет об отдаче и эффективности целого поколения, причем наиболее образованные кадры из данной части социума должны быть настроены остаться в стране и делать в ней карьеру, одновременно выступая базой для национального, интеллектуального капитала. В противном случае (в том числе и по причине отсутствия патриотической позиции) подготовка даже высококлассных профессионалов может закончиться их последующим массовым исходом за пределы страны. Поэтому необходимо не только создать комфортабельные условия последующей трудовой деятельности для будущих профессионалов, но и обеспечить их участие в проектах, способствующих патриотическому воспитанию.

Результаты проведенного анализа дают основания полагать, что академические знания, способные обеспечить соответствующий тип лидерства, находятся в плоскости взаимодействия государства и отечественных образовательных институтов. Тем не менее по-прежнему сохраняется существенный запрос на высшее образование со стороны представителей среднего класса, а также значительного числа мигрантов, заинтересованных интегрироваться (посредством образовательных институтов) в российское общество. Следовательно, можно говорить о своеобразной триаде академического лидерства, которая включает в себя ориентацию на развитие

целостной (интегративной) личности, полноценное и многомерное участие в социальной жизни своего региона и перспективность образования как стратегического ресурса дальнейшего развития общества.

Список источников

1. Воденко К. В. Формирование академического лидерства в контексте трендов развития современного российского высшего образования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2022. №9. С. 20–25.
2. Воденко К. В., Черных С. С. Научно-образовательные кластеры в системе инновационного развития региона в условиях индустрии 4.0 // *Гуманитарий Юга России*. 2021. Т. 10. №1. С. 30–43.
3. Другова Е. А. Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров: обзор опыта высокорейтинговых университетов на материале зарубежных публикаций // *Вопросы образования*. 2019. №4. С. 8–29.
4. Зиневич О. В., Балмасова Т. А. На пути модернизации: миссия университета в региональном развитии // *Профессиональное образование в современном мире*. 2018. Т. 8. №3. С. 2000–2010.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодёжи в культурном пространстве изменяющейся реальности: теоретические подходы к исследованию // *Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Под общ. ред. Т. К. Ростовской. М.: Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2019. С. 9–18.
6. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Я. И. Кузьминов, И. Д. Фрумин, П. С. Сорокин, И. В. Абанкина и др.; под ред. Я. И. Кузьминова, И. Д. Фрумина, П. С. Сорокина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 284 с.
7. Луков Вал. А. Теории молодёжи: Междисциплинарный анализ. М.: Канон+, 2012. 656 с.
8. Овчинникова О. П. Роль современного университета в инновационном развитии региона // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. 2018. №2(62). С. 154–163.

9. Оценка вклада региональных систем высшего образования в социально-экономическое развитие регионов России / О.В. Лешуков, Д.Г. Евсеева, А.Д. Громов, Д.П. Платонова. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 30 с.

10. Российские университеты в условиях цифровизации: математические и инструментальные методы оценки качества управления: монография / Под. общ. ред. В.Г. Халина. М.: Проспект, 2019. 896 с.

11. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности / В.С. Третьякова и др.; под ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 142 с.

12. Dinh N.B. K., Caliskan A., Zhu C. Academic leadership: Perceptions of academic leaders and staff in diverse contexts // Educational Management Administration and Leadership. 2021. Vol. 49(6). P. 996–1016.

13. Hungund S., Annigeri A.R., Pandey I., Hiremath G. Academic leadership and research performance: a study among engineering academicians in emerging nations // International Journal of Educational Management. 2022. Vol. 36(1). P. 81–94.

References

1. Vodenko K.V. Formirovanie akademicheskogo liderstva v kontekste trendov razvitiya sovremennogo rossijskogo vysshego obrazovaniya [Formation of academic leadership in the context of trends in the development of modern Russian higher education]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly) [Alma mater (Bulletin of the Higher school)]*. 2022; (9): 20–25. (In Russ.).

2. Vodenko K.V., Chernyh S.S. Nauchno-obrazovatel'nye klasteri v sisteme innovacionnogo razvitiya regiona v usloviyah industrii 4.0 [Scientific and educational clusters in the system of innovative development of the region in the conditions of industry 4.0]. *Gumanitarnij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2021; 10(1): 30–43. (In Russ.).

3. Drugova E.A. Ključevye harakteristiki programm prepodavatel'skogo sovershenstva dlja akademicheskikh liderov: obzor opyta vysokorejtingovykh universitetov na materiale zarubezhnykh publikacij [Key characteristics of teaching excellence programs for academic leaders: an overview of the experience of highly rat-

ed universities based on the material of foreign publications]. *Voprosy obrazovaniya [Education issues]*. 2019; (4): 8–29. (In Russ.).

4. Zinevich O.V., Balmasova T.A. Na puti modernizacii: missija universiteta v regional'nom razvitiu [On the path of modernization: the mission of the University in regional development]. *Professional'noe obrazovanie v sovremenom mire [Vocational education in the modern world]*. 2018; 8(3): 2000–2010. (In Russ.).

5. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Zhiznedejatel'nost' molodjozhi v kul'turnom prostranstve izmenjajushhejsja real'nosti: teoreticheskie podhody k issledovaniju [Vital activity of youth in the cultural space of changing reality: theoretical approaches to research]. Kul'turnoe prostranstvo molodezhi: smysly i praktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Pod obshh. red. T.K. Rostovskoj [Cultural space of youth: meanings and practices. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference. In T.K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: Izdatel'sko-torgovyj Dom «Perspektiva», 2019. P. 9–18. (In Russ.).

6. Kak sdelat' obrazovanie dvigatelem social'no-jekonomicheskogo razvitiya? [How to make education an engine of socio-economic development?]. Ja. I. Kuz'minov, I.D. Frumin, P.S. Sorokin, I.V. Abankina i dr. Pod red. Ja. I. Kuz'minova, I.D. Frumina, P.S. Sorokina [In Ya. I. Kuzminov, I.D. Frumina, P.S. Sorokina (eds.)]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019. 284 p. (In Russ.).

7. Lukov Val. A. Teorii molodjozhi: Mezhdisciplinarnyj analiz [Theories of youth: Interdisciplinary analysis]. Moscow: Kanon+, 2012. 656 p. (In Russ.).

8. Ovchinnikova O.P. Rol' sovremennogo universiteta v innovacionnom razvitiu regiona [The role of a modern university in the innovative development of the region]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Jekonomika» [Bulletin of Omsk University. The series «Economics»]*. 2018; 2(62): 154–163. (In Russ.).

9. Ocenka vklada regional'nyh sistem vysshego obrazovaniya v social'no-jekonomicheskoe razvitie regionov Rossii [Assessment of the contribution of regional higher education systems to the socio-economic development of the regions of Russia]. O.V. Leshukov, D.G. Evseeva, A.D. Gromov, D.P. Platonova. Moscow: NIU VShJe, 2017. 30 p. (In Russ.).

10. Rossijskie universitety v usloviyah cifrovizacii: matematicheskie i instrumental'nye metody ocenki kachestva upravlenija: monografija [Russian universities in the conditions of digitalization: mathematical and instrumental methods for assessing the quality of management: monograph]. Pod. obshh. red. V.G. Halina [In V.G. Khalin (eds.)]. Moscow: Prospekt, 2019. 896 p. (In Russ.).

11. Transprofessionalizm sub'ektov social'no-professional'noj dejatel'nosti [Transprofessionalism of subjects of socio-professional activity]. V.S. Tret'jakova i dr. Pod red. Je. F. Zeera, V.S. Tret'jakovoj [In E.F. Zeer, V.S. Tretyakova

(eds.)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2019. 142 p. (In Russ.).

12. Dinh N.B. K., Caliskan A., Zhu C. Academic leadership: Perceptions of academic leaders and staff in diverse contexts // Educational Management Administration and Leadership. 2021. Vol. 49(6). P. 996–1016.

13. Hungund S., Annigeri A.R., Pandey I., Hiremath G. Academic leadership and research performance: a study among engineering academicians in emerging nations // International Journal of Educational Management. 2022. Vol. 36 1). P. 81–94.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 26.02.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing on 22.02.2023; accepted for publication on 26.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303

Vladimir N. Gurba — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., of. 303, Rostov-on-Don, Russia

Черных Сергей Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Sergey S. Chernykh — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Воденко К. В. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Гурба В. Н. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Черных С. С. — подготовка материалов к публикации; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vodenko K. V. — scientific guidance; research concept; revision of the text.

Gurba V. N. — writing the source text; final conclusions.

Chernykh S. S. — preparation of materials for publication; final conclusions.

Научная статья

УДК: 332:001.895

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-18-25

РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ (ПО ИТОГАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

Владимир Николаевич Гурба¹, Владимир Владимирович Узунов²✉

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Крымский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Симферополь, Россия

¹social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825

²vladimir.uzunov@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-7070-7867,
AuthorID РИНЦ: 863513, SPIN-код: 1148-4235

Аннотация. *Цель исследования:* выявить перспективы перехода к инновационному развитию Юга России в контексте анализа сценариев развития южнороссийских регионов (на материалах Крыма и Ростовской области).

Эмпирическая база исследования: данные экспертного опроса, проведенного по стандартизированной анкете на территории Республики Крым (апрель 2019 г., N = 43) и Ростовской области (март 2022 г., N = 57). В экспертном опросе приняли участие представители органов региональной и местной власти, научных и образовательных учреждений, общественных организаций и НКО, бизнес-сообществ, предпринимательства, религиозных организаций и СМИ.

Результаты исследования. В пространстве выбора альтернатив инновационного развития регионального пространства Юга России вырисовывается два основных сценария — инерционный и эволюционный при доминантных позициях первого. Сохранение инерционных тенденций в различных сферах регионального развития препятствует реализации желаемого и декларируемого на управленческом уровне инновационного прорыва России и ее регионов.

Перспективы исследования связаны с переходом к эффективному формату инновационного развития, который предполагает переход к эволюционному сценарию развития. Однако для этого требуется сформировать субъектность как качество регионального социума, готового не только к запросу на перемены, но и к их реализации в практиках инновационной деятельности.

Ключевые слова: регион, Юг России, инновационное развитие, сценарии развития, архизация, инерционная модель, эволюционная модель, Крым, Ростовская область

Для цитирования: Гурба В.Н., Узунов В.В. Реалии и перспективы инновационного развития регионов Юга России (по итогам экспертного опроса) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 18–25. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-18-25>.

Original article

REALITIES AND PROSPECTS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF THE REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA
(BASED ON THE RESULTS OF AN EXPERT SURVEY)

Vladimir N. Gurba¹, Vladimir V. Uzunov²✉

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

¹*social_rostov@mail.ru, AuthorID Scopus: 57217098825*

²*vladimir.uzunov@mail.ru*✉, *ORCID: 0000-0002-7070-7867,*
AuthorID RSCI: 863513, SPIN-code: 1148-4235

Abstract. *The purpose of the study:* to identify the prospects for the transition to innovative development of the South of Russia in the context of the analysis of scenarios for the development of southern Russian regions (based on the materials of the Crimea and the Rostov region).

Empirical base of the study: data from an expert survey conducted on a standardized questionnaire on the territory of the Republic of Crimea (April 2019, N = 43) and the Rostov region (March 2022, N = 57). The expert survey was attended by representatives of regional and local authorities, scientific and educational institutions, public organizations and NGOs, business community, entrepreneurship, religious organizations and the media.

Results of the study. In the space of choosing alternatives for innovative development of the regional space of the South of Russia, two main scenarios emerge — inertial and evolutionary with the dominant positions of the first. The persistence of inertial trends in various spheres of regional development hinders the realization of the desired and declared at the managerial level of the innovative breakthrough of Russia and its regions.

Prospects of the study are connected with the transition to an effective format of innovative development, which involves a transition to an evolutionary development scenario. However, this requires the formation of subjectivity as a quality of the regional society, ready not only for the request for change, but also for their implementation in the practices of innovation.

Keywords: region, South of Russia, innovative development, development scenarios, archaization, inertial model, evolutionary model, Crimea, Rostov region

For citation: Gurba V.N., Uzunov V.V. Realities and prospects of innovative development of the regions of the South of Russia (based on the results of an expert survey) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 18–25. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-18-25>.

Введение. В России на протяжении нескольких десятилетий не решаются эффективно острые социальные проблемы [3]. Кризисные явления и турбулентное состояние институциональной системы общества продолжают оставаться российской действительностью, в которой есть место и архаическим тенденциям, и неотрадиционалистским [5]. В этой ситуации довольно сложно спрогнозировать сценарии

развития российского общества и его отдельных регионов с точки зрения задач, связанных с инновационной динамикой российского государства. С учетом имеющейся литературы, в которой описываются возможные сценарии развития российского общества, можно выделить три основных модели инновационного развития регионов России: инерционную, эволюционную и революционную.

Инерционная модель предполагает сохранение существующей модели развития с опорой на имеющиеся ресурсы, технологии и проекты в сфере регионального развития. Эволюционная модель предполагает поступательное внедрение инноваций на основе учета социокультурных особенностей и оснований регионального социума, а революционная — резкий переход к инновациям с отказом от устоявшихся (традиционных) моделей развития, технологий, проектов и необходимости учета социокультурных особенностей и оснований региона [8].

Большинство источников по данной проблематике свидетельствует о том, что именно инерционная модель является определяющей социокультурную динамику современного российского общества [1; 6].

Относительно второй модели — эволюционной — можно сказать, что она предполагает с учетом фиксируемых тенденций и установок, неактивно, но включенных в государственнические (патерналистские), демократического порядка (равенство всех перед законом, укрепление демократических прав и свобод граждан), поступательный переход к новому качеству общественного развития на основе «грамотной» имплементации демократических норм и ценностей в социокультурную ткань российского пространства и отдельных регионов, в том числе с учетом их социокультурной специфики.

Что касается революционной модели, то с ней неясности нет, так как она не раз была апробирована в российской истории, когда самым резким (революционным) способом один социальный порядок сменялся другим с последующим периодом социокультурной травмы и историческими «ранами» в траектории институциональной и социокультурной динамики.

В рамках данной статьи мы обратимся к данным нашего экспертного опроса, принимая в расчет, что предварительно многочисленные эмпирические данные по Югу России и стране в целом уже позволили выявить инерционную модель и, соответственно, инерционный сценарий инновационного развития как доминантный.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическая база исследования представ-

лена результатами экспертного опроса, проведенного в формате анкетирования в двух регионах Юга России — Ростовской области и Крыму. В Республике Крым в апреле 2019 года было опрошено 43 эксперта — представителей органов региональной и местной власти, научных и образовательных учреждений, общественных организаций и НКО, бизнес-сообществ, предпринимательства, религиозных организаций и СМИ. В начале 2022 года в Ростовской области было опрошено по идентичной методике 57 экспертов, представляющих те же сферы общественной и профессиональной деятельности.

Результаты исследования. В ходе эмпирического исследования мы, прежде всего, задались вопросом о том, какая модель инновационного развития видится экспертам наиболее оптимальной (эффективной) для своего региона, и получили следующие ответы. Для крымских экспертов, по всей видимости, инерционный прогноз является наиболее оптимальным, поскольку значительное большинство (51,2%) экспертов определило в качестве такой модели инерционную против 34,9%, высказавшихся в поддержку эволюционной (см. табл. 1), и это немало, а, значит, есть перспективы перехода на эту модель со временем при определенных благоприятных обстоятельствах, которые связаны с формированием субъектного (человеческого) потенциала инноваций для реализации такого сценария развития — эволюционного. С этим сценарием развития связывают обычно молодое поколение, уже во многом ориентированное на ценности гражданственности, демократических свобод [9]. Выбор инерционной модели развития, возможно, характеризует наличие в регионе остаточных явлений инерционного развития, которое лежало в основе украинской политики относительно данного региона. Ростовские эксперты в этом вопросе более компетентны, и выбор ими эволюционной модели развития в условиях постсоветских реалий представляется наиболее подходящим — 77,2% экспертов предпочли в качестве оптимальной эволюционную модель инновационного развития своего региона, что, конечно, можно рассматривать в проекции желаемой, нужной для региона для выхода на иные рубежи развития.

Таблица 1
Table 1

**Оптимальная (эффективная) модель инновационного развития региона
в глазах экспертов, %**
Optimal (effective) model of innovative development of the region in the eyes of experts, %

Варианты ответа	Эксперты, Республика Крым, %	Эксперты, Ростовская область, %
Инерционная модель, предполагающая сохранение существующей модели развития с опорой на имеющиеся ресурсы, технологии и проекты в сфере регионального развития	51,2	17,5
Эволюционная модель, предполагающая поступательное внедрение инноваций на основе учета социокультурных особенностей и оснований регионального социума	34,9	77,2
Революционная модель, предполагающая резкий переход к инновациям с отказом от устоявшихся (традиционных) моделей развития, технологий, проектов и необходимости учета социокультурных особенностей и оснований регионального социума	11,6	5,3
Не ответили	2,3	0

Обращает на себя внимание тот факт, что среди профессиональных групп, принявших участие в экспертном опросе в Крыму, больше всех инерционную модель инновационного развития поддерживали представители научных и образовательных учреждений, что, вероятно, можно объяснить пониманием последствий революционной модели с точки зрения разрушения социокультурного базиса общества, в то время как эволюционная модель после 25 лет реформирования по западным образцам также, видимо, уже не прогнозирует видимого положительного результата, т.е., судя по всему, общество, и экспертное сообщество в том числе, поставлено в тупик: путь вперед уже не кажется таким четким, революционный вариант тоже не видится оптимальным, и остается только тот путь, который представляется более ясным, понятным.

Само крымское общество демонстрирует приверженность инерционному пути развития, осознавая важность и остроту социальных и экономических проблем региона [7], но стоит отметить и те профессиональные сообщества и группы, которые понимают бесперспективность инерционной модели инновационного развития, — это бизнес-сообщества, предприниматели, которые в нашем исследовании

в подавляющем большинстве (80%) указали на эволюционную модель инновационного развития как наиболее оптимальную.

В Ростовской области все группы экспертов, независимо от профессиональной принадлежности, высказались за эволюционную модель инновационного развития, особенно солидаризированно среди них выглядят представители науки и образования (90%), общественных организаций и НКО (80%), бизнес-сообществ (80%).

Отличаются ли позиции, указанные выше, от реальных оценок в отношении стратегии инновационного развития своего региона? Анализ ответов экспертов показывает, что да, отличаются, и отличаются значительно. Ситуация в отношении реального развития региона для экспертов видится совершенно иной, можно сказать, зеркальной: 62,8% экспертов из Крыма считают эволюционную модель характерной для инновационного развития региона на данный момент и только 25,6% — инерционную, а 11,6% — революционную. В Ростовской области, наоборот, позиции сместились в сторону инерционной модели: за нее 49,1% экспертов, в то время как за эволюционную, которая была признана оптимальной для региона, 43,9%. Да, рас-

хождения незначительные, но, тем не менее, они есть. Желаемая для региона стратегия развития в пространстве региона, с точки зрения экспертов, пока не видится реализуемой.

На уровне распределений по профессиональным группам ответы экспертов привлекают внимание тем, что самыми убежденными в реализации эволюционной модели инновационного развития крымского региона являются представители общественных организаций и НКО (85,7%) и религиозных организаций (80%), а наименее убежденные (20%) — представители предпринимательства и бизнес-сообществ, которые в большинстве своем убеждены в том, что в регионе реализуется революционная модель (80%) (вероятно, это связано с их родом деятельности), в изменившихся условиях (после присоединения к России) также значительно изменившаяся. Позиции же представителей властных органов разделились поровну: 50% полагают, что имеет место эволюционная модель инновационного развития в регионе, и столько же — что инерционная. Представители научных и образовательных учреждений в большинстве высказались за эволюционную модель (55,56%), но и инерционная модель набрала достаточно голосов (33,3%),

в то время как 11,1% выбрали вариант ответа с революционной моделью.

В Ростовской области мнения экспертов (профессиональный срез) относительно реальной модели инновационного развития значительно разнятся с оптимальной моделью развития: в целом мнения экспертов по профессиональной принадлежности поделились между двумя позициями — инерционной и эволюционной. Только представители бизнес-сообществ и религиозных организаций в своем большинстве (60% и 66,6% соответственно) высказались за эволюционный сценарий развития региона на современном этапе. Представители образовательных и научных организаций отдали предпочтение эволюционному сценарию, но с небольшим перевесом (50% на 40%), а органы региональной и местной власти, общественные организации и СМИ высказались за инерционный сценарий развития региона на данном этапе.

Ожидаемо, исходя из видения оптимальной модели развития региона, что и модель инновационного развития региона, которая в большей степени способствует консолидации регионального социума, с точки зрения экспертов, эволюционная (для 53,5% крымских экспертов и 70,2% ростовских) (см. табл. 2).

Таблица 2
 Table 2

Модель инновационного развития, в большей степени способствующая консолидации населения региона, %
A model of innovative development that contributes more to the consolidation of the region's population, %

Варианты ответа	Эксперты, Республика Крым, %	Эксперты, Ростовская область, %
Инерционная модель, предполагающая сохранение существующей модели развития с опорой на имеющиеся ресурсы, технологии и проекты в сфере регионального развития	30,2	19,3
Эволюционная модель, предполагающая поступательное внедрение инноваций на основе учета социокультурных особенностей и оснований регионального социума	53,5	70,2
Революционная модель, предполагающая резкий переход к инновациям с отказом от устоявшихся (традиционных) моделей развития, технологий, проектов и необходимости учета социокультурных особенностей и оснований регионального социума	14	10,5
Не ответили	2,7	0

Выводы. Итак, определяя оптимальную модель инновационного развития России, эксперты Крыма практически единодушно указали на инерционную, в то время как для своего региона оптимальной, тоже практически единодушно, определили эволюционную при том, что этими же экспертами была определена необходимость идейного, а, следовательно, и модального единства в развитии инновационных и консолидационных процессов.

Можно заключить, что на уровне массового сознания интегративный процесс еще не завершен, и потому на нерелексивном уровне региональные сообщества Крыма еще мыслят категориями, свидетельствующими об идентификационной незавершенности интегративного процесса.

Крым — часть регионального пространства Юга России, и часть особая, еще только интернирующаяся в региональное пространство и, как показало исследование, ощущающая свою особость, в том числе в сфере инновационных и консолидационных процессов.

В Ростовской области экспертный опрос показал, что эволюционная модель инновационного развития воспринимается как оптимальная, хотя на практике, по мнению экспертов, реализуется инерционная. Относительно других регионов Юга России, думается, ситуация складывается примерно такая же, особенно на Северном Кавказе с его глубокой традиционностью и высокой динамикой архайзации и неотрадиционализации [2]. Этнокультурно мозаичный Южный федеральный округ, включающий этноконфессиональные группы, исповедующие ислам, буддизм и православие, а также казачье движение как выражение неотрадиционализма, также характеризуется своими особенностями и сложностями внутрирегиональной консолидации.

Иными словами, Юг России — чрезвычайно сложный по самым различным основаниям, прежде всего, социокультурным, макрорегион, инновационное развитие которого предполагает в качестве обязательного условия наличие консолидированных сил, групп, ресурсов, но на данный момент он не представляет собой консолидированного регио-

нального пространства с разделяемой большинством южнороссийской идентичностью [9]. Показатели его инновационного развития не позволяют отнести данный регион к инновационным¹, а наблюдаемые в нем тенденции архайзации и инерционности говорят о неутешительных прогнозах развития с точки зрения перехода к инновационной стратегии.

Список источников

1. Верещагина А.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архайзация, традиционализация, модернизация? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №2. С. 31–35.
2. Гаджиев М.М. Основные факторы архайзации политической культуры и межнациональные отношения в республиках Северного Кавказа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. №2(47). С. 96–101.
3. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016. 367 с.
4. Клименко Л., Жаде З., Петрулевич И. Идентичность населения полиэтнического Юга России в контексте социетальной интеграции макрорегиона // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. №3. С. 145–156.
5. Скворцов Н.Г. Архайка и инноватика в российском обществе: диалектика взаимодействия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №5. С. 7–14.
6. Скворцов Н.Г. Парадоксы транзитивного периода: архайческие черты современного российского общества // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. №4. С. 65–74.
7. Узунов В.В. Инновационная консолидация как индикатор инновационного развития регионального пространства (по итогам экспертного опроса в Республике Крым) // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. №5. С. 208–217.
8. Узунов В.В. Роль и место идентичности в инновационной консолидации регионально-го пространства Крыма // Идентификацион-

¹ Рейтинги регионального развития [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Новые решения для регионов. URL: <https://region.hse.ru/rankingid19>.

ные маркеры российского федерализма и регионализма: материалы всероссийской научно-практической конференции: к 100-летию государственности Республики Адыгея (Майкоп, 20–21 мая 2022 г.). Майкоп: Электронные издательские технологии, 2022. С. 237–245.

9. Шевченко О.М., Вагина В.О. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // Гуманитарий Юга России. 2017. №3. С. 304–307.

References

1. Vereshhagina A. V., Krotov D. V., Samygin S. I. Transformacija semejno-brachnyh cennostej molodezhi na Juge Rossii: arhaizacija, tradicionalizacija, modernizacija? [Transformation of family and marriage values of youth in the South of Russia: archaization, traditionalization, modernization?]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, Socio-economic and Social sciences]. 2020; (2): 31–35. (In Russ.).

2. Gadzhiev M. M. Osnovnye faktory arhaizacii politicheskoj kul'tury i mezhnacional'nye otnoshenija v respublikah Severnogo Kavkaza [The main factors of the archaization of political culture and interethnic relations in the republics of the North Caucasus]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture]. 2016; 2(47): 96–101. (In Russ.).

3. Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustja (konec 1980-h — seredina 2010-h gg.): Nauchnoe izdanie [The Life world of Russians: 25 years later (late 1980s — mid 2010s): Scientific publication]. Pod red. Zh. T. Toshhenko [In Zh. T. Toshchenko (eds.)]. Moscow: CSP i M, 2016. 367 p. (In Russ.).

4. Klimenko L., Zhade Z., Petrulevich I. Identichnost' naselenija polijetnichnogo Juga Rossii v kontekste societal'noj integracii makroregiona [Identity of the population of the polyethnic South of Russia in the context of societal integration of the macroregion]. *Central'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2021; 24(3): 145–156. (In Russ.).

5. Skvorcov N. G. Arhaika i innovatika v rossijskom obshhestve: dialektika vzaimodejstvija [Archaic and innovative in Russian society: dialectics of interaction]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15(5): 7–14. (In Russ.).

6. Skvorcov N. G. Paradoksy tranzitivnogo perioda: arhaicheskie cherty sovremennogo rossijskogo obshhestva [Paradoxes of the transitive period: archaic features of modern Russian society]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2022; 11(4): 65–74. (In Russ.).

7. Uzunov V. V. Innovacionnaja konsolidacija kak indikator innovacionnogo razvitiya regional'nogo prostranstva (po itogam jekspertnogo oprosa v Respublike Krym) [Innovative consolidation as an indicator of innovative development of the regional space (based on the results of an expert survey in the Republic of Crimea)]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2022; 11(5): 208–217. (In Russ.).

8. Uzunov V. V. Rol' i mesto identichnosti v innovacionnoj konsolidacii regional'nogo prostranstva Kryma [The role and place of identity in the innovative consolidation of the regional space of Crimea]. Identifikacionnye markery rossijskogo federalizma i regionalizma: materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: k 100-letiju gosudarstvennosti Respubliki Adygeja (Majkop, 20–21 maja 2022 g.) [Identification markers of Russian federalism and regionalism: Materials of the All-Russian scientific and practical conference: to the 100th anniversary of statehood of the Republic of Adygea (Maykop, May 20–21, 2022)]. Majkop: Jelektronnye izdatel'skie tehnologii, 2022. P. 237–245. (In Russ.).

9. Shevchenko O. M., Vagina V. O. Grazhdanskij patriotizm kak ideja konsolidacii molodezhi na Juge Rossii: specifika i trudnosti formirovanija [Civic patriotism as an idea of consolidation of youth in the South of Russia: specifics and difficulties of formation]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2017; (3): 304–307. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 26.02.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing on 22.02.2023; accepted for publication on 26.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

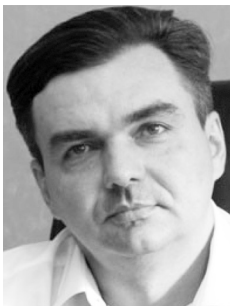

Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303

Vladimir N. Gurba — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., of. 303, Rostov-on-Don, Russia

Узунов Владимир Владимирович — доктор политических наук, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Симферополь, ул. им. газеты Крымская правда, 4

Vladimir V. Uzunov — Doctor of Political Sciences, Director, Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences

4 im. gazeta Krymskaya Pravda str., Simferopol, Russia

Вклад авторов:

Гурба В. Н. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Узунов В. В. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Gurba V. N. — scientific guidance; research concept; revision of the text.

Uzunov V. V. — writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316.334.55/.56

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-26-39

ВОСЕМЬ ВАРИАНТОВ ДЕТЕРМИНАЦИИ РОСТОМ ВВП ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Павел Николаевич Лукичев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

lukichev@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7018-8238,

AuthorID РИНЦ: 371031, SPIN-код: 5266-4541

Аннотация. *Целью исследования* является построение моделей стохастической связи роста валового внутреннего продукта и изменения численности населения.

Методологическим основанием для понимания такой связи выступает математическая модель зависимости коэффициента прироста населения от наличествующего объема экологической ниши популяции и энергетической насыщенности культурных форм удовлетворения витальных потребностей социальных индивидов. Предлагаемая методология позволяет осуществлять прогнозирование естественного движения населения, что основывается на трех постулатах: тенденции к экспоненциальному росту народонаселения, зависимости темпов роста народонаселения от объема свободного остатка экологической ниши популяции, динамической взаимосвязи между рождаемостью и смертностью.

Результаты исследования. На этой основе сделаны логические выводы о демографическом исчислении прироста совокупности потребленных стоимостей, соотносимого в процентном выражении с ростом валового внутреннего продукта. В результате разработанная модель получает как прогностическое, так и верификационное значение.

Перспективы исследования. Дальнейшей перспективой исследований является формирование идей новой политической экономики, учитывающих единство экономических и демографических процессов.

Ключевые слова: естественное движение населения, объем экологической ниши общества, прирост валового внутреннего продукта, изменение совокупности потребленных стоимостей

Для цитирования: Лукичев П.Н. Восемь вариантов детерминации ростом ВВП естественного движения населения (на примере статистических данных Российской Федерации) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 26–39. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-26-39>.

Original article

EIGHT OPTIONS FOR DETERMINING BY THE GROWTH GDP THE NATURAL MOVEMENT THE POPULATION (ON THE EXAMPLE OF STATISTICAL DATA OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Pavel N. Lukichev

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
lukichev@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7018-8238,
AuthorID RSCI: 371031, SPIN-code: 5266-4541*

Abstract. *The aim of the study is to build models of stochastic relationship between gross domestic product growth and population change.*

The methodological basis for understanding this relationship is a mathematical model of the dependence of the population growth rate on the existing volume of the ecological niche of the population and the energy saturation of cultural forms of satisfaction of the vital needs of social individuals. The proposed methodology makes it possible to predict the natural movement of the population. In basis are three postulates: the trend towards exponential population growth; the dependence of population growth rates on the volume of the free remainder of the ecological niche of the population; the dynamic relationship between fertility and mortality.

The results of the study. On this basis, logical conclusions are drawn about the demographic calculation of the increase in the total consumed values, correlated in percentage terms with the growth of gross domestic product. As a result, the developed model receives both a predictive and a verification value.

Research prospects. *The further perspective of the research is the formation of ideas of a new political economy, considering the unity of economic and demographic processes.*

Keywords: *the natural movement of population, the scope of the ecological niche of society, the growth of gross domestic product, change in the total consumed values*

For citation: *Lukichev P. N. Eight options for determining by the growth GDP the natural movement the population (on the example of statistical data of the Russian Federation) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 26–39. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-26-39>.*

Введение. Для начала следует ввести несколько положений, которые были доказаны раньше.

Во-первых, необходимо указать на то, что популяционная динамика отражается экспоненциальной функцией роста, которая как тенденция сохраняется всегда, даже если наблюдается уменьшение численности популяции.

Это связано с тем, что численность населения на каждый следующий год (S_1) равна численности населения предыдущего года (S_0), увеличенной на количество рожденных за истекший год (n) и уменьшенной на количество умерших (m):

$$\begin{aligned} S_1 &= S_0 + n - m = S_0 \left(1 + \frac{n}{S_0} - \frac{m}{S_0} \right) = \\ &= S_0 (1 + k_n - k_m) = S_0 (1 + k), \end{aligned}$$

где k_n — коэффициент рождаемости; k_m — коэффициент смертности; k — коэффициент прироста населения.

В свое время Эйлером было доказано наличие предела

$$\lim_{z \rightarrow \infty} \left(1 + \frac{1}{z} \right)^z = e,$$

из чего следует

$$(1+k)^{1/k} = \sqrt[k]{1+k} = e,$$

$$1+k = e^k.$$

Таким образом,

$$S_1 = S_0 e^k.$$

Второе положение связано с зависимостью коэффициента прироста популяции от свободного остатка ее экологической ниши ($\delta = 1 - x$), что требует использование модификации формулы Ферхюльста, в которой эта зависимость устанавливается через коэффициент пропорциональности (R):

$$k_1 = R\delta = R(1 - x_0 e^k) = R \left(1 - \frac{S_0 e^{k_0}}{S_{\max_1} e^{q_1}} \right),$$

где k_0 — коэффициент прироста населения в текущем году;

k_1 — коэффициент прироста населения в следующем году;

$S_{\max_1}$ — максимально возможная численность населения на конец текущего года,

e^{q_1} — скорость увеличения (достигаемого интеллектуальными усилиями и трудом индивидов, составляющих общество) объема экологической ниши, которая также имеет тенденцию к экспоненциальному изменению с коэффициентом q ;

$\frac{S_0}{S_{\max_1}} = P_0$ — демографическое давление на начало текущего года t_0 ;

R — коэффициент пропорциональности, иначе называемый параметром роста, и $R = \ln C_2$ (натуральному логарифму второй константы социальной стабильности), и $C_2 \approx 1,56 \dots$ [5].

Третьим моментом является связь между рождаемостью и смертностью, которая формально выражается в виде величины, обратной среднему логарифмическому коэффициентов рождаемости и смертности:

$$(\vartheta - \tau) = \frac{1}{k} \ln \frac{k_n}{k_m}.$$

Данная величина является крайне чувствительной к изменению культурных форм органического метаболизма индивидов, составляющих общество, в определении Б. Малиновского [8], также подвержена экспоненциальному росту [5] и имеет важное следствие при подстановке в модифицированную формулу Ферхюльста:

$$\frac{1}{(\vartheta - \tau)_0 e^{\gamma_0}} \ln \frac{k_n}{k_m} = \ln C_2 \times \left(1 - \frac{S_0 e^{k_0}}{S_{\max_1} e^{q_1}} \right);$$

$$\ln \frac{k_n}{k_m} = (\vartheta - \tau)_0 \times \ln C_2 \times \left(e^{\gamma_0} - \frac{S_0 e^{k_0}}{S_{\max_1} e^{q_1 - \gamma_0}} \right).$$

В правой части уравнения в знаменателе третьего сомножителя разность коэффициентов q_1 и γ_0 дает еще один коэффициент — g_0 , что означает равенство $q_1 = g_0 + \gamma_0$. Однако, если коэффициент γ непосредственно связан с изменением культурных форм органического метаболизма индивидов, то есть представляет собой иноовещественный избыточный продукт, воплощенный в энергетически насыщенные, материально выраженные и информационно значимые культурные формы [6], то коэффициент g непосредственно определен приращением объема произведенного необходимого продукта (т.е. собственно необходимого продукта, продукта оборота и продукта запаса).

Методология исследования. Можно сказать, что экологическая ниша общества представима в виде сот, так что изменение ее объема и емкости (q) обусловлены, с одной стороны, изменением числа ее ячеек (g), с другой — их энергетическим насыщением, по сути, энергетическим насыщением культурных форм органического метаболизма социальных индивидов. В результате сумма этих коэффициентов — g и γ , взятых в их абсолютном значении, — представляет собой совершенную обществом работу по изменению объема и энергетической емкости его экологической ниши [1]. Но эта совершенная работа, т.е. затраченная энергия, должна быть восполнена в том же объеме, который, иначе говоря, представляет собой изменение (приращение/уменьшение) совокупности потребленных стоимостей ($\Delta\text{СПС}$):

$$\Delta\text{СПС} = \pm (|g| + |\gamma|).$$

При этом приращение валового внутреннего продукта ($\Delta\text{ВВП}$), поскольку оно представлено в долях от единицы, за которую принят ВВП предыдущего года, сопоставимо с изменением совокупности потребленных стоимостей ($\Delta\text{СПС}$), так как она также исчислима в долях от единицы. В закрытой

социальной системе $\Delta \text{ВВП} = \Delta \text{СПС}$, но в открытой социальной системе это экономическое равенство не соблюдается [4].

Это определено тем, что понятие валового внутреннего продукта охватывает весь доступный учету объем произведенных в течение года товаров и услуг, предназначенных для потребления, экспорта и накопления вне зависимости от источника происхождения использованных факторов производства, в том числе и иностранных средств [7]. Соответственно в ВВП не учитывается импорт товаров, которые, тем не менее, идут на удовлетворение нужд населения и оплачены в конечном счете его финансовыми средствами. В структуре ВВП не может быть учтено производство товаров и услуг, осуществленное за пределом внимания официальных органов, т.е. в системе теневой экономики. Отнюдь немалая доля продукции производится в сфере натурального хозяйственного уклада и никак не учитывается в составе ВВП, поскольку минуя органы официальной статистики и фискальной системы. То же самое относится к продуктам труда, полученным в личном подсобном хозяйстве и реализуемым на стихийных рынках. Валовой внутренний продукт исчисляется в денежной форме, и, не говоря уже о спорах между экономистами, использующими разные методики и получающими различный результат, в течение года параметры инфляции, например, могут резко меняться, что при одномоментном обвале цен искажает величину инфляционного процента и дает искаженную оценку ВВП. Наконец, при исчислении ВВП может осуществляться сознательное искажение в угоду политическому режиму, что делает его статистическое представление в некотором смысле условным.

Кроме того, из реального внутреннего потребления исчезает часть, учтенная в ВВП, но выступающая фактором или факторами производства товаров и услуг за пределами страны, и ни в текущем, ни в следующем году не вернувшаяся, а может быть, и не возвращающаяся в страну никогда. Произведенный ВВП, в том числе и его приращенная часть, не полностью идет на удовлетворение нужд населения непосредственно здесь и сейчас. Часть его уходит на покрытие международ-

ных обязательств, а значит, выпадает из внутреннего обращения. Возникают всякого рода резервные фонды, активы которых находятся за границей и участвуют в виде капитала в функционировании экономики других стран. Они учтены в ВВП, но, по сути, никоим образом не участвуют в дальнейшем производстве и потреблении внутри страны. Имеет место вывоз капитала, который опять же ни в каком виде не возвращается в страну и участвует в иностранных экономических процессах в виде банковских счетов, иностранной собственности, инвестиций и т.д. Недостатки характеристики ВВП в равной мере относятся и к его приращенной части [9].

Напротив, величина СПС содержит в себе все то, что внутри страны обеспечивает существование ячеек экологической ниши, включая импорт, заемные средства, внутренние резервные фонды и т.д., и не включает все, уходящее временно или безвозвратно за ее пределы [2].

Однако разность $(\Delta \text{СПС} - \Delta \text{ВВП})$ дает показательные значения. Если $(\Delta \text{СПС} - \Delta \text{ВВП}) < 0$, то это — средства, выведенные из обращения внутри страны. В частности, при $g < 0$ — это средства населения, резервированные им «на будущее» и потерянные им по причине «экономических» преобразований и финансовых реформ, например. При $\gamma < 0$ — это средства, выведенные из внутреннего обращения за счет снижения качества жизни населения.

Если $(\Delta \text{СПС} - \Delta \text{ВВП}) > 0$, то это — средства, неучтенные в ВВП и введенные во внутренний оборот за счет внешних источников. Но в случае $g < 0$ очевидна тенденция к уменьшению числа ячеек экологической ниши, а в случае $\gamma < 0$ осуществляется усиление самоэксплуатации населения и утрата им достигнутого прежде уровня энергетического насыщения культурных форм органического метаболизма.

Результаты и дискуссия. Приведенные рассуждения позволяют строить модели прогностического расчета рождаемости и смертности на каждый следующий год. Для осуществления такого прогноза необходимо введение трех допущений.

Первое. Следует допустить, что коэффициент расширения объема экологической

ниши равен нулю ($q = 0$). Тогда коэффициент прироста населения на следующий год будет иметь инерционный характер:

$$k_{in} = \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0).$$

Второе. Следует допустить, что коэффициент прироста популяции на следующий год равен нулю ($k_1 = 0$). В результате получаем критическое значение $\Delta СПС$ ($\Delta СПС_{critic.}$), сравнение которого с $\Delta ВВП$ позволяет предполагать большее или меньшее расчетного значения коэффициентов рождаемости и смертности:

$$\Delta СПС_{critic.} = k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} - 2\gamma_0,$$

или наоборот

$$\Delta СПС_{critic.} = 2\gamma_0 - k_0 - \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2}.$$

Третье. Следует допустить, что расчет предполагаемого в наступающем году прироста ВВП ($\Delta ВВП$) сделан корректно, $\Delta СПС = \Delta ВВП$, а его распределение между коэффициентами g и γ осуществлено поровну, т.е. $g = \gamma$.

В результате возникает восемь вариантов прогноза (табл. 1).

I. $P < 1$; $\Delta ВВП > \Delta СПС_{critic.}$; $\gamma < 0$.

В этом случае коэффициент смертности не может быть меньше расчетного ($k_m \geq k_{m_{calc.}}$), и коэффициент рождаемости не может быть меньше расчетной величины ($k_n \geq k_{n_{calc.}}$).

За период от 1990 до 2020 годы только 2014 год соответствует этой позиции. В этом году прогноз роста валового внутреннего продукта был дан специалистами как равный $\Delta ВВП = 0,007$; коэффициент прироста населения в предыдущем году составил $k_{2013} = 0,0002$; натуральный логарифм отношения рождаемости и смертности к коэффициенту прироста населения имел значение $(\vartheta - \tau)_{2013} = 76,34$. Тем самым получаем:

$$\begin{aligned} k_{in} &= \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0) = \ln 1,56 - \\ &- e^{0,0002} (\ln 1,56 - 0,0002), \\ k_{in} &= 0,000111093; \end{aligned}$$

$$\gamma_{calc.} = \frac{GDP}{2} = \frac{|0,007|}{2} = -0,0035;$$

$$(\vartheta - \tau)_{calc.} = (\vartheta - \tau)_{2013} \times e^{\gamma_{calc.}} =$$

$$= 76,34 \times e^{0,0035} = 76,07;$$

$$\Delta СПС_{critic.} = k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} - 2\gamma_0 =$$

$$= 0,0002 + \ln \frac{\ln 1,56 - 0,0002}{\ln 1,56} -$$

$$- 2 \times (-0,0035) = 0,006750143.$$

В результате расчетное значение коэффициента рождаемости равно:

$$\begin{aligned} k_{n_{calc.}} &= \frac{k_{in} (e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} k_{in}})}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} k_{in-1}}} = \\ &= \frac{0,000111093 \times e^{76,07 \times 0,000111093}}{e^{76,07 \times 0,000111093} - 1} = 0,0132, \end{aligned}$$

реальное значение коэффициента рождаемости было $k_n = 0,0133$ или 13,3 %.

Расчетное значение коэффициента смертности равно:

$$\begin{aligned} k_{m_{calc.}} &= \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} k_{in-1}}} = \\ &= \frac{0,000111093}{e^{76,07 \times 0,000111093} - 1} = 0,01309, \end{aligned}$$

Реальное значение коэффициента смертности было $k_m = 0,0131$ или 13,1 %.

II. $P < 1$; $\Delta GDP > \Delta TCV_{critic.}$; $\gamma > 0$.

В этом случае коэффициент смертности не может быть больше расчетного ($k_m \leq k_{m_{calc.}}$), и коэффициент рождаемости не может быть больше расчетного ($k_n \leq k_{n_{calc.}}$).

За рассматриваемый период это отношение наблюдается в 1990, 1991, 2012, 2016, 2017 годах (табл. 2).

В качестве примера возьмем 2016 год. В этом году прогноз роста ВВП был дан как равный $\Delta ВВП = -0,002$; коэффициент прироста населения в предыдущем году был равен $k_{2015} = 0,0003$; обратная величина среднего логарифмического рождаемости и смертности имела значение $(\vartheta - \tau)_{2015} = 76,05$. Делая так же, как в предыдущем примере, получаем:

$$\begin{aligned} k_{in} &= \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0) = \ln 1,56 - \\ &- e^{0,0003} (\ln 1,56 - 0,0003), \end{aligned}$$

$$k_{in} = 0,000166664;$$

$$\gamma_{calc.} = \frac{GDP}{2} = \frac{|-0,002|}{2} = 0,001;$$

$$\begin{aligned}
 (\vartheta - \tau)_{calc.} &= (\vartheta - \tau)_{2015} \times e^{\gamma_{calc.}} = \\
 &= 76,05 \times e^{0,001} = 76,13; \\
 \Delta СПС_{critic.} &= k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} - 2\gamma_0 = \\
 &= 0,0003 + \ln \frac{\ln 1,56 - 0,0003}{\ln 1,56} - \\
 &\quad - 2 \times 0,001 = -0,002374861.
 \end{aligned}$$

Расчетная величина коэффициента рождаемости в результате

$$k_{n_{calc.}} = \frac{k_{in} \left(e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in}} \right)}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} =$$

$$= \frac{0,000166664 \times e^{76,13 \times 0,000166664}}{e^{76,13 \times 0,000166664} - 1} = 0,0132,$$

реальное значение коэффициента рождаемости в 2016 году было равно $k_n = 0,01289$ или 12,89‰.

Расчетное значение коэффициента смертности получается равным

$$k_{m_{calc.}} = \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} =$$

$$= \frac{0,000166664}{e^{76,13 \times 0,000166664} - 1} = 0,01305.$$

Таблица 1
Table 1

**Восемь вариантов прогноза влияния роста ВВП (GDP)
на коэффициенты рождаемости и смертности**
Eight options for predicting the impact of GDP growth on fertility and mortality rates

I	$P < 1$	$GDP > TCV$	$\gamma < 0$	$k_n \geq k_{n_{calc.}}$	$k_m \geq k_{m_{calc.}}$
II	$P < 1$	$GDP > TCV$	$\gamma > 0$	$k_n \leq k_{n_{calc.}}$	$k_m \leq k_{m_{calc.}}$
III	$P < 1$	$GDP < TCV$	$\gamma < 0$	$k_n \geq k_{n_{calc.}}$	$k_m \leq k_{m_{calc.}}$
IV	$P < 1$	$GDP < TCV$	$\gamma > 0$	$k_n \geq k_{n_{calc.}}$	$k_m \geq k_{m_{calc.}}$
V	$P > 1$	$GDP > TCV$	$\gamma < 0$	$k_n \leq k_{n_{calc.}}$	$k_m \leq k_{m_{calc.}}$
VI	$P > 1$	$GDP > TCV$	$\gamma > 0$	$k_n \leq k_{n_{calc.}}$	$k_m \geq k_{m_{calc.}}$
VII	$P > 1$	$GDP < TCV$	$\gamma < 0$	$k_n \leq k_{n_{calc.}}$	$k_m \geq k_{m_{calc.}}$
VIII	$P > 1$	$GDP < TCV$	$\gamma > 0$	$k_n \leq k_{n_{calc.}}$	$k_m \geq k_{m_{calc.}}$

Таблица 2
Table 2

**Примеры второго варианта влияния роста ВВП
на коэффициенты рождаемости и смертности**
**Examples of the second variant of the impact of GDP growth
on fertility and mortality rates**

Год	Расчетные значения		Реальные значения				
	k_n	k_m	k_n	k_m	γ	$\Delta ВВП$	$\Delta СПС_{critic.}$
1990	0,014	0,113	0,013	0,011	0,023	-0,028	-0,0503
1991	0,013	0,12	0,012	0,011	0,095	-0,049	-0,0894
2012	0,014	0,014	0,013	0,013	indefinite	0,034	0,034
2016	0,013	0,013	0,013	0,013	0,020	-0,002	-0,0024
2017	0,013	0,013	0,012	0,012	0,077	0,018	0,018

Реальное значение коэффициента смертности было равно $k_m = 0,0129$ или 12,9%.

III. $P < 1$, $\Delta GDP < \Delta TCV_{critic.}$; $\gamma < 0$.

В этом случае коэффициент смертности не может быть больше расчетного ($k_m \leq k_{m_{calc.}}$), а коэффициент рождаемости не может быть меньше расчетного ($k_n \geq k_{n_{calc.}}$).

За рассматриваемый период этому соответствует только один 2013-й год.

В этом году прогноз роста валового внутреннего продукта был дан как равный $\Delta ВВП = 0,013$. Однако сложность расчета здесь состоит в том, что в предыдущем 2012 году коэффициент прироста численности населения был равен нулю. Таким образом, можно полагать, что инерционный коэффициент прироста населения крайне близок к нулю, и допустить его равенство $k_{in} = 0,00001$. Также, исходя из предыдущего тренда, следует допустить значение обратной величины среднего логарифмического рождаемости и смертности как равного $(\vartheta - \tau)_{2012} = 76,50$. Тогда расчетное значение $(\vartheta - \tau)_{calc.} = 76,00$:

$$\begin{aligned} (\vartheta - \tau)_{calc.} &= (\vartheta - \tau)_{2012} \times e^{\gamma_{calc.}} = \\ &= 76,50 \times e^{-0,0065} = 76,00. \end{aligned}$$

В результате получаем:

$$\begin{aligned} k_{n_{calc.}} &= \frac{k_{in} (e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in}})}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{0,00001 \times e^{76,00 \times 0,00001}}{e^{76,00 \times 0,00001} - 1} = 0,01316, \\ k_{m_{calc.}} &= \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{0,00001}{e^{76,00 \times 0,00001} - 1} = 0,01315. \end{aligned}$$

Реальные значения — $k_n = 0,0132$ и $k_m = 0,0130$.

IV. $P < 1$; $\Delta GDP < \Delta TCV_{critic.}$; $\gamma > 0$.

В этом случае коэффициент смертности не может быть меньше расчетного ($k_m \geq k_{m_{calc.}}$), и коэффициент рождаемости также не может быть меньше расчетного ($k_n \geq k_{n_{calc.}}$).

На протяжении рассматриваемого периода только 2015 год соответствует этим требованиям. В этом году прогноз роста валового внутреннего продукта был дан на уровне

не $\Delta ВВП = -0,028$; коэффициент прироста населения в предыдущем году был равен $k_{2014} = 0,0002$; величина, обратная среднему логарифмическому рождаемости и смертности, имела значение $(\vartheta - \tau)_{2014} = 75,76$.

Тогда получаем:

$$\begin{aligned} k_{in} &= \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0) = \ln 1,56 - \\ &- e^{0,0002} (\ln 1,56 - 0,0002), \end{aligned}$$

$$k_{in} = 0,000111093;$$

$$\gamma_{calc.} = \frac{GDP}{2} = \frac{-0,028}{2} = -0,014;$$

$$\begin{aligned} (\vartheta - \tau)_{calc.} &= (\vartheta - \tau)_{2014} \times e^{\gamma_{calc.}} = \\ &= 75,76 \times e^{0,014} = 76,83; \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \Delta СПС_{critic.} &= 2\gamma_0 - k_0 - \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} = \\ &= 2 \times 0,014 - 0,0002 - \\ &- \ln \frac{\ln 1,56 - 0,0002}{\ln 1,56} = 0,028249856. \end{aligned}$$

Расчетное значение коэффициента рождаемости:

$$\begin{aligned} k_{n_{calc.}} &= \frac{k_{in} (e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in}})}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{0,000111093 \times e^{76,83 \times 0,000111093}}{e^{76,83 \times 0,000111093} - 1} = 0,0131, \end{aligned}$$

реальное значение было равно $k_n = 0,0133$ или 13,3%.

Расчетное значение коэффициента смертности:

$$\begin{aligned} k_{m_{calc.}} &= \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{0,000111093}{e^{76,83 \times 0,000111093} - 1} = 0,01296, \end{aligned}$$

реальное значение было равно $k_m = 0,0130$ или 13,0%.

V. $P > 1$; $\Delta GDP > \Delta TCV_{critic.}$; $\gamma < 0$.

Так же, как в предыдущем случае, этот вариант наблюдался только в одном 2009 году. При этом варианте коэффициент смертности не может быть больше расчетного значения ($k_m \leq k_{m_{calc.}}$), коэффициент рождаемости также не превышает расчетную величину ($k_n \leq k_{n_{calc.}}$).

Прогноз изменения ВВП на этот год носил отрицательный характер — $\Delta ВВП = -0,078$;

коэффициент прироста населения в предыдущем году был также отрицательным и составил $k_{2008} = -0,0025$; соответственно значение $(\vartheta - \tau)_{2008} = 75,70$. Таким образом, имеем:

$$k_{in} = \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0) = \ln 1,56 - e^{0,0025} [\ln 1,56 - (-0,0025)],$$

$$k_{in} = -0,001383431;$$

$$\gamma_{calc.} = \frac{GDP}{2} = \frac{-0,078}{2} = -0,039;$$

$$(\vartheta - \tau)_{calc.} = (\vartheta - \tau)_{2008} \times e^{\gamma_{calc.}} = 75,70 \times e^{-0,039} = 72,80;$$

$$\Delta СПС_{critic.} = 2\gamma_0 - k_0 - \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} = 2 \times (-0,039) - (-0,0025) - \ln \frac{\ln 1,56 - (-0,0025)}{\ln 1,56} = -0,081106203.$$

Расчетное значение коэффициента рождаемости:

$$k_{n_{calc.}} = \frac{k_{in} (e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} k_{in}})}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} k_{in-1}}} = \frac{(-0,001383431) \times e^{72,80 \times (-0,001383431)}}{e^{72,80 \times (-0,001383431)} - 1} = 0,01305,$$

реальное значение было равно $k_n = 0,0124$ или 12,4‰.

Расчетное значение коэффициента смертности:

$$k_{m_{calc.}} = \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} k_{in-1}}} = \frac{(-0,001383431)}{e^{72,80 \times (-0,001383431)} - 1} = 0,0144,$$

а реальное значение было равно $k_m = 0,0142$ или 14,2‰.

VI. $P > 1$; $\Delta GDP > \Delta TCV_{critic.}$; $\gamma > 0$.

В этом случае коэффициент смертности не может быть меньше расчетного ($k_m \geq k_{m_{calc.}}$), а коэффициент смертности не может быть больше расчетной величины ($k_n \leq k_{n_{calc.}}$).

Два года за рассматриваемый период соответствуют этим требованиям — 1995-й и 2011-й (табл. 3).

Для примера возьмем 2011 год. Для него прогноз роста ВВП был равен $\Delta ВВП = 0,042$; коэффициент прироста (собственно говоря, убыли) населения за предыдущий год составил $k_{2010} = -0,0017$; величина, обратная среднему логарифмическому рождаемости и смертности, была равна $(\vartheta - \tau)_{2010} = 75,01$. Таким образом, получаем:

$$k_{in} = \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0) = \ln 1,56 - e^{-0,0017} [\ln 1,56 - (-0,0017)],$$

$$k_{in} = -0,000941788;$$

$$\gamma_{calc.} = \frac{GDP}{2} = \frac{0,042}{2} = 0,021;$$

$$(\vartheta - \tau)_{calc.} = (\vartheta - \tau)_{2008} \times e^{\gamma_{calc.}} = 75,01 \times e^{0,021} = 76,60;$$

$$\Delta СПС_{critic.} = 2\gamma_0 - k_0 - \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} = 2 \times 0,021 - (-0,0017) - \ln \frac{\ln 1,56 - (-0,0017)}{\ln 1,56} = 0,039884365.$$

Расчетное значение коэффициента рождаемости:

Таблица 3
Table 3

Примеры шестого варианта влияния роста ВВП на коэффициенты рождаемости и смертности Examples of the sixth variant of the impact of GDP growth on fertility and mortality rates

Год	Расчетные значения		Реальные значения				
	k_n	k_m	k_n	k_m	γ	$\Delta ВВП$	$\Delta СПС_{critic.}$
1995	0,01	0,014	0,009	0,015	0,039	-0,016	-0,0838
2011	0,013	0,014	0,013	0,014	0,022	0,042	0,040

$$k_{n_{calc.}} = \frac{k_{in} (e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in}})}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} =$$

$$= \frac{(-0,000941788) \times e^{76,60 \times (-0,000941788)}}{e^{76,60 \times (-0,000941788)} - 1} =$$

$$= 0,0126,$$

реальное значение коэффициента рождаемости было $k_n = 0,0126$ или 12,6‰.

Расчетное значение коэффициента смертности:

$$k_{m_{calc.}} = \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} =$$

$$= \frac{(-0,000941788)}{e^{76,60 \times (-0,000941788)} - 1} = 0,0135,$$

реальное значение коэффициента смертности было $k_m = 0,0135$ или 13,5‰.

VII. $P > 1$; $\Delta GDP < \Delta TCV_{critic.}$; $\gamma < 0$.

При этом варианте коэффициент смертности не может быть меньше расчетного ($k_m \geq k_{m_{calc.}}$), а коэффициент рождаемости не может быть больше расчетного значения ($k_n \leq k_{n_{calc.}}$).

Этим требованиям соответствуют годы: 1992, 1993, 1994, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2007, 2008, 2010, 2020 (табл. 4).

В качестве примера приведем 2008 год. В этом году рост ВВП предполагался как равный $\Delta ВВП = 0,056$; коэффициент прироста (убыли) населения в предыдущем году равнялся $k_{2007} = -0,0033$; величина, обратная среднему логарифмическому рождаемости и смертности, была равной $(\vartheta - \tau)_{2007} = 77,64$. Таким образом, инерционный коэффициент прироста населения получается равным:

$$k_{in} = \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0) = \ln 1,56 -$$

$$- e^{-0,0033} [\ln 1,56 - (-0,0033)],$$

$$k_{in} = -0,001824083.$$

Значение величины, обратной среднему логарифмическому рождаемости и смертности:

$$(\vartheta - \tau)_{calc.} = (\vartheta - \tau)_{2008} \times e^{\gamma_{calc.}} =$$

$$= 77,64 \times e^{-0,028} = 75,50.$$

Таблица 4
Table 4

Примеры седьмого варианта влияния роста ВВП на коэффициенты рождаемости и смертности Examples of the seventh variant of the impact of GDP growth on fertility and mortality rates

Годы	Расчетные значения		Реальные значения				
	k_n	k_m	k_n	k_m	γ	$\Delta ВВП$	$\Delta СПС_{critic.}$
1992	0,013	0,012	0,011	0,012	-0,02495	-0,145	-0,0549
1993	0,012	0,012	0,009	0,015	-0,02865	-0,088	-0,0594
1994	0,011	0,014	0,010	0,016	-0,05254	-0,149	0,155
1998	0,01	0,013	0,009	0,014	-0,00670	-0,053	-0,0467
1999	0,01	0,013	0,008	0,015	-0,01533	0,064	0,070
2000	0,01	0,014	0,009	0,015	-0,04325	0,1	0,108
2001	0,01	0,013	0,009	0,016	-0,06679	0,051	0,059
2002	0,012	0,014	0,010	0,016	-0,05702	0,047	0,057
2003	0,011	0,015	0,010	0,016	-0,0297	0,072	0,08
2007	0,012	0,014	0,011	0,015	-0,0262	0,081	0,087
2008	0,012	0,014	0,012	0,015	-0,0253	0,056	0,060
2010	0,013	0,014	0,013	0,014	-0,0115	0,04	0,042
2020	0,011	0,012	0,010	0,015	-0,0719	-0,031	-0,0283

Критическое значение прироста совокупности потребленных стоимостей:

$$\begin{aligned}\Delta \text{СПС}_{critic.} &= k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} - 2\gamma_0 = \\ &= (-0,0033) + \ln \frac{\ln 1,56 - (-0,0033)}{\ln 1,56} - \\ &- 2 \times (-0,028) = 0,0600936.\end{aligned}$$

Расчетное значение коэффициента рождаемости в результате получается равным

$$\begin{aligned}k_{n_{calc.}} &= \frac{k_{in} (e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in}})}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{(-0,001824083) \times e^{75,50 \times (-0,001824083)}}{e^{75,50 \times (-0,001824083)} - 1} = \\ &= 0,01235,\end{aligned}$$

в то время как реальное значение коэффициента рождаемости — $k_n = 0,0120$ или 12,0‰.

Расчетное значение коэффициента смертности:

$$\begin{aligned}k_{m_{calc.}} &= \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{calc.} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{(-0,001824083)}{e^{75,50 \times (-0,001824083)} - 1} = 0,01418,\end{aligned}$$

реальное значение коэффициента смертности — $k_m = 0,0145$ или 14,5‰.

VIII. $P > 1$; $\Delta \text{GDP} < \Delta \text{TCV}_{critic.}$; $\gamma > 0$.

Этот вариант предполагает, что коэффициент смертности не может быть меньше расчетного ($k_m \geq k_{m_{calc.}}$), а коэффициент рождаемости не может быть больше расчетного ($k_n \leq k_{n_{calc.}}$).

Наблюдается этот вариант в следующие годы: 1996, 1997, 2004, 2005, 2006, 2018, 2019 (табл. 5).

В качестве примера приведем 2019 год. Прогноз роста ВВП в этом году был отрицательным: $\Delta \text{ВВП} = -0,020$; коэффициент прироста (убыли) населения в предыдущем году был равен $k_{2018} = -0,0016$; величина $(\vartheta - \tau)_{2018} = 85,60$. Соответственно, мы получаем инерционный коэффициент прироста населения равным:

$$\begin{aligned}k_{in} &= \ln C_2 - e^{k_0} (\ln C_2 - k_0) = \ln 1,56 - \\ &- e^{-0,0016} [\ln 1,56 - (-0,0016)], \\ k_{in} &= -0,000886513.\end{aligned}$$

Значение величины, обратной среднему логарифмическому рождаемости и смертности, получается равным:

$$\begin{aligned}(\vartheta - \tau)_{calc.} &= (\vartheta - \tau)_{2018} \times e^{\gamma_{calc.}} = \\ &= 85,60 \times e^{0,010} = 86,46.\end{aligned}$$

Критическое значение прироста совокупности потребленных стоимостей:

Таблица 5
Table 5

Примеры восьмого варианта влияния роста ВВП на коэффициенты рождаемости и смертности
Examples of the eighth variant of the impact of GDP growth on fertility and mortality rates

Год	Расчетные значения		Реальные значения				
	k_n	k_m	k_n	k_m	γ	$\Delta \text{ВВП}$	$\Delta \text{СПС}_{critic.}$
1996	0,010	0,013	0,009	0,014	0,050	-0,035	-0,0230
1997	0,010	0,013	0,009	0,014	0,035	0,014	0,021
2004	0,011	0,014	0,010	0,016	0,004	0,072	0,080
2005	0,011	0,014	0,010	0,016	0,006	0,063	0,070
2006	0,011	0,014	0,010	0,015	0,030	0,077	0,089
2018	0,012	0,012	0,011	0,013	0,022	-0,028	-0,0269
2019	0,011	0,012	0,010	0,012	0,045	-0,020	0,018

$$\begin{aligned}\Delta\text{СПС}_{\text{critic.}} &= k_0 + \ln \frac{\ln C_2 - k_0}{\ln C_2} - 2\gamma_0 = \\ &= (-0,0016) + \ln \frac{\ln 1,56 - (-0,0016)}{\ln 1,56} - \\ &\quad - 2 \times 0,010 = -0,018001.\end{aligned}$$

Расчетное значение коэффициента рождаемости:

$$\begin{aligned}k_{n_{\text{calc.}}} &= \frac{k_{in} \left(e^{(\vartheta - \tau)_{\text{calc.}} \cdot k_{in}} \right)}{e^{(\vartheta - \tau)_{\text{calc.}} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{(-0,000886513) \times e^{86,46 \times (-0,000886513)}}{e^{86,46 \times (-0,000886513)} - 1} = \\ &= 0,0111,\end{aligned}$$

в то время как реальный коэффициент рождаемости был равен $k_n = 0,0101$ или 10,1‰.

Расчетное значение коэффициента смертности:

$$\begin{aligned}k_{m_{\text{calc.}}} &= \frac{k_{in}}{e^{(\vartheta - \tau)_{\text{calc.}} \cdot k_{in-1}}} = \\ &= \frac{(-0,000886513)}{e^{86,46 \times (-0,000886513)} - 1} = 0,0120,\end{aligned}$$

реальное значение коэффициента смертности — $k_m = 0,0123$ или 12,3‰.

Заключение. Конечно, основная сложность заключается в наличии достаточно точного прогноза роста валового внутреннего продукта и достоверности статистической информации об изменении численности населения. Так, в 2009 и 2015 годах органы статистики несколько раз меняли данные о рождаемости и смертности, что требовало их проверки и согласования. В связи с этим следует отметить, что предлагаемая концепция имеет не только прогностическое, но и верификационное значение, позволяющее уточнить данные как о естественном движении населения, так и о росте валового внутреннего продукта. Так, заметной степенью противоречивости информации отличался по понятным причинам 2020 год, в течение которого Росстат несколько раз менял данные по рождаемости и особенно смертности, поэтому мы самостоятельно осуществим расчет коэффициентов, исходя из последних данных

по численности населения РФ по состоянию на 1 января 2020 года и 1 января 2021 года. По состоянию на 1 января 2020 года, по данным Росстата, численность населения России составляла 146745098 человек. Число родившихся в 2020 году составило 1435750, число умерших — 2124479¹ человек. Таким образом, численность населения за 2020 год в России сократилась на 688729 человек, а это значит, что на конец года численность населения должна была составить 146056369 человек. Логарифмическое среднее между этими цифрами составляет

$$\begin{aligned}\bar{S} &= \frac{146745098 - 146056369}{\ln 146745098 - \ln 146056369} = \\ &= 146400462,4.\end{aligned}$$

Следовательно, коэффициент рождаемости 2020 года должен быть равным

$$k_n = \frac{1435750}{146400462,4} = 0,0098,$$

а коэффициент смертности —

$$k_m = \frac{2124479}{146400462,4} = 0,0145.$$

В предыдущем, 2019-м, году темп прироста населения имел отрицательное значение ($k = -0,0022$), коэффициент рождаемости был равен $k_n = 0,0101$, коэффициент смертности был равен $k_m = 0,0123$, значение, обратное среднему логарифмическому между рождаемостью и смертностью, составило $(\vartheta - \tau)_{2019} = 89,57$. Рост валового внутреннего продукта на 2020 год был равным $\Delta\text{ВВП} = -0,031$. Инерционное значение коэффициента прироста (убыли) населения будет тогда равно

$$\begin{aligned}k_{in} &= \ln C_2 - e^{-0,0022} [\ln C_2 - (-0,0022)] = \\ &= -0,001217931.\end{aligned}$$

Поскольку $\Delta\text{ВВП} < 0$ и $k > 0$, мы можем предположить, что $\gamma < 0$. Тогда

$$\begin{aligned}(\vartheta - \tau)_{2020_{\text{расчет.}}} &= (\vartheta - \tau)_{2019} \times e^\gamma = \\ &= 89,57 \times e^{-0,0155} = 88,19236922.\end{aligned}$$

Предположим, что критическое значение равно

¹ Смертность и рождаемость в России по годам [Электронный ресурс] / GOGOV. О главном в России без политики. URL://gogov.ru/articles/natural-increase.

$$\Delta \text{СПС}_{\text{critic.}} = -0,0022 + \\ + \ln \frac{\ln C_2 - (-0,0022)}{\ln C_2} - 0,031 = -0,0283...$$

Поскольку $k < 0$, $\Delta \text{ВВП} < \Delta \text{СПС}_{\text{critic.}}$ и $\gamma < 0$, ситуация развивается по седьмому варианту. В результате

$$k_{m_{\text{calc.}}} = \frac{k_{\text{in}}}{e^{(\vartheta - \tau)_{\text{calc.}} \cdot k_{\text{in}-1}}} = \\ = \frac{-0,001217931}{e^{88,19236922 \times (-0,001217931)} - 1} = 0,011958714.$$

Расчетный коэффициент смертности был получен без учета пандемии 2020 года. Преобразуя его в абсолютное значение, получаем

$$m_{\text{calc.}} = k_{m_{\text{calc.}}} \times \bar{S} = \\ = 0,011958714 \times 146400462,4 = 1750761.$$

Следовательно, разность между реальным количеством умерших ($m_{\text{real.}}$) и расчетным значением ($m_{\text{calc.}}$) составляет 373718 ($m_{\text{calc. covid}}$). Поскольку реальное значение не может быть меньше расчетного, а расчетное значение не может быть меньше потенциального (без учета влияния пандемии), то число умерших от COVID-19, его последствий и связанных с ним обстоятельств (m_{covid}) включается в эту разницу и не может быть больше указанной величины. Формально это можно выразить следующим образом:

$$m_{\text{real.}} - m_{\text{calc.}} = m_{\text{calc. covid}}, \\ m_{\text{real.}} - m_{\text{calc.}} \geq m_{\text{covid}},$$

тогда

$$m_{\text{calc. covid}} \geq m_{\text{covid}}.$$

Согласно данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, число умерших от COVID-19, его последствий и связанных с ним обстоятельств, в 2020 году было равно 324 тысячам, из которых более чем 162 тысячи умерло непосредственно от COVID-19². Так что, судя по всему, этим данным можно в некоторой степени доверять.

Однако указанный Росстатом уровень снижения ВВП ($\Delta \text{ВВП} = -0,031$) вызывает сомнения, поскольку уровень падения сово-

купности потребленных стоимостей выглядит существенно иначе. Если действительно число родившихся в 2020 году составило 1435750, а число умерших — 2124479 человек, то коэффициенты рождаемости и смертности равны $k_n = 0,0098$ и $k_m = 0,0145$. Тогда

$$(\vartheta - \tau)_{2020} = \frac{1}{k} \ln \frac{k_n}{k_m} = \\ = \frac{1}{0,0098 - 0,0145} \ln \frac{0,0098}{0,0145} = 83,35.$$

Соответственно

$$\gamma = \ln \frac{(\vartheta - \tau)_{2020}}{(\vartheta - \tau)_{2019}} = \ln \frac{83,35}{89,57} = \\ = -0,071971833; \\ \Delta \text{СПС}_{2020} = 2\gamma - k_{2019} - \\ - \ln \frac{\ln C_2 - k_{2019}}{\ln C_2 - k_{2020}} \approx -0,151079.$$

То есть потери населения, сферы услуг, торговли и производства, вероятно, значительно превысили указанное Росстатом снижение валового внутреннего продукта. Правда, информация, приводимая Росстатом, довольно часто меняется до того, как примет устойчивую форму. Так, скажем, в конце 2020 года тот же статистический орган дал несколько вариантов по количеству смертей: то как равное 2124127 человек, то как равное 2022223 человека. Но в любом случае в 2020 году смертность от COVID-19, его последствий и обстоятельств, связанных с ним, в РФ не может быть больше 373718 человек. Однако расчет Росстатом снижения ВВП, который, судя по всему, был значительно больше, чем $-3,1\%$, не заслуживает доверия.

Список источников

1. Герасимов Г.И., Дятлов А.В., Лукичев П.Н. Демографическая динамика и стадии экономического роста // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. №3. С. 20–36.

² Росстат назвал число умерших россиян с COVID-19 в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/02/2021/602132e19a7947073f7ddeb5https://www.rbc.ru/economics/08/02/2021/602132e19a7947073f7ddeb5>.

2. Герасимов Г.И., Дятлов А.В., Лукичев П.Н. Зависимость естественного движения населения от динамики роста ВВП // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки. 2018. №2. С. 65–71.

3. Лукичев П.Н. Естественное движение населения и темпы роста валового внутреннего продукта // Векторы развития конфликтологии: сборник материалов I Всероссийского конфликтологического научно-практического форума (Ростов-на-Дону, 4–6 дек. 2017 г.) / Южный федеральный университет. Ростов н/Д, Таганрог: ЮФУ, 2017. С. 152–166.

4. Лукичев П.Н. Модель воздействия фактора прироста ВВП на естественное движение населения // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе: сборник научных статей. Вып. 9. Материалы IX Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 18–19 декабря 2015 г.). Ростов н/Д: Издательство ЮФУ, 2015. С. 25–48.

5. Лукичев П.Н. Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа. Изд. 2-е. М.: РУСАЙНС, 2017. 324 с.

6. Лукичев П.Н. Проблема потребностей личности: другой взгляд // Методология, теория и история социологии: сборник научных статей: в 3 т. Материалы Всероссийской научной конференции «Методология, теория и история социологии» (Ростов-на-Дону, 23–24 ноября 2012 г.). Ростов н/Д: ЮФУ, 2012. Т. 1. С. 163–174.

7. Kuznets S. Cyclical Fluctuation: Retail and Wholesale Trade, United States 1919–1926. New York, USA, 1926. 201 p.

8. Malinovsky B. The Functional Theory // Scientific Theory of Culture, and Other Essay. Chapel Hill, 1944. P. 147–176.

9. Volkov Y.G., Lukichev P.N., Khunagov R.D., Kartashevich E.V., Meskhi B.B. Sociodemographic management indicators of the state of the economy (a case study of Russian statistics) // International Journal of Sociology and Social Policy. 2020. №41(1–2). P. 116–129.

References

1. Gerasimov G.I., Dyatlov A.V., Lukichev P.N. Demograficheskaja dinamika i stadii jekonomicheskogo rosta [Demographic dynamics and stages of economic growth]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie* [Scientific

result. Sociology and Management]. 2019; 5(3): 20–36. (In Russ.).

2. Gerasimov G.I., Djatlov A.V., Lukichev P.N. Zavisimost' estestvennogo dvizhenija naselenija ot dinamiki rosta VVP [Dependence of the natural movement of the population on the dynamics of GDP growth]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: Uchenye zapiski* [State and municipal administration: Scientific notes]. 2018; (2): 65–71. (In Russ.).

3. Lukichev P.N. Estestvennoe dvizhenie naselenija i tempy rosta valovogo vnutrennego produkta [Natural movement of the population and the growth rate of gross domestic product]. *Vektory razvitija konfliktologii: sbornik materialov I Vserossijskogo konfliktologicheskogo nauchno-prakticheskogo foruma* (Rostov-na-Donu, 4–6 dek. 2017 g.) [Vectors of development of conflictology: collection of materials of the I All-Russian Conflictological Scientific and Practical Forum (Rostov-on-Don, 4–6 Dec. 2017)]. *Juzhnyj federal'nyj universitet* [Southern Federal University]. Rostov-on-Don, Taganrog: JuFU, 2017. P. 152–166. (In Russ.).

4. Lukichev P.N. Model' vozdejstvija faktora prirosta VVP na estestvennoe dvizhenie naselenija [Model of the impact of the GDP growth factor on the natural movement of the population]. *Konflikty i bezopasnost' v transformirujushhemsja obshhestve: sbornik nauchnyh statej. Vyp. 9. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Rostov-na-Donu, 18–19 dekabrja 2015 g.) [Conflicts and security in a transforming society: collection of scientific articles. Issue 9. Proceedings of the IX International Scientific Conference (Rostov-on-Don, December 18–19, 2015)]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo JuFU, 2015. P. 25–48. (In Russ.).

5. Lukichev P.N. Obshhaja teorija social'noj dinamiki: Osnovaniya i nachala analiza [General theory of social dynamics: Foundations and beginnings of analysis]. Izd. 2-e. Moscow: RUSAJNS, 2017. 324 p. (In Russ.).

6. Lukichev P.N. Problema potrebnostej lichnosti: drugoj vzgljad [The problem of personal needs: a different view]. *Metodologija, teorija i istorija sociologii: sbornik nauchnyh statej: v 3 t. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Metodologija, teorija i istorija sociologii»* (Rostov-na-Donu, 23–24 nojabrja 2012 g.) [Methodology, theory and History of

Sociology: collection of scientific articles: in 3 volumes. Materials of the All-Russian Scientific Conference «Methodology, Theory and History of Sociology» (Rostov-on-Don, November 23–24, 2012)]. Rostov-on-Don: JuFU, 2012. Vol. 1. P. 163–174. (In Russ.).

7. Kuznets S. Cyclical Fluctuation: Retail and Wholesale Trade, United States 1919–1926. New York, USA, 1926. 201 p.

8. Malinovsky B. The Functional Theory // Scientific Theory of Culture, and Other Essay. Chapel Hill, 1944. P. 147–176.

9. Volkov Y. G., Lukichev P. N., Khunagov R. D., Kartashevich E. V., Meskhi B. B. Sociodemographic management indicators of the state of the economy (a case study of Russian statistics) // International Journal of Sociology and Social Policy. 2020. №41(1–2). P. 116–129.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 04.02.2023.

The article was submitted on 25.12.2022; approved after reviewing on 20.01.2023; accepted for publication on 04.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукичев Павел Николаевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Pavel N. Lukichev — Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of «Conflictology and National Security», Southern Federal University.

160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 159.9; 37.018.36

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-40-47

О РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ ДЕЙСТВИЙ ПО СБЕРЕЖЕНИЮ МУЖЧИН И ПОДДЕРЖКЕ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТЦОВСТВА: АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД

Тамара Керимовна Ростовская

*Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия
rostovskaya.tamara@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID РИНЦ: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864*

Аннотация. *Актуальность исследования* определяется неблагоприятными демографическими тенденциями — снижением численности мужского населения, что негативно влияет на процессы естественного воспроизводства. Брачные и репродуктивные установки мужчин являются факторами достижения демографической устойчивости Российской Федерации, влияющими на создание и развитие института детной (многодетной) российской семьи.

Целью исследования является определение основных направлений государственной политики в отношении самосохранительного поведения мужчин и укрепления социодемографического капитала мужской популяции как основного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Мужчины как социально-демографическая группа должны стать целевой группой в Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства, достижения демографической устойчивости Российской Федерации.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции самосохранительного поведения, благополучия семьи.

Результаты исследования. Важнейшим итоговым результатом проведенного анализа по заявленной проблематике является необходимость принятия на государственном уровне мер, направленных на создание условий для сбережения мужского населения и формирования ответственного отцовства как важного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В работе систематизированы ключевые понятия, представлены результаты, направленные на определение основных направлений государственной политики в отношении самосохранительного поведения мужчин, ответственного отцовства.

Перспективы исследования связаны с разработкой методических рекомендаций субъектам Российской Федерации по формированию региональных планов и управленческих механизмов, направленных на создание условий для сбережения мужского населения и формирования ответственного отцовства как важного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: мужчины, самосохранительное поведение мужчин, ответственное отцовство, роль мужчины в российском обществе и семье, демографическая безопасность, национальная безопасность

Для цитирования: Ростовская Т.К. О разработке Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства: авторский взгляд // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 40–47. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47>.

Original article

ON THE DEVELOPMENT OF AN ACTION STRATEGY TO SAVE MEN AND SUPPORT RESPONSIBLE FATHERHOOD: THE AUTHOR'S VIEW

Tamara K. Rostovskaya

*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia
rostovskaya.tamara@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1629-7780, AuthorID RSCI: 767943,
AuthorID Scopus: 57192987864*

Abstract. *The relevance of the study* is determined by unfavorable demographic trends — a decrease in the male population, which negatively affects the processes of natural reproduction. Marital and reproductive attitudes of men are factors in achieving demographic stability of the Russian Federation, influencing the creation and development of the institution of a child (large) Russian family.

The purpose of the study is to determine the main directions of state policy regarding the self-preservation behavior of men and the strengthening of the socio-demographic capital of the male population as the main resource for ensuring the national security of the Russian Federation. Men as a socio-demographic group should become a target group in the Strategy of Actions for Saving Men and Supporting Responsible Fatherhood, achieving demographic Sustainability of the Russian Federation.

The methodological basis of the study is the basic provisions of the concept of self-preservation behavior, family well-being.

The results of the study. The most important final result of the analysis on the stated issues is the need to take measures at the state level aimed at creating conditions for saving the male population and forming responsible fatherhood as an important resource for ensuring the national security of the Russian Federation.

The paper systematizes the key concepts, presents the results aimed at determining the main directions of state policy in relation to the self-preservation behavior of men, responsible fatherhood.

The prospects of the study are related to the development of methodological recommendations to the subjects of the Russian Federation on the formation of regional plans and management mechanisms aimed at creating conditions for the conservation of the male population and the formation of responsible fatherhood as an important resource for ensuring the national security of the Russian Federation.

Keywords: men, self-preserving behavior of men, responsible fatherhood, the role of men in Russian society and family, demographic security, national security

For citation: Rostovskaya T.K. On the development of an action Strategy to save men and support responsible fatherhood: the author's view // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 40–47. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47>.

Введение. Анализ и оценка влияния отдельных факторов на демографическую ситуацию в современной России позволили выявить негативные тенденции показателей, характеризующих продолжительность жизни и смертность мужского трудоспособного населения. Процесс депопуляции имеет сегодня постоянную и долговременную тенденцию роста.

Согласно данным Росстата на 1 января 2022 года численность мужчин в стране составила 67,65 млн человек¹. Численность фертильных мужчин, которыми считаются представители возрастной группы от 20 до 50 лет, обладающей высокой способностью к зачатию, составляет 29,98 млн человек (44,3% мужского населения). В связи с текущими обстоятельствами: участие в боевых действиях, (возможная) травматизация и инвалидизация, рост бесплодия среди мужчин, отбывание ими наказания в местах лишения свободы, эмиграция в страны ближнего и дальнего зарубежья — демографический потенциал мужского населения может снизиться в пределах 5%². В этой связи назрела острая необходимость разработки Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции самосохранительного поведения (А.И. Антонов), благополучия семьи (Т.К. Ростовская, А.И. Антонов, Г.И. Климантова) [1].

Методология базируется на фундаментальных работах научной школы Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, связанных с социально-демографическим подходом к изучению «демографической безопасности» (Л.Л. Рыбаковский и др.), «демографического благополучия» (С.В. Рязанцев)

знец) «демографической стабильности» (Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева) [2].

Подход к обоснованию «демографического благополучия» (в 2021 году был предложен к обсуждению членом-корреспондентом РАН С.В. Рязанцевым) заключается в следующем: «на микроуровне под демографическим благополучием следует понимать возможность реализации брачных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижением желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи; на макроуровне демографическое благополучие — это сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) как минимум на протяжении пяти лет» [4]. Обоснование авторского термина «демографической стабильности», предложенное в 2022 году Т.К. Ростовской, О.А. Золотаревой связано с «... формированием таких качественных и количественных характеристик матримониальных, репродуктивных, самосохранительных и миграционных параметров, которые приводят к устойчивому состоянию и развитию демографических процессов, обеспечивающих естественное воспроизводство населения на уровне, отвечающем национальным интересам страны» [5].

Результаты. Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства (далее — Стратегия) разработана под руководством автора в инициативном порядке авторским коллективом из числа ведущих ученых, членов Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при ООН РАН³, в соответствии с национальными

1 Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Статистический бюллетень. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

2 Демограф Алексей Ракша: «Число родившихся через 1,5 года уменьшится на 12–15%» [Электронный ресурс] // Газета «Новые известия». URL: <https://newizv.ru/interview/31-10-2022/demograf-aleksey-raksha-chislo-rodivshisya-cherez-1-5-goda-umenshitsya-na-12-15> (дата обращения: 14.12.2022).

3 Авторский коллектив: С.В. Рязанцев, ч.-к. РАН, д.э.н., председатель Научного совета, г. Москва; Т.К. Ростовская, д. социол. н., профессор, зам. председателя Научного совета, г. Москва; О.И. Аполихин, ч.-к. РАН, д-р мед. н., профессор, директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина — филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, член Общественной палаты РФ, г. Москва; Е.Н. Васильева, д. социол. н., главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, профессор Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; А.Е. Иванова, д.э. н., профессор, зав. отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва; Ч.И. Ильдарханова, д. социол. н., директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, г. Казань; О.Н. Калачикова, к.э. н., заместитель директора, зав. отделом исследований уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра РАН, г. Вологда; А.А. Шабунцова, д.э. н., доцент, директор Вологодского научного центра РАН, г. Вологда.

целями и стратегическими задачами развития Российской Федерации, определенными указами Президента РФ от 21 июля 2020 года №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», 2 июля 2021 года №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁴, 08.11.2021 года №633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»⁵ и от 09.11.2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁶. Настоящая Стратегия является основополагающим документом, определяющим основные направления государственной политики в отношении самосохранительного поведения мужчин, ответственного отцовства и нацелена на укрепление социодемографического капитала мужской популяции как основного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Положение мужчины в современном российском обществе рассматривается в контексте мировых вызовов и нового российского курса в защиту традиционных ценностей.

Численность мужчин в стране, согласно данным Росстата, на 1 января 2022 года составила 67,65 млн человек⁷. При этом на 1000 мужчин приходится 1151 женщина. Превышение численности женщин над мужчинами в составе населения отмечается с 36 лет и далее растёт. Отмечается, что эта неблагоприятная ситуация связана с высоким уровнем преждевременной смертности мужчин.

По данным на 2021 год, ожидаемая продолжительность жизни мужчин в Российской Федерации составила 65,5 года против 74,5

года у женщин. С 2004 года, когда был зафиксирован максимальный разрыв (13,6 года), его удалось снизить до 9 лет за счет более высоких темпов снижения мужской смертности.

Смертность мужчин уже с рождения выше, чем у женщин. Среди населения трудоспособного возраста в 2021 году коэффициент смертности мужчин преобладает над коэффициентом смертности женщин в 3 раза. Определенную роль играет продолжительный возрастной интервал трудоспособности (на 5 лет больше, чем у женщин), но гораздо важнее более высокая интенсивность смертности мужчин по сравнению со сверстницами.

Проблема мужской сверхсмертности оказывает влияние на многие социальные проблемы: вдовство и сиротство, снижение времени выполнения родительских обязанностей, одиночество и бедность пожилых (риски бедности одиноких выше, чем супружеских пар), снижение трудового потенциала, существенные расходы государства на социальные программы и др.

Целью Стратегии является создание условий для сбережения мужского населения и формирования ответственного отцовства как важного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В рамках разработанной Стратегии актуальными являются следующие направления государственной политики по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства (далее — направления):

— здоровье и самосохранительное поведение мужского населения всех возрастов;

— формирование и развитие системы гражданского и патриотического воспитания населения;

4 Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=2tNF0QT0XFbmlbU7&cacheid=14B9769632D26B5602D7FA45A4DB5144&mode=splus&rnd=vPFRwA&base=LAW&n=389271&dst=100000001#3rnIQ0TmyjxvVzTx> (дата обращения: 12.12.2022).

5 Указ Президента РФ от 08.11.2021 г. №633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=sH254QT95CIJWDuD&cacheid=081FC79259C5A1A09E82490B32A4300F&mode=splus&rnd=wSJISg&base=LAW&n=400057#V4354QTQairQg7> (дата обращения: 12.12.2022).

6 Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=y2J44QT0vNlw71E&cacheid=EC90B50DA3C5B952CA261E193C11A33B&mode=splus&rnd=wSJISg&base=LAW&n=430906#IXK44QTqN2afs4c4> (дата обращения: 12.12.2022).

7 Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Статистический бюллетень. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

— повышение роли мужчин в развитии и укреплении семейных отношений, ответственное отцовство.

Рассматривая направление «Здоровье и самосохранительное поведение мужского населения всех возрастов», следует отметить, что в рамках разработанной Стратегии понятие «самосохранительное поведение» трактуется как определенные действия человека, направленные на самосохранение в течение всей жизни в физическом, психологическом и социальном аспектах, что созвучно концепции самосохранительного поведения, разработанной в 1980-х годах под руководством ведущего российского социолога, демографа А.И. Антонова. Следует подчеркнуть, что основным компонентом самосохранительного поведения является отношение мужчины к своему здоровью как к ценности.

Современной России нужна система постоянного мониторинга состояния здоровья подрастающих поколений мужчин, начиная с самого раннего возраста. Особую актуальность при реализации направления «Здоровье и самосохранительное поведение мужского населения всех возрастов» приобретает решение задач, ориентированных на формирование у мужского населения ценностей и мотивации долголетия и основанной на них идеологии «самосохранения», разработку и реализацию государственных программ по сохранению здоровья мужчин.

Настоящее и будущее российского общества и государства определяются духовно-нравственным здоровьем народа, бережным сохранением и развитием его исторического, культурного, духовно-нравственного наследия, достижений, традиций и норм общественной жизни, сохранением достояния прежних поколений России. Ключевой задачей на государственном уровне является воспитание патриотично настроенной молодежи, преданной своему народу, любящей свое Отечество, что является базовыми составляющими при разработке направления «Формирование и развитие системы гражданского и патриотического воспитания населения».

Социальная роль мужчины — способность выполнять социальные функции в процессе устойчивого формирования и развития общества, обеспечения национальной и внутренней безопасности, формирования общего

устойчивого состояния стратовой структуры общества и его функционирования.

В ст. 59 Конституции РФ закреплено, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации. Под защитой Отечества понимается оборона государства, охрана его суверенитета и безопасности, обеспечение целостности и неприкосновенности территории, защита населения страны, материальных и духовных ценностей.

Отдельная роль в патриотическом воспитании граждан Российской Федерации объективно отводится институту семьи, в котором закладывается система традиционных ценностей и нравственных ориентиров личности, ее духовного, культурного и физического развития. Рассматривая традиционные брачно-семейные ценности как совокупность представлений о браке, следует отметить ведущую семейную ценность: уважение супруга как личности, признание значимыми духовных, душевных и физических уровней его личности, общности интересов и совместного времяпрепровождения.

Ключевым направлением в рамках рассматриваемой Стратегии является «Повышение роли мужчин в развитии и укреплении семейных отношений, ответственное отцовство». Семья — это наиболее важная духовно-нравственная национальная ценность. Российская Федерация, приветствуя традиционную модель семьи, пропагандирует духовно-нравственные, семейные ценности в молодежном социуме как важнейший фактор стабильного развития семьи и благополучия каждого её члена.

Во многом эта тенденция связана с традициями национальной культуры, её патриархальным «ядром», достаточно прочным даже на фоне изменяющихся социально-моральных характеристик. Эта традиция состояла «в обязательности, неразрывности и однозначной последовательности вступления в брак, начала сексуальных отношений и рождения детей».

Отметим, что в Российской Федерации браком считается свободный, добровольный, равноправный союз мужчины и женщины, заключенный с целью образования семьи, с обязательным соблюдением установленных законом требований и порождающий между

супругами взаимные личные и имущественные права и обязанности. По результатам массового опроса в рамках Всероссийского социологического исследования, проведенного в 2020–2021 годах на базе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН⁸, было сделано несколько важных выводов. Во-первых, женщины и мужчины предпочитают планировать рождение детей после заключения брака, во-вторых, желание отцов иметь большее число детей увеличивается с ростом доходов мужчины. В последние десятилетия сложился тренд на факультативность брака и родительства в целом, которая проявляется через распространение практик сожительства и малодетности семьи. Существенная часть разводов инициируется именно женщинами, и одна из главных причин разводов — это недостаточная финансовая состоятельность их мужей. Количество разводов продолжает стремительно расти, как и число лиц, не желающих регистрировать брачные отношения. Безотцовщина стала нормой в современном российском обществе, ориентированном на поддержку материнства в ущерб отцовству. При этом сам феномен безотцовщины, его истоки и последствия для воспитания, взросления мальчиков и девочек в семьях без отца остаются малоизученными, хотя все сознают, что физическое отсутствие отца в семье, как и его отсутствие в связи с бесконечной занятостью заработком, плачевно сказывается на воспитании мальчиков. Все это воспроизводит явление массовой безотцовщины, в которой вырастает уже не первое поколение российских мужчин.

Социологические исследования, проводимые с целью изучения эволюционных особенностей социальной роли мужчины в социуме позволяют утверждать, что «... роли мужчины в семье как главы семьи, кормильца — продолжают оставаться ведущими социальными ролями в семейно-брачной сфере жизни общества, и около трех четвертей опрошенных мужчин утверждают, что хорошо исполняют вышеперечисленные роли. Остальная часть мужчин ограничивает для

себя круг мужских ролей в семейной жизни ролью кормильца, тогда как современные жены ожидают от мужа не только финансовой поддержки семьи, но и выполнение социальной заботы о ребенке, участия в уходе за ребенком» [3]. Многие мужчины формулируют свои отцовские цели в зависимости от собственных детских воспоминаний, стараясь подражать своим отцам или, напротив, исправлять их недостатки, поэтому очень четко сегодня прослеживается такая тенденция: «... если отец — хороший семьянин, то и сын, как правило, проявляет в собственной семье свои лучшие качества» [3]. В этой связи, рассматривая вопрос о теории наследования мужских социальных ролей, авторы полностью поддерживают позицию ведущего российского ученого З.М. Саралиевой, которая утверждает, что «... став отцами и матерями, мужчины и женщины часто повторяют стили поведения своих родителей. Если мужчина вырос и сформировался в семье с традиционной моделью поведения отца, то и в своей семье в значительной мере он будет следовать этой модели» [6].

Традиционные роли мужчины и отца оставались неизменными на протяжении многих поколений. Формирование, развитие и становление мальчиков как мужчин начинается в самом раннем возрасте и, в первую очередь, зависит от полноты родной семьи и воспитания, которое дает отец. Мужчины как участники воспитательного процесса должны обеспечивать формирование у мальчиков мужского типа мышления, характера и поведения.

Среди ключевых задач реализации направления «Повышение роли мужчин в развитии и укреплении семейных отношений. Ответственное отцовство» следует отметить в первую очередь пропаганду и популяризацию образа мужчины-семьянина, мужчины-отца, повышение уровня социальной значимости отцовства в семье и обществе.

В настоящее время перед российским обществом встает ключевая проблема: как совместить высокие темпы развития, стремле-

⁸ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в 2020–2021 гг. в десяти субъектах России: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ставропольский край, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Московская, Нижегородская и Свердловская области (N = 5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет). Руководитель — д. соц. н., профессор Т.К. Ростовская.

ние к образованию и карьере с традиционными ценностями и восстановлением ценности мужчины в семье, восстановлением значимости отцовства. На государственном уровне предпринимаются попытки консолидации отцовских сообществ: при непосредственном участии уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, вице-спикера Госдумы ФС РФ, А.Ю. Кузнецовой создан федеральный «Совет отцов»⁹; в 2020 году был создан Фонд поддержки ответственного отцовства «Истоки», который обеспечивает деятельность «Совета отцов»¹⁰; в 2021 году утверждено Всероссийское общественное движение «Отцы России»¹¹.

Традиционные ценности передавались и могут прочно передаваться только наглядным жизненным примером собственных родителей, который положительно оценивается как изнутри семьи и рода, так и со стороны общества. Ведущую роль в передаче этих ценностей всегда играли мужчины.

Соответственно, в настоящее время возникла острая необходимость переосмысления статусно-ролевых характеристик мужчины в современном российском обществе посредством конструирования средствами массовой информации представлений об образе мужчины — супруга, отца, работника организации, защитника Родины и семьи.

Заключение. Реализация направлений государственной политики по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства будет осуществляться путем формирования плана мероприятий, включающего систему мер на национальном уровне, обеспечивающих создание условий для сбережения мужского населения и формирования ответственного отцовства, в том числе снижения смертности от ведущих причин, гендерных различий в ожидаемой продолжительности жизни, укрепления здоровья, качества жизни, возможностей самореализации мужчин, ответственного отцовства, а также преодоления

стереотипных представлений о социальной роли мужчины в жизни общества и семьи.

Список источников

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи. Учебник для ВУЗов. 3-е изд. испр. и доп. М.: Инфра-М, 2018. 368 с.
2. Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская и др.; отв ред. С.В. Рязанцев. М.: Перспектива, 2022. 108 с.
3. Ростовская Т.К. Быть мужчиной в современном обществе не легко // Вестник академии права и управления. 2014. №37. С. 165–170.
4. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. Теоретическая интерпретация понятия «демографическая безопасность» и принятие управленческих решений по обеспечению национальной безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №4. С. 158–170.
5. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. 2022. №3(76). С. 6–18.
6. Саралиева З.М. Социальные роли современных российских мужчин // Российский научный журнал «Женщина в российском обществе». 2011. №3. С. 86–93.

References

1. Antonov A.I. Mikrosociologija sem'i. Uchebnik dlja VUZov [Microsociology of the family. Textbook for universities]. 3-e izd. ispr. i dop. Moscow: Infra-M, 2018. 368 p. (In Russ.).
2. Demograficheskoe blagopoluchie Rossii. Nacional'nyj demograficheskij doklad [Demographic well-being of Russia. National demographic report]. S. V. Rjazancev, T. K. Rostovska-

⁹ Омбудсмен Кузнецова поддержала инициативу создания федерального Совета отцов [Электронный ресурс]. URL: <https://rapsinews.ru/news/20171108/280857720.html> (дата обращения: 23.11.2022).

¹⁰ О фонде «Истоки» [Электронный ресурс]. URL: <https://istokiotsovstva.ru/o-fonde-istoki> (дата обращения: 24.11.2022).

¹¹ 18 ноября 2021 года создано Всероссийское общественное движение «Отцы России» [Электронный ресурс]. URL: <https://istokiotsovstva.ru/novosti/680-18-noyabrya-2021-goda-sozdano-vserossijskoe-obshchestvennoe-dvizhenie-ottsy-rossii> (дата обращения: 24.11.2022).

ja i dr.; otv red. S. V. Rjazancev [In S. V. Ryazantsev (eds.)]. Moscow: Perspektiva, 2022. 108 p. (In Russ.).

3. Rostovskaja T. K. Byt' muzhchinoj v sovremennom obshchestve ne legko [Because Being a man in modern society is not easy]. *Vestnik akademii prava i upravlenija* [Bulletin of the Academy of Law and Management]. 2014; (37): 165–170. (In Russ.).

4. Rostovskaja T. K., Vasil'eva E. N., Knjaz'kova E. A. Teoreticheskaja interpretacija ponjatija «demograficheskaja bezopasnost'» i prinjatие upravlencheskih reshenij po obespecheniju nacional'noj bezopasnosti [The theoretical interpretation of the concept of «demographic security» and the adoption of management decisions to ensure national security]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo univer-*

siteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15 (4): 158–170. (In Russ.).

5. Rostovskaja T. K., Zolotareva O. A. Demograficheskaja stabil'nost' kak prioritet demograficheskoi politiki Rossijskoj Federacii [Demographic stability as a priority of demographic policy of the Russian Federation]. *Voprosy upravlenija* [Management issues]. 2022; 3(76): 6–18. (In Russ.).

6. Saraliev Z. M. Social'nye roli sovremennyh rossijskikh muzhchin [Social roles of modern Russian men]. *Rossijskij nauchnyj zhurnal «Zhenshhina v rossijskom obshchestve»* [Russian scientific journal «Woman in Russian society»]. 2011; (3): 86–93. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 04.02.2023.

The article was submitted on 25.12.2022; approved after reviewing on 20.01.2023; accepted for publication on 04.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН); заместитель председателя Научного совета «Демографические и миграционные проблемы при ООН РАН».

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); Deputy Chairman of the Scientific Council «Demographic and Migration Problems at the UN RAS».

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Научная статья

УДК 316.7(075.8)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-48-56

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ В РОССИИ

Сергей Иванович Самыгин

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

Ростов-на-Дону, Россия

darya.maksimovich@gmail.com, AuthorID РИНЦ: 429210, SPIN-код: 6390-7806

Аннотация. *Цель данной статьи* — исследование институционального аспекта процесса десекуляризации в российском обществе.

Методология исследования основывается на концепциях секуляризации и десекуляризации, институциональном подходе, в исследовании применяются методы сравнительного и исторического анализа.

Результаты исследования. В последние годы существования СССР, а также на протяжении всего постсоветского периода в России осуществляются заметные десекуляризационные процессы. Десекуляризация происходит и в сфере культуры, в общественном и индивидуальном сознании, и на институциональном уровне. В российском обществе десекуляризация проявилась и в коренном изменении отношения государства к религии и религиозным организациям.

Институциональный аспект десекуляризации, ставший предметом анализа в данной статье, проявляется в возрастании влияния религиозных организаций, увеличении их количества, разработке нормативно-правовой базы для регуляции их деятельности, укреплении материальной базы, активизации взаимодействия религиозных организаций с другими организациями и учреждениями, активном участии религиозных организаций в функционировании гражданского общества в России. В данной статье показано, как развивалась нормативно-правовая регуляция деятельности религиозных организаций, как возрастало их воздействие на гражданское общество. Основное внимание уделено институционализации религиозного образования в постсоветский период.

Ключевые слова: секуляризация, десекуляризация, социальный институт, институционализация, формализация, духовное образование, теология, религиозное образование, гражданское общество

Для цитирования: Самыгин С. И. Институциональный аспект процесса десекуляризации в России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 48–56. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-48-56>.

Original article

INSTITUTIONAL ASPECT OF THE PROCESS OF DESECULARIZATION IN RUSSIA

Sergey I. Samygin

*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia
darya.maksimovich@gmail.com, AuthorID RSCI: 429210, SPIN-code: 6390-7806*

Abstract. *The purpose of this article is to study the institutional aspect of the process of desecularization in Russian society.*

The research methodology *is based on the concepts of secularization and desecularization, institutional approach, the research uses methods of comparative and historical analysis.*

Research results. *In the last years of the existence of the USSR, as well as throughout the entire post-Soviet period, noticeable desecularization processes are taking place in Russia. Desecularization is also taking place in the sphere of culture, in the public and individual consciousness, and at the institutional level. In Russian society, desecularization also manifested itself in a radical change in the attitude of the state towards religion and religious organizations.*

The institutional aspect of desecularization, which has become the subject of analysis in this article, is manifested in the increase in the influence of religious organizations, an increase in their number, the development of a legal framework for regulating their activities, strengthening the material base, enhancing the interaction of religious organizations with other organizations and institutions, the active participation of religious organizations in the functioning of civil society in Russia. This article shows how the legal regulation of the activities of religious organizations developed, how their impact on civil society increased. The main attention is paid to the institutionalization of religious education in the post-Soviet period.

Keywords: *secularization, desecularization, social institution, institutionalization, formalization, spiritual education, theology, religious education, civil society*

For citation: *Samygin S. I. Institutional aspect of the process of desecularization in Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 48–56. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-48-56>.*

Введение. На исходе XX века господствующая в социологии религии парадигма секуляризации подверглась критике. Лежащие в основе этой парадигмы идеологические установки, подразумевающие убежденность в постепенном ослаблении религии в ходе модернизации, оказались несостоятельными. Во второй половине XX века всё более очевидным становилось, что религия не собирается сдавать свои позиции, о чем свидетельствовали и подъем «новых религий», и сохраняющаяся религиозность значительной части населения секулярных обществ, и подъем активности ислама. В результате возникают новые подходы, новые концепции, в рамках

которых анализируется состояние религии в современных обществах.

Один из наиболее влиятельных теоретиков секуляризации П. Бергер, пересмотрев свои взгляды, предложил понятие десекуляризации. Он понимал под десекуляризацией процесс, обратный секуляризации, некое возвратное движение, однако он не предложил разработанной концепции десекуляризации. Тем не менее понятие десекуляризации получило широкое распространение, хотя оно и вызывает вопросы.

Не ко всем проявлениям религиозной активности в современном мире можно применить это понятие. Сложно, например, гово-

речь о десекуляризации применительно к исламскому миру, поскольку ислам там никогда и не прекращал быть влиятельной силой. Сложно говорить и о какой-то выраженной десекуляризации в западном мире, где религиозность населения не претерпела существенных изменений. Однако есть общества, где динамика религиозных процессов действительно может быть описана при помощи понятия десекуляризации — возвращения религии в пространство, откуда она была вытеснена. И российское общество относится к числу таких обществ.

Процесс десекуляризации может разворачиваться на разных уровнях и в разных сферах. Можно, например, говорить о десекуляризации культуры, десекуляризации общественного сознания. Но в данной статье речь пойдет об институциональном аспекте процесса десекуляризации в современной России.

Основное содержание исследования.

В постсоветский период в российском обществе наблюдается десекуляризация — возврат религии в публичную сферу, религиозное возрождение. Этот процесс начался еще в последние годы существования советского государства, но в полной мере развернулся уже после распада СССР. Институциональный аспект постсоветской десекуляризации нашел свое выражение, прежде всего, в возрастании социальной и культурной роли религиозных организаций и наиболее крупной из них — Русской Православной церкви.

Рост влияния религии имел не только символический характер. Он выражался в расширении организационных структур, укреплении экономического положения официальных религиозных организаций, формировании правовой базы, регулирующей их деятельность и взаимодействие с другими организациями и властью. В современном российском обществе зарегистрированные религиозные организации являются субъектами права и могут осуществлять довольно широкий круг деятельности, отнюдь не только культовой, что существенно отличает нынешнюю ситуацию от положения религиозных организаций в СССР. Однако существенное изменение положения религиозных организаций произошло еще в последние годы существования СССР.

Важным символическим событием было празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 году. В 1990 году, незадолго до распада СССР, был принят Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий», который действовал до 1997 года. В конце 80-х годов прошлого века на территории СССР начался рост количества православных приходов и процесс возвращения Церкви храмов. За 1985–1989 годы в СССР было зарегистрировано 4720 религиозных организаций, а в РСФСР — 1012 [9]. В это же время активизировался и ислам в мусульманских регионах России.

Принятый Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 года существенно изменил положение религиозных организаций. Возникла возможность получения юридического лица религиозными организациями. Регистрация религиозных организаций становилась добровольной, в то время как ранее она была обязательной, но получения юридического лица за собой не влекла.

Новый закон открывал широкие возможности для деятельности религиозных организаций. Они получали доступ в средства массовой информации, могли заниматься благотворительностью. Они получали право на возврат культовых зданий. Однако из-за распада СССР этот закон действовал недолго. Основным действующим нормативным актом до 1997 года оставался Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 года. Данный Закон был ориентирован на реализацию принципов свободы совести и свободы вероисповедания. Этот же Закон дал юридическое определение религиозного объединения и предоставлял им многочисленные права, помимо упомянутого выше права получения юридического лица.

Согласно этому закону религиозные объединения могли основывать места богослужений и содержать их, свободно проводить религиозные обряды, причем религиозные объединения получали право заниматься культовой деятельностью в медицинских учреждениях, в местах заключения, в армии. Религиозные объединения получали право издавать религиозную литературу, производить и распространять предметы культового назначения, заниматься различными видами

культурной деятельности, просвещением, за-
вязывать международные контакты.

Новый закон практически никак не регу-
лировал деятельность представителей иност-
ранных религиозных объединений на терри-
тории России, что довольно быстро вызвало
некоторые проблемы. В образовавшийся
после распада СССР и краха государствен-
ной идеологии мировоззренческий вакуум
хлынули представители самых разных ре-
лигиозных идей, и 90-е годы прошлого века
стали для России временем расцвета самых
причудливых религиозных групп.

В этот период государство практически
устранилось из сферы регуляции религиоз-
ной деятельности, хотя существовали орга-
низационные структуры, чьей задачей было
обеспечивать взаимодействие религиозных
объединений с государством. Это были Ко-
миссия по вопросам религиозных объеди-
нений при Правительстве РФ, созданная
в 1994 году, и Совет по взаимодействию с ре-
лигиозными объединениями при Президенте
РФ, созданный в 1995 году.

Деятельность новых религиозных движе-
ний (НРД) вызывала озабоченность не толь-
ко представителей традиционных религиоз-
ных организаций, но и общественности, что
побудило Государственную Думу принять
в декабре 1996 года обращение к Президенту
«Об опасных последствиях воздействия неко-
торых религиозных организаций на здоровье
общества, семьи, граждан России». В пери-
од с 1994 по 1997 годы многие субъекты РФ
принимали свои законы для упорядочивания
деятельности НРД.

В этот же период продолжался процесс пе-
редачи религиозным организациям, главным
образом, РПЦ, культовых зданий и объектов
религиозного назначения, что укрепляло мате-
риальную базу религиозных организаций.

М.О. Шахов приводит следующие циф-
ры: «в период до осени 1998 г. в пользование
религиозным организациям было передано
более 4000 недвижимых объектов, из них
1900 памятников истории и культуры феде-
рального и местного значения. Из них Рус-
ской Православной Церкви передано около
3500 объектов. Такая значительная доля в об-
щем количестве объясняется тем, что пра-
вославных культовых зданий существовало
в досоветский период и сохранилось значи-

тельно больше, чем культовых зданий других
конфессий.

За период с 1988 по 1998 гг. передано свы-
ше 15000 музейных предметов, в частности
мощи, иконы. К 1998 г. передача имущест-
ва, проходившая в абсолютном большинст-
ве случаев в пользование, но не в собствен-
ность религиозных организаций, сократилась
по объективным причинам, т.к. значительная
часть того имущества религиозного назначе-
ния, которое можно было передать без осо-
бых затруднений, оказалась передана» [9].

Важной вехой в процессе постсоветской
институционализации религии было приня-
тие в 1997 году Федерального закона «О сво-
боде совести и о религиозных объединени-
ях». После принятия этого закона был принят
еще ряд подзаконных актов. В результате
был усилен государственный контроль за де-
ятельностью религиозных организаций.

Контроль за соблюдением Устава рели-
гиозной организации был возложен на орган,
который осуществлял её регистрацию. Осу-
ществление надзора за исполнением зако-
нодательства о свободе совести и о религи-
озных объединениях возлагалось на органы
прокуратуры. В субъектах федерации про-
должался процесс создания органов по свя-
зи с религиозными объединениями. Таким
образом, происходил дальнейший процесс
формализации и правовой регламентации ре-
лигиозной деятельности.

В этот же период произошли важные из-
менения в деятельности самих религиозных
организаций, демонстрирующие их стремле-
ние осмыслить и сформулировать свои фун-
кции в обществе. Основные российские ре-
лигиозные организации (Совет муфтиев Рос-
сии, РПЦ, Конгресс еврейских религиозных
организаций и объединений в России, ряд
протестантских организаций) принимают
«социальные концепции», в которых форму-
лируются позиции представителей этих орга-
низаций по наиболее значимым обществен-
ным вопросам.

В отличие от советского периода, когда
деятельность религиозных организаций была
сведена лишь к отправлению культа и нахо-
дилась на периферии социально-культурной
жизни, на современном этапе религиозные
организации, особенно наиболее крупные,
являются значимым элементом российского

гражданского общества. Они активно взаимодействуют не только с гражданами как верующими, но и с другими общественными организациями и учреждениями.

Религиозные организации активно занимаются социальными вопросами, благотворительностью, просвещением, присутствуют в информационном пространстве, пытаются вести диалог с обществом и влиять на его духовно-нравственное состояние.

В контексте анализа институционального аспекта десекуляризации в российском обществе необходимо обратиться к развитию религиозного образования.

О религиозном образовании можно говорить в двух смыслах: конфессиональное, духовное образование и светское религиозное (религиоведческое) образование. В постсоветской России активно развиваются и первое, и второе. Это представляет яркий контраст по сравнению с советским периодом, когда в светском образовании преподавание знаний о религии в отрыве от её атеистической критики практически отсутствовало, а духовные учебные учреждения можно было пересчитать по пальцам.

Помимо собственно образовательной деятельности, религиозные объединения в современной России имеют широкие возможности для издательской и просветительской деятельности, а также для научно-исследовательской.

В начале российского «религиозного возрождения» в конце 80-х — начале 90-х годов XX века образованного духовенства крайне не хватало, потому довольно часто представителями духовенства становились люди, не имеющие специальной подготовки. Это было одним из факторов, определявших довольно поверхностный характер первоначальной массовой религиозности.

Однако довольно быстро духовное образование разных уровней начало развиваться. Особенно динамично этот процесс разворачивался в православии. «Поместный собор 1988 г. явился переломным в плане открытия духовных учебных заведений: если к 1988 г. РПЦ располагала лишь двумя Духовными академиями и тремя семинариями,

то к 2002 г. число духовных учебных заведений заметно увеличилось — 5 академий, Богословский институт, 31 семинария, 32 училища и 4 пастырских курса, многократно возрос преподавательский персонал школ, в несколько раз увеличилось и число студентов. По решению Священного Синода (30–31 января 1991 г.) был создан Отдел Московского Патриархата по религиозному образованию и катехизации» [1].

К 2019 году, по данным главы Учебного комитета РПЦ протоиерея Максима Козлова¹, в России существовало 39 высших духовных образовательных учреждений — семинарий и Академий (Академий две — Московская и Санкт-Петербургская). Помимо этого, существуют такие высшие учебные заведения, как Свято-Тихоновский университет, Российский православный университет и Новосибирский православный институт.

Кроме высших духовных учреждений, существуют епархиальные Центры по подготовке приходских специалистов, таких центров насчитывается около сорока. Существуют также курсы повышения квалификации духовенства, развиваются дистанционные формы обучения. Разработан и внедряется стандарт регентского образования для духовных школ.

Высшее образование духовенства осуществляется в соответствии с установленными государственными стандартами и так же разделено на уровни, как светское образование: бакалавриат, магистратура, аспирантура.

В России также институционализируется светское теологическое образование. Еще в 1992 году Министерство образования РФ внесло специальность «Теология» в государственный классификатор образовательных специальностей, причем это было сделано без инициативы со стороны РПЦ. Был разработан и стандарт, который в тот момент почти не отличался от религиоведческого стандарта. С этого момента в некоторых светских вузах России стала осуществляться подготовка бакалавров по специальности «Теология».

С 1994 года Патриарх Алексей II и целый ряд представителей российского науч-

¹ Духовное образование: не реформы, а развитие [Электронный ресурс] // Православие. URL: <https://pravoslavie.ru/119734.html> (дата обращения: 15.02.2022).

ного сообщества неоднократно обращались к Министру образования и Президенту РФ с просьбой включить специальность «Теология» в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей и создать государственный образовательный стандарт, учитывающий специфику религиозного мировоззрения. Однако довольно долго эти инициативы не встречали понимания, наталкиваясь на значительное сопротивление со стороны части руководства наукой и образованием. После дискуссий и обсуждений в 1999 году специальность «Теология» была внесена в классификатор, позже были разработаны соответствующие образовательные стандарты. Весной 2001 года ряд российских вузов получили лицензию и ввели направление «православная теология». Факультеты и отделения теологии, которые были открыты раньше, получили новый образовательный православный стандарт. Однако до сих пор остаются некоторые вопросы, связанные в частности со сферой профессиональной деятельности выпускников светских вузов — бакалавров теологии.

Следующий шаг в институционализации теологии был осуществлен в 2015 году, когда Президиум Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России одобрил паспорт новой научной специальности «теология».

В постсоветский период осуществляется институционализация и духовного образования мусульман, с которым в советский период ситуация была еще хуже, чем с образованием православных. Начиная с 30-х годов XX века исламское образование в СССР сохранялось практически в нелегальной форме и форме домашнего обучения. Только в 1945 году (в рамках общего смягчения отношения к религии в годы войны) в Бухаре было открыто единственное в СССР исламское учебное заведение — медресе «Мир-Араб».

«С 1956 (на практике с 1957 г.) по 1961 г. в Ташкенте также функционировало медресе Баракхан. А в 1971 г. в Ташкенте открылся первый исламский институт — Ташкентский исламский институт имени имама Аль-Бухари, где могли совершенствовать свои знания будущие богословы и преподаватели медресе. В медресе обучались слушатели из всех республик СССР», — отмечает Е. Л. Дмитриева [2].

Активно исламское образование начинает развиваться в России после распада СССР. При этом процесс восстановления носил во многом хаотический характер. Значительное влияние нередко приобретали зарубежные учителя ислама и зарубежные центры обучения, в том числе связанные с радикальными течениями в исламе, что приводило к распространению в России религиозного экстремизма.

Однако с 2000-х годов ситуация начала меняться в сторону большей институционализации и формализации исламского образования. В 2005 году Совет муфтиев России принял решение о создании Совета по исламскому образованию. Впоследствии был утвержден единый образовательный стандарт для всех уровней религиозного обучения. В целях противодействия распространению исламского экстремизма в 2007 году была принята государственная программа подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама: преподавателей исламских учебных заведений, служащих аппаратов духовных управлений, работников издательств, собственно духовенства.

Специалистов по исламу начали готовить некоторые светские вузы: Московский государственный лингвистический университет, Казанский федеральный университет, Пятигорский лингвистический университет, Нижегородский государственный университет. Были созданы также исламские религиозные высшие учебные заведения: Московский исламский университет, Российский исламский институт в Уфе, Северо-Кавказский исламский университет. Как отмечает Е. Л. Дмитриева, в настоящий момент в России работает уже более 80 исламских учебных заведений разного уровня. Активно осуществляется также издательская и просветительская деятельность. Учитывая влияние исламского фактора в современном мире, можно сказать, что институционализация исламского образования в России приобретает огромное значение для сохранения межконфессионального согласия и диалога.

Процессы развития и институционализации религиозного образования осуществлялись в постсоветский период и в рамках других традиционных для российского общества конфессий.

Институционализация деятельности религиозных организаций осуществлялась в постсоветской России и в других сферах, не только образовательной. Важной сферой деятельности религиозных организаций является благотворительность.

В частности, при РПЦ создан Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению, который осуществляет руководство церковной благотворительностью на разных уровнях.

На официальном сайте РПЦ сообщается, что церковь ведет значительную работу по оказанию благотворительной помощи нуждающимся. В каждой епархии действуют благотворительные столовые. Церковь активно сотрудничает с медицинскими учреждениями, при больницах создаются сестричества, строятся храмы и часовни. Организовано несколько десятков церковных домов престарелых, формируются православные приюты для несовершеннолетних. Церковь занимается также благотворительной помощью наркозависимым и алкоголикам, соответствующие отделы имеются во многих епархиях. Церковь работает и в местах лишения свободы, практически во всех учреждениях имеются церковные помещения и общины.

Благотворительная деятельность РПЦ, как и других российских религиозных организаций, осуществляется на основе существующего Федерального Закона от 26 сентября 1997 года №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», ст. 1 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».

Заключение. В последние годы существования СССР, а также на протяжении всего постсоветского периода в России осуществляются заметные десекуляризационные процессы. Десекуляризация прослеживается на разных уровнях. В сфере культуры и в общественном сознании она проявляется в широком распространении религиозных идей и смыслов, религиозной символики, религиозного творчества, в возрастании значимости религиозной принадлежности для индивидуальной и коллективной идентичности, осознании значимости религиозного наследия для национальной культуры.

Институциональный аспект десекуляризации, ставший предметом анализа в данной статье, проявляется в возрастании влияния религиозных организаций, увеличении их количества, разработке нормативно-правовой базы для регуляции их деятельности, укреплении материальной базы, активизации взаимодействия религиозных организаций с другими организациями и учреждениями, активном участии религиозных организаций в функционировании гражданского общества в России.

Список источников

1. Гарькин И. Н. Православное духовное образование в России в 1990-е годы: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2013. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnoe-duhovnoe-obrazovanie-v-rossii-v-1990-e-gg-problemy-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 15.02.2022).

2. Дмитриева Е. Исламское образование в России: история и современность [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. Бюллетень. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-obrazovanie-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 15.02.2022).

3. Ерофеев К. Б. Благотворительная и социальная деятельность религиозных организаций [Электронный ресурс] // Приход. 2010. №5. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1281610.html> (дата обращения: 11.02.2022).

4. Касьянов В. В., Эгильский Е. Э., Самыгин С. И. Новые религиозные движения в западных странах: возникновение и рост в 60-х-80-х годах XX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №11. С. 40–45.

5. Матецкая А. В. Десекуляризация в российском обществе: предпосылки и проявления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. №6. С. 275–281.

6. Самыгин С. И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия экстремизму // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. №4. С. 167–179.

7. Эгильский Е. Э., Касьянов В. В., Самыгин С. И. Современное славянское неоязычество: сущность, предпосылки, перспективы // Национальное здоровье. 2018. №2. С. 331–340.

8. Эгильский Е. Э., Матецкая А. В., Самыгин С. И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М.: Кнорус, 2011. 224 с.

9. Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации [Электронный ресурс]. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 528 с. URL: <https://pravoslavie.ru/60168.html> (дата обращения: 13.02.2022).

References

1. Gar'kin I. N. Pravoslavnoe duhovnoe obrazovanie v Rossii v 1990-e gody: problemy i perspektivy [Orthodox spiritual education in Russia in the 1990s: problems and prospects] [Elektronnyj resurs]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2013; (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnoe-duhovnoe-obrazovanie-v-rossii-v-1990-e-gg-problemy-i-perspektivy/viewer> (data obrashheniya: 15.02.2022). (In Russ.).

2. Dmitrieva E. Islamskoe obrazovanie v Rossii: istoriya i sovremennost' [Islamic education in Russia: History and modernity] [Elektronnyj resurs]. *Rossija i musul'manskij mir. B'ulleten'* [Russia and the Muslim world. Bulletin]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-obrazovanie-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (data obrashheniya: 15.02.2022). (In Russ.).

3. Erofeev K. B. Blagotvoritel'naja i social'naja dejatel'nost' religioznyh organizacij [Charitable and social activities of religious organizations] [Elektronnyj resurs]. *Prihod* [Parish]. 2010; (5). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1281610.html> (data obrashheniya: 11.02.2022). (In Russ.).

4. Kas'janov V. V., Jegil'skij E. Je., Samygin S. I. Novye religioznye dvizhenija v zapadnyh stranah: vzniknovenie i rost v 60-h-80-h godah XX veka [New religious movements in Western countries: emergence and growth in the 60s-80s of the twentieth century]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2017; (11): 40–45. (In Russ.).

5. Mateckaja A. V. Desekuljarizacija v Rossijskom obshhestve: predposylki i projavlenija [Desecularization in Russian society: prerequisites and manifestations]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2020; 13(6): 275–281. (In Russ.).

6. Samygin S. I. Religioznaja bezopasnost' obshhestva v kontekste obespečenija religioznoj svobody i protivodejstvija jekstremizmu [Religious security of society in the context of ensuring religious freedom and countering extremism]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2017; 6(4): 167–179. (In Russ.).

7. Jegil'skij E. Je., Kas'janov V. V., Samygin S. I. Sovremennoe slavjanskoe neojazyčestvo: sushhnost', predposylki, perspektivy [Modern Slavic neo-paganism: essence, prerequisites, prospects]. *Nacional'noe zdorov'e* [National Health]. 2018; (2): 331–340. (In Russ.).

8. Jegil'skij E. Je., Mateckaja A. V., Samygin S. I. Novye religioznye dvizhenija. Sovremennye netradicionnye religii i ezotericheskie učenija [New religious movements. Modern non-traditional religions and esoteric teachings]. Moscow: Knorus, 2011. 224 p. (In Russ.).

9. Shahov M. O. Pravovye osnovy dejatel'nosti religioznyh ob'edinenij v Rossijskoj Federacii [Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2013. 528 p. URL: <https://pravoslavie.ru/60168.html> (data obrashheniya: 13.02.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 24.02.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing on 22.02.2023; accepted for publication on 24.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Самыгин Сергей Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры «Финансовый и HR-менеджмент», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Sergey I. Samygin — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of «Financial and HR Management», Rostov State University of Economics (RSUE).

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 338.431.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-57-62

**СТРАТЕГИИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ
(НА ПРИМЕРЕ МАТВЕЕВО-КУРГАНСКОГО РАЙОНА
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Марина Викторовна Середина¹, Диана Константиновна Остапенко²✉

*^{1, 2}Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
имени А. К. Кортунова (филиал),*

Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия

¹sermarvi@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2074-394X,

AuthorID РИНЦ: 434075, SPIN-код: 6031-5716

²ZO.D.K.Zlina@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-0743-6558

Аннотация. *Целью исследования* является анализ социальных проблем сельской молодёжи и разработка стратегий по их самореализации на сельских территориях (на примере Матвеево-Курганского района Ростовской области).

Методологическую базу исследования составляют оценочные данные социологического опроса.

Результаты исследования включают обзор основных проблем миграции сельской молодёжи. Снижение проблем по самореализации, возникающих у молодого населения, проживающего на сельских территориях, возможно только через политику, причём целостную и конструктивную, направленную на улучшение жизнедеятельности молодых сельских жителей.

Ключевые слова: молодёжь, сельские территории, самореализация, государство, политика

Для цитирования: Середина М. В., Остапенко Д. К. Стратегии самореализации современной молодёжи на сельских территориях (на примере Матвеево-Курганского района Ростовской области) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 57–62. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-57-62>.

Original article

STRATEGIES OF SELF-REALIZATION OF MODERN YOUTH IN RURAL AREAS (ON THE EXAMPLE OF MATVEEVO-KURGAN DISTRICT OF ROSTOV REGION)

Marina Viktorovna Sereda¹, Diana Konstantinovna Ostapenko²✉

^{1,2}*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

¹*sermarvi@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2074-394X,*

AuthorID RSCI: 434075, SPIN-code: 6031-5716

²*ZO.D.K.Zlina@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-0743-6558*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the social problems of rural youth and develop strategies for their self-realization in rural areas (using the example of the Matveevo-Kurgan district of the Rostov region).*

The methodological basis of the study is the estimated data of a sociological survey.

The results of the study include an overview of the main problems of rural youth migration. Reducing the problems of self-realization that arise among the young population living in rural areas is possible only through a policy, and a holistic and constructive one aimed at improving the livelihoods of young rural residents.

Keywords: *youth, rural areas, self-realization, the state, politics*

For citation: *Sereda M. V., Ostapenko D. K. Strategies of self-realization of modern youth in rural areas (on the example of Matveevo-Kurgan district of Rostov Region) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 57–62. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-57-62>.*

Введение. В России остро стоит вопрос о самореализации молодёжи на селе. Данные проблемы актуальны для проживающей в сельской местности современной молодёжи и являются весьма важными, потому что именно они в перспективе будут определять вектор долгосрочных стратегий развития сельских территорий.

Молодёжь является стратегическим ресурсом, который отличается возрастными рамками и особенностями, своим статусом [4].

Нынешнее экономическое несоответствие между городами и сёлами приводит к уменьшению денацификации инфраструктуры села. Из-за отсутствия постоянной и хорошо оплачиваемой работы, хорошего жилья, благоприятных социальных условий происходит большой отток активной части населения из сельской местности [7].

На сегодняшний день молодёжь лишена для себя новых стимулов, перспективных

целей, строгого механизма государственной поддержки. К сожалению, молодые сельские жители вынуждены неосознанно искать необходимые для жизни механизмы личностного роста, полагаясь на свои силы, а не на поддержку государства.

В 2022 году в сельской местности Российской Федерации проживало 36,9 миллионов человек, в 2016 году — 38 миллионов человек [6]. С каждым годом эти данные становятся меньше и меньше, и происходит это в результате выезда молодёжи из сельской местности в города.

Методы исследования. Данная работа базируется на интерпретации результатов социологического исследования, проводившегося в декабре 2022 года в Матвеево-Курганском районе Ростовской области. Социологическое исследование было направлено на анализ миграции современной молодёжи

из сельских территорий. Респондентами стали представители молодежи, проживающие в сёлах Матвеево-Курганского района Ростовской области от 18 до 30 лет. Объём выборочной совокупности составил 147 человек¹.

Категорией анализа выступают основные проблемы миграции сельской молодёжи. Исследование носит пилотный характер, в перспективе при проведении масштабного исследования возможно выявить основные проблемы и дальнейшие пути их разрешения.

Результаты. Исследуя результаты, можно отметить, что 90% опрошенных людей молодого поколения планируют в ближайшем будущем уехать из сельской местности в городские населенные пункты. Одной из актуальных для молодёжи проблем является экономический аспект, т.е. недостаточное количество мест трудоустройства, сравнительно низкие оплаты труда сельского жителя (так ответили 67% опрашиваемой молодёжи). Также первоочередными являются проблемы медицинского обслуживания и вопросы, связанные с обеспечением жизненной среды в условиях комфорта. Недостаток или

полное отсутствие спортивных сооружений для занятий физической культурой, получения дополнительных видов образования, низкое качество телефонной связи и доступа в сеть Интернет является группой проблем, которые характеризуются как недостатки коммуникативного и социального пространства. Полученные варианты ответа имелись у 10% молодых жителей сельской местности при проведении социологического опроса (рис. 1).

В конце проводимого опроса в Матвеево-Курганском районе Ростовской области люди молодого возраста пришли к мнению, что могут остаться проживать в тех местах сельского поселения, где родились, только при благоприятных условиях проживания и наличия перспектив трудоустройства.

Обсуждение. Проведенные исследования социологического направления и анализ социального и экономического состояния Матвеево-Курганского района Ростовской области позволили определить основную проблему оттока молодёжи из сельской местности — это отсутствие перспективной трудовой

Рис. 1. Сгруппированные показатели основных причин оттока молодого населения из Матвеево-Курганского района Ростовской области, в среднем за 2020–2022 гг.

Fig. 1. Grouped indicators of the main reasons for the outflow of young people from the Matveevo-Kurgan district of the Rostov Region, on average for 2020–2022

¹ Администрация Матвеево-Курганского района Ростовской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <https://matveevkurgan.donland.ru/> (дата обращения: 27.01.2023).

занятости. Специалисты сразу после окончания профессиональных учебных заведений не трудоустраиваются в сельской местности в основном из-за невысоких оплат труда и отсутствия собственного жилого дома или квартиры. В целях разрешения представленных проблем в сельских территориальных местностях необходима организация квалифицированной базы кадрового состава в муниципальных образованиях, создание программ различных уровней: федеральных, региональных и местных по предоставлению жилой площади молодым специалистам, приехавшим после окончания профессиональных образовательных учреждений в сельскую местность для осуществления трудовых функций. В настоящее время приняты многие государственные программы по поддержке молодых специалистов, им предоставляются субсидии и так называемые «подъёмные» для возможности приобретения всего необходимого для начала самостоятельной жизнедеятельности.

В первую очередь администрации сельских поселений должны обеспечивать население высокооплачиваемой работой. Люди уезжают из сельских территорий, так как не имеется достойной работы. Кроме того, по нашим опросам, более 70% молодежи не хватает для нормальной жизни на селе инфраструктуры: медицинских учреждений, средних образовательных школ, центров дополнительного образования, качественного образования из-за нехватки опять-таки педагогов, а также объектов для занятий спортом и зон отдыха, но это не является решающим фактором [5]. Кроме того, для социального развития села необходимо, чтобы люди самостоятельно стремились к самоорганизации, а также были более благоразумнее и ответственнее.

Подводя итоги, необходимо отметить, что решение стоящих демографических проблем сельской местности возможно только через конструктивную политику, направленную на обеспечение трудовой занятости и повышение комфортабельности проживания людей в сельских населенных пунктах. На сегодняшний день, пока в экономике

будет доминировать тенденция выживания большого количества сельских жителей, государству необходимо взять на себя роль так называемого регулятора для выхода сельских территорий на путь устойчивого экономического развития и повышения уровня благосостояния населения, поскольку экономика сельских территорий в настоящее время не является достаточно устойчивой и только за счёт регулирования рыночной экономики без вмешательства государства не способна обеспечить функционирование и развитие экономики и социальной сферы сельских населённых территорий².

Заключение. В решении важных вопросов, касающихся знания истинного положения молодого населения, его социальных и экономических проблем, оказания молодым людям помощи в выборе перспективного жизненного пути, необходимо осуществлять контролируемую деятельность органов государственной власти и местного самоуправления.

Главной задачей общества и государства является оказание поддержки молодёжным объединениям, которые занимаются направлением улучшения качества жизни молодого поколения [8]. Вышеперечисленные проблемы требуют от органов государственной власти внимательного подхода к разработке семейной политики.

Список источников

1. Бабочкин П.И. Социализация молодежи: опыт, проблемы и мероприятия // Социально-гуманитарные знания. 2019. №1. С. 28.
2. Долгаева Е.И., Кулагина Т.А. Межрегиональная миграция как фактор социального самочувствия студентов [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. 2018. №11(116). URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 27.12.2022).
3. Захаркевич Ю.С. Молодежная политика как социальный институт: анализ современной российской ситуации // Современное общество и власть. 2018. №1(15). С. 38–42.

2 В Ростовской области состоялся VII областной форум сельской молодежи «Молодежная стратегия развития села» [Электронный ресурс] // Молодежная общественная организация России: Российский союз сельской молодежи. URL: <https://rssm.su/> (дата обращения: 23.12.2022).

4. Одегов Ю.Г. Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России [Электронный ресурс] // Мониторинг. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 19.01.2023).

5. Ростовская Т.К. Сельская молодежь как экономический и социально-педагогический кадровый потенциал развития села / Т.К. Ростовская, З.Н. Санджиев // ЦИТИСЭ. 2018. №2(15). С. 21.

6. Серeda М.В. Государственная поддержка молодого населения, проживающего в сельской местности / М.В. Серeda, Д.К. Остапенко // Современное государственное и муниципальное управление: проблемы, технологии, перспективы: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции (Донецк, 26 мая 2022 г.). Т. 1. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2022. С. 279–283.

7. Серeda М.В. Формирование ценностных ориентиров современной молодежи на основе социально-культурного развития села / М.В. Серeda, Д.К. Остапенко // Экономическая безопасность АПК: проблемы и направления обеспечения: сборник научных трудов II Национальной науч.-практ. конференции (Киров, 02 марта 2022 г.). Киров: ФГБОУ ВО Вятский ГАТУ, 2022. С. 201–205.

8. Сушко П.Е. Самореализация молодежи сельского региона: особенности, состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник РУДН: Социология. 2013. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-molodezhi-selskogo-regiona> (дата обращения: 29.01.2023).

References

1. Babochkin P.I. Socializacija molodezhi: opyt, problemy i meroprijatija [Socialization of youth: experience, problems and activities]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Social and humanitarian knowledge]. 2019; (1): 28. (In Russ.).

2. Dolgaeva E.I., Kulagina T.A. Mezhhregional'naja migracija kak faktor social'nogo samochuvstvija studentov [Interregional migration as a factor of social well-being of students] [Elektronnyj resurs]. *Ogarjov-Online*. 2018; 11(116). URL: <https://cyberleninka.ru/> (data obrashhenija: 27.12.2022). (In Russ.).

3. Zaharkevich Ju. S. Molodezhnaja politika kak social'nyj institut: analiz sovremennoj rossijskoj situacii [Youth policy as a social institution: analysis of the modern Russian situation]. *Sovremennoe obshhestvo i vlast'* [Modern Society and power]. 2018; 1(15): 38–42. (In Russ.).

4. Odegov Ju. G. Neustojchivaja zanjatost' kak vozmozhnyj faktor ispol'zovanija trudovogo potenciala molodezhi Rossii [Unstable employment as a possible factor of using the labor potential of the youth of Russia] [Elektronnyj resurs]. *Monitoring*. 2018; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/> (data obrashhenija: 19.01.2023). (In Russ.).

5. Rostovskaja T.K. Sel'skaja molodezh' kak jekonomicheskij i social'no-pedagogicheskij kadrovij potencial razvitija sela [Rural youth as an economic and socio-pedagogical personnel potential of rural development]. T.K. Rostovskaja, Z.N. Sandzhiev. *CITISJe*. 2018; 2(15): 21. (In Russ.).

6. Sereda M.V. Gosudarstvennaja podderzhka molodogo naselenija, prozhivajushhego v sel'skoj mestnosti [State support of the young population living in rural areas]. M.V. Sereda, D.K. Ostapenko. *Sovremennoe gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: problemy, tehnologii, perspektivy: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Doneck, 26 maja 2022 g.) [Modern state and municipal management: problems, technologies, prospects: Collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference (Donetsk, May 26, 2022)]. Vol. 1. Doneck: Doneckij nacional'nyj tehnickij universitet, 2022. P. 279–283. (In Russ.).

7. Sereda M.V. Formirovanie cennostnyh orientirov sovremennoj molodezhi na osnove social'no-kul'turnogo razvitija sela [Formation of value orientations of modern youth on the basis of socio-cultural development of the village]. M.V. Sereda, D.K. Ostapenko. *Jekonomicheskaja bezopasnost' APK: problemy i napravlenija obespechenija: sbornik nauchnyh trudov II Nacional'noj nauch.-prakt. konferencii* (Kirov, 02 marta 2022 g.) [Economic security of the agro-industrial complex: problems and areas of support: collection of scientific papers of the II National Scientific and Practical Conference (Kirov, March 02, 2022)]. Kirov: FGBOU VO Vjatskij GATU, 2022. P. 201–205. (In Russ.).

8. Sushko P.E. Samorealizacija molodezhi sel'skogo regiona: osobennosti, sostojanie i perspektivy [Self-realization of the youth of the rural region: features, state and prospects] [Elektronnyj resurs]. Vestnik RUDN: Sociologija [Bulletin

of the RUDN: Sociology]. 2013; (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samorealizatsiya-molodezhi-selskogo-regiona> (data obrashhenija: 29.01.2023). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 23.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing on 23.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Серeda Марина Викторовна — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры «Менеджмент и информатика», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Marina V. Sereda — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Informatics, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Остапенко Диана Константиновна — студент факультета «Бизнес и социальные технологии», Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова (филиал), Донской государственный аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Diana K. Ostapenko — Student of the Faculty of Business and Social Technologies, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

111 Pushkinskaya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Серeda М. В. — научное руководство; построение концепции научного исследования; доработка текста.

Остапенко Д. К. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Sereda M. V. — scientific guidance; construction of the concept of scientific research; revision of the text.

Ostapenko D. K. — writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 371

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-63-73

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Юлия Геннадьевна Тищенко¹✉, Наталья Юрьевна Ковалева²,
Ирина Александровна Тищенко³**

¹*Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия*

^{2,3}*Шахтинский автодорожный институт (филиал),*

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Шахты, Россия

¹*yuliatiss@yandex.ru*✉, ORCID: 0000-0001-5948-0692

²*roberto81@yandex.ru*, ORCID: 0000-0001-8296-6404, WoS Research ID: ABG-6111-2020

³*lingvan@yandex.ru*, ORCID: 0000-0003-1147-7245,

WoS Research ID: ABG-6573-2020, Scopus ID: 57222245489

Аннотация. Цель исследования состоит в разработке методики оценки эффективности профессиональной педагогической деятельности по ее конечным результатам — психологическому и функциональному, выступающим в качестве критериев ее (деятельности) эффективности.

Методологическая база исследования — общая теория функционирования педагогических систем Н. В. Кузьминой, методы системно-структурного подхода к анализу педагогических явлений.

Результаты исследования. Разработана методика оценки эффективности профессиональной педагогической деятельности: балльные шкалы для оценки психологического и функционального результатов педагогической деятельности, методика их (результатов) оценивания.

Перспективы исследования: разработка балльных шкал для оценки психологического и функционального результатов деятельности педагогов различных учебных дисциплин разных ступеней системы образования.

Ключевые слова: критерии эффективности профессиональной педагогической деятельности, методика оценки эффективности деятельности педагога

Для цитирования: Тищенко Ю.Г., Ковалева Н.Ю., Тищенко И.А. Методика оценки эффективности профессиональной педагогической деятельности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 63–73. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-63-73>.

Original article

PERFORMANCE ASSESSMENT METHODOLOGY PROFESSIONAL PEDAGOGICAL ACTIVITIES

Yulia G. Tishchenko^{1✉}, Natalya Yu. Kovaleva², Irina A. Tishchenko³

¹Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

^{2,3}Shakhty Road Institute (branch),

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

¹yuliatiss@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0001-5948-0692

²roberto81@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8296-6404, WoS Research ID: ABG-6111-2020

³lingvan@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1147-7245,

WoS Research ID: ABG-6573-2020, Scopus ID: 57222245489

Abstract. *The purpose of the research is to develop a methodology for assessing the effectiveness of professional pedagogical activity according to its final results — psychological and functional, acting as criteria for its (activity) effectiveness.*

The methodological basis of the research is the general theory of pedagogical systems functioning of N. V. Kuzmina, methods of system-structural approach to the analysis of pedagogical phenomena.

Results of the research. *The methods for assessing the effectiveness of professional pedagogical activity were developed: point scales for psychological and functional assessment of pedagogical activity results, the methods for their (results) evaluation.*

Prospects for research: *the development of scales to assess the psychological and functional performance of teachers in different academic disciplines at different levels of the education system.*

Keywords: *criteria for effectiveness of professional pedagogical activity, methodology of evaluation of teacher's effectiveness*

For citation: Tishchenko Yu. G., Kovaleva N. Yu., Tishchenko I. A. Performance Assessment Methodology Professional Pedagogical Activities // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 63–73. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-63-73>.

Введение. Реформирование отечественной системы образования, осуществляющееся в настоящее время в нашей стране, нацелено в основном на повышение его качества, которое должно стать мерилем всех нововведений и изменений, вносимых сегодня в национальную образовательную политику и практику.

Качество образования, как известно, зависит от многих взаимосвязанных факторов и прежде всего от качества, уровня профессиональной деятельности педагогов, их педагогического мастерства. В связи с этим проблема совершенствования профессиональной деятельности педагога, его педагогического мастерства приобретает особую значимость и актуальность.

Методология. Исследование названной проблемы в современной психолого-педагогической науке осуществляется в нескольких направлениях, одно из которых — разработка различных способов измерения педагогических явлений и критериев эффективности профессиональной педагогической деятельности.

Анализ результатов теоретических и экспериментальных исследований, выполненных в этом направлении под руководством профессора Н.В. Кузьминой, свидетельствует о значительных успехах современной психолого-педагогической науки в области разработки достаточно эффективных способов измерения педагогических явлений, а также критериев эффективности педагогического труда [1; 346; 7].

Как известно, критериями эффективности любой профессиональной деятельности человека являются ее конечные результаты.

Рассматривая профессиональную деятельность педагога как «...процесс решения бесчисленного ряда педагогических задач, подчиненных общей конечной цели — формированию...» всесторонне и гармонично развитой личности, «... ее мировоззрения, убеждений, сознания, поведения» [4, с. 54], следует отметить, что все трудности оценки ее (деятельности) эффективности связаны с невозможностью получить реально осязаемый результат в привычных формах, предметах, продуктах и т.д. Тем не менее при формулировании любой педагогической задачи преподаватель всегда ориентируется на определенный парциальный результат: функциональный или психологический [3; 4; 5].

Психологический результат является определяющим, поскольку характеризует конечный продукт деятельности педагога — психологические новообразования в личности или деятельности обучаемого, которые материализуются в психическом облике последнего — в знаниях, умениях, навыках, чертах его личности. Следовательно, продуктивное решение педагогической задачи характеризуется умением педагога за отводимое на процесс обучения время поднять на новый уровень обученности и воспитанности всех или большинства учащихся [3].

Важнейшей психологической предпосылкой успешного решения преподавателем педагогических задач, как указывает профессор Н.В. Кузьмина, является овладение им всей системой профессионально значимых умений, позволяющих ему успешно исследовать рабочую ситуацию (объект и условия деятельности), формулировать задачи и успешно их решать в соответствии с искомыми результатами (цель учебного занятия — это «идеальный» или мысленно представленный его результат). Профессиональное, продуктивное (успешное) решение педагогической задачи характеризуется умением педагога оперировать теоретическими знаниями на всех этапах решения задачи, используя при этом определенную систему и последовательность педагогически целесообразных действий, что в свою очередь возможно лишь при достаточно высокой степени сформиро-

ванности его основных профессионально значимых умений [3].

Таким образом, функциональный результат деятельности педагога следует усматривать в продуктах деятельности, являющихся достоянием личности самого педагога, тем арсеналом средств, с помощью которых он решает различные педагогические задачи и от качества которых зависит успешность, следовательно, и продуктивность его деятельности.

Следует пояснить, что психологический результат свидетельствует о продуктивности профессиональной педагогической деятельности и проявляется в уровне знаний, умений и навыков обучающихся, уровне их воспитанности и т.д. Функциональный результат свидетельствует об успешности педагогической деятельности, под которой (успешностью) понимается достаточно высокая степень сформированности системы профессионально значимых умений педагога: гностических, проектировочных, конструктивных, организаторских и собственно коммуникативных, образующих общую структуру его профессиональной деятельности [3; 4; 7].

Таким образом, критериями эффективности профессиональной педагогической деятельности являются следующие два критерия:

1) психологический, отражающийся в уровне знаний, умений и навыков обучающихся по предмету, который определяется посредством среднего балла их успеваемости, и являющийся, в сущности, интегральным показателем, в котором количественно фиксируется и выражается как качество усвоения ими общенаучных знаний, так и степень овладения учащимися общенаучными и специальными умениями (специфическими для данной учебной дисциплины);

2) функциональный, отражающийся в степени сформированности системы профессионально значимых педагогических умений преподавателя, которая (степень) определяется методом рейтинга по пятибалльной шкале, где «5» — максимальная степень сформированности умения, «1» — «не сформировано», обсчет — суммарный [9].

Результаты многочисленных прикладных исследований подтверждают, что оценивание учительского труда по ведущим компонентам педагогической деятельности приближается

к объективным показателям и не вызывает затруднений у лиц, выступающих в качестве компетентных судей [2; 8; 10]. Следует также отметить, что вышеуказанные функциональные критерии выполняют функцию тех моделей, которые должны быть «заложены» в педагоге, сформированы у него, чтобы он стал профессионалом в своей сфере деятельности, поэтому все они вошли в качестве идеальных эталонов в методику, служащую для оценки уровня его профессиональной деятельности.

Проведение исследования. Итак, оценивание эффективности профессиональной педагогической деятельности должно, на наш взгляд, осуществляться следующим образом.

1. Оценка психологического результата деятельности педагога

Измерение уровня знаний, умений и навыков обучающихся по предмету осуществляет-

ся по балльной шкале, включающей перечень оцениваемых характеристик (например, объем теоретических знаний, основные навыки и умения, которыми должен овладеть обучающийся в процессе изучения конкретной учебной дисциплины) и ряд чисел, которые соответствуют определенной степени сформированности оцениваемой характеристики. В качестве примера приведена часть балльной шкалы (таблица 1), разработанной для измерения и оценивания уровня знаний, умений и навыков студентов по дисциплине «Иностранный язык» по окончании первого года обучения.

Степень сформированности знаний, умений и навыков студентов по иностранному языку оценивается по пятибалльной шкале, где «5» — «в максимальной степени», «4» — «в достаточной степени», «3» — «в средней степени», «2» — «в минимальной степени», «1» — «не сформировано».

Таблица 1
Table 1

Шкала 1 (психологический результат)
Scale 1 (psychological result)

Учебная дисциплина		ФИО ведущего преподавателя		Факультет, группа, курс			
Иностранный язык		Иванов И. И.		ЭФ, ЭПП-021			
№	ФИО студентов	Оцениваемые характеристики (оценка в баллах)					Средняя оценка уровня сформированности знаний, умений и навыков по предмету
		Навыки правильного произношения	Навыки правильного чтения	Владение лексическим материалом (1000ЛЕ)	Владение грамматическим материалом	...	
1	Краснов К. К.	3	3	4	3	...	3,4
2	Петров П. П.	4	4	4	4	...	4
3	Сидоров С. С.	3	3	4	4	...	3,6
4	Титов Т. Т.	5	5	5	4	...	4,8
5	Чернов Ч. Ч.	4	4	5	4	...	4,5
...	...	...	...	...	...	...	...
Средний балл в группе		4	4	4,2	4,1	...	4,4

Оценивание степени сформированности знаний, умений и навыков студентов по предмету осуществляется компетентными судьями (экспертами) по пятибалльной шкале на основании результатов опросов, контрольных работ, заданий, тестирования и т.д., выполненных обучаемыми.

В последней строке шкалы 1 отражена средняя оценка степени сформированности иноязычных знаний, умений и навыков группы в целом.

Средний балл успеваемости студента и группы в целом как интегральный показатель отражает и качество усвоения обучаемыми общенаучных и профессиональных знаний, и степень овладения ими общеучебными и специальными умениями (специфичными для данной учебной дисциплины).

Для получения надежных данных (то есть достоверных оценок) оценивание должно проводиться действительно компетентными лицами, как имеющими знания и опыт в оцениваемой области, так и знающими кон-

кретное явление, подлежащее оценке. Проведению оценивания должна предшествовать подготовка экспертов, включающая обсуждение оценок для достижения единообразия в их понимании.

Далее составляется шкала 2 (таблица 2), сводная по всем группам, в которых работает преподаватель, деятельность которого оценивается.

Вышеописанная методика дает возможность не только оценить эффективность деятельности педагога по важнейшему ее конечному результату (психологическому), но и выявить достоинства и недостатки деятельности как обучаемого, так и обучающего.

2. Оценка функционального результата деятельности педагога

Для измерения и оценки функционального результата деятельности педагога — степени сформированности системы его профессионально значимых педагогических умений — необходимо также разработать балльную шкалу, включающую перечень

Таблица 2
Table 2

Шкала 2 (психологический результат)
Scale 2 (psychological result)

Учебная дисциплина				ФИО ведущего преподавателя			
Иностранный язык				Иванов И. И.			
№	Факультет, группа, курс	Оцениваемые характеристики (оценка в баллах)					Средняя оценка степени сформированности знаний, умений и навыков студентов по группам и в целом
		Навыки правильного произношения	Навыки правильного чтения	Владение лексическим материалом (1000ЛЕ)	Владение грамматическим материалом	...	
1	ЭФ, ЭПП-о21	3,9	4,5	4,6	3,9	...	4,3
2	ЭФ, ЭПУ-о21	4,1	4,7	4,4	4,3	...	4,6
3	ЭФ, УПО-о21	4,2	4,4	4,1	3,9	...	4,3
4	...	...	...	...	...	...	...
...	...	...	...	...	...	...	...
Средняя оценка данной характеристики		4,7	4,8	4,4	4,1	...	4,4

Таблица 3
 Table 3

Шкала 3 (функциональный результат)
Scale 3 (functional result)

№	Оцениваемые характеристики	Баллы				
<i>I группа умений — гностические</i>						
1.1.	Знание своего предмета и умение пополнять свои знания новыми научными данными	5	4	3	2	1
1.2.	Владение методикой преподавания своего предмета	5	4	3	2	1
1.3.	Знание психологии усвоения своего предмета учащимися	5	4	3	2	1
1.4.	Знание социально-психологических, возрастных и индивидуальных особенностей обучаемых и умение их учитывать в своей повседневной деятельности	5	4	3	2	1
1.5.	Знание достоинств и недостатков собственной деятельности и личности	5	4	3	2	1
1.6.	Умение критически анализировать и объективно оценивать собственную деятельность, деятельность коллег, учащихся	5	4	3	2	1
1.7.	Умение постоянно совершенствовать собственную деятельность в соответствии с ее конечными целями	5	4	3	2	1
<i>II группа умений — проектировочные</i>						
2.1.	Умение формулировать и решать педагогические задачи в соответствии с искомым результатом	5	4	3	2	1
2.2.	Умение соотносить задачи конкретного учебного занятия с целью изучения темы и предмета в целом	5	4	3	2	1
2.3.	Умение проектировать систему заданий с учетом возрастных, индивидуальных особенностей и возможностей обучаемых	5	4	3	2	1
2.4.	Умение проектировать систему заданий с целью развития познавательной, творческой активности обучаемых, их самостоятельности	5	4	3	2	1
2.5.	Умение выбирать оптимальные методы и формы контроля, учета и оценки деятельности обучаемых	5	4	3	2	1
2.6.	Умение предвидеть возможные отклонения от намеченного плана и предусмотреть способы перекомпозиции плана своих действий	5	4	3	2	1
2.7.	Умение выстраивать весь процесс обучения в соответствии с поставленными целями, задачами	5	4	3	2	1
<i>III группа умений — конструктивные</i>						
3.1.	Умение конструировать учебную информацию с учетом новейших научных достижений, межпредметных связей	5	4	3	2	1
3.2.	Умение адаптировать учебный материал к уровню понимания обучающимися	5	4	3	2	1
3.3.	Умение выбирать рациональную структуру учебного занятия	5	4	3	2	1

Продолжение таблицы 3
 Continuation of table 3

3.4.	Умение выбирать оптимальные приемы и формы взаимодействия с обучаемыми, адекватные избранному методу обучения	5	4	3	2	1
3.5.	Умение конструировать систему проблемных заданий, нацеленных на развитие самостоятельной творческой активности обучаемых	5	4	3	2	1
3.6.	Умение выбирать оптимальные способы воздействия на обучаемых с целью организации их внимания и деятельности, установления и поддержания делового психологического контакта с ними	5	4	3	2	1
3.7.	Умение конструировать учебное занятие с учетом собственных особенностей и возможностей и возрастных, индивидуальных особенностей и возможностей обучаемых	5	4	3	2	1
<i>IV группа умений — организаторские</i>						
4.1.	Умение четко организовать деятельность обучаемых в течение учебного занятия	5	4	3	2	1
4.2.	Умение четко организовать собственную деятельность в процессе педагогического общения с обучаемыми	5	4	3	2	1
4.3.	Умение организовать целенаправленное и плодотворное взаимодействие с обучаемыми с целью достижения искомым результатов	5	4	3	2	1
4.4.	Умение гибко и умело управлять процессом обучения, своевременно корректируя свою деятельность и деятельность обучаемых, в зависимости от обстоятельств конкретного учебного занятия	5	4	3	2	1
4.5.	Умение применять разнообразные приемы включения обучаемых в деятельность	5	4	3	2	1
4.6.	Умение рационально сочетать индивидуальную, групповую и коллективную формы деятельности обучаемых в процессе учебного занятия	5	4	3	2	1
4.7.	Умение поддерживать дисциплину, интерес и внимание обучаемых на протяжении всего учебного занятия	5	4	3	2	1
<i>V группа умений — коммуникативные</i>						
5.1.	<i>Общие коммуникативные умения</i>					
5.1.1.	Умение быстро и легко входить в контакт с людьми	5	4	3	2	1
5.1.2.	Умение проявлять инициативность и активность в общении	5	4	3	2	1
5.1.3.	Умение устанавливать целесообразные взаимоотношения с людьми в процессе общения	5	4	3	2	1
5.1.4.	Умение предотвращать и разрешать конфликтные ситуации в общении	5	4	3	2	1

Окончание таблицы 3
 End of table 3

5.1.5.	Умение грамотно, ясно, логически стройно выражать свои мысли, намерения	5	4	3	2	1
5.1.6.	Умение ориентировать речь на собеседника	5	4	3	2	1
5.1.7.	Умение быстро реагировать на проявления собеседника	5	4	3	2	1
5.2	<i>Конативные умения</i>					
5.2.1.	Умение устанавливать педагогически целесообразные взаимоотношения с обучаемыми	5	4	3	2	1
5.2.2.	Умение завоевывать авторитет у обучаемых	5	4	3	2	1
5.2.3.	Умение поддерживать свой авторитет на протяжении всего времени общения с обучаемыми	5	4	3	2	1
5.2.4.	Умение управлять своим настроением, поведением, эмоциями	5	4	3	2	1
5.2.5.	Умение проявлять тактичность, требовательность во взаимоотношениях с обучаемыми	5	4	3	2	1
5.2.6.	Умение использовать каналы косвенных воздействий на обучаемых для снятия напряженности во взаимоотношениях	5	4	3	2	1
5.2.7.	Умение создавать благоприятный психологический климат в течение всего учебного занятия	5	4	3	2	1
5.3.	<i>Речевые умения</i>					
5.3.1.	Умение адекватно передать смысл высказывания и добиться его понимания учащимися	5	4	3	2	1
5.3.2.	Умение убедительно, образно, логически стройно и последовательно излагать учебный материал	5	4	3	2	1
5.3.3.	Умение грамотно формулировать вопросы, задания учащимся	5	4	3	2	1
5.3.4.	Умение тактично выражать свое мнение, критические замечания, аргументировать их	5	4	3	2	1
5.3.5.	Владение паралингвистическими средствами речевого общения (темпом, темпоритмом, интонационным рисунком и др.)	5	4	3	2	1
5.3.6.	Умение регулировать стиль общения с обучаемыми	5	4	3	2	1
5.3.7.	Уровень речевой антиципации	5	4	3	2	1

профессионально значимых умений и ряд чисел, которые соответствуют определенной степени их сформированности (таблица 3).

Степень сформированности системы профессионально значимых знаний и умений педагога определяется методом рейтинга по пятибалльной шкале, где «5» – максимальная степень сформированности умения, «4» — «в достаточной степени», «3» — «в средней степени», «2» — «в минимальной степени», «1» — «не сформировано», подсчет суммарный.

Данная балльная шкала может быть дополнена перечнем специальных умений, которыми должен владеть преподаватель той или иной учебной дисциплины.

При оценивании функционального результата педагогической деятельности по вышеприведенной балльной шкале возможно получение двух оценок: 1) оценки «по вертикали», то есть оценки экспертов (компетентных судей) и 2) оценки «по горизонтали», то есть оценки коллег, работающих вместе

с преподавателем, деятельность которого оценивается. Важнейшим условием получения достоверных результатов рейтинга является, как упоминалось выше, проведение его действительно компетентными лицами, подготовленными к этой процедуре, которая включает: 1) знакомство с инструментом оценивания; 2) ознакомление судей с возможными типичными ошибками при оценивании; 3) определение способности судьи оценивать конкретное педагогическое явление.

Таким образом, оценка функционального результата деятельности педагога определяется посредством среднего арифметического двух оценок: экспертной и оценки коллег.

Выводы. Предложенная нами методика нацелена на оценку педагогического аспекта деятельности преподавателя и апробирована в ряде учебных заведений (средняя общеобразовательная школа, колледж, вуз) отечественной системы образования [2; 8; 10]. Результаты экспериментальной проверки данной методики свидетельствуют о ее надежности и возможности применения для оценки эффективности педагогической деятельности преподавателей учебных заведений разных ступеней национальной системы образования.

Список источников

1. Бедерханова В.П. Нина Васильевна Кузьмина и её научная школа // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2013. №4. С. 31–36.
2. Круглова Г.Н. Коммуникативное взаимодействие как фактор эффективности обучения в вузе: (На примере преподавания иностранного языка): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л.: ЛГУ, 1981. 16 с.
3. Кузьмина Н.В. Критерии оценки педагогических систем и деятельности педагогов и учащихся. М.: Народное образование, 2014. №6. С. 57–63.
4. Методы системного педагогического исследования / Под ред. чл.-корр. АПН СССР, проф. Н.В. Кузьминой. Л.: ЛГУ, 1980. 172 с.
5. Методы системного педагогического исследования: учеб. пособие / Под ред. Н.В. Кузьминой. М.: Народное образование, 2002. 207 с.

6. Остапенко А.А. Теория педагогической системы Н.В. Кузьминой: генезис и следствия // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2013. №4. С. 37–51.

7. Педагогическая система: теория, история, развитие: коллективная монография / Под ред. В.П. Бедерхановой, А.А. Остапенко. М.: Народное образование, 2014. 128 с.

8. Салкова О.В. Совершенствование педагогического мастерства преподавателя технического вуза посредством коррекции коммуникативной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л.: ЛГУ, 1986. 14 с.

9. Тищенко И.А. Теоретические основы моделирования коммуникативного взаимодействия субъектов в условиях профессиональной педагогической деятельности: монография / Южно-Российский государственный технический университет. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2007. 121 с.

10. Тищенко И.А. Влияние структуры коммуникативного взаимодействия на успешность профессиональной педагогической деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Л.: ЛГУ, 1990. 328 с.

References

1. Bederhanova V.P. Nina Vasil'evna Kuz'mina i ejo nauchnaja shkola [Nina Vasilyevna Kuzmina and her scientific school]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. Nauchno-informacionnyj zhurnal* [Man. Community. Management. Scientific and informational journal]. 2013; (4): 31–36. (In Russ.).
2. Kruglova G.N. Kommunikativnoe vzaimodejstvie kak faktor jeffektivnosti obuchenija v vuze: (Na primere prepodavanija inostrannogo jazyka): avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Communicative interaction as a factor of the effectiveness of education at the university: (On the example of teaching a foreign language). Ph. D. (Psychology) Thesis]. Leningrad: LGU, 1981. 16 s. (In Russ.).
3. Kuz'mina N.V. Kriterii ocenki pedagogicheskikh sistem i dejatel'nosti pedagogov i uchashhihsja [Criteria for evaluating pedagogical systems and the activities of teachers and students]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2014; (6): 57–63. (In Russ.).
4. Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovanija [Methods of systematic pedagogi-

cal research]. Pod red. chl.-korr. APN SSSR, prof. N. V. Kuz'minoy [In N. V. Kuzmina (eds.)]. Leningrad: LGU, 1980. 172 p. (In Russ.).

5. Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovaniya: ucheb. posobie [Methods of system pedagogical research: textbook]. Pod red. N.V. Kuz'minoy [In N.V. Kuzmina (eds.)]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2002. 207 p. (In Russ.).

6. Ostapenko A.A. Teoriya pedagogicheskoy sistemy N.V. Kuz'minoy: genesis i sledstviya [Theory of the pedagogical system of N.V. Kuzmina: genesis and consequences]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. Nauchno-informatsionnyy zhurnal* [Man. Community. Management. Scientific and informational journal]. 2013; (4): 37–51. (In Russ.).

7. Pedagogicheskaya sistema: teoriya, istoriya, razvitiye: kollektivnaya monografiya [Pedagogical system: theory, history, development: collective monograph]. Pod red. V.P. Bederhanovoy, A.A. Ostapenko [In V.P. Bederkhanova, A.A. Ostapenko (eds.)]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2014. 128 p. (In Russ.).

8. Salkova O.V. Sovershenstvovanie pedagogicheskogo masterstva prepodavatelya teh-

nicheskogo vuza posredstvom korrektsii kommunikativnoy dejatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. Nauk [Improving the pedagogical skills of a teacher of a technical university through the correction of communicative activity. Ph. D. (Pedagogy) Thesis]. Leningrad: LGU, 1986. 14p. (In Russ.).

9. Tishhenko I.A. Teoreticheskie osnovy modelirovaniya kommunikativnogo vzaimodeystviya sub'ektov v usloviyakh professional'noy pedagogicheskoy dejatel'nosti: monografiya [Theoretical foundations of modeling the communicative interaction of subjects in the conditions of professional pedagogical activity: monograph]. Juzhno-Rossiyskiy gosudarstvennyy tekhnicheskij universitet [South Russian State Technical University]. Novocherkassk: JuRGU, 2007. 121 p. (In Russ.).

10. Tishhenko I.A. Vliyanie struktury kommunikativnogo vzaimodeystviya na uspekhnost' professional'noy pedagogicheskoy dejatel'nosti: dis. ... kand. ped. Nauk [The influence of the structure of communicative interaction on the success of professional pedagogical activity. Ph. D. (Pedagogy) diss.]. Leningrad: LGU, 1990. 328 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 24.12.2022.

The article was submitted on 15.12.2022; approved after reviewing on 22.12.2022; accepted for publication on 24.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тищенко Юлия Геннадьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики, Ростовский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, 29

Yulia G. Tishchenko — Candidate of Sociological Sciences, senior lecturer of the Department of Pedagogy, Rostov State Medical University of the Ministry of health of the Russian Federation.

29 Nakhichevansky st., Rostov-on-Don, Russia

Ковалева Наталья Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автомобильного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Natalya Yu. Kovaleva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Тищенко Ирина Александровна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автомобильного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Irina A. Tishchenko — Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of «Economics and Management» Department, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Вклад авторов:

Тищенко Ю. Г. — написание исходного текста; разработка балльных шкал.

Ковалева Н. Ю. — доработка текста; разработка балльных шкал.

Тищенко И. А. — концепция методики; методология; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Tishchenko Yu. G. — writing the source text; developing point scales.

Kovaleva N. Yu. — revision of the text; development of point scales.

Tishchenko I. A. — the concept of methodology; methodology; final conclusions.

Научная статья

УДК 316.3: 159.95

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-74-83

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ КАК ИНДИКАТОР ИХ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Лидия Ильинична Щербакова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
Lidia-npi@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5374-6194, AuthorID РИНЦ: 485792*

Аннотация. *Цель исследования* связывается с разработкой теоретико-методологического конструкта изучения критического мышления и выявления его роли в формировании личностно-профессионального потенциала инженерных кадров в условиях технологических вызовов российского общества. Обоснована необходимость переосмысления сущности критического мышления, влияющего на формирование профессиональных и универсальных компетенций личности инженера-творца в контексте укрепления технологического суверенитета страны. Особое внимание уделено институциональным факторам внутренней среды университета, детерминирующим развитие критического мышления.

Методология исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий теорию социального действия и социальных институтов, педагогические, психологические теории, когнитивную теорию познавательных процессов. Межпоколенческий анализ использован для описания социального портрета нового поколения студентов. Использованы методы исследования: анализ научных источников, сайта университета, вторичная обработка социологических данных.

Результаты исследования. Конкретизированы теоретические подходы к исследованию критического мышления. Описаны социальные практики, внутренние факторы институциональной среды вуза, обеспечивающие развитие критического мышления, стимулирующие академическую активность обучающихся и детерминирующие успешность интеграции выпускников в региональную экономику.

Перспективы исследования предполагают дальнейшую разработку научно-методического сопровождения практической работы по встраиванию элементов критического мышления высокого уровня в образовательные программы направлений подготовки бакалавров, магистров, специалистов, аспирантов, изучение потенциала критического мышления в развитии творческих способностей обучающихся, в формировании потребностей в саморегуляции и самообразовании, совершенствование методов валидации, измерения данной социальной характеристики.

Ключевые слова: студенчество, критическое мышление, научно-инновационная активность, творчество, рациональность, личностно-профессиональный потенциал, рынок труда

Для цитирования: Щербакова Л.И. Критическое мышление в личностно-профессиональном потенциале инженерных кадров как индикатор их научно-инновационной активности // Вестник Южно-Российского государственного технического

университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 74–83. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-74-83>.

Original article

CRITICAL THINKING IN THE PERSONAL AND PROFESSIONAL POTENTIAL OF ENGINEERING PERSONNEL AS AN INDICATOR OF THEIR SCIENTIFIC AND INNOVATIVE ACTIVITY

Lidia I. Shcherbakova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
Lidia-npi@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5374-6194, AuthorID RSCI: 485792*

Abstract. *The purpose of the article is associated with the development a theoretical and methodological construct for the study of critical thinking and to identify its role in the formation of the personal and professional potential of engineering personnel in the conditions of technological challenges of Russian society. The necessity of rethinking the essence of critical thinking is substantiated, influencing the formation of professional and universal competencies of the personality of the creative engineer, in the context of strengthening the technological sovereignty of the country. Special attention is paid to the institutional factors of the university's internal environment that determine the development of critical thinking.*

The research methodology *is based on an interdisciplinary approach combining the theory of social action and social institutions, pedagogical, psychological theories, cognitive theory of cognitive processes. Intergenerational analysis is used to describe the social portrait of a new generation of students. Research methods were used: analysis of scientific sources, university website, secondary processing of sociological data.*

The results of the study. *Theoretical approaches to the study of critical thinking are concretized. The article describes social practices, internal factors of the institutional environment of the university, ensuring the development of critical thinking, stimulating the academic activity of students and determining the success of the integration of graduates into the regional economy.*

The prospects of the research *suggest further development of scientific and methodological support for practical work on embedding elements of high-level critical thinking in educational programs of bachelor's, master's, specialist, graduate students, studying the potential of critical thinking in the development of students' creative abilities, in the formation of needs for self-regulation and self-education, improving validation methods, measuring this social characteristic.*

Keywords: *students, critical thinking, scientific and innovative activity, creativity, rationality, personal and professional potential, labor market*

For citation: *Shcherbakova L.I. Critical thinking in the personal and professional potential of engineering personnel as an indicator of their scientific and innovative activity // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 74–83. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-74-83>.*

Введение. В условиях обеспечения технологического суверенитета страны образ будущих инженеров-творцов связывается с их способностью поиска информации, необходимой для разработки неординарных решений теоретических и практических задач, с нестандартным мышлением, необходимым для реализации технологических проектов, связанных с рациональным использованием ресурсов и внедрением передовых научно-технических достижений. Новый импульс внимания к данной проблеме придает стартовавшее Десятилетие науки и технологий, предполагающее активное участие во всех мероприятиях молодых людей из образовательной, научной и научно-производственной сфер и бизнеса¹.

Данный общественный запрос сформулировал перед высшим инженерным образованием требование, чтобы в процессе обучения у студентов сформировалась способность критически мыслить, анализировать научно-технологические достижения в сфере будущей профессиональной деятельности. Другими словами, мыслительное мастерство и критическое мышление становятся ключевыми факторами в формировании инновационного потенциала обучающихся, в наращивании их человеческого капитала как совокупности личностных и профессиональных компетенций, предпринимательского опыта и знаний, причем той актуальной части, которая в настоящее время востребована работодателями и является ресурсом конкурентоспособности на рынке труда. Убедительным на этот счет является мнение Ю.Н. Корешниковой о том, что единство процессов обучения и воспитания в системе образования всех уровней обеспечивает развитие личностных, творческих и профессиональных черт, характеризующих целостность личности специалиста [9].

Вместе с тем на основании анализа научных публикаций, посвященных перспективам развития высшей школы и существующим образовательным практикам по формированию творчества и креативности, можно выделить противоречия, которые требуют осмысления и разрешения в процессе внедрения современных образовательных техно-

логий: между потребностью развивающихся научно-инновационных секторов реальной экономики в системных инженерах и недостаточной направленностью высшего инженерного образования на подготовку выпускников нового типа с лидерскими качествами; между востребованными креативными способностями педагогических кадров и низким уровнем учебно-методической подготовки преподавателей к развитию критического мышления студентов на основе возможностей проектного обучения и командной групповой работы. Кроме этого, структурные и институциональные изменения в образовательной среде, обновление нормативно-правовых требований, снижение престижа научной и преподавательской деятельности, цифровизация образовательного пространства существенным образом повлияли на социальное и психолого-педагогическое взаимодействие преподавателей и обучающихся, имеющих различия в социокультурных и ценностных установках.

Можно отнести к обоснованным выделение некоторых кризисных явлений в преподавательской деятельности вузовских педагогических кадров, которые изложены в научной статье профессора Высшей школы экономики В.В. Радаева. По его мнению, они связаны с отсутствием у части преподавателей опыта применения современных методов развития академической активности обучающихся, с частой сменой образовательных стандартов, отсутствием учебников, прошедших экспертизу в профессиональном академическом сообществе. Обращается также внимание на то, что некоторая часть нового поколения студентов, называемых миллениалами, отличается раздербанным сознанием, неготовностью читать и разбирать сложные академические тексты. В частности, В.В. Радаев на основе включенного наблюдения и собственного опыта преподавательской деятельности выделяет наиболее характерные отличительные черты современного студенчества, проявляющиеся в том, что учащиеся отказываются от накопления культурного багажа, не умеют и не желают задавать содержательные вопросы, отличаются отсутс-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. №231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий».

твием умений работать системно с учебной и научной литературой [10].

Все эти недостатки требуют обновления образовательных технологий и учебно-методических материалов по развитию критического мышления, изменений коммуникативной среды и материально-технической инфраструктуры, формирующих институциональную внутривузовскую среду. Разрешение указанных проблем определяет актуальность данной статьи.

Теоретические основы изучения критического мышления, мыслительного мастерства и научно-инновационной активности. Теоретико-методологический уровень исследования предполагает ознакомление с научно-теоретическими подходами и категориально-понятийным аппаратом, посвященным изучению социально-психологических способностей личности, а практический уровень посвящен раскрытию социальных практик использования широкого спектра образовательных технологий и средств, которые обеспечивают условия для развития у обучающихся умений мыслить, анализировать, вступать в живой научный диалог с учеными и практиками.

Методология исследования критического мышления базируется на междисциплинарном подходе и обращена, в первую очередь, к педагогическим, психологическим и микросоциологическим теориям личности, которые позволяют учитывать индивидуальные особенности обучающихся и их склонность к научно-инновационной деятельности.

Сущность критического мышления целесообразно раскрыть путем обращения к словарям, в которых имеется толкование слов *критика* и *мышление*. Так, в Словаре русского языка С. И. Ожегова слово «критика» определяется так: «критика — 1. Обсуждение, разбор чего-н. с целью вынести оценку, выявить недостатки» [7, с. 263]. В Социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г. В. Осипова приводится более широкое толкование понятия «критика», уточняется роль критики в процессе анализа проблемной ситуации и при проверке достоверности, надежности, обоснованности полученной информации, что чрезвычайно важно знать молодым исследователям [12].

В Кратком словаре по логике под редакцией Д. П. Горского указывается: «Мышление — активный процесс отражения объективного мира в *понятиях, суждениях, научных теориях, гипотезах* и т.п., имеющий опосредованный обобщенный характер, связанный с решением нетривиальных задач; высший продукт особым образом организованной материи — человеческого мозга» [8, с. 114].

В теоретических концепциях психологической науки, посвященных исследованию познавательных процессов, состояния и свойств индивидов, подчеркивается, что мышление есть высший познавательный психический процесс, который заключается в порождении нового знания на основе творческого отражения и преобразования человеком действительности. Процесс мышления в обобщенном виде можно представить как совокупность последовательных мыслительных операций: осознание проблемной ситуации, осуществление умственных операций на основе общенаучных методов исследования, получение нового знания, мотивация выбора и стратегий поведения.

Анализ научных публикаций показывает, что критическое мышление традиционно исследовалось зарубежными и отечественными учеными с различных точек зрения. К примеру, известный западный психолог Р. С. Никерсон обращал внимание на то, что индивид с критическим мышлением отличается готовностью к диалогу и совместному поиску истины [13].

Обзор теоретических подходов, используемых отечественными учеными в области психологической и педагогической науки для изучения методов, технологий развития критического мышления в образовательных организациях различных уровней, содержится в научной статье К. С. Арсеньева [1]. Законы, формы мышления и логики подробно представлены в трудах А. А. Зиновьева, посвященных логическому интеллекту, основам логической теории научных знаний, философским проблемам многозначной логики, а разработанная им интеллектология позволила создавать когнитивные модели, с помощью которых можно фиксировать границы применения знаний [6].

В данной статье критическое мышление рассматривается как сложный феномен,

тип мышления, основанный на логическом осмыслении всей полученной информации и включающий познавательные, эмоциональные, психофизические свойства и качества человека. Оно всегда ориентировано не на доказательство определённых идей и тезисов, а на поиск истины. Индивид с критическим мышлением способен оценивать и анализировать имеющуюся информацию и факты с использованием методов рационального познания, быть ответственным за собственные решения.

Другая сторона рассматриваемой проблемы связана с уточнением понятий личностно-профессионального потенциала и научно-инновационной активности, непосредственно связанных с познавательными процессами. Для обучающихся как главных субъектов образования важным операциональным индикатором развития инновационности и творчества является познавательная активность. Как известно, социологическая концептуализация типов социального поведения принадлежит М. Веберу, который рассматривал активность как деятельность по удовлетворению базовых потребностей. Не утратила свою научную актуальность предложенная им следующая классификация типов социальной активности и социального действия: традиционное, аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное [2]. Среди атрибутов разработанной типологии, которая и в настоящее время используется как теоретическая основа дифференциации видов социального поведения в новой социокультурной обстановке, значимой остается субъективная составляющая, определяемая социокультурными компонентами личности индивида: ценностями, смыслами, мотивами. Важным при этом остается исследовательский интерес к тому, какой совокупностью личностных, социальных и профессиональных ресурсов владеет каждый обучающийся и каким образом он сможет эти ресурсы направить на развитие инновационных компетенций и выстраивание своей будущей карьеры. Другими словами, предприимчивость, умение критически оценить место на рынке предлагаемого нового товара или услуги, готовность взять ответственность на себя — данные черты социальной активности студентов во многом и характеризуют его на-

учно-инновационный потенциал. При этом с точки зрения теории рационального выбора важно спрогнозировать, какая стратегия социального поведения из альтернативных вариантов достижения цели будет выбрана выпускниками вузов в условиях социальной неопределенности, противоречивых традиционных и рыночных ценностей.

В данном контексте целесообразно обратить внимание на результаты изучения социокультурных механизмов саморегуляции молодежи, полученные известными российскими учеными Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым. Путем ранжирования ими была выявлена следующая распространенность различных типов культур в молодежной среде: высокие статусные позиции — первое и второе место — занимают соответственно инновационный тип (95,5 %) и тип физического развития (91,9 %), на низшей позиции — на 6 месте — оказался тип моральной аномии (77,5 %). Важно обратить внимание на индикаторы, которые авторы исследования включили в описание инновационного типа культуры: высокая активность, новые идеи и знания, готовность поддерживать и реализовывать новшества [11]. Инженеров-творцов с подобными компетенциями как раз и ожидает инновационная экономика. Другими словами, распространенность элементов инновационной культуры в молодежной среде подтверждает наличие социальной базы для формирования слоя молодых инноваторов, причем рациональность становится основанием для определения своего жизненного пути для части молодого поколения.

Научно-инновационная активность студенчества как составляющая социальной активности находится в фокусе внимания вузов как центров развития науки, образования, культуры, драйверов научно-технологического развития общества. Понимая возрастающие требования к качеству подготовки специалистов и ответственность за воспроизводство молодых инженерных кадров, ученые Южного региона последовательно осуществляют социологический мониторинг настроения студенческой молодежи, отслеживают динамику развития у нее профессиональных, универсальных компетенций и критического мышления. Обширный набор социальных практик, ис-

пользуемых для развития социальной активности студентов в образовательной и гражданской сферах, проанализировали представители Ростовской социологической школы А. А. Зайцева и А. В. Верещагина. В основу своего исследовательского поиска они взяли ментальные программы как внутренние факторы, влияющие на социальное поведение студентов в институциональной среде вуза, и образование как ценность. Исследователи предложили шесть типов социального поведения региональной студенческой молодежи в зависимости от традиционных и либеральных представлений об образовании и отнесения его к инструментальной или терминальной ценности: гибридный традиционно-карьерный, традиционный, карьерный, карьерно-прагматический, традиционно-прагматический. Эмпирическим путем они установили, что социальный слой с гибридным традиционно-карьерным типом поведения оказался самым многочисленным — 36%. Авторы обращают внимание на то, что студенты с гибридным типом поведения отличаются высоким коэффициентом образовательной активности, более адаптивны к вызовам изменяющейся вузовской среды и склонны к научно-исследовательской работе [5]. Вместе с тем нельзя не учитывать влияние социальных изменений в российском обществе, которые существенным образом отразились на предпочтениях и личностных особенностях студенческой молодежи. В уже упомянутой работе В. В. Радаев, опираясь на межпоколенческий анализ, подчеркивает следующие аспекты социального поведения современных студентов, связанные с тем, что в реальной жизни миллениалы сталкиваются с многочисленными привлекательными возможностями, требующими осмысленного выбора в условиях нарастающей неопределенности. Это приводит к стрессовым ситуациям и трудностям при планировании жизненного и профессионального будущего. Автор полагает, и с его мнением можно согласиться, что индивидуализм молодого поколения

развивается в сочетании с неуверенностью в завтрашнем дне [10].

Социальные практики развития критического мышления обучающихся в инженерном вузе. Трансформационные изменения на рынке труда, появление новых видов интеллектуальной деятельности сформировали запрос на обновленный личностно-профессиональный потенциал специалистов, от которых работодатели ожидают не только владение профессиональными навыками, но и готовность к их творческому применению. Другими словами, работодатели во взаимодействии с вузами смещают акцент с содержания предметных навыков на развитие мягких навыков и формирование социокультурных компетенций, тем более что в действующей версии российских ФГОС ВО имеется универсальная компетенция (УК-1) «Системный и критический анализ», предполагающая, что результатом сформированности у обучающихся является их способность критически анализировать информацию на основе системного подхода к решению проблем и формированию доказательной базы, обоснованных аргументов и суждений². Социальная диагностика поведения выпускников вузов на рынке труда подтвердила важность дальнейшего укрепления взаимодействия между системой образования и рынком труда как кластером развития инновационной экономической активности, который предъявляет повышенный спрос на наиболее квалифицированную и образованную рабочую силу [3]. В этой связи процесс обновления высшего образования предполагает не только структурные изменения направлений подготовки, но и содержания обучения с упором на развитие критического мышления, обучение компетенциям, обеспечивающим перспективное инновационное развитие каждого обучающегося [3].

Векторы обновления инженерного образования, обобщенные контуры этой работы изложены в Программе развития ЮРГПУ

² Приказ Министерства образования и науки РФ от 23 августа 2017 г. №811 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 02.04.02 Фундаментальная информатика и информационные технологии» (с изменениями и дополнениями). Редакция с изменениями №1456 от 26.11.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: www.garant.ru (дата обращения: 15.01. 2023).

(НПИ), заявленной в «Приоритете 2030» и направлениях деятельности Федеральной инновационной площадки³. В настоящее время в университете последовательно осуществляется работа по наращиванию научно-инновационного потенциала обучающихся путем развития их творческих способностей и мыслительного мастерства. Основой этой работы являются следующие учебные курсы: методология научных исследований, методы развития критического мышления, современные технологии социального управления. Особое место отводится развитию критического мышления у студентов, нацеленных на пополнение слоя технологических предпринимателей путем вовлечения в студенческие научные общества и в работу по участию в конкурсах грантов, научно-исследовательских и инновационных проектов, организованных по модели стартапов. Инновационная корректировка образовательных технологий осуществляется в сторону приоритета проблемного и проектного обучения. Активизация мыслительной деятельности обучающихся достигается за счет использования разнообразных приемов: опроса, дискуссии, форума, а также стимулирования фокуса внимания на значимой задаче путем презентации⁴. Реализация фрагментов проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства» связана с выполнением дипломных проектов обучающимися по заданию производства и по модели стартапов.

Перспективной для развития творческого потенциала стала реализуемая в «Точке кипения» акселерационная программа «GLUSHKOV.AI», названная в честь одного из основателей кибернетики, академика, выпускника университета В.М. Глушкова. Данный образовательный модуль рассчитан на реализацию и продвижение идей в сфере IT-технологий, позволяет участникам пройти обучение по научному направлению и технологическому предпринимательству, развить

авторскую идею проекта и довести до состояния минимально жизнеспособного продукта. Известно, что путь в большую науку начинается в студенческих научных объединениях. Именно так считают организаторы и участники студенческих научных обществ «Новые энергетические установки», «Интеллектуальные системы» и других вновь создаваемых инновационных объединений, для поддержки которых проводится конкурс университетского гранта «Фундамент».

Подготовка конкурентоспособных специалистов для региональной экономики осуществляется на базе прочного взаимодействия с ведущими предприятиями Юга России. Студенты — участники первого в Ростовской области студенческого конструкторского бюро, созданного по инициативе котлостроительного завода «Красный котельщик», решают реальные производственные задачи по заказу этого предприятия, занимаются проектировкой оборудования для котельных на профессиональной технике, с которой будет связана вся их дальнейшая трудовая деятельность. Три стартапа новочеркасских политехников стали победителями общероссийского конкурса. Тематика инновационных проектов подтверждает способность их авторов разрабатывать проблемы, которые отличаются широким общезначимым спектром и базируются на фундаментальных знаниях. Так, новизна разрабатываемой технологии в проекте «Разработка технологии антибактериальных покрытий медицинского назначения, используемых для предотвращения инфекционных заболеваний» состоит в использовании метода нестационарного электролиза, который, в отличие от известных аналогов, позволит провести процесс в одну стадию, уменьшить затраты электроэнергии за счет использования низких напряжений и снизить стоимость самого покрытия⁵.

Заключение. Внедрение технологий развития критического мышления обучающихся

3 Приказ Министерства науки и высшего образования РФ «Об утверждении перечня организаций, отнесенных к федеральным инновационным площадкам, составляющим инновационную инфраструктуру в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, на 2022 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.01.2023).

4 Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npi-tu.ru/> (дата обращения: 12.01.2023).

5 Там же.

и аспирантов в высшей школе обеспечивает развитие их интеллектуальных способностей, является необходимым условием саморазвития и самосовершенствования. Развитие метакогнитивных умений и рефлексии позволяет осуществлять творческие, научно-исследовательские проекты, в том числе диссертационные работы, высокого качества. Данный вектор в полной мере соответствует трендам формирующейся национальной системы образования, делающей акцент на фундаментальность и развитие мягких компетенций. Вместе с тем на основе существующих практик востребовано дальнейшее совершенствование инструментов и методов измерения, валидации, оценки критического мышления. Также важно изучить потенциал критического мышления как механизм развития профессионально-личностных компетенций на основе саморегуляции, самообразования обучающихся, индивидуализации системы образования.

При высоком качестве подготовки и соответствующем уровне критического мышления выпускникам образовательных программ инженерной направленности открыты широкие горизонты для трудоустройства, личной профессиональной карьеры или продвижения собственного бизнеса.

Список источников

1. Арсеньев К.С. К проблеме формирования критического мышления у студентов вуза // Образование и наука. 2011. №10(89). С. 68–82.
2. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем., сост., общ. ред. и посл. сл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 510 с.
3. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы // Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2022 г.) / Н.К. Емелина, К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 160 с.
4. Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: Технологии развития. СПб.: Альянс «Дельта», 2003. 284 с.

5. Зайцева А.А., Верещагина А.В. Социальное поведение студенческой молодежи в региональных сообществах на Юге России: ментальные программы и социальные практики (на материалах Ростовской области и Республики Крым). Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2021. 212 с.

6. Зиновьев А.А. Логический интеллект. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. 284 с.

7. Критика // Ожегов С.Н. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 797 с.

8. Краткий словарь по логике / Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров; Под ред. Д.П. Горского. М.: Просвещение, 1991. 208 с.

9. Корешникова Ю.Н. Развитие критического мышления в современном российском обществе: что дает университет? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №6. С. 91–110.

10. Радаев В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. №6. С. 114–124.

11. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование: монография / Ю.А. Зубок, О.А. Александрова, М.Б. Буланова и др. Под общ. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: Эпицентр, 2022. 360 с.

12. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках // Редактор-координатор — академик РАН Г.В. Осипов. М.: Инфра.М-Норма, 1998. 488 с.

13. Nickerson R. S. Understanding Understanding // American Journal of Education. 1985. Vol. 93. Issue 2. P. 201–239.

References

1. Arsen'ev K. S. K probleme formirovaniya kriticheskogo myshleniya u studentov vuza [On the problem of formation of critical thinking among university students]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. 2011; 10(89): 68–82. (In Russ.).
2. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. Per. s nem., sost., obshh. red. i posl. sl. Ju. N. Davydova; predisl. P. P. Gajdenko. Moscow: Progress, 1990. 510 p. (In Russ.).

3. Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossijskom rynke truda: trendy i vyzovy [Graduates of higher education in the Russian labor market: trends and challenges]. Doklad k HHIII Jasinskoj (Aprel'skoj) mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya jekonomiki i obshhestva (Moskva, 2022 g.) [Report to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development (Moscow, 2022)]. N.K. Emelina, K.V. Rozhkova, S. Ju. Roshhin, S.A. Solncev, P.V. Travkin; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». Moscow: Izd. dom VShJe, 2022. 160 p. (In Russ.).

4. Zagashv I.O., Zair-Bek S.I. Kriticheskoe myshlenie: Tehnologii razvitiya [Critical thinking: Development technologies]. Saint Petersburg: Al'jans «Del'ta», 2003. 284 p. (In Russ.).

5. Zajceva A.A., Vereshhagina A.V. Social'noe povedenie studencheskoj molodezhi v regional'nyh soobshhestvah na Juge Rossii: mental'nye programmy i social'nye praktiki (na materialah Rostovskoj oblasti i Respubliki Krym) [Social behavior of students in regional communities in the South of Russia: mental programs and social practices (based on the materials of the Rostov region and the Republic of Crimea)]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2021. 212 p. (In Russ.).

6. Zinov'ev A.A. Logicheskij intellekt [Logical intelligence]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2005. 284 p. (In Russ.).

7. Kritika [Criticism]. Ozhegov S.N. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Ju. Shvedovoj [In chl.-corr. Academy of Sciences of the USSR N.Y. Shvedova (eds.)]. 18-e izd., stereotip. Moscow: Russkij jazyk, 1986. 797 p. (In Russ.).

8. Kratkij slovar' po logike [A short dictionary of logic]. D.P. Gorskij, A.A. Ivin, A.L. Nikiforov; Pod red. D.P. Gorskogo [In D.P. Gorsky (eds.)]. Moscow: Prosveshhenie, 1991. 208 p. (In Russ.).

9. Koreshnikova Ju.N. Razvitiye kriticheskogo myshleniya v sovremennom rossijskom obshhestve: chto daet universitet? [Development of critical thinking in modern Russian society: what does the university give?]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. 2019; (6): 91–110. (In Russ.).

10. Radaev V.V. Krizis v sovremennom prepodavanii: chto imenno poshlo ne tak? [Crisis in modern teaching: what exactly went wrong?]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2022; (6): 114–124. (In Russ.).

11. Samoreguljacija v molodezhnoj srede: tipologizacija i modelirovanie: monografija [Self-regulation in the youth environment: typologization and modeling: monograph]. Ju. A. Zubok, O.A. Aleksandrova, M.B. Bulanova et al. Pod obshh. red. Ju. A. Zubok [In Yu. A. Zubok (eds.)]. Belgorod: Jepicentr, 2022. 360 p. (In Russ.).

12. Sociologicheskij jenciklopedicheskij slovar'. Na russkom, anglijskom, nemeckom, francuzskom i cheshskom jazykah [Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech]. Redaktor-koordinator — akademik RAN G.V. Osipov [In Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov (eds.)]. Moscow Infra.M-Norma, 1998. 488 p. (In Russ.).

13. Nickerson R.S. Understanding Understanding // *American Journal of Education*. 1985. Vol. 93. Issue 2. P. 201–239.

Статья поступила в редакцию 05.02.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 24.02.2023.

The article was submitted on 05.02.2023; approved after reviewing on 17.02.2023; accepted for publication on 24.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щербакова Лидия Ильинична — доктор социологических наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Lidiya I. Shcherbakova — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-84-92

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕМ ВУЗА В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ

Юлия Николаевна Эбзеева

*Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ebzeeva-yun@rudn.ru, ORCID: 0000-0002-0043-7590, AuthorID РИНЦ: 486267,
AuthorID Scopus: 57194398624, SPIN-код: 3316-4356*

Аннотация. Статья посвящена исследованию организации деятельности структурного подразделения университета на примере Российского университета дружбы народов.

Целью анализа явилось описание принципов построения долгосрочной программы развития университета с опорой на основное структурное подразделение вуза — кафедру — в условиях возрастающей конкуренции на рынке образовательных услуг и стремления роста в глобальных рейтингах университетов мира.

Методологическую базу исследования составляют базисные аспекты концепции устойчивого развития. Было проведено самообследование деятельности вуза по ключевым индикаторам в следующих направлениях: организационная, учебная, научная, воспитательная деятельность. Полученные итоги были рассмотрены с точки зрения их связи с деятельностью кафедр университета. На организационном уровне описаны направления деятельности: управление планированием, расстановкой, мотивацией и эффективностью деятельности персонала. Особое внимание уделено таким аспектам работы кафедр, как вовлечение студентов-бакалавров, магистров и аспирантов в научную деятельность кафедры, возрастание публикационной активности сотрудников, интернационализация как характеристика современного высшего образования, а также работа над созданием и развитием корпоративной культуры вуза и имиджа кафедры, в том числе связь имиджа структурного подразделения с таким явлением университетской науки, как феномен научной школы университета.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что основные аспекты долгосрочной политики устойчивого развития вуза реализуются на уровне структурного подразделения университета.

Перспективы исследования заключаются в создании алгоритма построения программы устойчивого развития на уровне структурных подразделений вузов.

Ключевые слова: структурное подразделение вуза, рейтинг, конкуренция в сфере высшего образования, научная деятельность, управление

Для цитирования: Эбзеева Ю. Н. Особенности организационного механизма управления структурным подразделением вуза в условиях конкуренции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 84–92. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-84-92>.

Original article

ORGANIZATIONAL MECHANISM FOR MANAGING A UNIVERSITY DEPARTMENT IN A COMPETITIVE ENVIRONMENT

Yulia N. Ebzeeva

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ebzeeva-yun@rudn.ru, ORCID: 0000-0002-0043-7590, AuthorID RSCI: 486267,
AuthorID Scopus: 57194398624, SPIN-code: 3316-4356*

Abstract. *The article presents the results of a study of a department activities conducted at Peoples' Friendship University of Russia.*

The purpose of the research *is to describe the principles of building a long-term university development program based on the main structural unit of the university — department — in the condition of increasing competition in the educational services market and the desire to grow in the global rankings of world universities.*

The methodological basis of the study *is the basic aspects of the concept of sustainable development. A self-examination of the university's activities was conducted on key indicators in the following areas: organizational, educational, scientific, educational activities. The results obtained were considered from the point of view of their connection with the activities of the departments of the university. At the organizational level, the areas of activity are described: management of planning, placement, motivation and efficiency of personnel activities. Special attention is paid to such aspects of the work of departments as the involvement of bachelor's, master's and postgraduate students in the scientific activities of the department, the increase in the publication activity of employees, internationalization as a characteristic of modern higher education, as well as work on the creation and development of the corporate culture of the university and the image of the department, including the connection of the image of the structural unit with such a phenomenon of university science, as a phenomenon of the university's scientific school. Research result. The findings of the study confirmed the hypothesis that the main aspects of the university's long-term sustainable development policy are implemented at the level of the university's department.*

The prospect of the research *is to create an algorithm for building a sustainable development program at the level of universities' departments.*

Keywords: *university department, ranking, competition in the field of higher education, scientific activity, management*

For citation: *Ebzeeva Yu. N. Organizational mechanism for managing a university department in a competitive environment // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 84–92. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-84-92>.*

Введение. Высшее образование в России в настоящее время характеризуется ростом конкуренции среди университетов, которая является следствием прошедших в российской системе высшего образования изменений. Это связано с развитием отечественной экономики, отходом от государственного регулирова-

ния сферы образования, увеличением объема бюджетных вложений в высшее образование, общемировым ростом числа студентов, а также с выходом ведущих университетов России на рынок мировых образовательных услуг, что отразилось в их появлении в ведущих глобальных рейтингах университетов мира.

В настоящее время университеты России представлены и занимают высокие позиции в таких рейтингах, как Всемирный рейтинг университетов (THE World University Rankings), Академический рейтинг университетов мира (Academic Ranking of World Universities, ARWU), Рейтинг лучших университетов мира (QS World University Rankings). Рейтинги начинают признаваться объективным источником информации об университете, описывают тенденции его развития, а также используются как аналитический инструмент различными сторонами образовательного процесса, в том числе и при выстраивании политики долгосрочного развития, и в управлении вузом.

В настоящее время особенности организационного механизма управления кафедрой высшего учебного заведения являются объектами изучения ученых-социологов в аспекте их рассмотрения как звена в работе над имиджем вуза [1; 2; 4; 7; 8; 10; 11], как площадки реализации образовательной политики вуза [9] и построения его корпоративной культуры [3], а также в контексте научной работы [5; 6].

В условиях конкуренции на рынке высшего образования построение имиджевой политики становится актуальной задачей каждого университета. Однако деятельности кафедры, которая может быть рассмотрена в организационном, образовательном, научном и воспитательном аспектах и может являться одним из основных факторов, влияющих на выбор абитуриентами университета, как правило, в научных исследованиях не уделяется должного внимания.

Российский университет дружбы народов является узнаваемым вузом, имеет имидж многонационального, многопрофильного учебного заведения с возможностью получения хорошей языковой подготовки помимо специальности, наличия стажировок и программ двойных дипломов, а также языковой практики со студентами-иностранцами. Однако рост конкуренции среди абитуриентов, бакалавров, желающих поступить в магистратуру и будущих аспирантов создает новые условия и требования к формированию вуза.

Целью данного исследования является описание особенностей организационной и научной работы основного структурного подразделения университета — кафедры —

в условиях построения долгосрочного плана развития университета.

Методы. Для проведения анализа особенностей организационного механизма управления структурным подразделением университета на примере РУДН на современном этапе его развития использовались общенаучный метод анализа и синтеза как основа характеристики стратегии и имиджа образовательной организации в условиях конкуренции; описательный метод, который позволил представить результаты самоанализа деятельности университета в описываемом направлении. Практическая значимость предлагаемого исследования заключается в том, что его материалы и выводы позволят университетам на современном этапе грамотно выстраивать стратегию развития вуза.

Результаты. Исследование показало, что в настоящее время Российский университет дружбы народов демонстрирует закрепление на позиции научно-образовательного центра многопрофильного характера, в котором обучается более 30000 человек из 160 стран мира, 30% обучающихся на программах бакалавриата и магистратуры составляют иностранные студенты. Основными продуктами университета являются получение высшего образования на уровне бакалавриата и магистратуры, аспирантура и докторантура, научные исследования.

Отдельным приоритетным продуктом является дополнительное образование, включающее образование детей и взрослых, в том числе дополнительное профессиональное образование. Развитие данного направления привело к разработке массового образовательного контента, который был размещен в бесплатном формате на крупных российских и зарубежных площадках (EdX и др.)

Многопрофильный характер университета реализуется в представленности гуманитарного, технического, естественнонаучного, медицинского и экономического направлений образования. Российский университет дружбы народов реализует более 400 образовательных программ, из них 170 сетевых программ с ведущими университетами мира. Университет реализует программу «Переводчик», которая позволяет студенту, ее завер-

шившему, получить вместе с основным дипломом документ о переводческой подготовке в сфере профессиональной деятельности на одном из 12 языков.

Российский университет дружбы народов разработал и развивает уникальную образовательную систему, включающую не только обучение иностранных студентов русскому языку, их социокультурную адаптацию и обучение профессии, но также трудоустройство в разных странах мира.

Университет в течение длительного времени реализовывает стратегию финансового устойчивого вуза, которая обеспечивает более 70% бюджета за счет собственной деятельности. Значительная часть внебюджетных доходов РУДН приходится на дополнительные образовательные программы, которых в университете более 2300. Это позволяет РУДН быть одним из лидеров среди российских государственных вузов по коэффициенту автономии — доли финансового обеспечения университета из средств от приносящей доход деятельности в общем объеме финансового обеспечения. Структура бюджета университета в 2019 г. представляла собой следующее соотношение: 37% — средства, полученные от образовательной деятельности, 3,4% — научная деятельность, 9,6% — иные доходы. В 2020 году доходы от научной и образовательной деятельности выросли: 4,3% и 38,3% соответственно. В 2021 г.: 38% — средства, полученные от образовательной деятельности, 4,2% — научная деятельность, 7,7% — иные доходы.

Рост основных показателей РУДН позволил университету подняться в глобальных рейтингах, так за пять лет (2016–2021 гг.) место в общем рейтинге QS выросло на 333 позиции, достигнув 317 (2015 г. — 650, 2016 г. — 650, 2017 г. — 550, 2018 г. — 446, 2019 г. — 392, 2020 г. — 326, 2021 г. — 317). Также университет вошел в Top-100 предметного рейтинга *Современные языки* (58 место) и Top-150 *Лингвистика* (71 место).

Значительное влияние на рост оценки РУДН в международной образовательной арене оказали, на наш взгляд, наращение исследовательского потенциала университета, выражающегося в увеличении в 10,7 раз числа публикаций сотрудников университета в высокорейтинговых журналах, в том числе

1 и 2 квартилей. В 2015 г. было опубликовано 79 статей в международной коллаборации, в 2017 г. — 382, в 2019 г. — 711, в 2021 г. — 856. Общее количество публикаций составило в 2015 г. 323 статей, в 2017 г. — 134, в 2019 г. — 711, в 2021 г. — 2293. Значительно возросло количество цитирований: в 2017 г. — 323, в 2019 г. — 1343, в 2021 г. — 7753.

Необходимо также отметить рост интернационализации персонала вуза. В Российском университете дружбы народов реализуются научные проекты под руководством ученых из Беларуси, Бельгии, Испании, Украины, регионов России. Для сравнения: в 2019 г. в РУДН работали 32 иностранных ученых из 13 стран мира, в 2021 г. — 359 ученых из 90 стран мира. В 2016 г. в РУДН работали 1,14% иностранных сотрудников или россиян, имеющих PhD, в 2017 г. — 3,59%, в 2018 г. — 6%, в 2019 г. — 7,29%, в 2020 г. — 9,04%, в 2021 г. — 12%.

Проведенный самоанализ деятельности университета показал наиболее важные аспекты политики вуза и эффективность выполнения стратегических решений вуза на уровне подразделений.

Обсуждение. Организационная деятельность на уровне кафедры. В университет внедрена система, позволяющая руководителю базового учебного подразделения (кафедры) самостоятельно решать ряд организационных задач:

- определять кадровый состав вверенной структуры — кафедры, что позволяет иметь творческий, образованный и мотивированный коллектив, способный выполнять конкретные задачи программы долгосрочного устойчивого развития университета;

- привлекать молодых НПР, имеющих успешный опыт работы в ведущих зарубежных или российских университетах и научных организациях, что позволяет привносить опыт зарубежных вузов с одной стороны, обеспечивать научные связи между университетами с другой;

- ставить задачи по достижению целевых показателей, которые в долгосрочной программе развития разбиты на показатели кафедры, факультета, института;

- решать вопросы стимулирования и поощрения подчиненных, включая материаль-

ное вознаграждение в рамках имеющегося финансирования.

Решение передать право на решение кадровых и финансовых вопросов на кафедры (сняв их с деканов, проректора, ректора, которые выступают как кураторы деятельности) позволило создать специфическую кафедральную культуру, в которой каждый преподаватель понимает, что его вклад в достижение общих целей будет оценен его непосредственным руководителем, а это в свою очередь существенно повышает мотивацию сотрудников, а также позволяет выявить персонал, не желающий участвовать в достижении целей кафедры и РУДН в целом (далее стало возможным принятие кадровых решений). Руководители базовых учебных подразделений (кафедр) в свою очередь получили не только больше прав, но и большую ответственность за работу их подразделений, что позитивно сказалось на достижении результатов и выполнении стратегических инициатив.

Основными акцентами кадровой политики РУДН на уровне кафедры являются:

1) управление планированием персонала: формирование и развитие кадрового резерва, а также повышение привлекательности вступления в кадровый резерв; умеренное омоложение коллектива при сохранении накопленного опыта и знаний старших сотрудников. Необходимо отметить стремление руководителей кафедры к трудоустройству сотрудников на полную ставку; постепенный рост численности иностранных граждан и российских граждан, имеющих степень PhD зарубежных университетов, из числа НПП;

2) управление расстановкой персонала: поощрение активности и творческой инициативы персонала через обеспечение возможности вынесения рационализаторских предложений, создания новых электронных продуктов (курсов, учебников и т.д.);

3) управление мотивацией персонала: реализация дифференцированной системы материального поощрения персонала; создание системы нематериального поощрения персонала;

4) управление эффективностью деятельности персонала: внедрение системы эффективных контрактов для стимулирования и контроля деятельности персонала и достигнутых результатов и переход к системе

дифференцированных показателей и установления задач на планируемые периоды в зависимости от личных склонностей и способностей работника с учетом задач кафедры. Данный спектр мероприятий является наиболее сложным участком кадровой политики, поскольку уровень планируемых показателей по разным направлениям деятельности коррелирует с задачами факультета и университета в целом. Так, на примере публикационной активности — научной деятельности кафедры — фиксируется планируемое количество публикаций научно-педагогических работников кафедры в научной периодике, индексируемой в реферативно-библиографической базе научного цитирования Scopus, Web of Science (Article, Review, Letter, Note, Conference Paper) и аффилированных с университетом, информация о которых в составе библиографической ссылки, аннотации и DOI размещена автором в личном профиле сетевых информационных ресурсов: корпоративного сайта РУДН, ORCID, ResearcherID, Mendeley, ResearchGate, Google Scholar, Academia, а также учебных пособий и монографий, в том числе изданных за рубежом.

Научная деятельность на уровне кафедры. Научные исследования университетов, их качество, вовлечённость в них студентов и аспирантов [5], публикации, отражающие их результаты, привлечение к ним дополнительного финансирования — факторы, которые являются основой признания деятельности университета успешной. К научной работе на уровне кафедры относятся такие виды деятельности, как реализация научных исследований, публикация научных статей, подготовка и защита диссертационных исследований бакалавров, магистров, кандидатов и докторов наук, проведение научно-практических семинаров и научных конференций, международная научная деятельность, грантовая деятельность, в том числе в системе внутренних грантов университета [12]. В последнее время актуализированы научные обмены, которые представлены такими форматами, как: 1) члены, участвующие в академических обменах с зарубежными университетами и организациями, 2) зарубежные профессора (лекторы), привлеченные к чтению лекций на кафедре; и 3) студен-

ты и аспиранты, участвующие в программах совместного обучения с вузами-партнерами.

Известно, что оценка научно-исследовательской работы кафедры университета «представляет собой достаточно сложную и неоднозначную проблему, которая в большинстве вузов прямо не решается, что связано с особенностями построения структуры институтов и кафедр, входящих в их состав» [6, с. 56]. Оценку, планирование и стимулирование исследовательской работы вуза можно представить в виде типологии организующих, поощрительных и контролирующих мероприятий, реализуемых на базе структурных подразделений.

Поощрительными действиями являются разработка и внедрение программы академической мобильности сотрудников вуза, которая представляет собой возмещение расходов на очное участие в конференциях с последующей публикацией статьи; стимулирующие выплаты сотрудникам университета, опубликовавшим статьи в журналах высоких квартилей, монографии на английском языке, совместные исследования с известными учеными из университетов мира; стимулирующие выплаты аспирантам, опубликовавшим статьи в высокорейтинговых журналах и т.д.

К организующим мероприятиям относится реализация программ дополнительного образования для сотрудников кафедр, в том числе их обучение английскому языку (коррелирует с возрастающей интернационализацией вуза, также учитывается количество преподавателей кафедры, имеющих диплом переводчика с иностранного языка), организации системы эффективного контракта, согласно которой происходит разделение сотрудников на исследователей и преподавателей. Данная система на контролирующем уровне становится частью процесса организации деятельности штатных сотрудников вуза и строится на выполнении показателей, в том числе наукометрических, которые установлены администрацией вуза. В задачи на уровне кафедры входит обеспечение симметричности загрузки профессорско-преподавательского состава научной работой, учет научных степеней и званий при определении показателей, что позволит точнее прогнозировать научную работу на кафедре. Важной составляющей данного аспекта является

«снижение диспропорции в оценках рубрикаций преподавателей, входящих в перечень ВАК, Scopus, Web of Science» [6, с. 60].

Рост корпоративной культуры университета. Корпоративная культура является важным компонентом имиджа образовательной организации. Используемый в социологии термин «уровень корпоративной культуры» представляет собой «совокупность господствующих в организации ценностных приготовлений, норм и образцов поведения, определяющих смысл и модель деятельности сотрудников независимо от их должностного поведения и функциональных обязанностей» [2, с. 45].

Для Российского университета дружбы народов корпоративная культура является мощным организующим началом, она носит инновационный характер. Известно, что инновационная корпоративная культура характеризуется наличием долгосрочной стратегии, которая известна всем работникам, сформулирована миссия университета, членам организации широко освещаются этапы достижения стратегических целей. Данный тип корпоративной культуры характеризуется тем, что в нем «хорошо развиты горизонтальные связи и работники участвуют в принятии управленческих решений» [3, с. 120].

Построение имиджа кафедры как структурного подразделения университета. Исследователи обращают внимание на то, что в настоящее время формируется новое понятие корпоративной культуры современного вуза, в котором речь идет не только об имидже университета в целом, но и об имидже его подразделений, — имидж кафедры [2; 8; 10; 11], который включает «отражение окружающего мира обучающимися и различными категориями работников института, возникающее на эмоционально-психологической волне восприятия, создающегося в общественном сознании, которому присущ набор современных соответствующих признаков, особенностей, описывающих объект» [11, с. 512]. Кафедра реализует ряд функций, к которым относятся *координационная* (работа, направленная на деятельность внутри кафедры и на связь деятельности кафедры с факультетом и университетом в целом);

коммуникативная, под которой понимается профессиональное общение получателями образовательной услуги — студентами аспирантами, прежде всего теми, кто прикреплен к кафедре в рамках выполнения научной работы; *информационная* и др.

Наиболее важными аспектами, на которые следует обратить внимание при работе над имиджем структурного подразделения, являются его включенность в социокультурный контекст и наличие корпоративной культуры. Эти позиции реализуются наличием в практике работы университетов преемственности между поколениями ученых, которые включены в научные школы. Феномен *научной школы* подразумевает особую форму кооперации научной деятельности, является одним из типов научного сообщества, характеризуется общностью темы исследования, наличием осознаваемого вектора развития, а также заботой о подготовке молодого поколения ученых — от этапа студента до защиты кандидатов и докторов наук. В академической среде признано, что научная школа — это объединение ученых, имеющих общие научные идеи и ценности, а также проводящих исследования с выраженной практической ценностью.

В 2022 г. в РУДН началась регистрация научных школ, давно существующих в университете, первой из которых стала научная школа «Дифференциальные и функционально-дифференциальные уравнения», данный статус был присвоен в мае 2022 г. Руководителем научной школы стал Александр Леонидович Скубачевский, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный деятель науки России. В состав научной школы были включены 6 докторов наук и 16 кандидатов наук, а также 6 молодых ученых. Квантитативные показатели школы состоят из 700 публикаций, из которых 7 монографий, более 20 учебников, 6 подготовленных и защищенных в течение последних 5 лет кандидатских и 1 докторская диссертация. Данная научная школа создана на кафедре дифференциальных уравнений и математической физики, которая известна ученым данной сферы и во многих странах мира.

Научная школа соответствует в РУДН таким критериям, как наличие нескольких поколений ученых и научного лидера; функ-

ционирование аспирантуры и докторантуры по профилю школы; открытый диссертационный совет по научной специальности школы; подготовка в коллективе школы кандидатов наук из числа сотрудников или аспирантов РУДН; наличие различных публикаций: монографий, учебников, индексируемых в международных научных базах статей, в том числе первого и второго квартилей; регулярное проведение международных конференций с изданием сборника трудов; наличие международных российских и университетских грантов на проведение научных исследований. Дополнительно рассматриваются следующие критерии: участие членов коллектива научной школы в редколлегиях научных журналов, общественное признание, а также вхождение в один из мировых рейтингов предметной области. В большинстве случаев заявки, поданные на регистрацию научной школы РУДН, принадлежат конкретным кафедрам, с деятелями которых ассоциируется научная школа.

Выводы. Структурное подразделение университета — кафедра — играет ключевую роль организационного уровня университета. Деятельность кафедры ведется в четырех направлениях — собственно организационном, образовательном, научном и воспитательном. Рассмотренные в статье организационная и научная деятельность кафедры позволяют реализовывать программу долгосрочного развития, обеспечивают непрерывный рост показателей университета, таким образом, вуз достигает улучшения своих позиций в международных рейтингах университетов мира.

Список источников

1. Белановская Ю. Е., Миронова А. В. Реализация ребрендинга в Российском университете дружбы народов на примере телекоммуникационного учебно-информационного сервиса (ТУИС) // Альманах мировой науки. 2017. №3-2(18). С. 33–36.
2. Ветчанова О. В. Имидж организации: стратегия формирования // Справочник руководителя учреждения культуры. 2013. №6. С. 35–45.
3. Иванова Т. Б., Журавлёва Е. А. Эффективная корпоративная культура как средство выживания предприятия в условиях кризиса //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Инженерные исследования. 2009. №4. С. 118–122.

4. Карикова А.С. Стратегия формирования бренда университета в современном образовательном пространстве // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. №11(4). С. 420–429.

5. Колычев В.Д., Буданов Н.А. Вовлеченность студентов и НПП как показатель оценки корпоративной культуры и инструмент формирования кадрового резерва вуза // Высшее образование в России. 2022. №31(2). С. 42–57.

6. Кошевой О.С. Оценка научной деятельности кафедр вуза на основе рейтинга профессорско-преподавательского состава // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. №1. С. 56–62.

7. Митрофанова Т.Ю. Бренд как фактор повышения конкурентоспособности вуза // Маркетинг в России и за рубежом. 2009. №2. С. 117–123.

8. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М.: Аспект-Пресс, 2002. 224 с.

9. Речинский А.В., Черненькая Л.В., Магер В.Е., Матвеева Е.В., Черненький А.В. Разработка методики расчета показателей эффективности деятельности университета и его структурных подразделений // Современные технологии управления. 2015. №6 (54). С. 46–54.

10. Симонова И.Ф. Интерактивные методы в рамках программы формирования имиджа // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. №200. С. 302–308.

11. Турапина Н.А., Малышева М.С. Имиджевая политика как отражение уровня корпоративной культуры кафедры современного вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. №5. С. 510–515.

12. Эбзеева Ю.Н. Грантовая поддержка как фактор развития научных исследований в российских университетах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. №19(1). С. 146–157.

druzhby narodov na primere telekommunikacionnogo uchebno-informacionnogo servisa (TUIS) [Implementation of rebranding at the Peoples' Friendship University of Russia on the example of telecommunication educational and information service (TUIS)]. *Al'manah mirovoj nauki* [Almanac of World Science]. 2017; 3-2(18): 33–36. (In Russ.).

2. Vetchanova O.V. Imidzh organizacii: strategija formirovanija [Image of the organization: formation strategy]. *Spravochnik rukovoditel' uchrezhdenija kul'tury* [Directory of the head of the cultural institution]. 2013; (6): 35–45. (In Russ.).

3. Ivanova T.B., Zhuravljova E.A. Jekfektivnaja korporativnaja kul'tura kak sredstvo vyzhivaniya predpriyatija v uslovijah krizisa [Effective corporate culture as a means of survival of an enterprise in a crisis]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Inzhenernye issledovanija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Engineering Research]. 2009; (4): 118–122. (In Russ.).

4. Karikova A.S. Strategija formirovanija brenda universiteta v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Strategy of university brand formation in the modern educational space]. *Strategicheskie reshenija i risk-menedzhment* [Strategic decisions and risk management]. 2020; 11(4): 420–429. (In Russ.).

5. Kolychev V.D., Budanov N.A. Vovlechenost' studentov i NPR kak pokazatel' ocenki korporativnoj kul'tury i instrument formirovanija kadrovogo rezerva vuza [Involvement of students and NPR as an indicator of corporate culture assessment and a tool for the formation of the personnel reserve of the university]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2022; 31(2): 42–57. (In Russ.).

6. Koshevoj O.S. Ocenka nauchnoj dejatel'nosti kafedr vuza na osnove rejtinga professorsko-prepodavatel'skogo sostava [Evaluation of the scientific activity of university departments based on the rating of the teaching staff]. *Jekonomika. Professija. Biznes* [Economy. Profession. Business]. 2022; (1): 56–62. (In Russ.).

7. Mitrofanova T. Ju. Brend kak faktor povyshenija konkurentosposobnosti vuza [Brand as a factor of increasing the competitiveness of the university]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad]. 2009; (2): 117–123. (In Russ.).

References

1. Belanovskaja Ju. E., Mironova A.V. Realizacija rebrendinga v Rossijskom universitete

8. Pereyagina E.B. Psihologija imidzha [Psychology of image]. Moscow: Aspekt-Press, 2002. 224 p. (In Russ.).

9. Rechinskij A.V., Chernen'kaja L. V., Mager V.E., Matveeva E.V., Chernen'kij A.V. Razrabotka metodiki rascheta pokazatelej jefektivnosti dejatel'nosti universiteta i ego strukturnyh podrazdelenij [Development of a methodology for calculating performance indicators of the university and its structural divisions]. *Sovremennye tehnologii upravlenija* [Modern management technologies]. 2015; 6(54): 46–54. (In Russ.).

10. Simonova I.F. Interaktivnye metody v ramkah programmy formirovaniya imidzha [Interactive methods in the framework of the image formation program]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Proceedings of the St. Petersburg State

University of Culture and Arts]. 2013; (200): 302–308. (In Russ.).

11. Turanina N.A., Malysheva M.S. Imidzhevaja politika kak otrazhenie urovnja korporativnoj kul'tury kafedry sovremennogo vuza [Image policy as a reflection of the level of corporate culture of the department of a modern university]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Questions of theory and practice]. 2022; 7(5): 510–515. (In Russ.).

12. Jebzeeva Ju. N. Grantovaja podderzhka kak faktor razvitija nauchnyh issledovanij v rossijskikh universitetah [Grant support as a factor in the development of scientific research in Russian universities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2022; 19(1): 146–157. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted on 16.11.2022; approved after reviewing on 27.11.2022; accepted for publication on 12.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Эбзеева Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, Первый проректор — Проректор по образовательной деятельности, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов.

Российя, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Yulia N. Ebzeeva — Candidate of Philological Sciences, First Vice Rector — Vice Rector for Education, Head of Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia.

6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья
УДК 65.011.56
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-93-102

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Михаил Михайлович Влад^{1✉}, Михаил Михайлович Куликов²

^{1,2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹miha@miha.su✉

²kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID РИНЦ: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679

Аннотация. Целью исследования является выявление преимуществ использования автоматизированных систем управления предприятиями.

Методологическую базу исследования составляют статистические данные российских рейтингов использования ERP-систем, научные статьи и публикации, теоретические труды, практические разработки отечественных и зарубежных ученых, статистические наблюдения и элементы сравнительного анализа. Рассмотрение, изучение и использование данных материалов позволяет оценить перспективы использования российских автоматизированных систем управления предприятиями.

Результаты исследования. Рассмотрены этапы и особенности развития автоматизированных систем управления предприятием. Представлены понятия, сущность и функции ERP-систем. Проанализирован жизненный цикл ERP-системы и расходы, возникающие на каждом из этапов. Представлены основные преимущества внедрения автоматизированных систем управления в контексте повышения конкурентоспособности предприятий. Приведены примеры внедрения данных систем на отечественных предприятиях.

Перспективой исследования является рассмотрение и выявление перспектив использования российских автоматизированных систем управления предприятиями.

Ключевые слова: ERP-системы, информационные технологии, автоматизированные системы управления, имитационная и аддитивная концепции построения ERP-систем, жизненный цикл, системы

Для цитирования: Влад М. М., Куликов М. М. Анализ использования автоматизированных систем управления отечественными предприятиями // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №1. С. 93–102. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-93-102>.

Original article

ANALYSIS OF THE USE OF AUTOMATED CONTROL SYSTEMS BY DOMESTIC ENTERPRISES

Mikhail M. Vlad¹✉, Mikhail M. Kulikov²

^{1,2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹miha@miha.su✉

²kulikovmichael@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4139-9391, AuthorID RSCI: 360563,
AuthorID Scopus: 57209222679

Abstract. *The purpose of the study is to identify the prospects for the use of Russian automated enterprise management systems.*

The methodological base of the study is statistical data of Russian ratings of the use of ERP systems, scientific articles and publications, theoretical works, practical developments of domestic and foreign scientists, statistical observations and elements of comparative analysis. Consideration, study and use of these materials allows us to evaluate the prospects for the use of Russian automated enterprise management systems.

Research results. *The stages and features of the development of automated enterprise management systems are considered. Concepts, essence and functions of ERP-systems are presented. The life cycles of the ERP system and the costs arising from each of them are analyzed. The main advantages of introducing automated control systems in the context of increasing the competitiveness of enterprises are presented. Examples of implementation of these systems at domestic enterprises are given.*

The prospect of the study is to consider and identify the prospects for the use of Russian automated enterprise management systems.

Keywords: ERP systems, information technology, automated control systems, simulation and additive concepts for building ERP systems, life cycle, systems

For citation: Vlad M. M., Kulikov M. M. Analysis of the use of automated control systems of domestic enterprises // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 93–102. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-93-102>.

Введение. В настоящее время главным условием стабильной работы предприятия на рынке является совершенствование организационно-экономического управления. Автоматизация на предприятии позволит выстроить эффективную целостную схему бизнес-процессов предприятия, сделав их похожими на единую систему. Продолжительность успешного функционирования предприятия зависит от оперативности принятых руководством управленческих решений. В связи с этим нужно создавать более эффективные системы управления информационными технологиями (ИТ), которые обеспе-

чивали бы достоверность информационному обеспечению управленческого звена для создания единого корпоративного управления.

Именно поэтому особенно актуальны разработка и внедрение информационных систем учета, анализа и контроля, которые способствуют улучшению процесса обработки информации и позволяют более эффективно работать предприятию.

Методологическая и эмпирическая база исследования. Основой исследования послужили статистические данные и научные статьи, посвященные использованию

автоматизированных систем управления на предприятиях.

Данное исследование основывалось на статистических методах и подходе, который синтезирует нормативные, научные и практические материалы, обеспечивая всестороннюю оценку проблемы.

Эмпирические данные для исследования были взяты из информации, доступной на странице Госкомстата в сети Интернет.

Преимущества использования российских автоматизированных систем управления предприятиями. Системы планирования ресурсов предприятия (ERP) получили значительное распространение в современном бизнес-ландшафте, особенно среди средних и крупных организаций. Основная цель этих внедрений — добиться эффективного выполнения ключевых операционных функций, включая выполнение заказов, закупку материалов и управление запасами. Но большинство таких внедрений по-прежнему оставляет слишком большой массив информации для принятия управленческих решений руководством компании, которое должно оперировать значительным количеством отчетов и таблиц. Давно стало очевидным, что в автоматизации нуждается не только учёт, а такие необходимые управленцам функции, как планирование, анализ и контроль. Функции, выполняемые системами планирования ресурсов предприятия (ERP), можно разделить на три уровня: финансовый учёт, планирование и оперативное управление в режиме реального времени с помощью автоматизации. Для предприятий разного профиля и разных форм собственности наиболее актуален сегодня полный учёт, на базе которого и можно развивать стратегическое и оперативное планирование.

Управленческая система планирования, контроля и учёта может быть в полной степени реализована в программном обеспечении для финансового планирования. Системы финансового планирования, использующие передовые технологии, представляют особый интерес для организаций с разнообразным бизнесом. Внедрение централизованной автоматизированной системы управления бюджетом считается оптимальным решением для управленческого учёта и финансового планирования в доминирующем сегменте бизнеса

таких предприятий. Между тем различные инструменты автоматизации могут быть развернуты во вспомогательных подразделениях холдинговой компании [1].

Можно выделить следующие критерии выбора автоматизированной системы (технические требования):

- 1) единая система данных;
- 2) поддержка значительного количества пользователей;
- 3) интеграция с иными ресурсами;
- 4) система безопасности информации;
- 5) настроенность системы.

Механизм распределения денежных средств в организации достаточно индивидуален, в большой степени зависит от нормативных правил, установленных в начале становления организации, поэтому для создания системы следует брать во внимание развитие планирования в организации в ретроспективе. Можно классифицировать следующие способы финансового планирования, которые присущи разным степеням развития предприятия:

- 1) единоличное, авторитарное планирование;
- 2) коллегиальное планирование;
- 3) иерархическое планирование [2].

Достижение конечной стратегической цели должно основываться на опыте постепенного продвижения к ней. Рассмотрим методику внедрения автоматизированной системы планирования по этапам.

Этап 1. Создание методики денежного распределения.

На этапе разработки нормативных документов по планированию анализируется финансовая структура предприятия, финансовые потоки и взаимоотношения между его структурными подразделениями.

Этап 2. Настройка автоматизированной системы.

Второй этап состоит из настройки системы под разработанную методику.

Этап 3. Создание системы коллективного планирования.

Этот этап, по сути, является этапом внедрения на предприятии коллективного планирования на всех подразделениях.

Этап 4. Построение системы управленческой отчётности:

— осуществляется подготовка управленческой отчётности по итогам. Она включает

в себя комплект отчётов по подразделениям (план доходов и расходов, бюджет денежных поступлений и расходов, смету операционных доходов и расходов) [3];

— сокращение времени, необходимого для утверждения бюджета и плана, что повышает оперативную эффективность и точность принятия решений в случае отклонений, а также глубину детализации процессов учета;

— оптимизация процедур бухгалтерского учета за счет рационального распределения задач между ограниченным числом исполнителей, что приводит к повышению надежности системы бухгалтерского учета;

— упрощение внесения изменений в модель плана и регламенты планирования в результате высокой степени автоматизации в системе планирования, тем самым уменьшая технические ограничения в процессе учета;

— создание единой системы управленческой отчетности, которая гарантирует, что руководитель организации получает согласованные финансовые отчеты через единую интегрированную систему управления планированием.

Автоматизированные системы управления, являясь программными компонентами, предназначенными для поддержки различных организационных функций, должны обладать взаимосвязанностью, то есть они должны имитировать бизнес-процессы в программной среде и отслеживать действия различных сотрудников. Важнее всего — создать единую систему, которая будет способна обслуживать все запросы работников отдела и в то же время не обойдет вниманием отдел кадров и другие подразделения организации.

Каждая из этих служб, как правило, имеет собственную компьютерную систему, оптимизированную под ее особенности работы. ERP-система комбинирует их всех в рамках единой интегрированной программы, работающей с единой системой данных, позволяющей всем департаментам легче обмениваться информацией и контактировать друг с другом. Такой подход может стать более значительным, если организации смогут правильно установить систему [4].

Появление рынка ERP-систем приписывается немецкой компании SAP AG и ее

флагманскому продукту R/3. Среди ведущих участников рынка — PeopleSoft, Oracle, Baan, JD Edwards и Microsoft, которые предлагают влиятельные решения, такие как Electronic Business Suite, система R/3 и система Axapta соответственно.

В апреле текущего года на фоне тактического военного конфликта в Украине транснациональная софтверная корпорация SAP объявила о приостановке своей деятельности по продажам на территории Российской Федерации. Впоследствии в начале июня стало очевидно, что корпорация проводит курс действий, чтобы полностью завершить свою деятельность на российском рынке к концу 2022 года. Экосистема SAP включает значительное число консультантов, архитекторов и разработчиков, общее число которых исчисляется десятками тысяч и которые работают примерно в двух тысячах организаций. Эти решения служат цифровым ядром для огромного числа предприятий и представляют собой основной продукт или специализированные услуги для многочисленных компаний, занимающихся информационными технологиями. Потенциальные перспективы дальнейшего развития решений SAP и реализации мер по импортозамещению в последнее время стали предметом серьезного обсуждения и беспокойства. В свете этих событий профессиональный ресурс SAPland провел всесторонний анализ под названием «Перспективы развития систем SAP в России», основанный на опросе 617 респондентов в рамках вышеупомянутой экосистемы. Результаты этого анализа показали, что примерно треть респондентов были готовы перейти на альтернативные системы ERP, в то время как остальные респонденты предпочли бы подождать развития ситуации, прежде чем внедрять приобретенные решения. Однако следует отметить, что закупки новых решений у SAP российскими организациями были временно приостановлены.

На сегодняшний день в мире сложились два главенствующих подхода создания ERP-систем на предприятии, отличающиеся принципами определения ERP-систем:

1) концепция моделирования: представление организационной структуры. ERP-системы, работающие в рамках концепции

моделирования, стремятся воспроизвести реальную структуру организации путем выделения модулей, соответствующих различным подразделениям организации, таким как планирование, финансы, бухгалтерия, управление запасами, продажи и логистика. Эти модули служат отдельными подразделениями, которым поручено автоматизировать конкретные отделы, и они обмениваются соответствующей информацией для интеграции в единую систему;

2) аддитивная концепция: дополнение информационной среды. В рамках аддитивной концепции ERP-системы уделяют приоритетное внимание надлежащему сбору данных. Это предполагает разделение задач на несколько аспектов, включая точный сбор информации, ее надлежащую интерпретацию и хранение, предоставление информации для анализа и предоставление информации в формате, который облегчает принятие обоснованных решений отдельными лицами. Поток информации значительно оптимизирован, при этом основополагающим является принцип «Правильные данные могут быть выбраны любым способом».

Для понимания всей важности внедрения ERP-систем на предприятии необходимо выделить следующие признаки автоматизированных систем управления:

- ведение проектных и технологических спецификаций, что влечет за собой определение состава конечного продукта, необходимой материальной основы и операций, задействованных на каждом этапе производства, а также их маршрутизации;

- управление спросом и формирование плана продаж и производства, включая прогнозирование спроса и планирование производства;

- планирование потребления ресурсов, которое включает в себя расчет всех необходимых ресурсов для успешной реализации плана, включая сроки поставки и размеры партии;

- управление запасами и закупочная деятельность, выполняющая логистическую функцию;

- планирование производственных ресурсов, охватывающее обширный и более подробный анализ использования и загрузки производственных мощностей;

- управление проектом, включающее организацию задач проекта и необходимых ресурсов для его успешного выполнения;

- финансовые возможности, которые включают в себя финансовые и управленческие резервы и управление денежными средствами.

По итогам анализа рисков, связанных с внедрением автоматизированных систем управления, целесообразно отразить все преимущества этих систем, чтобы доказать их высокую эффективность для повышения конкурентоспособности предприятия на рынке, несмотря на высокую цену их внедрения и эксплуатации.

Системы ERP облегчают решение следующих задач:

- оптимизации эффективного планирования финансовых и экономических операций;

- повышения доверия инвесторов, что способствует максимальной прозрачности бизнеса;

- снижения рисков и повышения прибыльности за счет оперативного и точного принятия решений, при этом разграничивается доступ к ресурсам в соответствии с официальными обязанностями персонала;

- уменьшения количества потерь времени из-за дублирования данных различными организациями и обеспечения беспрепятственного обмена данными между подразделениями предприятия.

- возвращения инвестиций за счёт не самой системы, а от повышения эффективности бизнес-процессов;

- интеграции финансовой информации — руководитель видит полную картину работы предприятия и может адекватно её оценивать [5].

Если говорить о популярности ERP-систем в различных отраслях, стоит отметить, что производство является наиболее заметным сектором, на долю которого в 2020 году приходилось 34% всех приложений ERP, сектор информационных ресурсов занял второе место с 15%-м внедрением, за которым следуют профессиональные и финансовые услуги с 14%, на долю оптовой и розничной торговли приходилось 10% и 4% соответственно.

На внутреннем российском рынке систем планирования ресурсов предприятия (ERP) доминирующими поставщиками являются АО «1С», SAP SE, Microsoft, Directum

и Business Automation NPC. АО «1С» занимает видное место по количеству проектов, реализуемых ежегодно, с постоянно растущей долей рынка; в 2017 году доля компании на рынке составляла 34 % (исходя из количества реализованных проектов), которая, по оценкам экспертов, к 2020 году вырастет до 45 % (рис. 1).

На заседании Комитета по цифровой трансформации и инновационному развитию Совета директоров ОАО «Российские железные дороги» 21 июня 2021 года заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрий Чернышенко одобрил создание Национального центра компетенций по индигенизации систем планирования ресурсов предприятия (ERP), который будет находиться внутри компании.

Данная организация займется выработкой решений по замене иностранных товаров на отечественные, их адаптации под запрос отечественного рынка, а также для консультирования организаций по направлению импортозамещения. В июне 2021 года генеральный директор ОАО «Российские железные дороги» Олег Белозеров подчеркнул необхо-

димость принятия единой стратегии достижения цифровой трансформации.

Компания активно работает над цифровизацией и импортозамещением в секторе информационных технологий, но масштаб стоящих перед ней задач требует сотрудничества между Правительством Российской Федерации и деловым сектором для эффективной реализации.

Согласно выводам независимых организаций, внедрение автоматизированных систем управления, выполненное преднамеренным и разумным образом, может принести организациям существенные выгоды, в том числе:

- сокращение операционных и управленческих затрат на 15 %;
- экономию оборотного капитала на 2 %;
- сокращение продолжительности внедрения на 25 %;
- сокращение затрат на 35 %;
- уменьшение страхового уровня запасов сырья на 20 %;
- снижение дебиторской задолженности на 12 %;
- повышение скорости оборота средств в транзакциях на 25 %;

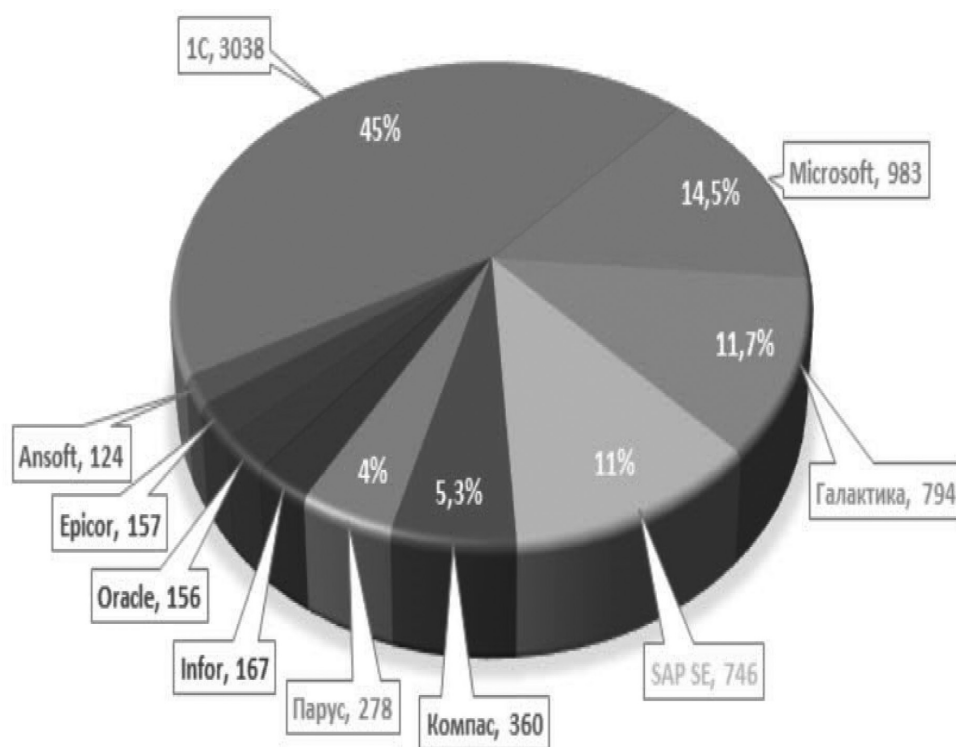

Рис. 1. Наиболее популярные ERP-решения
(по количеству внедрённых проектов в России) [6]

Fig. 1. The most popular ERP solutions (by the number of implemented projects in Russia)

— рост скорости оборота запасов на 30 %.

Следует отметить, что средняя стоимость внедрения одного автоматизированного рабочего места пользователя 1С составляет 60 тысяч российских рублей. Сроки внедрения и доработки системы в зависимости от масштаба компании составляют от 6 месяцев до 2 лет.

ERP может быть концептуализирована как средство повышения эффективности и прибыльности бизнеса. В начале 2010-х годов основными целями внедрения ERP были контроль прибыли, увеличение капитализации и соблюдение нормативных требований. В последние годы акцент сместился в сторону максимизации эффективности и прибыльности бизнеса.

Переходу к отечественным программным решениям способствовала одобренная правительством программа импортозамещения и уход иностранных поставщиков ERP-систем с отечественного ИТ-рынка.

В областях, где бизнес-процессы в настоящее время переводятся на цифровые платформы, в ближайшие годы ожидается переход к послепродажному обслуживанию, включая поддержку, доработку и миграцию ранее внедренных решений.

Разработка специализированных отраслевых ERP-решений обусловлена необходимостью адаптации к уникальным требованиям конкретной отрасли или фирмы, при этом улучшения составляют до 30–50 % процесса внедрения.

Недоиспользование функциональности ERP является обычным явлением из-за мер по экономии средств и избыточности функциональных возможностей, поскольку основные задачи компании часто могут быть решены с помощью всего 3–5 из доступных 10 блоков ERP.

Ожидается, что рынок мобильных ERP-систем, которые позволяют анализировать ключевые процессы и показатели и выполнять основные операции с мобильных устройств, продолжит расти.

Также наблюдается значительный рост спроса на облачные ERP-решения среди малого и среднего бизнеса, о чем свидетельствует рост облачных решений 1С на 70 %. Хотя облачные решения в настоящее время ограничены в своей функциональности и способны решать только базовые задачи бухгалтерского учета, они более удобны и экономичны

по сравнению со своими стационарными аналогами, которые требуют значительных инвестиций в оборудование.

Жизненный цикл 1С: ERP составляют анализ требований, проектирование, разработка, тестирование, техническая поддержка.

Эффективность внедрения информационных механизмов можно проанализировать с помощью коэффициента рентабельности инвестиций (ROI) путем сравнения выгод и затрат по проекту. Коэффициент рентабельности инвестиций для внедрения информационной системы рассчитывается по следующей формуле:

$$ROI_{ERP} = (P - TCO) / TCO \times 100,$$

где ROI_{ERP} — возврат инвестиций для проекта внедрения информационной системы, выраженный в процентах; P — выгоды, полученные от внедрения информационной системы, выражается в российских рублях; TCO — общая стоимость владения информационной системой, также выраженная в российских рублях.

Выводы по результатам исследования.

Как полноценная система, которая будет охватывать все аспекты деятельности предприятия и соединять все его звенья однородными потоками информации, ERP-система состоит из программ-модулей, автоматизирующих работу каждого подразделения предприятия, поскольку они сделаны именно «под него», его потребности, которые необходимы руководителям или сотрудникам, что способствует понижению количества ошибок, более гибкой и эффективной работе всего предприятия.

Оценивая эти информационные системы с помощью вышеупомянутых критериев, можно сделать вывод, что программные решения 1С занимают доминирующее положение на рынке с постоянно растущей долей рынка. Это можно объяснить тем фактом, что основной причиной автоматизации остается возможность управлять бизнес-операциями и составлять отчеты в соответствии с внутренними нормативными актами. На самом деле, 1С уже давно зарекомендовала себя как отраслевой стандарт в области бухгалтерского учета и управления ресурсами в России.

Список источников

1. Аверченков В.И. Информационные системы в производстве и экономике: учебное пособие / В.И. Аверченков, Ф.Ю. Лозбинева, А.А. Тищенко. М.: Флинта, 2011. 275 с.

2. Гапоненко А.Ю. Информационные технологии как фактор повышения эффективности менеджмента коммерческих фирм / А.Ю. Гапоненко, Б.А. Розентул. М.: МАКС Пресс, 2006. 93 с.

3. Гиляревский Р.С. Информационный менеджмент: управление информацией, знанием, технологией: концепция информационного менеджмента, менеджмент как информационное управление, информационный менеджмент в организации, тенденции развития информационных технологий, система организации знаний. СПб.: Профессия, 2009. 303 с.

4. Зверев Д.С. Стратегическое управление развитием проектного инвестирования предприятий торговли. СПб.: Диалог, 2005. 181 с.

5. Масленникова О.Е. Разработка корпоративной технологии внедрения интегрированной системы управления производством на промышленном предприятии: монография. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2019. 144 с.

6. Тараканов Д. Обзор российского рынка ERP-систем [Электронный ресурс]. URL: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/obzor-rossiiskogo-rynka-erp-sistem/> (дата обращения: 01.08.2022).

7. Системы управления предприятием (ERP), рынок России [Электронный ресурс] // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. 2022.12.29. URL: <https://clck.ru/UnPBr> (дата обращения: 01.08.2022).

8. Национальный центр компетенций по импортозамещению ERP-систем [Электронный ресурс] // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. URL: <https://clck.ru/VfvoG> (дата обращения: 01.08.2022).

Lozbinev, A.A. Tishhenko. Moscow: Flinta, 2011. 275 p. (In Russ.).

2. Gaponenko A. Ju. Informacionnye tehnologii kak faktor povysheniya jeffektivnosti menedzhmenta kommercheskih firm [Information technologies as a factor of increasing the efficiency of management of commercial firms]. A. Ju. Gaponenko, B.A. Rozentul. Moscow: MAKS Press, 2006. 93 p. (In Russ.).

3. Giljarevskij R. S. Informacionnyj menedzhment: upravlenie informaciej, znanijem, tehnologiej: koncepcija informacionnogo menedzhmenta, menedzhment kak informacionnoe upravlenie, informacionnyj menedzhment v organizacii, tendencii razvitiya informacionnyh tehnologij, sistema organizacii znaniy [Information management: management of information, knowledge, technology: the concept of information management, management as information management, information management in the organization, trends in the development of information technologies, the system of knowledge organization]. Saint Petersburg: Professija, 2009. 303 p. (In Russ.).

4. Zverev D. S. Strategicheskoe upravlenie razvitiem proektnogo investirovanija predpriyatij trgovli [Strategic management of the development of project investment of trade enterprises]. Saint Petersburg: Dialog, 2005. 181 p. (In Russ.).

5. Maslennikova O. E. Razrabotka korporativnoj tehnologii vnedrenija integrirovannoj sistemy upravlenija proizvodstvom na promyshlennom predpriyatii: monografija [Development of corporate technology for the introduction of an integrated production management system at an industrial enterprise: monograph]. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2019. 144 p. (In Russ.).

6. Tarakanov D. Obzor rossijskogo rynka ERP-sistem [Overview of the Russian market of ERP systems] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/obzor-rossiiskogo-rynka-erp-sistem/> (data obrashhenija: 01.08.2022). (In Russ.).

7. Sistemy upravlenija predpriyatijem (ERP), rynek Rossii [Enterprise Management Systems (ERP), Russian market] [Elektronnyj resurs]. Tadviser. Gosudarstvo. Biznes. Tehnologii [Tadviser. State. Business. Technologies]. 2022.12.29. URL: <https://clck.ru/UnPBr> (data obrashhenija: 01.08.2022). (In Russ.).

8. Nacional'nyj centr kompetencij po importozameshheniju ERP-sistem [National Com-

References

1. Averchenkov V.I. Informacionnye sistemy v proizvodstve i jekonomike: uchebnoe posobie [Information systems in production and economics: a textbook]. V.I. Averchenkov, F. Ju.

petence Center for import substitution of ERP systems] [Jelektronnyj resurs] // *Tadviser. Gosudarstvo. Biznes. Tehnologii* [Tadviser. State. Business. Technologies]. URL: <https://clck.ru/VfvoG> (data obrashhenija: 01.08.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted on 16.11.2022; approved after reviewing on 27.11.2022; accepted for publication on 12.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Влад Михаил Михайлович — студент 1 курса магистратуры факультета «Инноватика и организация производства» направления подготовки 27.04.06 «Организация и управления наукоемкими производствами», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Vlad — 1st year master's student of the Faculty of Innovation and Production Organization of the training direction 27.04.06 «Organization and management of science-intensive industries», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Куликов Михаил Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Сфера научных интересов — промышленная политика, кластеры в экономике, цифровая трансформация экономики, управление персоналом.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Kulikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — industrial policy, clusters in the economy, digital transformation of the economy, personnel management.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Влад М. М. — обоснование концепции исследования; сбор и систематизация данных; написание исходного текста; проведение исследования; обработка результатов; оформление рукописи; редактирование и переработка текста; итоговые выводы.

Куликов М. М. — научное руководство; концепция исследования; разработка инструментария исследования; развитие методологии; консультирование по определенным вопросам; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vlad M. M. — substantiation of the research concept; collection and systematization of data; writing of the source text; conducting research; processing of results; preparation of the manuscript; editing and processing of the text; final conclusions.

Kulikov M. M. — scientific guidance; research concept; development of tools for sociological research; development of methodology; consulting on certain issues; revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 338.49

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-103-114

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Вильгельмина Витальевна Глазунова

Институт экономики РАН, Москва, Россия

wilhelminaglazunova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9487-9807,

WoS Research ID: AGN-6658-2022

Аннотация. *Целью исследования* является анализ развития рынка классического государственно-частного партнерства (ГЧП) в регионах в сферах ЖКХ, социальной, транспортной и IT-сфере с позиции оценки влияния на развитие регионов. В связи с тем, что повышение уровня инфраструктурного развития в данных сферах лежит в основе социально-экономического подъема, объемы инвестиций в инфраструктуру можно рассматривать как факторы экономического роста в регионах. Стоит отметить, что для реализации крупных проектов по развитию инфраструктуры используется именно механизм ГЧП, обеспечивающий осуществление проектов в рамках национальных программ.

Методология исследования основана на анализе динамических рядов по объемам инвестирования в сферах ЖКХ, социальной, транспортной и IT-сфере, при этом данные приводятся к базовому периоду — 2006 г. На их основе выстроены диаграммы, характеризующие объемы инвестирования с помощью ГЧП в вышеуказанных сферах, а также отмечены наиболее крупные проекты ГЧП, оказавшие значительное влияние на развитие регионов.

Результат исследования состоит в оценке развития сфер ЖКХ, социальной, транспортной и IT-сферы в регионах РФ как основы для их экономического роста. Базой для анализа послужили объемы инвестиций, вложенные в развитие регионов посредством механизма классического ГЧП.

Ключевые слова: экономический рост, государственно-частное партнерство, уровень инфраструктурного развития, инвестиции, социальная сфера, транспортная сфера, жилищно-коммунальный комплекс, информационные технологии

Для цитирования: Глазунова В.В. Влияние государственно-частного партнерства на региональное развитие // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 103–114. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-103-114>.

Original article

IMPACT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS ON REGIONAL DEVELOPMENT

Wilhelmina V. Glazunova

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
wilhelminaglazunova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9487-9807,
WoS Research ID: AGN-6658-2022*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the development of the classical PPP market in the regions in the housing, social, transport and IT spheres from the perspective of assessing the impact on the development of the regions. Due to the fact that the increase in the level of infrastructure development in these areas is the basis of socio-economic recovery, the volume of investments in infrastructure can be considered as factors of economic growth in the regions. It is worth noting that for the implementation of large infrastructure development projects, it is the PPP mechanism that ensures the implementation of projects within the framework of national programs.*

The methodology of the study is based on the analysis of dynamic series on the volume of investment in the housing, social, transport and IT spheres, while the data are given for the base period — 2006. On their basis, diagrams describing the volume of investment using PPP in the above areas are built, and the largest PPP projects that have had a significant impact on development of regions.

The result of the study is to assess the development of housing, social, transport and IT spheres in the regions of the Russian Federation as the basis for their economic growth. The analysis was based on the volume of investments invested in the development of regions through the mechanism of classical PPP.

Keywords: *economic growth, public-private partnership, level of infrastructure development, investments, social sphere, transport sphere, housing and communal complex, information technologies*

For citation: *Glazunova W. V. Impact of public-private partnerships on regional development // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 103–114. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-103-114>.*

Введение. Система государственно-частного партнерства (ГЧП), реализованная на основе крупных федеральных проектов, является драйвером развития отраслей, в которых реализуются проекты, в частности медицины, образования, промышленности, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Как следствие, обеспечивается подъем общего экономико-социального уровня региона и государства в целом. Но и более мелкие проекты ГЧП, заключенные на региональном и муниципальном уровнях, обеспечивают развитие регионов, являясь фактором их экономического роста.

Создавая инфраструктурную и технологическую основу, проекты ГЧП оказывают влияние на повышение экономической безопасности государства и конкурентоспособности промышленности [8; 9; 12].

Систематизация проектов позволила выстроить годовую динамику инвестиций в каждой из рассматриваемых сфер, а также привести объемы инвестиций к ценам базового периода (2006 г.). На основе полученных данных выстроены диаграммы, отражающие динамику инвестиций в каждой из сфер с позиции уровня проектов, а также источника инвестирования. При этом оценен вклад каж-

дого федерального округа в формирование годового объема инвестиций.

Также в исследовании накопленные за период 2006–2021 гг. инвестиции на базе классического ГЧП в сферах ЖКХ, транспортной, социальной и IT-сфере были распределены по федеральным округам и регионам. Распределение представлено в форме диаграмм по объему инвестиций и количеству соглашений в каждой сфере, что позволило дать сравнительную оценку развитию федеральных округов и ряда субъектов РФ.

Суммируя, можно сказать, что целью исследования выступает анализ влияния государственно-частного партнерства как формы организации на экономическое развитие в регионах России, причём рассматриваются ГЧП в различных сферах региональной экономики. Методологию составляет сравнительный эмпирический анализ, применённые элементы структурного анализа.

Для достижения цели осуществим сначала оценку развития рынка ГЧП в жилищно-коммунальной, информационной, транспортной и социальной сферах. Далее обобщим выявленный масштаб влияния по каждой

сфере. Последовательно перейдём к решению указанных задач.

1. Общие положения развития рынка ГЧП в сферах IT, ЖКХ, транспортной и социальной. Особую эффективность сотрудничество бизнеса и государства в целях обеспечения экономического роста, инфраструктурного развития и социального обеспечения населения доказало с 1960-х гг. XX века [11]. В России применение механизма ГЧП на разных уровнях и в различных отраслях с 2006 г. позволило реализовать крупные инфраструктурные проекты по строительству железных и автомобильных дорог, аэропортов, портов, объектов здравоохранения, образования, энергообеспечения. На основе ГЧП осуществлены проекты, входящие в национальные программы по развитию государства.

Объем рынка классического ГЧП по данным сферам нарастающим итогом на конец 2021 г. составил 3472 проекта, при этом общие инвестиции составили 2765,1 млрд рублей в текущих ценах¹.

Наибольший объем инвестиций осуществляется в 2018 г. в размере 571,9 млрд рублей в текущих ценах, после чего наблю-

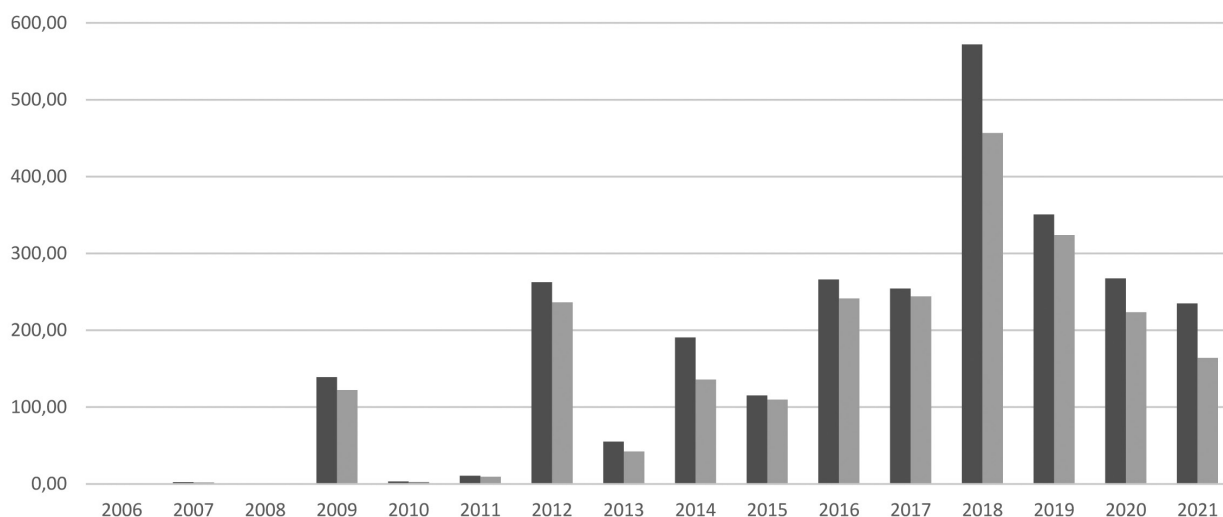

Рис. 1. Динамика инвестиций в 2006–2021 гг. в сферах ИТ, ЖКХ, транспортной и социальной
Fig. 1. Dynamics of investments in 2006–2021 in the fields of IT, housing and communal services, transport and social

¹ База реализуемых проектов ГЧП // Платформа «РОСИНФРА» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfra.ru/profile/base-projects?stage=27&stage=24&stage=23&stage=25> (дата обращения: 30.01.2023); Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2021: аналитический обзор [Электронный ресурс] // АНО «Национальный Центр ГЧП», ВЭБ.РФ. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/investicii-v-infrastrukturu-i-gcp-2021-analiticeskij-obzor> (дата обращения: 30.01.2022); Инвестиции в инфраструктуру: 15 лет рынку концессий [Электронный ресурс] // InfraOneResearch. URL: <https://infraoneresearch.ru/u5usp7/60goe2> (дата обращения: 30.01.2023).

дается сокращение объемов инвестирования, причиной которого стал спад экономической активности в результате распространения COVID-19 и введения ограничительных мер.

Однако для наиболее верной оценки инвестиционных вложений приведем цены к базовому периоду — 2006 году². Общий объем инвестиций в ценах 2006 г. нарастающим итогом на конец 2021 г. сократился до 2312,76 млрд рублей. Для сравнения: общий объем инвестиций в 2018 г., приведенных к ценам 2006 г., составил 456,66 млрд рублей, а в 2021 г. — 163,95 млрд рублей. Таким образом, мы можем сопоставить реальные объемы инвестиций, рассчитанные в ценах одного базового периода.

Далее в статье используются следующие сокращения федеральных округов РФ: ЦФО — Центральный федеральный округ, СЗФО — Северо-Западный федеральный округ, ЮФО — Южный федеральный округ, СКФО — Северо-Кавказский федеральный округ, ПФО — Приволжский федеральный округ, УФО — Уральский федеральный округ, СФО — Сибирский федеральный округ, ДФО — Дальневосточный федеральный округ.

2. Реализация проектов ГЧП в сфере ЖКХ. В сфере ЖКХ наиболее крупные объемы инвестиций осуществляются в 2015 г. в сумме 75,51 млрд рублей, в 2016 г. — в сумме 90,98 млрд рублей и в 2019 г. — в сумме 85,54 млрд рублей в ценах 2006 г. В 2015 г. большой объем средств инвестирован в развитие ЖКХ в Южном федеральном округе в результате подписания концессионного соглашения на 58 млрд рублей в текущих ценах (55,5 млрд рублей в ценах 2006 г.) по созданию и реконструкции объектов водоснабжения и водоотведения в Волгограде.

В 2016 г. крупные соглашения по объектам ЖКХ были заключены в Южном федеральном округе и Сибирском федеральном округе. В Южном федеральном округе было подписано концессионное соглашение по созданию и реконструкции системы теплоснабжения в Волгограде на сумму 29,6 млрд рублей в текущих ценах (27,3 млрд рублей в ценах 2006 г.). В Сибирском федеральном

округе было заключено концессионное соглашение по созданию объектов для обработки, обезвреживания и захоронения твердых коммунальных отходов в Новосибирской области на сумму 24,87 млрд рублей в текущих ценах (22,96 млрд рублей в ценах 2006 г.).

В 2019 г. наибольшие средства в сфере ЖКХ были инвестированы в Приволжском федеральном округе. Были подписаны три крупных соглашения: в Кировской области — по созданию системы коммунальной инфраструктуры теплоснабжения города Кирова на сумму 17,15 млрд рублей в текущих ценах (15,84 млрд рублей в ценах 2006 г.); в Самарской области — по созданию и модернизации объектов централизованных систем холодного водоснабжения и водоотведения, отдельных объектов таких систем городского округа Самара на сумму 17,22 млрд рублей в текущих ценах (15,9 млрд рублей в ценах 2006 г.); в Саратовской области предметом соглашения стали объекты теплоснабжения и горячего водоснабжения Муниципального образования «Город Саратов» в сумме 11,9 млрд рублей в текущих ценах (10,99 млрд рублей в ценах 2006 г.).

Вышеперечисленные регионы обладают средним уровнем инвестиционной привлекательности и инфраструктурного развития, однако этого достаточно для реализации крупных проектов ГЧП в сфере ЖКХ [1].

Таким образом, наблюдается следующее распределение инвестиций по федеральным округам (рисунок 2): наибольшие средства вложены в Приволжский федеральный округ, также значительные инвестиции относятся к Южному и Уральскому федеральным округам. Отметим, что минимальные инвестиции в ЖКХ осуществлялись в Северо-Кавказском федеральном округе, что отражает невысокую инвестиционную привлекательность региона [1].

Также на рисунке 3 представлены распределения проектов в сфере ЖКХ по уровням реализации и по объему инвестиций.

Как видно, подавляющая часть соглашений в сфере ЖКХ относится к сегменту мелких соглашений стоимостью менее 1 млрд рублей, которые заключаются на муници-

² Индекс физического объема инвестиций в основной капитал [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34129> (дата обращения: 30.01.2023).

пальном уровне. Такие соглашения служат для поддержания и организации систем ЖКХ как в региональных городах, так и в небольших населенных пунктах, тем не менее способствуют обеспечению функционирования жилищно-коммунального комплекса на значительных территориях страны. Замена и модернизация инфраструктуры ЖКХ и устаревшего оборудования способствует экономическому росту в регионах [1; 3; 6].

3. Реализация проектов ГЧП в социальной сфере. Отметим высокие инвестиции в социальной сфере в Дальневосточном

федеральном округе (рисунок 4). В 2019 г. были заключены два крупных соглашения: концессионное соглашение по строительству Камчатской краевой больницы в п. Крутобереговый на сумму 14,6 млрд рублей в текущих ценах (13,5 млрд рублей в ценах 2006 г.) и соглашение о ГЧП по строительству «Государственной филармонии Якутии и Арктического центра эпоса и искусств» на сумму 9,64 млрд рублей в текущих ценах. Тот факт, что данные регионы относятся к среднему уровню инвестиционной привлекательности, способствовал реализации достаточно крупных проектов ГЧП в социальной сфере [1].

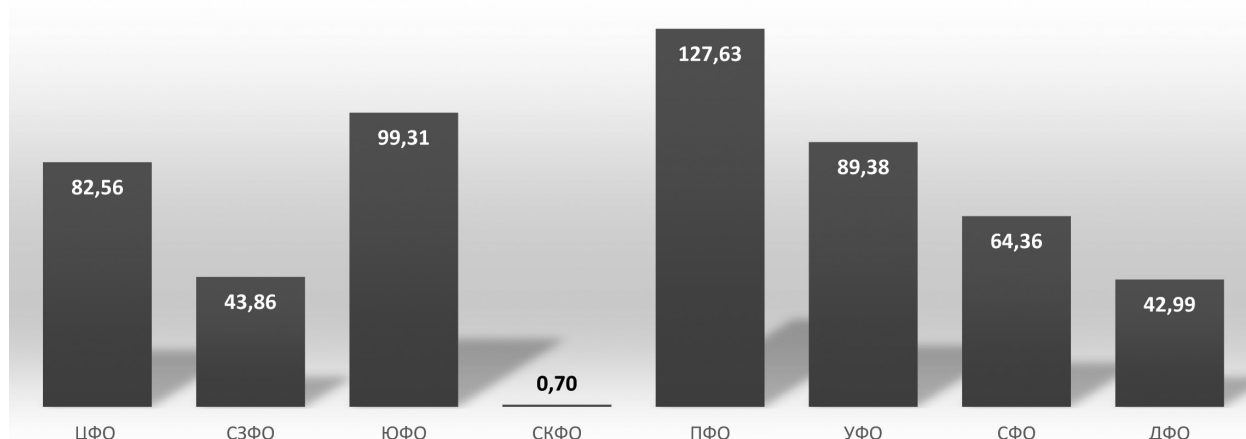

Рис. 2. Распределение инвестиций в сфере ЖКХ по федеральным округам
Fig. 2. Distribution of investments in housing and communal services by federal districts

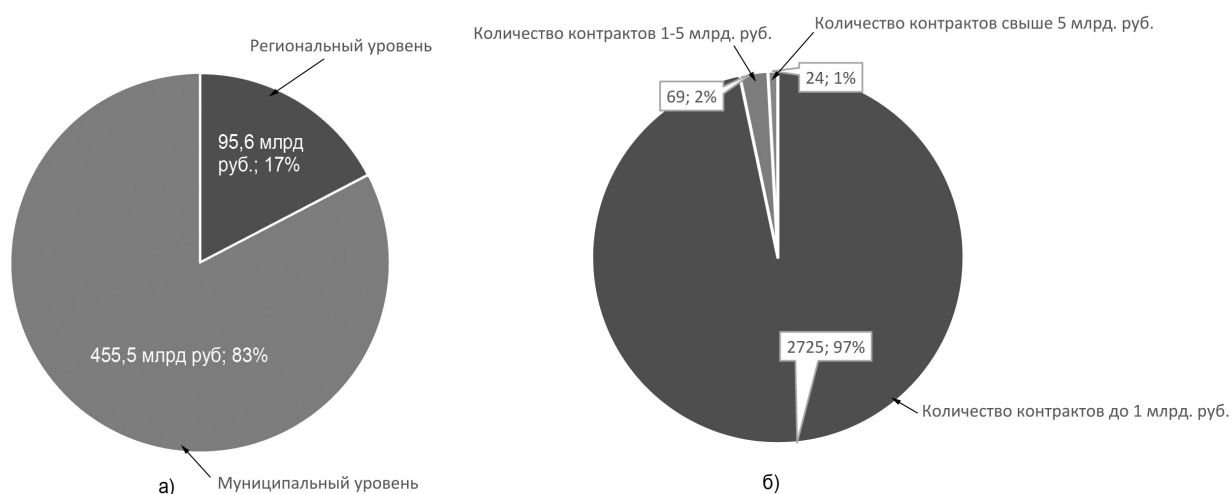

Рис. 3. Распределение проектов в сфере ЖКХ по уровням реализации (а) и по объему инвестиций (б)
Fig. 3. Distribution of housing and communal services projects by implementation levels (a) and by investment volume (b)

В 2020 г. наибольшая доля инвестиций в социальной сфере приходится на Северо-Западный федеральный округ в результате заключения концессионного соглашения по реконструкции и эксплуатации многофункционального спортивно-концертного комплекса с ледовой ареной «Петербургский» на сумму 25 млрд рублей в текущих ценах (21 млрд рублей в ценах 2006 г.). Город Санкт-Петербург является одним из лидеров по уровню инфраструктурного развития и инвестиционной привлекательности, в связи с этим в регионе реализованы крупные ГЧП-проекты

как в социальной сфере, так и в транспортной, что рассмотрено в статье ниже [1]. Также концессионное соглашение по строительству крупной спортивной инфраструктуры было заключено в Дальневосточном федеральном округе: многофункциональный спортивный комплекс «Арена» в городе Омске на сумму 10 млрд рублей в текущих ценах.

Значительный объем инвестиций в сумме 45,35 млрд рублей в ценах 2006 г. приходится на Уральский федеральный округ в результате заключения ряда соглашений по строительству объектов образования в 2019–2020 гг.

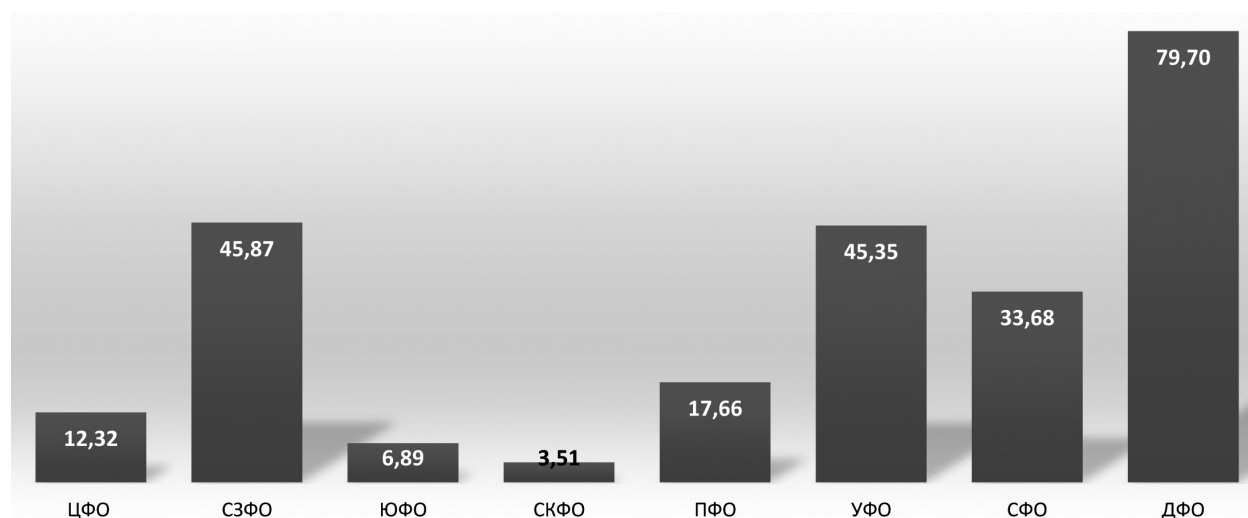

Рис. 4. Распределение инвестиций в социальной сфере по федеральным округам
Fig. 4. Distribution of investments in the social sphere by federal districts

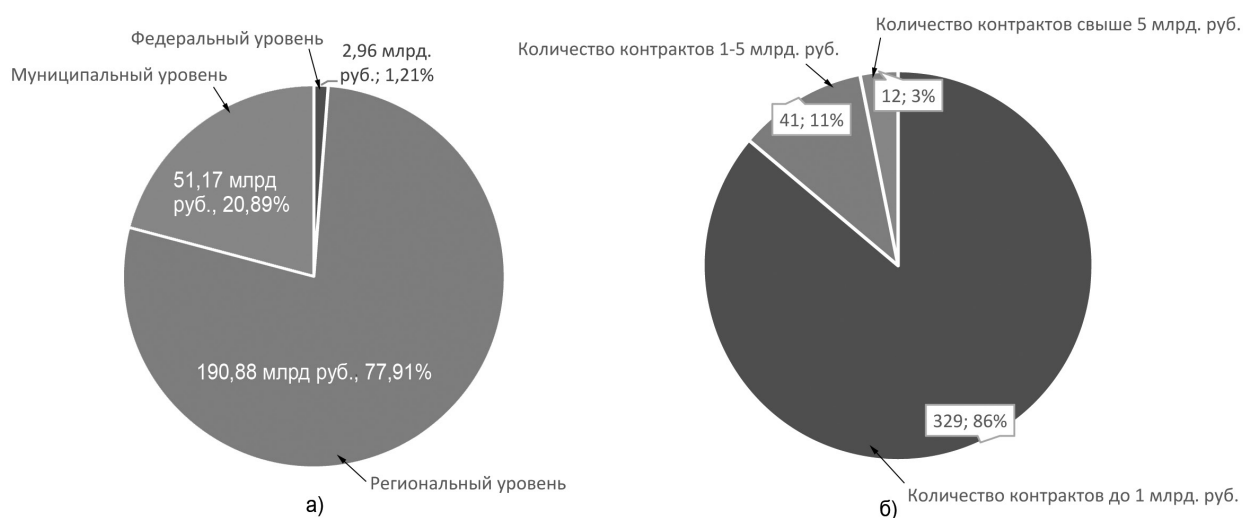

Рис. 5. Распределение проектов в социальной сфере по уровням реализации (а) и по объему инвестиций (б)
Fig. 5. Distribution of projects in the social sphere by levels of implementation (a) and by volume of investments (b)

В результате можем наблюдать следующее распределение инвестиций в социальной сфере по округам (рисунок 4).

Наибольшие инвестиции присущи Дальневосточному федеральному округу, также приблизительно на одном уровне находятся инвестиции в Северо-Западном и Уральском федеральных округах. При этом опять же минимальная сумма инвестиций принадлежит Северо-Кавказскому федеральному округу.

Значительный объем инвестиций в социальной сфере реализуется на региональном уровне (рисунок 5а) и в большинстве относится к сегменту мелких договоров ГЧП до 1 млрд рублей (рисунок 5б). Как правило, такие проекты осуществляются в региональных и областных центрах. Однако, как и в отношении инфраструктуры ЖКХ, развитие социальной инфраструктуры на значительных территориях, включая небольшие населенные пункты, повышает социальную защищенность граждан, обеспечивая доступность, в первую очередь медицины и образования, что косвенным образом влияет на экономический рост в регионах [2; 10].

4. Реализация проектов ГЧП в транспортной сфере. Транспортная сфера является немногочисленной, но самой емкой среди прочих сфер в отношении инвестиций. Рассмотренные 92 соглашения ГЧП (3% от общего количества соглашений) в транспортной сфере обеспечивают 1487 млрд рублей инвестиций в ценах 2006 г. (64% от общего объема инвестиций) в связи с масштабностью проектов и их высокой стоимостью.

Возникающие косвенные эффекты от строительства транспортной инфраструктуры имеют огромное значение для развития государства [5].

Крупнейшее соглашение в транспортной сфере было заключено в 2012 г. по строительству «Западного скоростного диаметра» на сумму 212,72 млрд руб. в текущих ценах (191,5 млрд руб. в ценах 2006 г.) с г. Санкт-Петербургом (СЗФО).

Наибольший объем инвестиций и количество заключенных соглашений в транспортную инфраструктуру отмечается в 2018 г.: инвестиции составили 374,69 млрд рублей в ценах 2006 г., количество соглашений — 23. Наиболее крупные соглашения были заключе-

ны в Сибирском федеральном округе по строительству железной дороги Элегест — Кызыл — Курагино на сумму 192,4 млрд рублей в текущих ценах (154,1 млрд рублей в ценах 2006 г.); в Уральском федеральном округе по строительству железной дороги Обская — Салехард — Надым на сумму 113 млрд рублей в текущих ценах (90,5 млрд рублей в ценах 2006 г.); в Центральном федеральном округе строительство инфраструктуры аэропорта Шереметьево в Московской области на сумму 61 млрд рублей в текущих ценах (48,8 млрд рублей в ценах 2006 г.).

Также на протяжении рассматриваемого периода осуществлялись значительные инвестиции в транспортную инфраструктуру Центрального федерального округа. Среди них можно выделить следующие наиболее крупные соглашения, реализуемые в ЦФО: в 2016 г. — строительство ЦКАД (пусковой комплекс №3) на сумму 80,1 млрд рублей в текущих ценах (74 млрд рублей в ценах 2006 г.); в 2017 г. — строительство ЦКАД (пусковой комплекс №4) на сумму 85,4 млрд рублей в текущих ценах (82,1 млрд рублей в ценах 2006 г.); в 2020 г. — строительство автодороги Солнцево — Железнодорожный в сумме 86,7 млрд рублей в текущих ценах (72,5 млрд рублей в ценах 2006 г.).

Отметим, что Московская область обладает высоким уровнем инвестиционной привлекательности и инфраструктурного развития, а г. Москва является лидером по данным показателям [1].

Еще одним из крупнейших соглашений, заключенных в транспортной сфере, является концессионное соглашение по строительству обхода города Тольятти с мостом через реку Волгу (ПФО), подписанное в 2019 г. на сумму 120,83 млрд рублей в текущих ценах (111,6 млрд рублей в ценах 2006 г.).

Накопленные инвестиции в транспортной сфере в ценах 2006 г. с распределением по округам представлены на рисунке 6. Как и в других сферах, минимальный уровень инвестиций относится к Северо-Кавказскому федеральному округу, также небольшие инвестиции вложены в Южном федеральном округе. Наибольшие средства в развитие транспортной инфраструктуры инвестированы в Центральном и Северо-Западном федеральных округах.

В связи с тем, что в основном проекты в транспортной сфере являются крупными (свыше 1 млрд рублей), наибольшие доли инвестиций в данной сфере относятся к региональному и федеральному уровню и реализуются в рамках государственных программ и федеральных проектов (рисунок 7).

5. Реализация проектов ГЧП в IT-сфере. На рынке ГЧП IT-сфера является самой

малочисленной по количеству соглашений (25 соглашений, 1% от общего количества соглашений) и с наименьшим объемом инвестиций (27 млрд рублей в ценах 2006 г., 1% от общего объема инвестиций). Соглашения ГЧП в этой сфере начали заключаться позже, чем в рассмотренных ранее сферах — с 2011 г. Инвестиции в сфере IT в регионы крайне низкие. Наиболее крупный проект «Платон» по созданию системы взимания платы с автомобилей

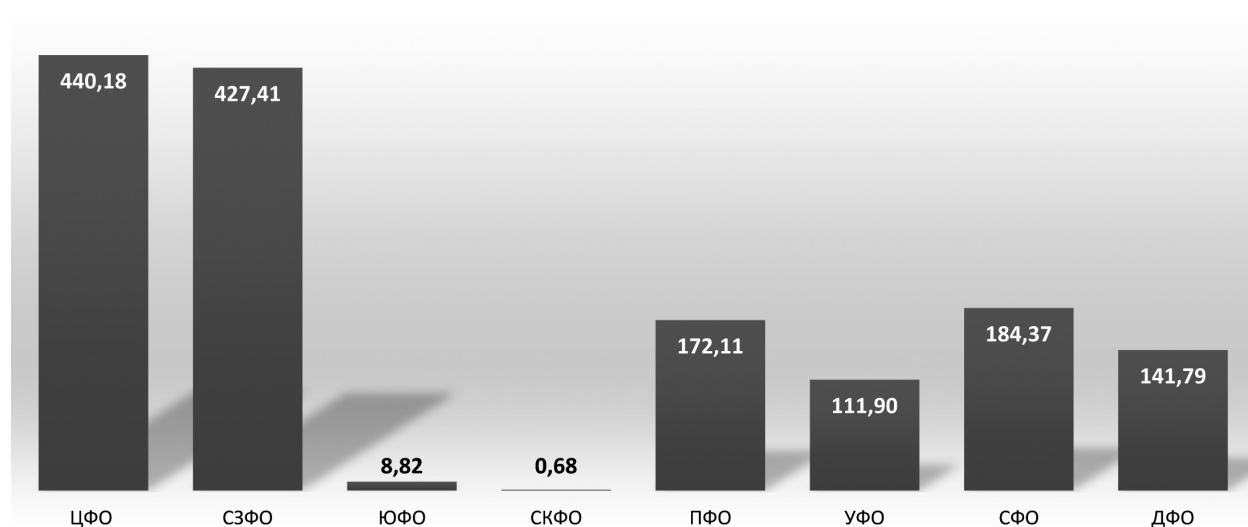

Рис. 6. Распределение инвестиций в транспортной сфере по федеральным округам
Fig. 6. Distribution of investments in the transport sector by federal districts

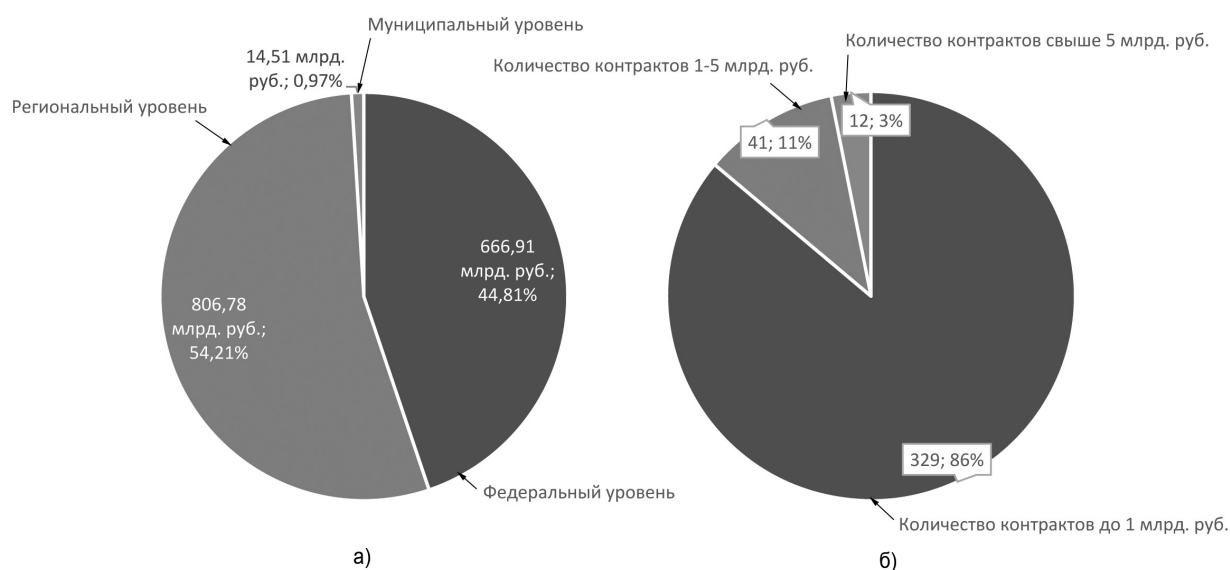

Рис. 7. Распределение проектов в транспортной сфере по уровням реализации (а) и по объему инвестиций (б)
Fig. 7. Distribution of projects in the transport sector by levels of implementation (a) and by volume of investments (b)

реализован на федеральном уровне и не относится ни к одному региону. Остальные наиболее крупные концессионные соглашения в IT-сфере также связаны с автодорожной инфраструктурой. Прочие соглашения по суммам являются незначительными.

Распределение инвестиций в сфере IT по регионам представлено на рисунке 8. Как видно на диаграмме, в ряде регионов не было реализовано ни одного проекта на основе ГЧП в сфере IT. Вложенные средства крайне малы по сравнению с ранее рассмотренными сферами, в то время как развитие сферы IT является ключевым направлением, опреде-

ленным Правительством РФ в сложившихся условиях прекращения сотрудничества с Западом и ухода многих ключевых IT-компаний с российского рынка.

Количество заключенных контрактов в сфере IT на основе классического ГЧП составляет лишь 25 проектов, при этом 20 из них заключено в масштабах менее 1 млрд рублей, что не решает государственной задачи (рисунок 9). Таким образом, рынок развития IT технологий, в том числе на основе ГЧП, требует серьезного расширения.

Для поддержания долгосрочного экономического роста необходимо инфраструктур-

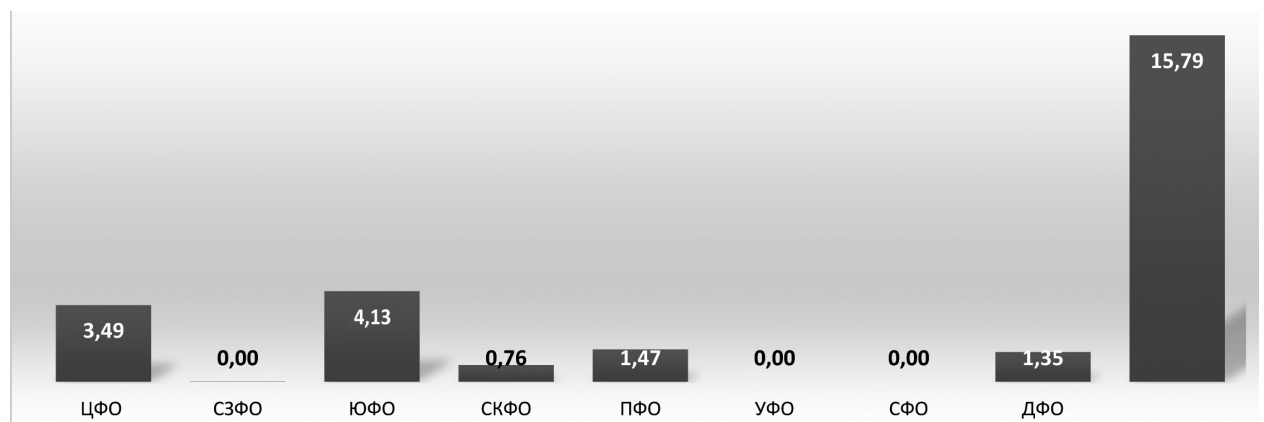

Рис. 8. Распределение инвестиций в IT-сфере по федеральным округам
Figure 8. Distribution of investments in the IT sector by federal districts

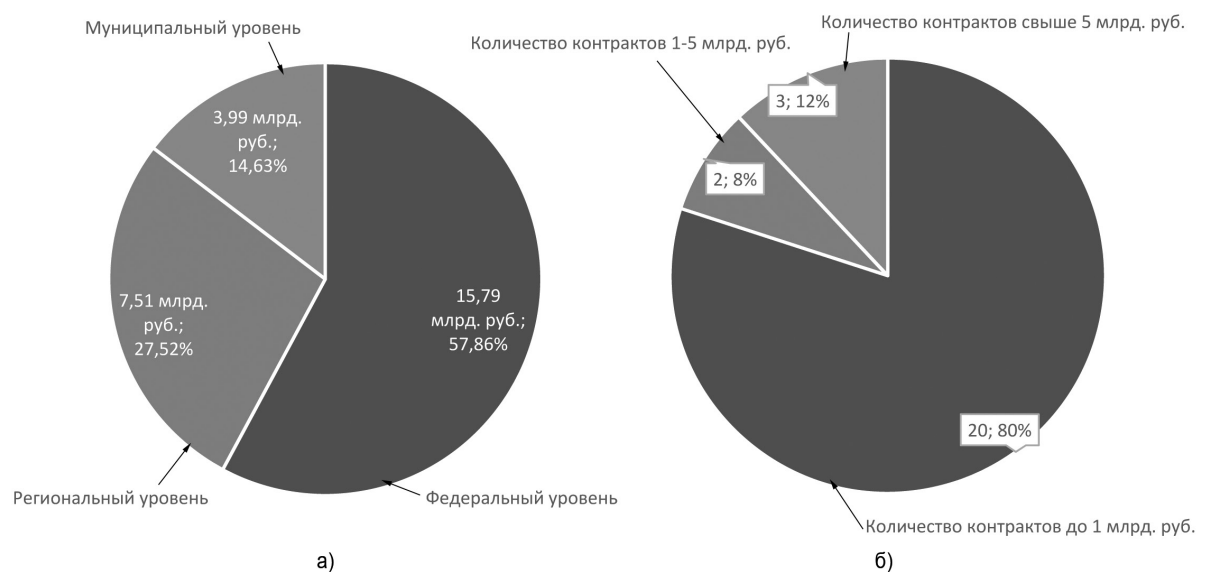

Рис. 9. Распределение проектов в IT-сфере по уровням реализации (а)
и по объему инвестиций (б)
Fig. 9. Distribution of projects in the IT sphere by levels of implementation (a)
and by volume of investments (b)

ное развитие в различных отраслях. Крупные проекты ГЧП реализуются, как правило, в административных центрах регионов либо относятся к регионам, имеющим стратегическое и логистическое значение, в особенности по отношению к строительству железных и автомобильных дорог. Помимо инфраструктурного развития, накопление информационных технологий до критической массы имеет влияние на ускорение экономического роста [2]. В этой связи определяющим фактором экономического роста является объем инвестиций в рассмотренные сферы.

Заключение. Развитие инфраструктуры в различных сферах на основе ГЧП является фактором экономического роста, основой для повышения социального уровня населения. Возрастает социальная обеспеченность граждан в сферах медицины и образования, улучшаются условия жизни, налаживается взаимосвязь и логистические цепи между регионами, что в свою очередь влияет на производительность как в регионах, так и в совокупности по стране [4; 7; 11]. Подведём итог проведенному анализу, оформив основные выводы.

Во-первых, реализация крупных проектов требует определенного уровня финансовой устойчивости и инвестиционной привлекательности региона, поэтому, исходя из данных, приведенных в статье, можно сказать, что крупные проекты реализуются в регионах, имеющих уровень инвестиционной привлекательности не ниже среднего [1]. Мелкие проекты ГЧП реализуются также в небольших населенных пунктах (в особенности такие проекты характерны для сферы ЖКХ), обеспечивая повышение социального уровня. При этом замена и модернизация устаревшей социальной инфраструктуры и инфраструктуры ЖКХ также способствует экономическому росту в регионах [2].

Во-вторых, применительно к транспортной инфраструктуре за период 2006–2021 гг. был инвестирован наибольший объем средств из рассмотренных сфер, составляющий 1487 млрд рублей в ценах 2006 г. (64% от общего объема инвестиций в рассматриваемые отрасли), причем по количеству соглашений данная сфера немногочисленна, а объем инвестиций накоплен за счет масштаба и высокой стоимости проектов.

В-третьих, на развитие инфраструктуры в сфере ЖКХ за период 2006–2021 гг. было инвестировано 551 млрд рублей в ценах 2006 г. (24% от общих инвестиций). Проекты данной отрасли — самые многочисленные, в основном заключены с муниципальными образованияами в различных субъектах РФ и по стоимости не превышают 1 млрд рублей.

В-четвертых, сфера социальной инфраструктуры характеризуется накопленным объемом инвестиций в 245 млрд рублей в ценах 2006 г. (11% от общего объема инфраструктуры).

В-пятых, инвестиции в IT-сфере на основе классического ГЧП крайне малочисленны, вложения в данной отрасли составляют лишь 27 млрд рублей в ценах 2006 г. (1% от общего объема инвестиций), причем основные наиболее крупные договоры тесно связаны с транспортной сферой.

Кроме указанных положений, также выявлено, что существует критическая необходимость увеличения инвестиций на развитие сферы информационных технологий, в том числе на основе механизмов ГЧП. В условиях ухода международных IT-компаний с российского рынка крайне важно формирование в стране самодостаточного производящего рынка информационных технологий для поддержания научно-технического прогресса. Эту задачу только начали решать в 2022 году.

Таким образом, можно констатировать, что по инвестициям, а также по числу проектов (двум важным показателям оценки влияния ГЧП на региональный рост и развитие) имелись существенные проблемы в региональном разрезе с силой этого влияния, особенно применительно к ИТ-сектору, несмотря на программы цифровизации, реализуемые в России. Выявленная неоднородность влияния требует продолжения и углубления начатых в статье исследований по поиску факторов и связей, которые изменяют характер влияния соотносимо к другим факторам и условиям регионального развития. Это составит перспективу дальнейшего исследования.

Список источников

1. Глазунова В. В. Региональная политика инвестирования инфраструктуры и стимулирования экономического роста // Вестник

ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №2. С. 125–139.

2. Глазунова В.В. Экономический рост на основе государственно-частного партнерства // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. №4. С. 93–108.

3. Комиссарова Л.А. ЖКХ как фактор устойчивого социально-экономического развития страны // Вестник НГИЭИ. 2010. Т. 1. №1(1). С. 184–192.

4. Кондратьев В.Б. Инфраструктура как фактор экономического роста [Электронный ресурс] // Сайт Фонда исторической перспективы. 10.11.2010. URL: www.perspektivy.info (дата обращения: 28.01.2023).

5. Лавриненко П., Чистяков П. Транспортная инфраструктура и экономический рост // Доклад центра экономики инфраструктуры. М.: Перо, 2019. 142 с.

6. Минаев Н.Н., Филюшина К.Э., Колыхаева Ю.А., Добрынина О.И. Реализация региональных проектов жилищно-коммунального комплекса с использованием государственно-частного партнерства // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. №9–6. С. 110–113.

7. Морозова И.А., Дьяконова И.Б. Государственно-частное партнерство как эффективный механизм инновационного развития экономики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. №2. С. 78–81.

8. Сухарев О.С. Институты регионального развития: концептуально-практический анализ организационных изменений // Экономический анализ: теория и практика. 2012. №4(259). С. 2–12.

9. Сухарев О.С., Ворончихина Е.Н. Типы технологического развития регионов: структура технологий и инвестиций // Инвестиции в России. 2019. №7. С. 24–36.

10. Ткачев С.В. Взаимосвязь социальной инфраструктуры и параметров экономического роста региона // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2014. №17. С. 72–76.

11. Чумаков И.И. Государственно-частное партнерство как основная форма партнерства государства и бизнеса // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2017. №11. С. 29–32.

12. Beran V., Teichmann M., Kuda F., Zdarilova R. Dynamics of Regional Development

in Regional and Municipal Economy // Sustainability, MDPI, Open Access Journal. 2020. №12(21). P. 1–18.

References

1. Glazunova V.V. Regional'naja politika investirovaniya infrastruktury i stimulirovaniya jekonomicheskogo rosta [Regional policy of infrastructure investment and economic growth promotion]. *Vestnik JuRGU (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the YURSTU (NPI). Series: Socio-economic Sciences]*. 2022; 15(2): 125–139. (In Russ.).

2. Glazunova V.V. Jekonomicheskij rost na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Economic growth based on public-private partnership]. *Vestnik RGGU. Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo» [Bulletin of the Russian State University. The series «Economics. Management. Right»]*. 2022; (4): 93–108. (In Russ.).

3. Komissarova L.A. ZhKH kak faktor ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitija strany [Housing and communal services as a factor of sustainable socio-economic development of the country]. *Vestnik NGIIEI [Bulletin of the NGIEI]*. 2010; 1(1): 184–192. (In Russ.).

4. Kondrat'ev V.B. Infrastruktura kak faktor jekonomicheskogo rosta [Infrastructure as a factor of economic growth] [Elektronnyj resurs]. Sajt Fonda istoricheskoy perspektivy [Website of the Historical Perspective Foundation]. 10.11.2010. URL: www.perspektivy.info (data obrashhenija: 28.01.2023). (In Russ.).

5. Lavrinenko P., Chistjakov P. Transportnaja infrastruktura i jekonomicheskij rost [Transport infrastructure and economic growth]. Doklad centra jekonomiki infrastruktury [Report of the Center for Infrastructure Economics]. Moscow: Pero, 2019. 142 p. (In Russ.).

6. Minaev N.N., Filjushina K. Je., Kolyhaeva Ju. A., Dobrynina O.I. Realizacija regional'nyh proektov zhilishhno-kommunal'nogo kompleksa s ispol'zovaniem gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Implementation of regional housing and communal complex projects using public-private partnership]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoj nauki [Theoretical and applied aspects of modern science]*. 2015; (9–6): 110–113. (In Russ.).

7. Morozova I.A., D'jakonova I.B. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak jef-

fektivnyj mehanizm innovacionnogo razvitija jekonomiki [Public-private partnership as an effective mechanism of innovative economic development]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. 2010; (2): 78–81. (In Russ.).

8. Suharev O.S. Instituty regional'nogo razvitija: konceptual'no-prakticheskij analiz organizacionnyh izmenenij [Institutes of regional development: conceptual and practical analysis of organizational changes]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2012; 4(259): 2–12. (In Russ.).

9. Suharev O.S., Voronchihina E.N. Tipy tehnologicheskogo razvitija regionov: struktura tehnologij i investicij [Types of technological development of regions: structure of technologies and investments]. *Investicii v Rossii* [Investments in Russia]. 2019; (7): 24–36. (In Russ.).

10. Tkachev S.V. Vzaimosvjaz' social'noj infrastruktury i parametrov jekonomicheskogo rosta regiona I [Interrelation of social infrastructure and parameters of economic growth of the region]. *Problemy sovremennoj jekonomiki (Novosibirsk)* [Problems of modern economy (Novosibirsk)]. 2014; (17): 72–76. (In Russ.).

11. Chumakov I.I. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak osnovnaja forma partnerstva gosudarstva i biznesa [Public-private partnership as the main form of partnership between the state and business]. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitija jekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt* [Actual problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience]. 2017; (11): 29–32. (In Russ.).

12. Beran V., Teichmann M., Kuda F., Zdarilova R. Dynamics of Regional Development in Regional and Municipal Economy // Sustainability, MDPI, Open Access Journal. 2020. №12(21). P. 1–18.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted on 02.02.2023; approved after reviewing on 17.02.2023; accepted for publication on 22.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глазунова Вильгельмина Витальевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Область научных интересов: инновации, оценка инновационного потенциала организаций, управление промышленностью, структурный анализ экономических систем, экономическая синергетика, устойчивость экономической динамики. Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Vilhelmina V. Glazunova — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Research interests: innovations, assessment of innovative potential of organizations, industrial management, structural analysis of economic systems, economic synergy, stability of economic dynamics.

32 Nakhimovsky av., Moscow, Russia

Научная статья
УДК 303.442.22
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-115-130

НЕЛИНЕЙНЫЕ МЕТОДЫ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАДАННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ, ИНФОРМАЦИИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Мария Анатольевна Комиссарова¹✉, Вера Николаевна Семенова²

^{1, 2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹mari543@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0002-8862-4445,
AuthorID РИНЦ: 348870, AuthorID Scopus: 57000351700

²bree05@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-1665-364X

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение нейробиологических технологий, психологических исследований при прогнозировании заданных результатов и их сферы применения в современном мире, описание преимуществ нелинейных методов прогнозирования перед традиционными.

Методологическую базу исследования представляют теоретические основы линейных и нелинейных методов прогнозирования нейробиологические и психологические исследования, а также многочисленные данные, полученные практическими исследованиями в мировых институтах и частных лабораториях как в России, так и за рубежом.

Результаты исследования показывают, что разработанные западные методы значительно уступают методам, которые разработаны в России и уже внедряются в других странах. В статье дается понятие энтропийной логики, описывается сравнение зарубежных методов с отечественными. Рассматриваются преимущества российских методов перед западными нейробиологическими технологиями в разных сферах применения. Рассмотрены связи между различными сферами, такими как спорт, политика, психология, экономика, медицина.

Перспективы исследования заключаются в необходимости развития нелинейных методов и их популяризации не только на макро-, но и на микроуровне, сделав доступным обучение технологиям для всех слоев населения, а также внедрение в корпоративную культуру предприятий и различных организаций.

Ключевые слова: нейромаркетинг, спортивная психология, энтропийная логика, принятие решений, нейробиология, мозговые машины, энергоинформационные исследования, прогнозирование, нелинейные системы анализа, нелинейные компьютерные сканеры

Для цитирования: Комиссарова М. А., Семенова В. Н. Нелинейные методы получения заданных результатов, информации и прогнозирования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 115–130. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-115-130>.

Original article

NON-LINEAR METHODS AS WAYS TO FORECAST, OBTAINING INFORMATION AND IMPLEMENTATION OF PREDETERMINED RESULTS

Maria A. Komissarova^{1✉}, Vera N. Semenova²

^{1,2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹mari543@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-8862-4445,

AuthorID РИНЦ: 348870, AuthorID Scopus: 57000351700

²bree05@inbox.ru, ORCID: 0000-0003-1665-364X

Abstract. *The purpose of the research consideration of neurobiological technologies, psychological research in predicting given results and their scope of application in the modern world, description of the advantages of nonlinear forecasting methods over traditional ones.*

The methodological basis *theoretical foundations of linear and nonlinear methods of forecasting neurobiological and psychological research, as well as data obtained by practical research in world institutes and private laboratories in Russia and abroad.*

Research result. *Show that the developed Western methods are significantly inferior to the methods developed in Russia, which are already being implemented in other countries. The article gives the concept of entropy logic, describes the comparison of foreign methods with domestic ones. The advantages of Russian methods over Western neurobiological technologies in various fields of application are considered. The correlation between sports, politics, psychology, economics, medicine is described.*

The prospects of the research *in the need to develop nonlinear methods and their popularization not only at the macro, but also at the micro level, making technology training available to all segments of the population, as well as introducing enterprises and various organizations into the corporate culture.*

Keywords: *neuromarketing, sports psychology, entropy logic, decision making, neurobiology, mind machine, energyinformation research, forecasting, non-linear systems of analysis, NLS computer scanners*

For citation: *Komissarova M. A., Semenova V. N. Non-linear methods as ways to forecast, obtaining information and implementation of predetermined results // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 115–130. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-115-130>.*

Введение. Сегодня многие специалисты утверждают, что нейронаука — это новая генетика, которая охватывает все сферы и может объяснить и предсказать практически любое человеческое поведение [9]. В современном мире как обычные люди, так и большие корпорации и их ученые, государства, инвесторы ищут способы прогнозирования будущих событий.

В математике существуют линейные способы прогнозирования, основанные на статистике и теории вероятности, где оценива-

ются сезонности и другие закономерности построением временного ряда, расчетом коэффициента эластичности и созданием, например, мультипликативной либо аддитивной модели временного ряда.

В более сложной интерпретации такие методы используются в случае применения математического анализа и методов принятия оптимальных решений, при этом зачастую используется МНК (метод наименьших квадратов), дифференциальные уравнения и последующее моделирование заданной

ситуации. Такое объединение подобных математических методов, сбор большого количества данных и последующая их обработка привели к созданию науки о хаосе и нелинейных системах.

В дальнейшем оказалось возможным совмещение компьютерных технологий и биологии человека, вследствие чего появились такие науки, как экспериментальная психология, нейромаркетинг, нейробиология, нейропсихология, энтропийная логика, где уже рассматриваются возможности нелинейного анализа как способа прогнозирования и изучение корреляции между различными сферами.

История создания и теоретические основы нелинейных методов. Как спортсмены с самого детства готовятся к спортивным соревнованиям, постоянно тренируясь, придерживая специальные диеты и ведя определенный способ жизни, так и крупные компании с самого начала планируют прибыли от продаж всевозможных товаров. Уже давно все страны мира и множество специалистов в разных областях ищут все новые способы улучшения спортивных результатов.

Еще в XX веке американский психиатр и психотерапевт Милтон Эриксон, когда готовил команду США по легкой атлетике к международным соревнованиям, в ходе эксперимента разделил команды на группы: на тех, кто готовился к соревнованиям по его технологиям совместно с физическими тренировками, и на тех, кто тренировался только физически. В результате первые показали более высокие результаты и завоевали золотые медали, обойдя команду из СССР.

Отдельную подготовку у Милтона Эриксона проходил участник Олимпийских игр, проводимых в Мехико в 1968 году, который занимался метанием ядра. В том году он также завоевал золотую медаль и вследствие подготовок побил существующий на тот момент рекорд, толкнув ядро на двадцать метров семьдесят сантиметров. После, используя эту же программу подготовки, другой спортсмен побил этот рекорд, метнув ядро на двадцать один метр и десять сантиметров.

Также Эриксон подготавливал участника по игре в гольф, заставляя забывать о забитых лунках и о каждой следующей лунке

думать, как о первой. С помощью тренировок по методике Эриксона был побит четырехминутный рекорд в забеге на милю [14].

Французский гипнотерапевт Жан Беккио также в своей практике тренировал спортсменов. Например, в стрельбе из лука он предлагал стрелку представлять мишень в форме спирали, а не стандартную, этого оказалось достаточно, чтобы тот стал первым во Франции и в мире [1].

В современном мире психологи до сих пор продолжают пользоваться технологиями, в которых заметно влияние работ Эриксона, можно часто услышать от спортсменов, что о каждом соревновании они думают, как о первых, оставляя позади прошедшие и успехи, и провалы. Например, Уэйн Руни в интервью рассказывает, что он представляет, как будет забивать голы или действовать эффективно: «Ты как бы переносишься в тот момент и готовишься к действию, чтобы в реальной игре у тебя уже было “воспоминание” о ней. Не знаю, это можно назвать визуализацией или воображением, но я всегда так делал, всю жизнь» [3, с. 9].

С появлением и активным развитием такой науки, как энтропийная логика, многие способы, которые были эффективны еще несколько лет назад, стали терять свою эффективность, а некоторые, такие как регрессия, стали даже приносить больше вреда, чем пользы.

На спортивных мероприятиях в действительности выступают не только противостоящие команды и соперники, но еще и рекламные агентства, букмекеры и нанятые ими специалисты-операторы, работающие с mind machine, поэтому основная борьба происходит не между спортсменами под наблюдением зрителей, а между инвесторами и политиками, которые спонсируют данное мероприятие.

Ежегодно тратится огромное количество денежных средств на реализацию определенных целей, создаются все новые методы, способные предопределить заранее результаты спортивных соревнований.

Ни одни крупные и даже иногда средние спортивные мероприятия уже не обходятся без специалистов-операторов, особенно широко это используется в США и западной Европе. В основном это установление вихревых воронок, что негативно сказывается на спорт-

сменах, вызывая головные боли, но существуют и более «креативные» технологии.

Основные исследования в данной области проводятся в России, США, Великобритании, Австралии, Германии, Нидерландах, Японии, в последние три года начались работы в Китае.

Еще с давних времен различные ученые искали способы предопределения событий, начиная от линейных способов, вследствие чего появилась такая наука, как теория вероятности. Один из создателей этой науки, французский физик, математик и астроном Пьер-Симон Лаплас, автор теории о существовании черных дыр, в XVIII веке ввел понятие Лапласовского классического детерминизма. Данное учение повествует о закономерной корреляции материального и нематериального мира.

Детерминизм — это взаимосвязь всех процессов и явлений, научная методология, направленная на исследование закономерностей в природе, обществе, мышлении и выявлении причин и следствий событий [8]. Основная идея детерминизма заключается в том, что при известных расположениях элементов и объектов системы, при наличии информации о действующих в ней силах возможно предсказать, как будет двигаться каждый объект этой системы сейчас и в будущем.

Классическая физика долгое время основывалась только на принципах детерминизма и предопределенности. Позже с появлением статистики, развитием теории вероятности и созданием в XX веке квантовой физики появилось понятие корпускулярно-волнового (квантово-волнового) дуализма, которое можно описать как непредсказуемое поведение субатомных частиц, которые при одних условиях ведут себя как волны, а при других — как частицы. Позже была развита теория о том, что фотоны и электроны могут быть не только дуальными, но и материальными.

Австрийский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике Эрвин Шредингер развивал теорию волновой механики и ввел понятие «кота Шредингера», согласно которому возможен любой исход событий, пока не сделан выбор.

Все эти учения привели к созданию такой науки, как энтропийная логика. В конце 90-х

годов XX века Американским физическим обществом (The American Physical Society, APS) — некоммерческой членской организацией, работающей над продвижением и распространением знаний о физике, где участниками (комиссия состояла из 21 участника, авторы были ее членами) национальных лабораторий, ведущих институтов Соединенных Штатов и всего мира была разработана наука о свойствах энтропии и возможности предопределения событий в будущем, рассмотрении настоящего с возможностью дистанционного наблюдения и вмешательства в текущем моменте времени на основе технологий Т. Ван Ховена. Отчет, опубликованный 24 февраля 1998 года, описывает возможности применения в военной и политической сферах.

Теоретические основы были разработаны выпускником Гарварда Робертом Стетсоном Шоу в городе Санта-Круз в одном из кампусов Калифорнийского университета на основе теории Клода Шеннона из BellTelephoneLaboratories и его работы «Математические теории коммуникации». Финансирование поступало от Военно-морских, Военно-воздушных сил США, из Министерства энергетики и ЦРУ. Позднее исследования продолжились в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA) по гранту Национального научного фонда, за которым последовал контракт DARPA (The Defense Advanced Research Projects Agency). Область применения энтропийной логики включает все сферы, благодаря чему можно отследить корреляции между бизнесом, маркетингом, медициной, спортом, политикой, религией, психологией, экономикой, рекламой и другими сферами. Теория хаоса является наукой о глобальной природе систем и объединяет ученых, работающих в весьма далеких друг от друга областях [16].

Принципы работы нелинейных систем.

В современном мире все большее число различных компаний тратят огромное количество средств на то, чтобы понять динамику развития рынка и определить тенденции развития. Как сказал более ста лет назад Джон Уонамейкер, половина его рекламного бюджета расходуется напрасно, и он не знает, какая именно. Данная проблема присутствует и сегодня, например, Стивен Левитт и Стивен Дабнер,

исследуя затраты одной транснациональной компании, где тратились миллионы долларов в год на рекламу, получили интересные результаты, подтверждающие фразу, сказанную в прошлом столетии. Оказалось, что отсутствие рекламы супермаркета никак не повлияло на продажи в том городе, и многие компании делают все по привычке, принимая необоснованные решения из-за отсутствия данных [4]. Для того чтобы получать лояльных потребителей, крупные компании в попытке привязать именно к их товарам используют новейшие достижения нейробиологии. Измерение реакции мозга помогает узнать о реальных чувствах покупателей, магнитно-резонансное сканирование дает более точные данные, чем фокус группы, и часто результаты значительно отличаются [7].

Традиционные способы изучения покупательского поведения, такие как анкетирование, статистические данные о предпочтениях товаров, сегодня считаются устаревшими, им на смену приходят нейромаркетинговые исследования бессознательных процессов, происходящих в нейронных структурах головного мозга, и изучение внутренних неосознанных поведенческих изменений людей при взаимодействии с рекламой, товарами, поведением людей в торговых центрах и прочее.

Недостатком нейромаркетинговых исследований является высокая стоимость, сложность и длительность проводимых экспериментов. Компании тратят миллионы долларов на разработки всевозможных способов, способствующих тому, чтобы потребители покупали именно их продукцию. Около семи миллионов долларов, выделенных восемью международными организациями, было потрачено на огромное число экспериментов по нейромаркетингу, описанных в книге «Buyology. Увлекательное путешествие в мозг современного потребителя» основателя рекламного агентства Мартина Линдстрема. В этих экспериментах с технологиями сканирования мозга было задействовано несколько тысяч людей по всему миру: двести ученых, десять профессоров и докторов наук [20].

Высокочувствительные сверхпроводящие квантовые детекторы позволяют определить, где и с какой интенсивностью формируются электромагнитные поля, отслеживая ход мыслей, их локализацию, и изучать их

свойства [10]. Ученые уже могут получать изображение лиц людей, о которых в данный момент думали испытуемые, анализируя их мозговую активность [3].

Изучается активность головного мозга, температура тела, движение глаз, сердечный ритм при показе рекламы, товаров, новостей, и то, как это повлияет на покупательскую способность и изменит общее восприятие в необходимом заданном направлении с использованием электроэнцефалографии, позитронно-эмиссионной томографии, магнитоэнцефалографии, функциональной магнитно-резонансной томографии, магнитно-резонансной спектографии, однофотонной эмиссионной компьютерной томографии, функциональной нейровизуализации, транскраниальной магнитной стимуляции, электронейромиографии, видеофиксации направления взгляда, размера зрачка, длительности задержки взора, регистрации кожно-гальванической реакции или изменения электрического сопротивления кожи и параметров работы сердечно-сосудистой системы. Проводятся психолингвистические исследования и изучаются вызванные потенциалы головного мозга и его электрическая активность нейронов.

Например, крупная азиатская сеть торговых центров провела эксперименты по способам воздействия на беременных, чтобы стимулировать продажи детских товаров, вследствие чего после рождения дети вне торгового центра кричали, хныкали, но стоило им попасть в молл, как они успокаивались. Это позволило целое поколение азиатских детей привязать к данной сети торговых центров [19].

Как показывают результаты исследования, чем больше что-то широко освещается в прессе, тем больше это занимает мысли людей. Например, в США почти миллиард долларов был потрачен на рекламу против наркотиков, в итоге употребление выросло в несколько раз [21]. В психологии данное явление известно как «феномен Вертера»; статистические данные говорят о том, что чем больше негативные события освещаются в новостях, тем больше тенденция будет увеличиваться. Например, Дэвид Филипс из Калифорнийского университета опубликовал результаты исследования о взаимосвязи новостей о падении самолетов и волне самоубийств. Сегодня мировые крупные ново-

стные агентства изучают более подробно такое влияние. Так было обнаружено, что, если показывать в новостях не военные действия, а будни военных, американское население более лояльно относится к вмешательству США в политику других стран, если показывать кого-то со спины, а кого-то лицом в диалоге перед камерой, то первый выглядит более виновным, чем второй [12]. Можно сделать вывод: большая часть того, что освещается американскими СМИ, перед показом исследуется крупными рекламными компаниями (от фоновых звуков и цветовой гаммы в кадре до самой речи и совокупного влияния на нейронные связи головного мозга), создавая именно тот образ, который непосредственно необходим в том или ином случае. В ходе экспериментов было выявлено, что люди принимают решения в большинстве случаев, опираясь на мнение большинства людей, хотя при этом в опросах всегда указывались другие причины принятия решений. Также вербовщики религиозных сект имеют больше приверженцев, если используют маркетинговый подход для организации ведения деятельности [11]. Эти и другие эксперименты помогают более детально изучать структуру общества и причины принятия определенных решений, поведения и моделировать необходимое заданное направление в жизни общества.

Большая государственная и финансовая поддержка в 480 миллионов долларов

в 2021 году из государственных, промышленных и федеральных средств в National Network for Manufacturing Innovation, куда входят исследовательские институты и более 2000 организаций, позволяет изучать и разрабатывать технологии, благодаря государственным партнерским отношениям между промышленностью, университетами США и федеральными правительственными учреждениями [15].

Все большую популярность в мире получает энтропийная логика — в США несколько сотен миллионов долларов ежегодно выделяется на работу и разработки в этой сфере. Энтропийная логика — это наука о получении информации дистанционным способом, выполнении определенных заданий при использовании mind machine либо энергоинформационным методом, посредством снижения от бета-активности мозга до 1,3–0,7 Гц. В таблице 1 представлены диапазоны частот мозга от бета-активности до гаммы.

Основные исследования в США проходят в Калифорнийском университете (The University of California), Гарвардском университете (Harvard University), Стэнфордском университете (Stanford University), а также в большом количестве частных лабораторий и научно-исследовательских центров.

В России одновременно была разработана практически аналогичная техника Святославом Нестеровым. Позднее Владимир Нестеров, Анатолий Акимов и Олег Елистратов

Таблица 1
Table 1

Диапазоны частот мозга
Brain frequency Ranges

№	Состояние	Диапазоны, Гц
1	β	Более 3
2	$\beta - \alpha$	2,4–2,3
3	α среднее	1,9–1,7
4	$\alpha - \theta$	1,5–1,4
5	θ	1,1–0,9
6	$\theta - \delta$	0,8–0,7
7	δ среднее	0,5–0,4
8	$\delta - \gamma$	0,3
9	γ	0,2–0,1

получили патент в США на торсионную диагностическую систему, использующую неинвазивные сигналы биологической обратной связи между оператором, пациентом и центральным процессорно-телеметрическим модулем (метатрон). Эти разработки были направлены на медицинскую область применения, в то время как в Соединенных Штатах основные разработки были более широкого спектра [6].

Одним из разработчиков современных mind machine (NLS (non-linear systems) computer scanners) является Рудольф Капельнер. Компьютерные программы для NASA и Пентагона были составлены в Стэнфордском университете во главе с Теодором Ван Ховеном. Он возглавил программу по созданию электронных устройств для целенаправленного чередования состояния сознания и получения воспроизводимых психофизических эффектов бесконтактного получения информации от далеких (скрытых) объектов [23]. Созданное оборудование функционирует на основе принципа умножения сигнала инициации при распаде метастабильных состояний [22]. Компьютерная программа моделирует различные вероятные экстремальные случаи, вероятность и достоверность прогноза возникновения которых оценивается с помощью систем нелинейного анализа [17]. Была создана программа по подготовке сотрудников (операторов) для работ с mind

machine, в первых экспериментах использовался хлоралгидрат (chloral hydrate), далее — более тяжелые вещества для достижения необходимого состояния активности мозга.

Как можно заметить, на американских сайтах о вакансиях идет активный и постоянный поиск людей для обучения и работ с NLS computer scanners, предлагается высокая оплата труда. Область применения этого оборудования — прогнозирование и моделирование результатов военных операций и политических действий, решение аналитических задач с несколькими возможными результатами при отсутствии какой-либо начальной информации [24]. Аппарат телеметрической обработки данных для нелинейного анализа, где совмещены функции метатрона и ПЭВМ, позволяет исследовать реакции человека на разные виды информационного воздействия [13].

На рисунке 1 представлена «лайт»-модель Limina DeepVision Bundle от MindGadgets¹, для проведения более сложных работ необходимо подключение к компьютеру.

В январе 1996 года американское физическое общество начало изучать состояние развития психотронных систем оружия в США. Были созданы научные и промышленные лаборатории [24].

Принцип работы более сложных устройств заключается в получении виртуального многомерного изображения, основанного

Рис. 1. Мозговая машина Limina DeepVision Bundle
Pic. 1. Mind Machines Limina DeepVision Bundle

¹ Фото с сайта «Mind Gajets». URL: <https://mindgadgets.com/product/limina-deepvision-bundle/>.

на данных, полученных с помощью многомерных сканеров «virtual-NLS computer scanners» с использованием системы LAPP (система параллельного процессора с мощными вычислительными возможностями и скоростью работы). На рисунке 2 представлен NLS computer scanners для медицинской диагностики².

Интерфейсы мозговых машин объединяют методы, подходы и концепции, полученные из нейрофизиологии, информатики и инженерии, чтобы установить двунаправленные связи в реальном времени между живым мозгом и искусственными приводами, также обеспечивается обратная связь полученной информации от внешних приводов обратно в мозг.

Значительным недостатком в зарубежных методах работы является то, что процент «списанных» сотрудников, работающих с mind machine под управлением компьютера, составляет 98%. Данный показатель имеет такое высокое значение, поскольку очень много времени проводится за работой, в связи с этим возникают инсинуации, применяются вещества, которые необходимы для снижения активности мозга до тета- и де-

льта-состояния, ухудшается качество работы и достоверность информации. Стандартная смена — 3–4 часа, после чего оператором заполняется протокол, где описывается все увиденное им, при этом только 30 % информации запоминается. Часто для выполнения параллельных работ используется несколько человек, это означает постоянную текучку кадров и большое количество людей, работающих с данными технологиями. В России этот показатель равен 64 %, но с 2021 года во многих учреждениях время работы уменьшилось до нормальных значений — 1 час (в редких случаях возможно увеличение продолжительности до 1,5 часов).

Также неудобством является применение самих mind machine — сотрудники испытывают головные боли и общее ухудшение здоровья при их использовании. Сейчас на западе исследуют способы без использования mind machine, разработанные в России, но для выполнения сложных задач по-прежнему используются устройства под управлением компьютера.

В частном порядке существуют методы, позволяющие значительно снизить про-

Рис. 2. Нелинейная диагностическая система Оберон
Pic. 2. Oberon NLS diagnostic device

² Фото с сайта «3DNLS-Analyzer». URL: <http://www.3d-nls-health-analyzer.com/oberon-nls-diagnostic-device.html>.

цент «списанных», но в настоящее время эти методы широко не используются из-за их новизны. В России самые успешные технологии были разработаны доктором психологии по международной системе образования UNESCO Аркадием Орловым, исследования проводятся в Санкт-Петербурге и Москве. Преимуществом разработанных методов является неиспользование mind machine, из-за которых возникают осложнения со здоровьем тех, кто с ними работает. Эти методы, наоборот, позволяют намного улучшить состояние здоровья. Являясь также спортивным психологом, мастером И-Цуань, тхеквондо ВТФ и каратэ, имея черные пояса и высокие даны по тхеквондо ВТФ, карате-до WKF, киокушинкай и пройдя подготовку специального назначения КНР, разработанную в 60-х годах XX века «Ночные тигры», А. А. Орлов совместил эти знания с психологией и в результате создал технологии, помогающие спортсменам получать самые высокие результаты.

Благодаря энергоинформационным технологиям улучшаются не только спортивные результаты, но и состояние здоровья спортсменов. Возможна перекодировка в течение трех минут, и десятилетний ребенок сможет победить профессиональных спортсменов. Еще одним преимуществом являются разработанные методы, где оператору не нужно подходить к объекту воздействия, эти технологии значительно превосходят те, что разработаны в США.

Область применения нелинейных систем. Теория энтропийной логики является наиболее перспективной и активно используется в XXI веке в гиперконкурентной борьбе в различных сферах и областях [2].

В целом данные разработки используются в государственном секторе, в частных лабораториях, в космической отрасли, военными, спецслужбами, в спорте, экономике, маркетинге, психологии, археологии, медицине, политике, для частных консультаций и во многих других областях. «Во всех случаях практическое использование “мозговых машин” для прогнозирования развития ситуаций и принятия решений в условиях дефицита исходной информации приводит к получению дополнительной прибыли

у компаний, использующих указанную аппаратуру» [17, с. 13].

Многие лаборатории и институты проводят эксперименты, в которых ищут способы, совершенствующие спортивные навыки. Доктор Нильс Коллинг, специалист по экспериментальной психологии, в Оксфордском университете проводил исследования по принятию решений у спортсменов и выявлению участков головного мозга, которые отвечают за определенный выбор, исследуя нейронную активность, например, исследования с использованием специальных очков, перекрывающих обзор, затемняющихся по команде компьютера или от педали, с применением фМРТ, отслеживанием активности головного мозга, а также другими устройствами, помогающими отслеживать движение глаз, температуру тела и пр. Подобные опыты часто проводятся со спортсменами и направлены на то, чтобы игроки лучше подготавливались к соревнованиям [3].

Вмешательство операторов в Formula 1 иногда приводит к серьезным авариям, так как теряется концентрация внимания, и на больших скоростях совершение ошибок может привести к проблемам со здоровьем и авариям. Инвесторы и букмекеры вкладывают средства в «необходимых» пилотов и команды, финансируя группы операторов, проводятся опросы, по которым определяются предпочтения зрителей. Очень часто спортсмены ощущают незримое присутствие и воздействие операторов, например, можно услышать, что в гонках на больших скоростях вождение ощущается более безопасным чем в городе.

Российская компания Kaspersky до сезона 2022 года являлась спонсором команды Ferrari. Оценивая эффективность вложений, можно сказать, что было бы целесообразней вкладывать средства в развитие стратегий для работы операторов, например, как в Mercedes и Red Bull, где более всего заметно такое вмешательство. Поскольку в данном виде спорта выступает 10 команд (в отличие от, например, бокса, где 2 соперника), происходят непредопределенные ошибки, так как на большой скорости возможно задеть не того, кого планировалось, часто присутствуют политические факторы и влияние происходит на нескольких человек из команды.

Сбором технических данных и аналитикой занимается медиа-технический центр Biggin Hill. Из-за отсутствия такой поддержки российским пилотам сложно было добиваться высоких результатов в данном виде спорта.

В футболе, помимо традиционных воронок, для футболистов также используются следующие методы: привязывание магнита к мячу и магнит на ворота, сетка на ворота, заложить кирпичами свои ворота, перестановка ворот в сторону на несколько метров и множество других техник. Иностранные специалисты в основном работают по вратарю и защите. Возможна подача таких команд при пенальти, как «отбиваешь мяч в любом случае всеми частями тела», в боксе — «выбиваешь противника в 10-м раунде». В боевых искусствах для усиления ударов есть технология перекрытия митрального клапана физико-энергетическим методом.

На Олимпийских играх также участвует большое количество NLS-специалистов, подготовка всегда происходит заранее. Такие страны, как США, Канада, Великобритания, некоторые страны западной Европы, Япония, Австралия ведут финансирование из государственного бюджета, и Россия уступает по вовлеченности таких специалистов в спортивную деятельность.

На самом деле, сейчас уже во всех видах спорта, начиная от соревнований среднего уровня до олимпиады и прочих международных мероприятий, присутствуют специалисты-операторы, и часто спортсменам уже сложно добиваться результатов только своими навыками, как правило, в соревнованиях присутствует политика и отстаиваются положения инвесторов.

Но, как и в споре, в бизнесе существуют способы, повышающие заинтересованность с помощью нейробиологических технологий. В области нейромаркетинга, например, Оливером Лоуэри разработаны Silent Sound Spread Spectrum, в крупных торговых центрах по всему миру установлены акустические системы с узконаправленным сигналом, спрятанным за музыкой. «S-quard передает коммерческие призывы прямо в мозг потребителя, минуя его уши. Эта система, подсоединенная к компьютеру, может определять человеческие эмоции, выявляя и анализируя

электрическую активность мозга и изменять его эмоциональное состояние». В Mindlab исследуются все аспекты мозговой активности потребителей и создаются супермассивы данных для планирования спроса [18, с. 7].

Компания Disney ведет разработки устройств, способных визуализировать видеоролики непосредственно в мозг, минуя остальные органы восприятия. Активные разработки в нейробиологии, нейропсихологии ведутся и другими крупными организациями, такими как Microsoft, Alphabet Inc, Sony.

В сфере киноиндустрии Warner Bros., Paramount Pictures Corporation, Columbia Pictures Industries, Inc. финансируют разработку способов лучшего восприятия и создания положительных ассоциаций с выпускаемыми ими фильмами.

Устройства военной отрасли способны воздействовать на людей и выводить из строя технику и оружие на расстояние в тысячи километров. Существуют специальные отделения в военной отрасли, где обучают данным боевым технологиям. В Air Force Research Laboratory в сотрудничестве с университетами под командованием Materiel Air Sictions идут разработки технологий аэрокосмического боя, планирование и реализация программ науки и техники ВВС в воздухе, космосе и киберпространственных силах США. В Гарвардском, Вашингтонском, Колумбийском, Корнеллском, Иллинойском, Калифорнийском, Стэнфордском, Принстонском и в Сиракузском университетах также ведутся разработки в сотрудничестве с разными компаниями при финансовой поддержке нескольких министерств. Sandia National Laboratories является мультимиссионной лабораторией, управляемой национальными технологическими и инженерными решениями Sandia, LLC., для Национальной администрации ядерной безопасности Министерства энергетики США. The United States Military Academy (USMA) — американская служебная академия, обучающая курсантов для ввода в эксплуатацию армию Соединенных Штатов. MIT Lincoln Laboratory исследует и разрабатывает передовые технологии для удовлетворения критических потребностей национальной безопасности. The Center for Brains, Minds, and Machines (CBMM) представляет собой мультиинституциональный

центр науки и технологий, посвященный изучению интеллекта, мозга и интеллектуального поведения и воспроизведения интеллекта в машинах. Lawrence Livermore National Laboratory исследует способы обеспечения безопасности США посредством разработки и применения науки и техники мирового класса. Разработки NLS и PAS (psychophysical arms systems) позволяют определять расположения подземных ядерных пусковых установок, подводных лодок с ядерным оружием на борту и стационарных объектов. Тесты, подтвержденные космическими фотографиями, показали эффективность разработанной системы обнаружения. Системы дают удовлетворительные результаты по дальней разведке при определении важных удаленных объектов, а именно: подводных лодок, летательных и космических аппаратов и т.д. Создана пространственно-временная дистанционная система предопределения аварий, катастроф, международных конфликтов, воздушных и морских катастроф, гражданских беспорядков [24]. При этом энергоинформационные боевые методы значительно превосходят западные.

Свою эффективность NLS-сканеры показали в медицине, возможна диагностика и прогнозирование болезней с последующими рекомендациями лечения [25]. Но так как при использовании «mind machine» не ведется практика лечения болезней, альтернативой являются энергоинформационные методы, разработанные А. А. Орловым, при которых возможно проводить не только диагностику, но и лечение. Разработаны методики лечения фобий, значительно превосходящие существующие в психологии, получены технологии, аналогичные когнитивно-поведенческой терапии, где эффективность составляет 38%, в энергоинформационном аналоге эффективность может достигать 100%. Также при использовании энергоинформационных методов значительно улучшаются когнитивные способности.

В боевых технологиях теперь стало возможным провести перекодировку человека без особой подготовки, например, в боевого офицера, сделать «зомби» либо отправить в психиатрическую больницу в течение 10 минут. Был разработан легкий военный жилет более высокой прочности, не имеющий

аналогов в мире по практичности. Также разработано большое количество технологий по защите.

Автор энергоинформационных технологий А. А. Орлов, не являясь врачом, смог полностью вылечить травмы позвоночника, полученные при катании на лыжах. Также есть успешная практика лечения раковых заболеваний у девяти человек путем воздействия различных энергий на внутренние органы, причем основное лечение проводится в первых 2–3 сеансах, а в последующем — в самостоятельном порядке. Эффективность лечения 98–100%.

Финансовая система Wall Street давно исследует методы получения информации нелинейными способами. С помощью NLS возможно более эффективно прогнозировать рынки, проецировать гистограммы и рассмотреть основные тенденции в ценах, сроки жизни трендов и их амплитуду колебаний. Например, компания DeutshLA предоставляет возможность расчета показателя окупаемости инвестиций с применением нейромаркетинговых технологий [5]. В целом технический анализ дает неплохие результаты прогнозирования, но при использовании NLS процент получения точных прогнозов значительно увеличивается. Сегодня существуют практики совмещения технических и нелинейных методов. При использовании энергоинформационных методов оценки вероятности осуществления событий точность прогнозов значительно увеличивается.

SalesBrain нейромаркетинговое агентство подготавливает маркетинговые стратегии и рекламные ролики более 800 компаниям при использовании технологии NeuroMap. В общем в США около 20 млрд долларов ежегодно тратится на нейромаркетинговые исследования [5].

В судебной и политической сфере также используются нейробиологические технологии, эксперты по нейроправу утверждают, что в судах такая практика становится все более популярной. Политические консультанты и нейробиологи из FKF Applied Research исследуют различные способы привлечения колеблющихся избирателей [9].

В результате исследования авиационной деятельности была предотвращена катастрофа самолета. Также «Боинг» разработал

на редкость оригинальную систему для испытания новых моделей самолетов. Разработчики варьируют детали конструкции, получая с помощью нелинейного анализа соответствующую информацию о “слабых местах” в еще не построенной машине» [17, с. 6].

Заключение. Можно сделать вывод что данная отрасль будет развиваться быстрыми темпами, уже сейчас возможно получать 100% запрашиваемой информации достоверностью 98% с несколькими вариантами развития рассматриваемых ситуаций для будущих событий при использовании энергоинформационных методов, которые также позволяют проводить исследования в более короткие сроки и сокращать затраты на разработку в отличие от западных. К сожалению, в России сильно недооцениваются возможности применения энергоинформационных методов, в то время как на западе их применение только увеличивается, как и увеличивается финансирование на развитие этих технологий. Российские государственные методы несколько отстают от западных, а западные значительно отстают от энергоинформационных. Уже сегодня в Калифорнийском университете и ряде частных лабораторий начинают переходить от привычных технологий нелинейной диагностики к энергоинформационным методам, также данные технологии уже используются английской монархией и их специальными подразделениями. Преимуществом является то, что в отличие от западных способов, где для каждой направленности необходимо определенное программное обеспечение, энергоинформационные методы являются более универсальными и отсутствует необходимость применения препаратов, необходимых для снижения активности головного мозга при использовании «mind machine». Проведенные исследования дают положительные результаты и, безусловно, будут развиваться. Вероятнее всего, в будущем придется отказаться от работ в том виде, в котором это осуществляется сейчас под управлением компьютера, в связи с ухудшением состояния здоровья работников. Уже созданы усовершенствованные программы, где учитываются все особенности работы в данной области и совмещен опыт западных и отечественных разработок. Об-

ласть применения этих технологий настолько широка, что в ближайшее 10 лет станет повседневной нормой. Западные страны более успешно развивают и финансируют описанные выше сферы, и для поддержания необходимой конкуренции в России необходимо развивать данную область как в институтах, так и в частных лабораториях.

Список источников

1. Беккио Ж., Росси Э. Гипноз XXI века [Электронный ресурс]. М.: Класс, 2003. 272с. URL: <https://booksprime.ru/books/gipnoz-xxi-veka/>.
2. Дятлов С.А. Энтропия как доминанта мировой финансово-экономической системы// Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. №1. С. 4–9.
3. Кетвала А. Атлетичный мозг. Как нейробиология совершает революцию в спорте и помогает вам добиться высоких результатов [Электронный ресурс]. М.: Азбука-Аттикус, Азбука Бизнес, 2017. 460 с. URL: <https://www.litres.ru/amit-ketvala/atletichnyy-mozg-kak-neyrobiologiya-sovershaet-revoluciu-v-sporte-i-pomogaet-vam-dobitsya-vysokih-rezultatov/>.
4. Левитт С., Дабнер С. Фрикомыслие. Нестандартные подходы к решению проблем [Электронный ресурс]. М.: Альпина Диджитал, 2015. 250 с. URL: <https://www.litres.ru/stiven-dabner/frikomyslie-nestandartnye-podhody-k-resheniu-problem/>.
5. Морен К., Ренвуазе П. Код убеждения. Как нейромаркетинг повышает продажи, эффективность рекламных кампаний и конверсию сайта [Электронный ресурс]. СПб.: Питер, 2020. 420 с. URL: <https://www.litres.ru/kristof-moren/kod-ubezhdeniya-kak-neyromarketing-povyshaet-prodazhi-effekt/>.
6. Нестеров и др. Торсионная диагностическая система, использующая неинвазивные сигналы биологической обратной связи между оператором, пациентом и центральным процессорно-телеметрическим модулем [Электронный ресурс] // Патент Соединенных Штатов. 15 апреля 2003 г. Физические основы информационного взаимодействия. URL: https://www.metatron-nls.ru/wp-content/uploads/2017/12/fiz_osnovy6.pdf.
7. Прает. Д. Ван. Бессознательный брендинг. Использование в маркетинге новей-

ших достижений нейробиологии [Электронный ресурс]. М.: Азбука Бизнес, 2014. 380 с. URL: <https://www.litres.ru/duglas-vanpraet/bessoznatelnyy-breeding-ispolzovanie-v-marketinge-noveysh/>.

8. Сачков Ю. В. Детерминизм. Новая философская энциклопедия // Институт философии РАН. М.: Мысль, 2010. 744 с.

9. Сэйтл С., Лиленфельд О. Нейромания. Как мы теряем разум в эпоху расцвета науки о мозге [Электронный ресурс]. М.: «Э», 2016. 368 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/neuromaniya-kak-my-teryaem-razum-v.html>.

10. Трайндл А. Нейромаркетинг: Визуализация эмоций [Электронный ресурс]. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. URL: <https://www.litres.ru/arndt-trayndl/neuromarketing-vizualizaciya-emociy/chitat-onlayn/>.

11. Чалдини Р. Психология влияния [Электронный ресурс]. М.: Бомбора, 2019. 660 с. URL: <https://www.litres.ru/robert-chaldini/psihologiya-vliyaniya/>.

12. Чалдини Р. Психология согласия [Электронный ресурс]. М.: Бомбора, 2017. 410 с. URL: <https://www.litres.ru/robert-chaldini/psihologiya-soglasiya/chitat-onlayn/>.

13. Чесноков А. П., Трегубов С. Х., Шмидт А. Х., Данилова А. В. Квантово-корреляционные взаимодействия в психофизических системах [Электронный ресурс] // Институт прикладной психофизики. Омск, 1996. 35 с. URL: https://www.metatron-nls.ru/wp-content/uploads/2017/12/kvantovaa_korrelazia.pdf.

14. Эриксон М. Мой голос останется с вами [Электронный ресурс] // Изд. и коммент. С. Розена. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. 370 с. URL: <https://booksprime.ru/books/moy-golos-ostanetsya-s-vami/>.

15. Annual Report of Manufacturing USA [Electronic resource]. 2021. 124 p. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ams/NIST.AMS.600-6.pdf>.

16. Gleick J. Chaos: Making a New Science [Electronic resource]. Penguin Group, 1987. URL: <https://www.amazon.com/Chaos-Making-Science-Gleick-James/dp/B00DJG2JM4>.

17. Krick E. Physical basics of informational interaction [Electronic resource] // Entropy logic theory and expanding horizons of consciousness. М.: Prospekt Publishing. 2012. 68 p. URL: [https://drclark.si/uploads/drclark/public/](https://drclark.si/uploads/drclark/public/document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf)

[document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf](https://drclark.si/uploads/drclark/public/document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf).

18. Lewis D. The Brain Sell When Science Meets Shopping [Electronic resource]. Nicholas Brealey Publishing, 2013. 304 p. URL: <https://www.amazon.co.uk/Brain-Sell-Science-Meets-Shopping/dp/1857886011>.

19. Lindstrom M. Brandwashed: Tricks Companies Use to Manipulate Our Minds and Persuade Us to Buy [Electronic resource]. Hardcover, 2011. 304 p. URL: <https://www.amazon.com/Brandwashed-Tricks-Companies-Manipulate-Persuade/dp/0385531737>.

20. Lindstrom M. Buyology: Truth and Lies About Why We Buy and the New Science of Desire [Electronic resource]. Hardcover, 2008. 272 p. URL: <https://www.amazon.com/Buyology-Truth-Lies-About-Why/dp/0385523890>.

21. McKeown R., Cuffe S., Schulz R. American Journal of Public Health 96. October №10 [Electronic resource] // U.S. Suicide Rates by Age Group. URL: <https://www.apha.org/Publications/Reports-and-Issue-Briefs>.

22. Nesterov V. I. Psychophysics as new priority in modern science [Electronic resource] // Physical basics of informational interaction. М.: Prospekt Publishing, 2012. 68 p. URL: https://drclark.si/uploads/drclark/public/document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf.

23. Nesterov S. P. Physical basics of informational interaction [Electronic resource] // Theory of quantum entropy logic — triumph of modern natural science. М.: Prospekt Publishing, 2012. 68 p. URL: https://drclark.si/uploads/drclark/public/document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf.

24. Report of group of the American Physical Society «Scientific and technical aspects of development of psychotron arms systems» [Electronic resource] // N. Blumbergen, C. Patel, P. Avisonis, R. Clem, A. Geriberg, T. Johnson, T. Marshall, W. Morrow, A. Holecome, E. Vitchinsky, E. Sessler, G. Sullivan, G. Vayant, E. Yariv, T. Dressler, R. Zeir, E. Krick, R. Jan, R. Morris, A. Feyber, S. Brown. February 24, 1998. URL: <https://www.aps.org/policy/reports/popa-reports/index.cfm>.

25. The collection of proceedings of Institute of Practical Psychophysics (IPP) «Topical problems of NLS diagnostics (theoretical and clinical)» [Electronic resource] / Under editor-

ship V.I. Nesterov. M.: Prospekt Publishing, 2006. URL: <http://www.3d-nls-health-analyzer.com/wp-content/uploads/2016/03/Non-Linear-Analysis.pdf>.

References

1. Bekkio Zh., Rossi Je. Gipnoz XXI veka [Hypnosis of the XXI century] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Klass, 2003. 272 p. URL: <https://booksprime.ru/books/gipnoz-xxi-veka/>. (In Russ.).
2. Djatlov S.A. Jentropija kak dominanta mirovoj finansovo-jekonomicheskoy sistemy [Entropy as the dominant of the world financial and economic system]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)]* 2014; (1): 4–9. (In Russ.).
3. Ketvala A. Atletichnyj mozg. Kak neyrobiologija sovershaet revoljuciju v sporte i pomogaet vam dobit'sja vysokih rezul'tatov [Athletic brain. How neurobiology revolutionizes sports and helps you achieve high results] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Azbuka-Attikus, Azbuka Biznes, 2017. 460 p. URL: <https://www.litres.ru/amit-ketvala/atletichnyy-mozg-kak-neyrobiologiya-sovershaet-revoluciu-v-sporte-i-pomogaet-vam-dobitsya-vysokih-rezultatov/>. (In Russ.).
4. Levitt S., Dabner S. Frikomyslie. Nestandartnye podhody k resheniju problem [Freakishness. Non-standard approaches to solving problems] [Elektronnyj resurs]. Moscow Al'pina Didzhital, 2015. 250 p. URL: <https://www.litres.ru/stiven-dabner/frikomyslie-nestandartnye-podhody-k-resheniu-problem/>. (In Russ.).
5. Moren K., Renvuaze P. Kod ubezhdenija. Kak nejromarketing povyshaet prodazhi, jeffektivnost' reklamnyh kampanij i konversiju sajta [The code of persuasion. How neuromarketing increases sales, the effectiveness of advertising campaigns and website conversion] [Elektronnyj resurs]. Saint Petersburg: Piter, 2020. 420 p. URL: <https://www.litres.ru/kristof-moren/kod-ubezhdeniya-kak-neyromarketing-povyshaet-prodazhi-effekt/>. (In Russ.).
6. Nesterov et al. Torsionnaja diagnosticheskaja sistema, ispol'zujushhaja neinvazivnye signaly biologicheskoy obratnoj svyazi mezhdu operatorom, pacientom i central'nym processorno-telemetricheskim modulem [Torsion diagnostic system using non-invasive biofeedback signals between the operator, the patient and the central processing and telemetry module] [Elektronnyj resurs]. Patent Soedinyenyh Shtatov. 15 aprelja 2003 g. Fizicheskie osnovy informacionnogo vzaimodejstvija [Patent of the United States. April 15, 2003. Physical foundations of information interaction]. URL: https://www.metatron-nls.ru/wp-content/uploads/2017/12/fiz_osnovy6.pdf. (In Russ.).
7. Praet. D. Van. Bessoznatel'nyj brending. Ispol'zovanie v marketinge novejsih dostizhenij neyrobiologii [Unconscious branding. The use of the latest achievements of neurobiology in marketing] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Azbuka Biznes, 2014. 380 p. URL: <https://www.litres.ru/duglas-van-praet/bessoznatelnyy-breeding-ispolzovanie-v-marketinge-noveysh/>. (In Russ.).
8. Sachkov Ju. V. Determinizm. Novaja filosofskaja jenciklopedija [Determinism. The New Philosophical Encyclopedia]. Institut filosofii RAN [Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Mysl', 2010. 744 s. (In Russ.).
9. Sjejt S., Lilienfel'd O. Nejromanija. Kak my terjaem razum v jepohu rascveta nauki o mozge [Neuromania. How we lose our mind in the heyday of brain science] [Elektronnyj resurs]. Moscow: «Je», 2016. 368 p. URL: <https://avidreaders.ru/book/neyromaniya-kak-my-teryaem-razum-v.html>. (In Russ.).
10. Trajndl A. Nejromarketing: Vizualizacija jemocij [Traindl A. Neuromarketing: Visualization of emotions] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2007. URL: <https://www.litres.ru/arndt-trayndl/neyromarketing-vizualizaciya-emocij/chitat-onlayn/>. (In Russ.).
11. Chaldini R. Psihologija vlijanija [Psychology of influence] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Bombora, 2019. 660 p. URL: <https://www.litres.ru/robert-chaldini/psihologiya-vliyanija/>. (In Russ.).
12. Chaldini R. Psihologija soglasija [Psychology of consent] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Bombora, 2017. 410 p. URL: <https://www.litres.ru/robert-chaldini/psihologiya-soglasija-chitat-onlayn/>. (In Russ.).
13. Chesnokov A.P., Tregubov S.H., Shmidt A.H., Danilova A.V. Kvantovo-korreljacionnye vzaimodejstvija v psihofizicheskikh sistemah [Quantum correlation interactions in psychophysical

- systems] [Jelektronnyj resurs] // Institut prikladnoj psihofiziki [Institute of Applied Psychophysics]. Omsk, 1996. 35 p. URL: https://www.metatron-nls.ru/wp-content/uploads/2017/12/kvantovaa_korrelazia.pdf. (In Russ.).
14. Jerikson M. Moj golos ostanetsja s vami [My voice will stay with you] [Jelektronnyj resurs] // Izd. i komment. S. Rozena [In S. Rosen (eds.)]. Saint Petersburg: Peterburg-XXI vek, 1995. 370 p. URL: <https://booksprime.ru/books/moy-golos-ostanetsya-s-vami/>. (In Russ.).
15. Annual Report of Manufacturing USA [Electronic resource]. 2021. 124 p. URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ams/NIST.AMS.600-6.pdf>.
16. Gleick J. Chaos: Making a New Science [Electronic resource]. Penguin Group, 1987. URL: <https://www.amazon.com/Chaos-Making-Science-Gleick-James/dp/B00DJG2JM4>.
17. Krick E. Physical basics of informational interaction [Electronic resource] // Entropy logic theory and expanding horizons of consciousness. M.: Prospekt Publishing, 2012. 68 p. URL: https://drclark.si/uploads/drclark/public/document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf.
18. Lewis D. The Brain Sell When Science Meets Shopping [Electronic resource]. Nicholas Brealey Publishing, 2013. 304 p. URL: <https://www.amazon.co.uk/Brain-Sell-Science-Meets-Shopping/dp/1857886011>.
19. Lindstrom M. Brandwashed: Tricks Companies Use to Manipulate Our Minds and Persuade Us to Buy [Electronic resource]. Hardcover, 2011. 304 p. URL: <https://www.amazon.com/Brandwashed-Tricks-Companies-Manipulate-Persuade/dp/0385531737>.
20. Lindstrom M. Buyology: Truth and Lies About Why We Buy and the New Science of Desire [Electronic resource]. Hardcover, 2008. 272 p. URL: <https://www.amazon.com/Buyology-Truth-Lies-About-Why-We-Buy-and-the-New-Science-of-Desire/dp/0385523890>.
21. McKeown R., Cuffe S., Schulz R. American Journal of Public Health 96. October №10 [Electronic resource] // U.S. Suicide Rates by Age Group. URL: <https://www.apha.org/Publications/Reports-and-Issue-Briefs>.
22. Nesterov V.I. Psychophysics as new priority in modern science [Electronic resource] // Physical basics of informational interaction. M.: Prospekt Publishing, 2012. 68 p. URL: https://drclark.si/uploads/drclark/public/document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf.
23. Nesterov S.P. Physical basics of informational interaction [Electronic resource] // Theory of quantum entropy logic — triumph of modern natural science. M.: Prospekt Publishing, 2012. 68 p. URL: https://drclark.si/uploads/drclark/public/document/3-physical_basics_of_informational_interaction_sl.pdf.
24. Report of group of the American Physical Society «Scientific and technical aspects of development of psychotron arms systems» [Electronic resource] // N. Blumbergen, C. Patel, P. Avisonis, R. Clem, A. Geriberg, T. Johnson, T. Marshall, W. Morrow, A. Holecome, E. Vitchinsky, E. Sessler, G. Sullivan, G. Vayant, E. Yariv, T. Dressler, R. Zeir, E. Krick, R. Jan, R. Morris, A. Feyber, S. Brown. February 24, 1998. URL: <https://www.aps.org/policy/reports/popa-reports/index.cfm>.
25. The collection of proceedings of Institute of Practical Psychophysics (IPP) «Topical problems of NLS diagnostics (theoretical and clinical)» [Electronic resource] / Under editorship V.I. Nesterov. M.: Prospekt Publishing, 2006. URL: <http://www.3d-nls-health-analyzer.com/wp-content/uploads/2016/03/Non-Linear-Analysis.pdf>.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 02.12.2022; принята к публикации 12.12.2022.

The article was submitted on 21.11.2022; approved after reviewing on 02.12.2022; accepted for publication on 12.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

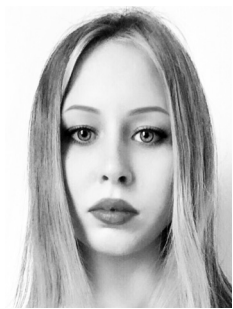

Комиссарова Мария Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, доцент, заведующая кафедрой «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Разработчик проекта «Теория, методика и технологии профессионального образования по направлениям подготовки соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики». Область научных интересов: стратегическое развитие регионов и отраслей, цифровые трансформации в промышленном секторе экономики, промышленная политика в топливно-энергетическом комплексе.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria A. Komissarova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Creator of the project «Theory, methodology and technology of vocational education in the areas of training corresponding to the priority areas of modernization and technological development of the Russian economy». Research interests: strategic development of regions and industries, digital transformations in the industrial sector of the economy, industrial policy in the fuel and energy complex.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Семенова Вера Николаевна — аспирант кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vera N. Semenova — Postgraduate Student of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Комиссарова М.А. — научное руководство; написание исходного текста; доработка текста.
Семенова В.Н. — концепция исследования; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Komissarova M.A. — scientific management; writing the source text; refinement of the text.
Semenova V.N. — research concept; writing the source text; final conclusions.

Научная статья

УДК 004.67

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-131-137

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ BIG DATA В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ

Михаил Михайлович Куликов^{1✉}, Максим Александрович Индюков²

1, 2 Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹*kulikovmichael@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0002-4139-9391,

AuthorID РИНЦ: 360563, AuthorID Scopus: 57209222679

²*indukoff.maksim.russia@mail.ru*

Аннотация. Целью исследования является изучение применения технологии Big Data в электроэнергетике.

Методологическую базу исследования представляют научные публикации, статьи научных журналов, информация о продуктах компаний, предоставляющих услуги в исследуемой области. Собранная информация позволяет изучить применяемые в электроэнергетической отрасли цифровые технологии и результаты от их внедрения.

Результаты исследования. В работе рассматривается технология обработки больших данных (Big Data), ее техники и технологии, применяемые в электроэнергетике. Представлены характеристики умных сетей энергоснабжения, ключевые требования к интеллектуальной электроэнергетической системе, системы обработки данных в интеллектуальных энергосистемах, системы управления энергопотреблением, особенности функционирования виртуальных электростанций, специфика управления в сетях с накопителями энергии. Особое внимание уделено применению в электроэнергетике интеллектуальной электрической сети (Smart grid), которая осуществляет связь между всеми участниками энергетического рынка, с целью предоставления энергетических услуг, снижения затрат и повышения эффективности; системы управления энергопотреблением, задача которой состоит в организации процессов физического уменьшения потребления мощности в интервалы времени повышенной цены на электроэнергию; виртуальной электростанции — система, объединяющая электроэнергию сразу от нескольких источников.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ факторов, влияющих на распространение цифровых технологий на предприятиях электроэнергетики, а также исследование результата их внедрения.

Ключевые слова: Big Data, большие данные, электроэнергетика

Для цитирования: Куликов М. М., Индюков М. А. Перспективы применения технологии Big Data в электроэнергетике // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 131–137. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-131-137>.

Original article

PROSPECTS OF USE OF BIG DATA TECHNOLOGY IN THE POWER INDUSTRY

Mikhail M. Kulikov^{1✉}, Maxim A. Indukov²

^{1,2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹kulikovmichael@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-4139-9391,

AuthorID RSCI: 360563, AuthorID Scopus: 57209222679

²indukoff.maksim.russia@mail.ru

Abstract. *The purpose of the study is to study the application of Big Data technology in the electric power industry.*

The methodological base of the study is represented by scientific publications, articles of scientific journals, information about the products of companies providing services in the area under study. The collected information makes it possible to study the digital technologies used in the electric power industry and the results of their implementation.

Research results. *The paper considers the technology of big data processing (Big Data), its techniques and technologies used in the electric power industry. The characteristics of smart power supply networks, key requirements for an intelligent electric power system, data processing systems in intelligent power systems, energy management systems, features of the functioning of virtual power plants, specifics of management in networks with energy storage are presented. Particular attention is paid to the use in the electric power industry of an intelligent electric grid (Smart grid), which provides communication between all participants of the energy market, in order to provide energy services, reduce costs and increase efficiency; an energy management system, whose task is to organize the processes of physical reduction of power consumption in time intervals of increased electricity prices; a virtual power plant — a system that combines electricity from several sources at once.*

The prospect of the study *is an in-depth analysis of the factors affecting the spread of digital technologies in the electric power industry, as well as a study of the effect of their implementation.*

Keywords: Big Data, power industry

For citation: Kulikov M. M., Indukov M. A. Prospects of use of Big Data technology in the power industry // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 131–137. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-131-137>.

Введение. Большие данные (Big Data) — обозначение огромных объемов неструктурированных и структурированных данных, обрабатываемых методов и инструментов, объединяющих техники и технологии, их результатом является получение информации, которая уже может быть обработана человеком [1].

У технологии Big Data выделяют три главные характеристики (три V): объём (Volume), скорость (Velocity), многообразие

(Variety). Объем данных здесь является самой главной характеристикой.

Повышение важности больших данных подтверждается статистикой: в 2012 году в мире было создано 2 зеттабайта (2000 миллиардов гигабайт) данных, а в 2020 году — более 35 зеттабайт. Объем глобального рынка Big Data сегодня аналитики оценивают 168,8 миллиардов долларов¹. Объем рынка Big Data в нашей стране составляет 45 мил-

¹ Preimesberger Ch. Hadoop, Yahoo, 'Big Data' Brighten BI Future. [Electronic resource] // EWeek. URL: <http://www.eweek.com/storage/hadoop-yahoo-big-data-brighten-bi-future> (date accessed: 10.10.2022).

лиардов рублей (данные на конец 2019 года) с темпом роста 112% с 2014 года. Внутри-российскими лидерами по использованию больших данных являются сфера розничной торговли, банки и телекоммуникации. Более 55% российских компаний выделяют бюджеты на развитие технологий Big Data.

Техники больших данных. Техника — способ или процедура выполнения задачи. Техники, которые используют большие данные: консолидация, визуализация, машинное обучение, нейронные сети, регрессионный анализ, классификация.

Консолидация — набор методов, предназначенных для сбора данных, лежащих в разных источниках, придания этим данным структурированной формы, преобразования в единый формат с целью загрузки в хранилище данных и дальнейшей работы с ними.

Виртуализация — способ управления, извлечения и управления данными без необходимости показывать технические аспекты их хранения. Задачей виртуализации является отображение данных из хранилища без копирования и перемещения².

Машинное обучение — класс методов искусственного интеллекта, направленных на нахождение решения проблемы не прямым решением задачи, а обучением программы решением схожих задач.

Искусственная нейронная сеть — математическая модель, чья архитектура реализована по аналогу биологических нейронных сетей. При этом считается, что у искусственных и биологических нейронных сетей гораздо меньше общего, чем кажется, но искусственные нейронные сети при этом находят всё большее применение в различных сферах деятельности³.

Регрессионный анализ — это набор методов для оценки отношений между переменными. Он используется для нахождения взаимосвязи между переменными. Регрессионные методы позволяют моделировать

зависимости между переменными, а также показывают, что при изменении независимых переменных можно фиксировать изменение зависимой переменной⁴.

Классификация больших данных — это распределение объектов исследования по классам на основании сходства признаков. Классификация отличается от кластеризации тем, что распределение объектов происходит по заранее известным классам.

Отсутствует юридическое определение Big Data (в сравнении с персональными данными гражданина, например). Большие данные — технологическое понятие, описания в технологических стандартах достаточно для того, чтобы развивать технологию больших данных. Непонимание разницы между деперсонифицированными обезличенными большими данными и персональными данными граждан создает им негативный имидж у граждан и органов власти (разницу между персональными данными и большими данными не понимают 82% россиян).

Технологии больших данных. Технология больших данных — результат приложения достижений науки к промышленным или коммерческим целям [2]:

— Apache Hadoop — открытый программный комплекс для работы с огромными объемами данных, включая программную реализацию MapReduce;

— R — язык программирования, предназначенный для статистической обработки информации и работы с графикой.

Apache Hadoop — это набор утилит и библиотек для разработки программ. Они могут работать как на отдельных серверах, так и на кластерах, включающих сотни и тысячи узлов. Эта технология для хранения и обработки больших данных была разработана на Java-рамках вычислительной парадигмы MapReduce⁵.

² Виртуализация // [Что такое виртуализация? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techtarget.com/searchdatamanagement/definition/data-virtualization> (дата обращения: 10.10.2022).

³ Шпаргалка по разновидностям нейронных сетей. Часть первая. Элементарные конфигурации. 03.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://tproger.ru/translations/neural-network-zoo-1> (дата обращения: 10.10.2022).

⁴ Что такое регрессионный анализ. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/u/425321-sf-education/224225-chto-takoe-regressionnyy-analiz> (дата обращения: 10.10.2022).

⁵ Что такое Hadoop, где и для чего используется [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bigdataschool.ru/wiki/hadoop> (дата обращения: 10.10.2022).

Язык программирования R — это язык и среда для статистических вычислений и проектирования. Язык разработали учёные факультета статистики Оклендского университета. Сначала это был внутренний инструмент, но затем он стал общедоступным⁶.

Интеллектуальная электроэнергетика. На базе глобального внедрения инноваций разрабатываются новые механизмы повышения интеллектуальности электроэнергетики. Интеллектуальность в данном контексте понимается как способность системы под воздействием внешней среды функционировать при помощи адаптации с помощью эвристических алгоритмов⁷. Важная задача в рамках внедрения технологии Big Data — эффективный и безопасный обмен данными в рамках отрасли. Обмен и накопление данных необходимы, но при этом важно не допустить утечки информации, являющейся коммерческой тайной.

Интеллектуальная электроэнергетика — высокоавтоматизированная система управления, объединяющая производителей и потребителей электрической энергии и обеспечивающая единство режимов работы электро-/энергоустановок с требуемым качеством надежности и энергетических ресурсов.

Ключевые ценности (требования) к интеллектуальной электроэнергетической системе:

- надежность — обеспечение бесперебойного энергоснабжения потребителей, противостояния различным возмущениям, вызванным отказами элементов энергосистемы, и максимально быстрого восстановления функций после их нарушения;

- эффективность — использование ресурсов с максимальной пользой для всей производственной цепочки;

- безопасность — предотвращение опасных для людей ситуаций, устойчивость к вмешательству в работу системы (физического и/или кибернетическому);

- гибкость — возможность адаптирования под влиянием различных факторов;

- доступность — обеспечение потребителей качественной электроэнергией.

Системы обработки данных в интеллектуальных энергосистемах. Системы обработки данных в энергосетях связаны с многочисленными приборами учета энергии: потребительские, промышленные, АСКУЭ (автоматизированная система коммерческого учета электроэнергии). Кроме этого, в ее состав входят различные датчики на оборудовании энергосети. Из-за того, что данных становится больше, увеличивается их разнообразие, повышаются требования к их оперативной и целостной обработке, компьютерные системы, в которых реализовываются новые функции для работы в энергосистемах, относятся к категории Больших данных. Soft Grid — термин, используемый в отношении таких технологий и систем для обработки данных в Smart Grid.

Smart Grid (умная сеть электроснабжения) — интеллектуальная электросеть, которая связывает всех субъектов рынка энергетики и направлена на повышение эффективности и снижение затрат, а также включение новых источников энергии, в том числе возобновляемых. Они работают по принципу интерактивной двусторонней связи между производителями и потребителями, определяя текущие возможности производства и потребления энергии. Эти сети работают в режиме реального времени, благодаря чему способны оперативно регулировать производство и потребление электроэнергии.

Еще одно определение интеллектуальных электроэнергетических сетей — это системы, использующие технологии обработки информации и управления, распределенную обработку данных и связанные с ними датчики и средства управления для интеграции поведения и действий пользователей и других заинтересованных сторон, а также для эффективного обеспечения устойчивого, экономичного и надежного электроснабжения. Среди разработчиков есть гиганты IT-технологий, а есть и только начинающие стартапы, что создает атмосферу здоровой конкуренции в различных отраслях — в среде корпоративного управления энергосистемами и управле-

6 R: The R Project for statistical Computing [Электронный ресурс]. URL: <https://www.r-project.org/> (дата обращения: 10.10.2022);

7 10 Year Network Development Plan // European Network of Transmission System Operators for Electricity. ENTSO-E, 2014. 493 p.

ния оборудованием или коммерческого учета электроэнергии. Этот рынок привлекателен не только для разработчиков, но и для инвесторов. К 2021 году, по прогнозам, инвестиционный потенциал аналитики на сетях составит 600 млрд руб, а аналитики для клиентов — 500 млрд руб. Срок окупаемости инвестиций составит 3 года, а рентабельность (return on investment, ROI) — 35 %.

Характеристики умных сетей электро-снабжения:

- автоматизация. Такая система состоит из многих систем (мониторинг, управление, отслеживающие датчики и восстановление после аварий);

- интеграция клиентов. Снабжение потребителей интеллектуальными счетчиками обмена информации в реальном времени с целью регулирования тарифов в соответствии с нагрузкой сети. Это способствует более эффективному потреблению;

- адаптация к различным способам производства электроэнергии. Начало развития интеллектуальных сетей совпало с подключением к распределительной системе более мелких источников электроэнергии, например, солнечные и ветряные электростанции, газовые микротурбины и другие, позволяющие потребителям самим вырабатывать электроэнергию продавать ее излишки в сеть. Мощность солнечных и ветряных электростанций сложно предсказать, однако нехватку энергии от них можно компенсировать за счет электростанций, использующих традиционные виды топлива, благодаря интеллектуальным сетям, которые регулярно отправляют информацию о потреблении электроэнергии⁸.

Системы управления энергопотреблением. Системы управления энергопотреблением (EMS) — это системы, которые позволяют оптимизировать работы системам генерации, накопления, передачи и потребления электроэнергии. Благодаря методу сглаживания пиковых нагрузок, используемому EMS, можно существенно повысить экономическую эффективность. Такие системы нашли

свое применение в разных сферах: недвижимость, производство, городское хозяйство.

EMS Schneider Electric⁹ — система, разработанная французской компанией, объединяющая в себе несколько различных систем: система управления энергией (EMS), система управления аварийными отключениями (OMS), система управления распределительными сетями (DMS). В России сейчас разрабатывается подобная система.

EMS Schneider Electric способна оценить состояние нагрузки, чтобы оптимизировать перенаправления мощности. Система также определяет показатели производительности и стабильность напряжения. Это позволит пользователям улучшить эксплуатацию, оптимизацию и обслуживание сети.

Функции EMS Schneider Electric:

- компенсация скачков напряжения;
- сглаживание пиков нагрузки;
- анализ аварийных ситуаций;
- оптимизация времени включения оборудования;

- использование накопителей энергии и собственных ВИЭ.

Особенности функционирования виртуальных электростанций. Виртуальная электростанция (далее ВЭС) — это высокотехнологическая система, которая объединяет электроэнергию от нескольких источников (генераторов, ВИЭ, объектов распределенной генерации и т.п.) для более надежного снабжения электропотребителей. ВЭС способна сбалансировать всю энергетическую систему — регулировать пиковые нагрузки и выработку ВИЭ.

ВЭС может функционировать по трем моделям:

- агрегированная — потребители подключаются к ВЭС, которая находится на рынке под видом энергосервисной организации (агрегатора), проводит программы «Управления Потреблением» и выплачивает вознаграждение участникам этих программ;

- традиционная — компания занимается продажей энергетических ресурсов потре-

⁸ Интеллектуальная энергетическая сеть, Smart grid [Электронный ресурс] // Школа для электрика. URL: <http://electricalschool.info/main/elsnabg/2483-smart-grid-umnaya-set.html> (дата обращения: 10.10.2022).

⁹ Система управления энергопотреблением (EMS) [Электронный ресурс] // Schneider Electric Россия. URL: <https://www.se.com/ru/ru/work/solutions/for-business/electric-utilities/energy-management-system-ems/> (дата обращения: 10.10.2022).

бителям, образуя сеть, в которой находятся различные объекты генерации;

— клиентоориентированная — потребители устанавливают технологию ВЭС с целью управлять самим потреблением. Например, в США компания WalMart использует такую систему для управления своими энергоприемниками, кондиционерами, освещением, холодильниками и т.д.¹⁰. Аналогичные системы планируются к использованию и в России.

Специфика управления в сетях с накопителями энергии. На данный момент в электросети входят элементы, которые ранее были редкими, требующие особого подхода к проектированию сети и эксплуатации. К таким элементам прежде всего относятся накопители электроэнергии. На сегодняшний день у потребителей появилось большое разнообразие накопителей электрической энергии. Актуальными стали вопросы, которые касаются как владельцев этих устройств (в первую очередь вопрос возврата инвестиций для этих недешевых устройств), так и электросети в целом, а именно влияния новых устройств на работу сети. Работники из Electric Power Research Institute (EPRI) решали достаточно сложную задачу моделирования системного влияния накопителей на работу сети. В результате им удалось создать программный инструмент Energy Storage Valuation Tool (ESVT)¹¹. Он способен обработать данные о такой сети и дать ценную информацию для энергокомпаний, производителей накопителей, проектировщиков сетей и т.п.

Заключение. Внедрение и использование технологии Big Data на всех этапах электроэнергетического цикла — от генерации до конечного потребителя (в первую очередь в части спроса и потребления) — способно зна-

чительно увеличить доходность и повысить вклад отрасли в ВВП до 1,3%. Для решения задач по обработке большого количества информации в энергетике используются инструменты из сферы Big Data. Для электроэнергетики уже разработана интеллектуальная электрическая сеть (Smart grid), которая осуществляет связь между всеми участниками энергетического рынка с целью предоставления энергетических услуг, снижения затрат и повышения эффективности; система управления энергопотреблением, задача которой состоит в организации процессов потребления таким образом, чтобы уменьшить потребление в периоды повышения цены на электроэнергию; виртуальная электростанция — высокотехнологическая система, которая объединяет электроэнергию от нескольких источников.

Список источников

1. Макшанов А. В., Тындыкарь Л. Н., Журавлев А. Е. Большие данные. Big Data. Учебник для вузов. М.: Лань, 2022. 185 с.
2. Марц Н., Уоррен Д. Большие данные. Принципы и практика построения масштабируемых систем обработки данных в реальном времени. М.: Вильямс, 2018. 368 с.

References

1. Makshanov A. V., Tyndykar' L. N., Zhuravlev A. E. Bol'shie dannye. Big Data. Uchebnik dlja vuzov [Big data. Big Data. Textbook for universities]. Moscow: Lan', 2022. 185 p. (In Russ.).
2. Marc N., Uorren D. Bol'shie dannye. Principy i praktika postroenija masshtabiruemyh sistem obrabotki dannyh v real'nom vremeni [Big data. Principles and practice of building scalable data processing systems in real time]. Moscow: Vil'jams, 2018. 368 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.

The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing on 22.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.

10 Виртуальная электростанция — «умный контроль» распределенной генерации [Электронный ресурс] // Камкабель — ваш проводник в мире энергии. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/244/15964.htm> (дата обращения: 10.10.2022).

11 EPRI [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epri.com> (Дата обращения: 10.10.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Михаил Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Сфера научных интересов — промышленная политика, кластеры в экономике, цифровая трансформация экономики, управление персоналом.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Kulikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — industrial policy, clusters in the economy, digital transformation of the economy, personnel management.
132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Индюков Максим Александрович — магистрант 2 курса, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maxim A. Indukov — 2nd year Master's Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).
132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Куликов М. М. — научное руководство; концепция исследования.

Индюков М. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kulikov M. M. — scientific management; research concept.

Indukov M. A. — writing the original text; final conclusions.

Научная статья

УДК 658.7:61/69

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-138-146

ЛОГИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТРАНЗИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА СИСТЕМ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ

*Татьяна Валерьевна Пархоменко¹✉, Наталья Владимировна Гузенко²,
Виктор Геннадьевич Халын³*

*^{1, 2, 3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия*

*¹inrost@list.ru✉, ORCID: 0000-0002-9453-6927, AuthorID РИНЦ: 738914,
AuthorID Scopus: 57193855948*

*²musamav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID РИНЦ: 783633,
AuthorID Scopus: 57567108800, WoS Research ID: AAX-1994-2020*

*³v.khalyn@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5920-5831, AuthorID РИНЦ: 1043832,
AuthorID Scopus: 57207889458*

Аннотация. Цель исследования. На основе проведения сравнительного анализа сложившихся ключевых трендов в развитии логистического потенциала территории основной фокус региональных логистических операторов лежит преимущественно в однопавленном векторе предоставления разнородных услуг в сфере дистрибуции. В данном ключе в современной ситуации актуальным представляется изучение транзитного потенциала территории, что подразумевает формулирование трендов на инициацию потенциала цифровизации и автоматизации процессов.

Методологическая база исследования. В рамках реализации логистического потенциала регионов России авторы базируются на рассмотрении профильных научных источников, существующих компетентных мнений и результатов эмпирических исследований, характеризующих развитие транспортно-логистического комплекса, материалов по текущей ситуации и перспективным направлениям развития. В исследовании использовались методы сбора и сравнения данных, анализа, синтеза, что обеспечило обоснованность выводов.

Результаты исследования. В результате реализации исследования выявлены эффективные мероприятия по иницированию инвестиционной привлекательности развития транспортно-логистического комплекса на основе целенаправленности эволюции логистического потенциала макрорегиона с внедрением инновационных технологий, конечной целью которых является максимально возможное удовлетворение потребностей инвесторов и активное участие государства в развитии логистики региона.

Перспективы исследования представляет сопоставление глобальных, федеральных, региональных трендов, касающихся реализации инновационных проектов по возведению и вводу в эксплуатацию логистических объектов, центров и комплексов.

Ключевые слова: логистика, экономика региона, транзит

Для цитирования: Пархоменко Т. В., Гузенко Н. В., Халын В. Г. Логистическое развитие транзитного потенциала систем товародвижения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 138–146. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-138-146>.

Original article

LOGISTIC DEVELOPMENT TRANSIT POTENTIAL OF COMMODITY TRANSPORTATION SYSTEMS

Tatiana V. Parkhomenko^{1✉}, Natalia V. Guzenko², Viktor G. Khalyn³

^{1, 2, 3}*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

¹*inrost@list.ru✉, ORCID: 0000-0002-9453-6927, AuthorID RSCI: 738914,
AuthorID Scopus: 57193855948*

²*musamav@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0620-4859, AuthorID RSCI: 783633,
AuthorID Scopus: 57567108800, WoS Research ID: AAX-1994-2020*

³*v.khalyn@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5920-5831, AuthorID RSCI: 1043832,
AuthorID Scopus: 57207889458*

Abstract. *The purpose of the research is based on a comparative analysis of existing key trends in the development of logistics potential of the territory, the main focus of regional logistics operators is mainly in the unidirectional vector of providing heterogeneous services in the field of distribution. In this key, in the current situation, it is relevant to study the transit potential of the territory, which implies the formulation of trends for the initiation of the potential of digitalization and automation of processes.*

Methodological basis. *As part of the realization of the logistics potential of the regions of Russia, the authors based their research on the consideration of profile scientific sources, existing competent opinions and the results of empirical research, characterizing the development of the transport and logistics complex, materials on the current situation and future directions of development. The research used methods of data collection and comparison, analysis, synthesis, which ensured the validity of the conclusions.*

Research result. *As a result of the research revealed effective measures to initiate the investment attractiveness of the development of transport and logistics complex, based on the progressive process of development of the logistics potential of the territory with the introduction of innovative technologies and solutions, the ultimate goal of which is the maximum possible satisfaction of investors' needs and the active participation of the state in the development of logistics of the region.*

The prospects of the research *presents a comparison of global, federal, regional trends regarding the implementation of innovative projects for the construction and commissioning of logistics facilities, centers and complexes.*

Keywords: *logistics, transit, regional economy*

For citation: *Parkhomenko T.V., Guzenko N.V., Khalyn V.G. Logistic development transit potential of commodity transportation systems // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 138–146. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-138-146>.*

Введение. В современных реалиях Российской Федерации при использовании геополитического потенциала и акцентировании на инновационной трансформации технологических процессов в логистике обеспечивается фьючерсная конкурентоспособность отраслей специализации на основе цифрового

потенциала автоматизации процессов за счет интеллектуальности информационной составляющей и замещения вакансий в деформирующихся цепях поставок. На наш взгляд, транзитный потенциал территории, наделенной условиями для успешной реализации последнего, абсолютно четко взаимосвязан

с уровнем мощности транспортно-логистической инфраструктуры, технического, технологического и информационного обеспечения логистических систем как регионального, так и федерального значения.

Переход к системной виртуализации управления логистическими цепями поставок, лежащий в основе современного транзитного аутсорсинга, уже давно осуществляется в мировой логистике. Сегодня, в условиях падения конкуренции со стороны иностранных перевозчиков, большинство из которых временно нелегитимны в нашей стране, российские транспортные компании, логистические провайдеры и сами производители имеют все шансы эффективно организовать и развивать предпринимательскую деятельность в рамках национальных интересов [4; 5].

Материалы и методы. Логистика как фундаментальная наука, обладающая достаточно глубоким понятийно-категориальным аппаратом, имеет широкие возможности для повышения эффективности работы как общественных, так и экономических структур. Следует констатировать, что логистика как экономическое приложение предприятий обеспечила приращение научных знаний в рамках получения лидирующих позиций в жизни мирового сообщества. Функциональные области, определенные многими учеными, одинаково важны и востребованы. Ключевые инструменты логистики в распределении и складировании, которые являются основными направляющими векторами данного исследования, исследованы в работах многих отечественных [4–6] и зарубежных авторов [7; 8]. В ракурсе настоящего исследования следует сказать, что научные интересы авторов представленного исследования сосредоточены в направлении развития систем распределения со складов готовой продукции, поскольку рассмотрение их как ключевого звена, адаптирующего рыночные возможности в реальных условиях, обеспечивающего потребности конечных потребителей, является актуальным и востребованным и требует развития в современных рыночных реалиях.

При сравнении транзитных и экспортных операций нередко оказывается, что функция транзитного потенциала более значима, чем экспортного. Рассмотрим, например, экспорт зерна в Ростовской области, значительной части Южного федерального округа. В 2022 году здесь был собран рекордный урожай — 70 кг с гектара. Возможности ЮФО в процессах производства и переработке зерна позволяют с уверенностью судить о том, что экспортные мощности данной территории превышают современные возможности. Однако запуск ускоренных процессов транзита зерна возможен только при одном условии — наличии комплексной, технологически развитой и логистически устойчивой системы управления зерновыми потоками с применением интеллектуального и информационно-процессного подхода¹.

В целом улучшения в развитии российской транспортно-логистической системы за последние годы значительны, однако на необходимость дальнейших преобразований и роста уровня сложности услуг указывает не только рыночный спрос на сервисное логистическое обеспечение, но и ежегодно возрастающие требования к качеству и ускоренному времени выполнения услуг.

Эффективность развития транзитного потенциала региональных транспортно-логистических систем может быть оценена несколькими способами. Общая логика определения необходимости обеспечения региональных логистических операторов современными системами автоматизации управления потоковыми процессами выглядит следующим образом:

- инициировать инвестиционную привлекательность развития транспортно-логистического комплекса;

- определить ключевые параметры реализации окупаемости таких проектов;

- максимально возможное участие государства и частных партнеров в развитии логистического потенциала.

В данном аналитическом контексте целью настоящего исследования является определение архитектоники логистической структуры транзитного потенциала терри-

¹ О внешней торговле в январе-октябре 2022 года [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru>mediabank>227_22-12-2022 (дата обращения: 30.12.2022).

торий на основе инновационных технологий, основанных на развитии региональных логистических процессов и систем управления цепями поставок, которые могут стать драйвером экономической трансформации и развития экономического потенциала Ростовской области. Основной фокус региональных логистических операторов лежит преимущественно в однонаправленном векторе предоставления разнородных услуг в сфере дистрибуции. Следует отметить, что сфера этих услуг в основном лежит в области экспедирования, ответственного хранения и логистических услуг, а характер и структура этих предложений фрагментарны и в основном не связаны между собой с точки зрения функциональности.

Методологической основой исследования является теория исследования операций, в основе которой — верификация целевых переменных, определяющих максимальную эффективность функционирования и построение системы с оптимальными параметрами. Базируясь на основном постулате исследования операций распределительных систем, можно сформулировать ключевую задачу как упорядоченную логистическую систему, в структуре которой исходные основные параметрические характеристики будут корректироваться с учётом определения оптимальности показателей деятельности инфраструктурного объекта, учётом необходимых затрат, связанных с созданием условий эффективного функционирования системы распределения на базе региональных логистических центров.

Результаты и обсуждение. Объемы транзитного трафика Ростовской области, снабжающей территорию всего Юга России на основе функционала эффективно организованной логистической деятельности нескольких распределительных центров, ограничены. Системный подход является необходимым и достаточным для обеспечения желаемого результата функционированием транспортно-логистических комплексов и достижения максимума транзитного потенциала.

Так, «основными понятиями в каждой разновидности логистического знания являются поток, процесс и управление, что в конкретном сочетании преобразуется в систем-

ную логистизацию управляемого потокового процесса. Предопределяя научный контур данного процесса, можно представить основные принципы логистизации, как: системность — это свойство или принципиальная особенность применения логистики; комплексность, как научное понятие, предназначено охарактеризовать синтез объектов, образующих единое целое. Однако в данном принципе следует представить несколько граней понимания, таких как как комплексность познания и комплексность управления; конкретность теоретико-прикладного инструментария; конструктивность управленческих решений; надёжность; вариантность; иерархичность» [3].

Современная геополитическая обстановка и экономические санкции показали высокую эффективность и гибкость логистической системы. За счёт имеющейся инфраструктуры, информационных технологий и развитой транспортной инфраструктуры, а также немаловажного фактора — географического положения Ростовская область позволила обеспечить развитие экспортных отношений с пятью странами: Узбекистаном, Казахстаном, Грузией, Арменией и Азербайджаном. Следует отметить важность надёжности логистической инфраструктуры и транспортных сетей, поскольку решающую роль играют именно логистические технологии в первую очередь, и не всегда — выгодное географическое положение.

С точки зрения бюджетов различных уровней, развитие транзитного экспортного потенциала Ростовской области является весьма перспективным направлением ввиду выгодного географического положения, наличия большого количества налаженных связей со странами-импортерами, исторически сложившимися особенностями производства сельскохозяйственной продукции [2].

Транзитная логистика, детерминированная развитием кризисных ситуаций последних десятилетий, является в данный момент для Российской Федерации высоко потенциальным направлением развития, как на внешнем рынке, так и для реализации внутренних планов экономического роста. С теоретико-методической стороны реализация направлений развития трансграничной логистики предполагает концентрацию усилий на акти-

визации экспортных и импортных операций, которые являются непосредственной частью транзитного функционала.

Построение новых форматов и траекторий развития современной логистики, управления цепями поставок в Российской Федерации в свете перестройки организационно-управленческого функционала международных систем товародвижения в связи с ограничениями, вызванными в первую очередь пандемией, актуализировало необходимость развития транзитного потенциала территорий, наделённых необходимыми ресурсами, позволяющими эффективно обслуживать заданные объёмы сквозного материального потока. В этой связи необходимо непосредственно коснуться проблематики, которая в наибольшей степени ограничивает возможности транзитных операций, развития инфраструктуры, обеспечивающей результативное функционирование логистических систем.

Совокупность операций логистического транзита связана формально, как и любой потоковый процесс, с минимизацией издержек при формировании добавленной стоимости на пути следования материального потока от производителя к потребителю.

Подразделяя условно логистическую систему транзитного характера на узлы и коридоры, обозначим, что для эффективного развития транзита высокое значение имеют обе данные категории, но сконцентрируем научные исследования в области развития именно распределительных центров. Выступая центральным звеном транзитной логистической системы, зоны концентрации и консолидации материального потока являются катализатором эффективной работы последних.

В рамках необходимых параметров качества в формирование транспортно-логистических коридоров вовлечены интересы многих игроков, и именно активизация оперативно-управленческого функционала современных распределительных центров, наделение их важным центрообразующим значением, обеспечивает приоритетные направления развития в отношении международного товарообмена.

В целом необходимо отметить, что российским логистическим комплексам необходимо существенное развитие, тогда и рост

внешних торговых, транзитных операций можно будет инициировать гораздо проще. Вопросы дистрибьюции материального потока, возможности его обработки, развития смежных производств, выводящих часть товаров на новый уровень, как и ряд других, не менее эффективных предприятий направлений развития транзитной логистики региона, могли бы обеспечить локальную привлекательность Юга России как центра транзитных логистических операций.

На сегодняшний день в Южном федеральном округе лишь немногие логистические центры могут похвастаться предоставлением полного комплекса услуг по обработке материального потока. Данное направление граничит с финансовыми вопросами, но выдающиеся идеи и решения, связанные с адаптацией к изменениям в мировой экономике, необходимо реализовать уже сейчас.

Рассмотрим реализацию инновационных проектов по возведению и вводу в эксплуатацию логистических объектов, центров и комплексов более подробно.

Последние экономические преобразования стимулируют реализацию принципиально нового формата строительства складских и распределительных комплексов. При этом существенный вклад вносят современные цифровые технологии, которые создают усиление значимости формата торговли в рамках электронной коммерции, обеспечивая принципиально новый подход к удовлетворению спроса потребителя. Всё это стимулирует инвестиционные потоки и появление потребности в высококвалифицированных рабочих кадрах. Следует отметить, что современная электронная торговля позволила потребителю получать абсолютно разные типы товара в необходимом ему количестве, при этом совершенно не важна локализация как производителя, так и конечного потребителя этого товара. В то же время такой штучный подход к потреблению ингибирует развитие транзитных возможностей отдельных территорий в том случае, если на определённом макрорегионе нет существенных складских мощностей для переработки такого товарного потока. Поэтому для стимулирования развития транзитного потенциала транспортно-логистической системы Ростовской области существенным триггером станет встраивае-

мость региональных логистических распределительных центров в существующие бытовые цепи крупных производств, которые уже существуют в регионе или же в будущем будут здесь размещены. При этом вопрос инвестиций остаётся всегда актуальным и открытым, поскольку существенный каркас этих инвестиций должны составлять местные товаропроизводители, напрямую в этом заинтересованные.

По мнению авторов, современная экономическая обстановка стимулирует потребность в фонде развития промышленности как ключевого инвестора именно инфраструктуры для современных региональных логистических центров, выступающих ключевыми точками переработки распределения товарного потока. Возможно, необходимо предусмотреть распространение инвестиционного налогового вычета на объекты логистической инфраструктуры, наделенных транзитным и экспортным потенциалом.

Выводы. Современная экономическая и геополитическая обстановка нашей страны требует структурных преобразований сферы товародвижения, поскольку появление новых форматов торговли, применение информационных технологий, внедрение инновационных и модернизационных изменений на базе производственных и складских комплексов существенно трансформирует макросреду регионов, обеспечивая принципиально новые форматы развития рынка. Все эти возможности необходимо использовать для усиления и повышения эффективности внедрения логистических инноваций в социально-экономические системы.

Для развития транзитного потенциала Ростовской области и иных регионов нашей страны, обладающих схожими геотерриториальными возможностями, необходима разработка и поэтапная реализация действий по следующим направлениям.

Во-первых, в рамках инициации инвестиционной привлекательности развития транспортно-логистического комплекса необходимо синхронное взаимодействие различных уровней государственных структур в процессах проектирования и позиционирования региональных транспортно-логистических возможностей, поскольку качественный и ко-

личественный расчёт товаро-пропускной способности территории является одним из ключевых факторов в положительном решении инвестирования в транспортно-складскую инфраструктуру.

Во-вторых, необходимо четко определить параметры реализации и окупаемости проектов, предлагая решения, направленные на максимально возможное удовлетворение потребностей инвесторов.

В-третьих, развитие транспортно-логистической инфраструктуры напрямую влияет на повышение эффективности экономики региона за счёт вовлечения местных логистических операторов, региональных логистических центров и аффилированных с ними структур в единую синхронную логистическую систему, обеспечивая на выходе повышение притока инвестиций в регион, повышение количества отчислений в местный бюджет и увеличение потребности в высококвалифицированных кадрах. Все эти факторы стимулируют всё большую вовлечённость как государства, так и частных инвесторов в развитие логистической инфраструктуры региона.

В-четвертых, понимая узкие места в текущей организации логистических процессов и развитии систем управления цепями поставок, ориентируясь, к примеру, на наиболее высокие показатели формирования добавочной стоимости, соотнося их с потенциалом развития производства, можно создавать соответствующие условия для конкретизации усилий в определенном наиболее результативном направлении.

И в силу привлекательного экономико-географического расположения Ростовской области во главу угла становятся такие вопросы, как грамотное проектирование логистической инфраструктуры с точки зрения системного подхода, когда развитие территориальных образований и укрупнённых макрорегионов обеспечивает запрос потребителей в необходимых логистических мощностях, при этом все эти запросы необходимо чётко структурировать в рамках единого сервисного подхода. Наличия дорожной и инженерной инфраструктуры для роста транзитного потенциала территории недостаточно, необходима организация комплексного логистического сопровождения материальных

и сопутствующих потоков на основе высоко-технологичных решений и цифровой трансформации логистики региона.

Список источников

1. Гузенко А.В., Гузенко, А.В. Предложения по разработке бесконтактных доставок на основе интеллектуальных транспортных систем // Актуальные проблемы логистического управления и инструменты их решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Великий Новгород, 31 марта 2021 г.). Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2021. С. 12–23.

2. Гузенко Н.В., Пархоменко Т.В., Халын В.Г. Развитие экспортных возможностей транспортно-логистической системы Ростовской области // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2021. №4(76). С. 124–130.

3. Ерохина Т.Б., Пархоменко, Т.В. Новые реалии систем товародвижения: логистика на дистанции и стремительное развитие электронной торговли // Инфраструктура рынка: проблемы и перспективы: ученые записки. Ростов н/Д: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2021. С. 17–20.

4. Guzenko A., Guzenko N. Process optimization for last mile logistics // Transportation Research Procedia. 2022. №63. P. 1700–1707.

5. Khalyn V.G. A complex approach for the design, construction and organizational management of logistics storage and products processing centers // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. №7. P. 325–333.

6. Parkhomenko T. Ramazanov R. The Integration of Logistics and Marketing in the Development of an Ecosystem Approach in the Financial Environment // ACM International Conference Proceeding Series. Saint Petersburg. 2020. №75. P. 1–6.

7. Rey A., Panetti E., Maglio R., Ferretti M. Determinants in adopting the Internet of Things in the transport and logistics industry // Journal of Business Research. 2021. №131. P. 584–590.

8. Santarelli E., Hien T. Diversification Strategies and Firm Performance: A Sample Selection Approach // Quaderni — Working Paper DSE. 2013. №896. P. 1–33.

References

1. Guzenko A. V., Guzenko, A. V. Predlozheniya po razrabotke beskontaktnykh dostavok na osnove intellektual'nykh transportnykh sistem [Proposals for the development of contactless deliveries based on intelligent transport systems]. Aktual'nye problemy logisticheskogo upravleniya i instrumenty ih resheniya. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Velikij Novgorod, 31 marta 2021 g.) [Actual problems of logistics management and tools for their solution. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Veliky Novgorod, March 31, 2021)]. Velikij Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyj universitet im. Jaroslava Mudrogo, 2021. P. 12–23. (In Russ.).

2. Guzenko N. V., Parhomenko T. V., Halyn V. G. Razvitie jeksportnykh vozmozhnostej transportno-logisticheskoy sistemy Rostovskoj oblasti [Development of export opportunities of the transport and logistics system of the Rostov region]. Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta (RINH) [Bulletin of the Rostov State University of Economics (RSUE)]. 2021; 4(76): 124–130. (In Russ.).

3. Erohina T. B., Parhomenko, T. V. Novye realii sistem tovarodvizheniya: logistika na distancii i stremitel'noe razvitie jelektronnoj trgovli [New realities of commodity distribution systems: logistics at a distance and the rapid development of electronic commerce]. Infrastruktura rynka: problemy i perspektivy: uchenye zapiski [Market infrastructure: problems and prospects: scientific notes]. Rostov-on-Don: Rostovskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet «RINH», 2021. P. 17–20. (In Russ.).

4. Guzenko A., Guzenko N. Process optimization for last mile logistics // Transportation Research Procedia. 2022. №63. P. 1700–1707.

5. Khalyn V. G. A complex approach for the design, construction and organizational management of logistics storage and products processing centers // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. №7. P. 325–333.

6. Parkhomenko T. Ramazanov R. The Integration of Logistics and Marketing in the Development of an Ecosystem Approach in the Financial Environment // ACM International Conference Proceeding Series. Saint Petersburg. 2020. №75. P. 1–6.

7. Rey A., Panetti E., Maglio R., Ferretti M. Determinants in adopting the Internet of Things in the transport and logistics industry// Journal of Business Research. 2021. №131. P. 584–590.

8. Santarelli E., Hien T. Diversification Strategies and Firm Performance: A Sample Selection Approach // Quaderni — Working Paper DSE. 2013. №896. P. 1–33.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing on 22.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пархоменко Татьяна Валерьевна — доктор экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Parkhomenko Tatyana Valeriyevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Гузенко Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Natalia V. Guzenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Халын Виктор Геннадьевич — доктор экономических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Viktor G. Khalyn — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Economics (RSUE).

69 B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Пархоменко Т. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Гузенко Н. В. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Халын В. Г. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Parkhomenko T. V. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; conclusions.

Guzenko N. V. — development of methodology; follow-on version of the text; conclusions.

Khalyn V. G. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions

Научная статья

УДК 338.48

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-147-154

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКО-ЭТНОТУРИЗМА В ОИШСКОЙ ОБЛАСТИ КЫРГЫЗСТАНА

Илхам Махамадисаевич Сайпидинов¹,
Азиза Баймаматовна Карбекова^{2✉}, Мээримай Жумаековна Карбекова³

¹Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

²Жалал-Абадский государственный университет имени Б. Осмонова,
Жалал-Абад, Кыргызстан

³Международный университет им. К. Ш. Токтомаматова, Жалал-Абад, Кыргызстан

¹diplomats33@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9378-7313

²aziza-karbekova@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-2489-2501

³meerimai.karbekova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9981-0019

Аннотация. Цель исследования состоит в разработке рекомендаций по развитию эко-этнотуризма в Ошской области Кыргызстана и его перспектив.

Методология. При написании статьи были применены следующие методы: обобщение полученной информации, экономико-статистический анализ, аналитический и сравнительный методы. Методологическую основу и информационную базу исследования составляют статьи, публикации ученых и специалистов в области эко-этнотуризма. В процессе написания статьи используется информация с интернет-сайтов компаний, периодическая литература и книги.

Результаты. На основе зарубежного и отечественного опыта сформулированы предложения и рекомендации, способствующие развитию эко- и этнотуризма с целью развития «зеленых» технологий и снижения нагрузки на экологические аспекты.

Перспективы исследования. Значимость исследования состоит в возможности использования теоретических разработок и результатов исследования при разработке или совершенствовании государственными органами нормативно-правовой базы по развитию эко- и этнотуризма, а также в учебном процессе для подготовки специалистов в области ведения «зеленой» экономики.

Ключевые слова: эко- и этнотуризм, «зеленая» экономика, «зеленые» технологии, туристический маршрут, лечебно-оздоровительный туризм

Для цитирования: Сайпидинов И. М., Карбекова А. Б., Карбекова М. Ж. Современные тенденции и перспективы развития эко-этнотуризма в Ошской области Кыргызстана // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 147–154. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-147-154>.

Original article

MODERN TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ECO-ETHNOTOURISM IN THE OSH REGION OF KYRGYZSTAN

*Ilham Makhamadisaevich Saipidinov¹,
Aziza B. Karbekova²✉, Meerimai Zh. Karbekova³*

¹Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

²Jalal-Abad State University named after B. Osmonov, Jalal-Abad, Kyrgyzstan

³International University named after K. Sh. Toktomamatov, Jalal-Abad, Kyrgyzstan

¹diplomats33@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9378-7313

²aziza-karbekova@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-2489-2501

³meerimai.karbekova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9981-0019

Abstract. *The purpose of the study is to develop recommendations for the development of eco- and ethnotourism in the Osh region of Kyrgyzstan and its prospects.*

Methodology. *When writing the article, the following methods were used: generalization of the information received, economic and statistical analysis, analytical and comparative methods. The methodological basis and information base of the study are articles, publications of scientists and specialists in the field of eco- and ethnotourism. In the process of writing an article, information from the websites of companies, periodicals and books is used.*

Results. *Based on foreign and domestic experience, proposals and recommendations were formulated that contribute to the development of eco- and ethnotourism in order to develop «green» technologies and reduce the burden on environmental aspects.*

Research prospects. *The significance of the research lies in the possibility of using theoretical developments and research results in the development or improvement of the regulatory framework for the development of eco- and ethnotourism by government agencies, as well as in the educational process for training specialists in the field of «green» economy.*

Keywords: *eco- and ethnotourism, «green» economy, «green» technologies, tourism route, health tourism*

For citation: *Saipidinov I. M., Karbekova A. B., Karbekova M. Zh. Modern trends and prospects for the development of eco-ethnotourism in the Osh Region of Kyrgyzstan // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 147–154. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-147-154>.*

Введение. Ошская область является одной из крупных территориальных единиц и самым густонаселенным регионом Республики. Областной центр — г. Ош — один из древнейших среднеазиатских городов. Одним из преимуществ области является выгодное геополитическое расположение, характеризующееся близостью к Китайской Народной Республике, Узбекистану и Таджикистану и обеспечивающее значительный транзитный и экспортный потенциал. Так, например, многие туроператоры организо-

вывают международный тур по Великому Шелковому пути, который становится все более привлекательным для иностранных туристов.

В данной статье эко-этнотуризм рассматривается как туризм, привлекающий туристов для знакомства с первозданной природой, а также с культурой, обычаями, наследием и традициями кыргызов: традиционные этноигры, туризм по Великому Шелковому пути, гастрономический туризм, паломничество и др.

Объектом исследования является развитие эко-этнотуризма в Ошской области Кыргызстана.

Предметом исследования являются современные тенденции и перспективы развития эко-этнотуризма в Ошской области Кыргызстана.

Цель исследования состоит в разработке рекомендаций по развитию эко-этнотуризма в Ошской области Кыргызстана и его перспектив.

Эко-этнотуризм в Ошской области. Эко-этнотуризм и лечебно-оздоровительный туризм наиболее развиты в четырех районах Ошской области [5]: Чон-Алайском, Алайском, Узгенском и Ноокатском.

Туристические зоны Ошской области являются привлекательными для туристов Шелкового Пути, паломников из дальнего и ближнего зарубежья, а также для местных туристов [5]. По мнению представителей туристического бизнеса Ошской области, Ош является хабом между Ферганской долиной и Памиром. Для туристов представляет большой интерес погружение в три разные культуры: будучи туристом Великого Шелкового пути можно увидеть в Узбекистане узбекскую культуру (исторические памятники), в Кыргызстане — образ жизни кочевников и в Таджикистане — Памирское высокогорье, также, не попадая на территорию Афганистана, можно увидеть жизнь афганцев, которые живут по ту сторону реки в Таджикистане. Туристы дальнего и ближнего зарубежья в основном направляются в Алайский и Чон-Алайский районы для трекинга и изучения Пика Ленина, а паломники в основном приезжают в парк отдыха «Сахаба» в Ноокатском районе. Местные отдыхающие больше всего посещают НПП «Кара-Шоро» в Узгенском районе, ГП «Кыргыз-Ата», зону отдыха в Ноокатском районе «Абшыр-Ата». Для обслуживания туристов функционируют гостевые дома, юрточные лагеря. Гостевые дома активно функционируют в Алайском, Чон-Алайском районах, но в Узгенском районе не удалось найти гостиницу, где бы принимали туристов. Небольшая гостиница «Конурат Плюс» в Узгене, которую удалось найти,

ориентирована в основном на транзитных и командированных лиц.

Чон-Алайский и Алайский районы

Богатая история Алайской долины привлекает туристов рукоделием местных мастериц и гостеприимством местных жителей, что делает этот регион очень перспективным для развития туризма в регионе.

Согласно данным заместителя акима Алайского района, в 2018 году Алайский район посетили 6240 туристов, в 2019 году — около 9000 человек, а на 2020 год было запланировано привлечь более 10 тыс. туристов, но в связи с пандемией не удалось достигнуть предполагаемых целей.

Кроме гостевых домов, туристов обслуживают и юрточные лагеря в туристических зонах. Например, в ГП «Кыргыз-Ата», НПП «Кара-Шоро», у подножия Пика Ленина, в с. Гулча и в других местах принимают группы или компании людей, приехавших для отдыха. Для них предлагаются следующие услуги: проживание, питание (по желанию отдыхающих предлагаются услуги приготовления питания), мастер-классы по рукоделию, по приготовлению блюд национальной кухни, конные туры, як-туры (в Чон-Алайском районе), фольклор, мини-игры кочевников (национальные игры).

Юрточные лагеря имеют 2, 4, 6 мест в каждой юрте. Стоимость ночевки в юрте составляет от 500 до 1500 сом с завтраком за человека. Среди юрточных лагерей есть такие, которые ориентированы только на иностранных туристов, например, в с. Гулча юрточный лагерь «Гостевой дом Алай».

Сезон эко-этнотуризма длится с конца мая до октября. В этот период предприниматели могут получить хороший доход. Для привлечения клиентов гостевые дома в основном сотрудничают с большими туристическими компаниями из г. Бишкек и г. Ош, также они зарегистрированы на Booking.com, в Инстаграм, ФБ. Многие из них функционируют круглый год.

В настоящее время в Алайском и Чон-Алайском районах работает программа «Бай-Алай» по развитию малого бизнеса. Благодаря международным блогерам, достопримечательности двух районов начинают становиться известными во многих странах мира. Кроме этого, в рамках проекта был разработан

бренд «Visit Alay»¹, местные жители прошли обучение по развитию туризма (гастрономия, услуги питания, гостиничные услуги, подготовка гидов, хостелы, гостиницы, гостевые дома, юрточные лагеря и другие услуги) при партнерстве Ассоциации Horeca-Club². Также вдоль дороги Ош-Иркештам открылись современные кофейни и улучшены санитарно-гигиенические условия³. В регионе уже 113 домов сотрудничают с данной программой и благодаря этому улучшили свой бизнес. За два года жители данных районов получили доход от туристической сферы в размере около 300 тыс. долларов США⁴. Данная информация является хорошим показателем того, что при поддержке со стороны проектов можно развивать малый и средний туристический бизнес, тем самым повышая доход и занятость местного населения.

Узгенский район

В центре города Узген находится Узгенский археолого-архитектурный музейный комплекс, который представляет собой группу из трех мавзолеев, пристроенных друг к другу. В ста метрах от мавзолеев к северу находится минарет. Музей, минарет и мавзольный комплекс на данном этапе находятся в хорошем состоянии. Мавзольный комплекс был основан в XI веке и является зданием династии Караханидов XII века и архитектуры. Музейный комплекс посещают более 10000 местных жителей и иностранных туристов в год [3].

Стоимость входа в музей составляет для иностранных туристов 40 сом, для местных туристов — 30 сом, для студентов и учеников — 20 сом.

Кроме этого, на территории музея продаются сувениры, прохладительные напитки.

С 1996 по 2001 годы рамках проектов GIZ «Частичное благоустройство территории Узгенского археолого-архитектурного музейного комплекса» и «Сохранение Узгенского археолого-архитектурного музейного комплекса и музеефикация археологических руин» были сделаны работы по улучшению состояния комплекса: изготовлены песчаные

дорожки, отремонтированы лестницы, установлены мусорные урны и скамейки для туристов, сделан навес для религиозного обряда, проведены водозащитные мероприятия, построен туалет, а также были начаты строительные работы Центра обслуживания туристов (позже строительные работы были завершены с помощью других источников). В рамках проекта GIZ представители музейного комплекса принимали участие в обучении в Германии.

Ноокатский район

Ноокатский район известен такими достопримечательностями, как водопад «Абшыр-Ата», который является местом паломничества для местных туристов. Водопад располагается на высоте 18 метров. В данной местности также есть пещеры, интересные для туристов, и кумбоз, куда стекаются местные паломники.

Другое интересное место для паломничества мусульман в Ноокатском районе — это зона отдыха «Сахаба», куда в сезон приезжают около 5000 отдыхающих из южного региона страны, а также приезжают туристы из Узбекистана. 4 га площади зоны отдыха выданы на коммерческое направление (аренда топчанов, торговые места). Последние три года в «Сахаба» начали приезжать иностранные туристы из Саудовской Аравии, Турции, Германии. Со слов главы айыл окмоту Жаны-Ноокат, в связи с увеличением потока иностранных туристов необходимо улучшить условия приема гостей, но для этого средства айыл окмоту не хватает. Айыл окмоту намерены расширить зону отдыха для туристов, создавая юрточные лагеря в горной территории зоны отдыха «Сахаба», где есть исторические места «Кыз-Коргон», «Кулан-Ачты» в 40 км от айыл окмоту.

Также в Ноокатском районе функционирует Государственный Парк «Кыргыз-Ата», где ежегодно около 30 арендаторов устанавливают юрты для приема отдыхающих. Приезжают в основном местные туристы. Общая площадь государственного парка 11172 га. Со слов директора государственного парка,

1 Find Your Best Holiday. Find great adventure holidays and activities around Central Asia [Electronic resource] // Visit Alay. URL: <https://visitalay.com/>.

2 Horeca-club [Electronic resource]. URL: <https://horeca-club.kg/>.

3 Кафе «Бобек-Ата» в с. Гульча, кафе «Сары-Таш» в с. Сары-Таш.

4 Отчет программы «Бай-Алай».

территория делится на рекреационные зоны, особо охраняемые зоны и зоны ограниченного ведения хозяйства. В зоне ограниченного ведения хозяйства арендаторы занимаются бизнесом, оказывая услуги отдыхающим. Согласно данным ГП «Кыргыз-Ата» на 2019 год количество отдыхающих составило около 15 тысяч человек за сезон, из них иностранных туристов было около 400. Сезон длится три месяца: с июня по август. Кроме этого, со слов опрошенных представителей турбизнеса, в последнее время отмечается приезд туристов из Арабских стран (в 2019 году около 5000 туристов). Отмечено, что туристы из Арабских стран являются богатыми клиентами, например, они любят мясо трехмесячного ягненка и платят за него не менее 200 долларов США, а также охотно арендуют лошадей, заказывают дополнительные национальные блюда и т.д.⁵.

Результаты. По результатам анализа по эко-этнотуризму мы пришли к следующим выводам. Необходимо оказать содействие во внедрении «зеленых» технологий, как с целью маркетинга, так и с точки зрения снижения нагрузки на экологические аспекты (энергосбережение, раздельный сбор мусора и др.). Обязательно нужна помощь в развитии первичных цехов по приему ТБО, проведение информационных кампаний о важности раздельного сбора мусора. Следует оказывать помощь в продвижении туризма по эко-этнотуризму в Ошской области (например, эффективным методом продвижения туризма стало приглашение иностранных блогеров со стороны проектов). Необходимо вести информационную кампанию среди населения об устойчивом развитии туризма [10].

Обсуждение. Эко-этнотуристический бизнес является более экологическим видом туризма, так как здесь нет огромного потока транспорта, туристов, которые нагружали бы очистные сооружения, электро- и водопроводные сети, дороги и свалки и др. [1]. Тем не менее экологические риски существуют, и в этом отношении есть попытки предпринимателей во внедрении «зеленых» технологий, в основ-

ном при поддержке проектов [2]. Примерами являются использование солнечных панелей для нагрева воды в гостинице «Rayan Hotel» в г. Ош, установка солнечного коллектора в с. Сары-Могол для юрточного лагеря у озера Тулпар-Кол (Пик Ленина), а также солнечных панелей китайского производства в некоторых юрточных лагерях в Кара-Шоро, Кыргыз-Ата, перевал Чыйырчык.

В целом отмечается, что у представителей туристического бизнеса мало информации и знаний о «зеленых» технологиях.

Сильные и слабые стороны эко-этнотуризма

Сильные стороны:

- уникальная природа и климат в Ошской области;
- известность туристических мест как одной из частей Великого Шелкового пути;
- знания и опыт туристических операторов в продвижении турпакетов;
- доступность отдыха для иностранных туристов по доступным ценам в сравнении с другими странами;
- удобная транспортная развязка (воздушная, транспортная);
- занятость и получение хорошего дохода для местного населения.

Слабые стороны:

- низкий потенциал предпринимателей (недостаток знаний и опыта по приему и обслуживанию туристов, незнание иностранного языка, отсутствие знаний по ведению финансового учета и др.);
- плохая инфраструктура (дороги, отсутствие электричества в некоторых туристических зонах и др.);
- отсутствие стандартов пищевой безопасности, экосертификаций;
- краткость сезона;
- слабый маркетинг и недостаток опыта в этом направлении у представителей туристического бизнеса [8].

Заключение. Результат опроса экспертов по климату показал, что эксперты затрудняются прогнозировать влияние изменения климата на эко-этнотуризм. Но с учетом

⁵ The International ecotourism society [Electronic resource] // An official website. URL: <http://www.ecotourism.org/> (date accessed: 27.07.2018).

прогнозируемого изменения климата предположить можно следующее: повышение среднегодовой температуры может положительно отразиться на развитии эко-этнотуризма, так как продление сезона может увеличить поток туристов; частые климатические явления, такие как сели, оползни и камнепады, могут стать риском для безопасности туристов и повлиять на туристический поток, особенно в селеопасных, оползнеопасных местах [7]. Необходимо провести более глубокое изучение влияния изменения климата с участием международных экспертов и разработать планы по митигации и адаптации.

Список источников

1. Акылбекова Н.И. Инвестиции — важнейший фактор развития туризма / Н.И. Акылбекова, С.К. Канатбекова // Международная научно-практическая заочная конференция «Инновационные подходы развития экономики, управления и маркетинга» (Алматы, 26 января 2018 г.). Алматы: Алматинская академия экономики и статистики, 2018. С. 32–36.

2. Акылбекова Н.И. Отдельные вопросы развития туризма в Кыргызской Республике / Н.И. Акылбекова, С.К. Канатбекова // Экономика. Управление. Образование. 2017. №2(5). С. 18–22.

3. Бунаков О.А. Управление позиционированием и устойчивым развитием туризма в регионе (на примере Республики Татарстан): дис. ... канд. экон. наук / Российская международная академия туризма. М., 2019. 172 с.

4. Воскресенский В.Ю. Международный туризм. Инновационные стратегии развития: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 255 с.

5. Момошева Г.А., Сайпидинов И.М. Внедрение зеленых технологий как основа устойчивого развития инфраструктуры малых городов // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. №3–2. С. 520–524.

6. Низамиев А.Г., Артыкбаева С.Ж., Култаева А.К. Развитие и размещение туризма в Кыргызстане: Эколого-экономическое обоснование // Молодой ученый. 2019. №8(88). С. 360–364.

7. Потапова К.К. Влияние туризма на социально-экономическое развитие регионов // Молодой ученый. 2016. №24. С. 219–222.

8. Сайпидинов И.М., Карбекова М.Ж., Айтыкеева Д.А. Опыт зарубежных стран по реализации зеленой экономики // Вестник научной мысли. 2021. №5. С. 29–34.

9. Asykulov T. Walnut-fruit forests of Kyrgyzstan as a recreational resource // Vestnik of the Kyrgyz National State University. 2020. Special Issue. P. 225–228.

10. Petrenko E., et al. Analysis of government support measures for the development of tourism in the Kyrgyz Republic // Economic relations. 2019. Vol. 9. №4. P. 2677–2692.

References

1. Akylbekova N.I. Investicii — vazhnejshij faktor razvitija turizma [Investments — the most important factor of tourism development]. N.I. Akylbekova, S.K. Kanatbekova. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja zaochnaja konferencija «Innovacionnye podhody razvitija jekonomiki, upravlenija i marketinga» (Almaty, 26 janvarja 2018 g.) [International Scientific and Practical Correspondence Conference «Innovative approaches to the development of economics, Management and marketing» (Almaty, January 26, 2018)]. Almaty: Almatinskaja akademija jekonomiki i statistiki, 2018. P. 32–36. (In Russ.).

2. Akylbekova N.I. Otdel'nye voprosy razvitija turizma v Kyrgyzskoj Respublike [Selected issues of tourism development in the Kyrgyz Republic]. N.I. Akylbekova, S.K. Kanatbekova // Jekonomika. Upravlenie. Obrazovanie [Economy. Management. Education]. 2017; 2 (5): 18–22. (In Russ.).

3. Bunakov O.A. Upravlenie pozicionirovanijem i ustojchivym razvitiem turizma v regione (na primere Respubliki Tatarstan): dis. ... kand. jekon. nauk [Management of positioning and sustainable development of tourism in the region (on the example of the Republic of Tatarstan). Ph. D. (Economy) diss.]. Rossijskaja mezhdunarodnaja akademija turizma. Moscow, 2019. 172 p. (In Russ.).

4. Voskresenskij V. Ju. Mezhdunarodnyj turizm. Innovacionnye strategii razvitija: ucheb. posobie [International tourism. Innovative development strategies: studies. stipend]. Moscow: JuNITI-DANA, 2018. 255 p. (In Russ.).

5. Momosheva G.A., Sajpidinov I.M. Vnedrenie zelenyh tehnologij kak osnova ustoj-

chivogo razvitija infrastruktury malyh gorodov [Introduction of green technologies as a basis for sustainable development of infrastructure of small towns]. *Voprosy ustojchivogo razvitija obshchestva* [Issues of sustainable development of society]. 2020; (3–2): 520–524. (In Russ.).

6. Nizamiev A. G., Artykbaeva S. Zh., Kul-taeva A. K. Razvitie i razmeshhenie turizma v Kyrgyzstane: Jekologo-jekonomicheskoe obos-novanie [Development and placement of tour-ism in Kyrgyzstan: Ecological and economic justification]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2019; 8(88): 360–364. (In Russ.).

7. Potapova K. K. Vlijanie turizma na social'no-jekonomicheskoe razvitie regionov [Influence of tourism on socio-economic devel-

opment of regions]. *Molodoj uchenyj* [Young sci-entist]. 2016; (24): 219–222. (In Russ.).

8. Sajpidinov I. M., Karbekova M. Zh., Aj-tykeeva D. A. Opyt zarubezh-nyh stran po real-izacii zelenoj jekonomiki [Experience of foreign countries in implementing the green economy]. *Vestnik nauchnoj mysli* [Bulletin of Scientific Thought]. 2021; (5): 29–34. (In Russ.).

9. Asykulov T. Walnut-fruit forests of Kyr-gyzstan as a recreational resource // *Vestnik of the Kyrgyz National State University*. 2020. Spe-cial Issue. P. 225–228.

10. Petrenko E., et al. Analysis of govern-ment support measures for the development of tourism in the Kyrgyz Republic // *Economic re-lations*. 2019. Vol. 9. №4. P. 2677–2692.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; при-нята к публикации 04.02.2023.

The article was submitted on 25.12.2022; approved after reviewing on 20.01.2023; accepted for publication on 04.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сайпидинов Илхам Махамадисаевич — кандидат эконо-мических наук, доцент кафедры «Международное право, бизнес и туризм», Ошский государственный университет.
Кыргызстан, г. Ош, ул. Ленина, 331

Ilham M. Saipidinov — Candidate of Economic Sciences, Asso-ciate Professor, Department of International Law, Business and Tour-ism, Osh State University.
331 Lenina str., Osh, Kyrgyzstan

Карбекова Азиза Баймаматовна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика, учет и финансы», Жалал-Абадский государственный университет имени Б. Осмонова.
Кыргызстан, г. Жалал-Абад, ул. Ленина, 57

Aziza B. Karbekova — Doctor of Economic Sciences, Profes-sor of the Department of Economics, Accounting and Finance, Jalal-Abad State University named after B. Osmonov.
57 Lenina str., Jalal-Abad, Kyrgyzstan

Карбекова Мээримай Жумаековна — аспирант Международного университета им. К. Ш. Токтомаматова.
Кыргызстан, г. Жалал-Абад, ул. Жени-Жок, 30

Meerimai Zh. Karbekova — Graduate Student of the International University named after K. Sh. Toktomamatov.
30 Zheni-Jok str., Jalal-Abad, Kyrgyzstan

Вклад авторов:

Сайпидинов И. М. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Карбекова А. Б. — научное руководство; концепция исследования.

Карбекова М. Ж. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Saipidinov I. M. — development of methodology; writing the original text; final conclusions.

Karbekova A. B. — scientific management; research concept.

Karbekova M. Zh. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316.546

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-155-165

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ОПЛАТЫ ТРУДА И ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ РАБОТНИКОВ АРАБСКИХ ОТЕЛЕЙ

База Сармад

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
sarmadbaza007@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5768-6486*

Аннотация. *Цель исследования* — поиск вариантов рационального распределения инвестиций в рост профессиональных качеств работников арабских отелей с учетом гендерного фактора и действующей системы оплаты их труда.

Методологическую базу исследования составляют методы сравнительного и динамического научного анализа и оценки влияния инвестиций на повышение качества человеческого капитала в отелях Египта.

Результаты исследования. Геополитические и геоэкономические изменения в мировой системе с одной стороны, и масштабное внедрение цифровых технологий и вызванное этим изменение характера трудовых отношений с другой стороны создали принципиально новую, сложную среду и условия деятельности хозяйствующих субъектов, включая туристический и гостиничный секторы. Важность качественной рабочей силы во всех сферах, в том числе в сфере туризма, особенно важна в период кризиса. Пандемия коронавируса и текущий глобальный кризис оказали огромное негативное влияние на туристическую отрасль и ее трудовые ресурсы. В данном контексте большая роль принадлежит инвестициям в человеческий капитал, которые являются важным инструментом повышения профессиональных качеств работников туристических компаний, что положительно влияет на их заработную плату. В арабских отелях на эффективность направляемых на эти цели инвестиций сильно влияет гендерная специфика трудовых ресурсов, что не столь распространено в других странах. Данная статья направлена на поиск вариантов рационального использования инвестиций в трудовые ресурсы с целью развития профессиональных качеств работников арабских отелей с учетом гендерного фактора, что положительно скажется на качестве системы оплаты их труда. С помощью методов сравнительного и динамического анализа на примере египетских отелей представлены результаты инвестирования в повышение качества человеческого капитала сотрудников с учетом их пола и опыта работы. Полученные рекомендации стандартизированы, что делает возможным их использование в других отелях арабского мира.

Перспективы исследования заключаются в разработке и апробации сценарного подхода к повышению качества человеческого капитала работников туристических и гостиничных компаний.

Ключевые слова: *работники арабских отелей, профессиональные качества, инвестиции, гендерная специфика, оплата труда*

Для цитирования: *Сармад Б. Гендерная специфика оплаты труда и инвестирования в развитие профессиональных качеств работников арабских отелей // Вестник Южно-*

Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 155–165. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-155-165>.

Original article

GENDER SPECIFICS OF REMUNERATION AND INVESTMENT IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL QUALITIES OF EMPLOYEES OF ARAB HOTELS

Baza Sarmad

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
sarmadbaza007@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5768-6486*

Abstract. *The purpose of the study is to search for options for the rational distribution of investments in the growth of professional qualities of employees of Arab hotels, taking into account the gender factor and the current system of remuneration for their work.*

The methodological basis of the study consists of methods of comparative and dynamic scientific analysis and assessment of the impact of investments on improving the quality of human capital in hotels in Egypt.

Research results. *Geopolitical and geo-economic changes in the global system, on the one hand, and the large-scale introduction of digital technologies and the resulting change in the nature of labor relations, on the other hand, have created a fundamentally new, complex environment and conditions for the activities of economic entities, including the tourism and hotel sectors. The importance of a high-quality workforce in all spheres, including tourism, is especially important during the crisis. The coronavirus pandemic and the current global crisis have had a huge negative impact on the tourism industry and its workforce. In this context, an important role belongs to investments in human capital, which are an important tool for improving the professional qualities of employees of travel companies, which positively affects their wages. In Arab hotels, the effectiveness of investments directed for these purposes is strongly influenced by the gender specificity of the workforce, which is not so common in other countries. This article is aimed at finding options for the rational use of investments in human resources in order to develop the professional qualities of employees of Arab hotels, taking into account the gender factor, which will positively affect the quality of the payment system for quiet ore. Using the methods of comparative and dynamic analysis on the example of Egyptian hotels, the results of investing in improving the quality of human capital of employees, taking into account their gender and work experience, are presented. The recommendations received are standardized, which makes it possible to use them in other hotels in the Arab world.*

The prospects of the research are to develop and test a scenario approach to improving the quality of human capital of employees of tourism and hotel companies.

Keywords: *employees of Arab hotels, professional qualities, investments, gender specificity, remuneration*

For citation: *Sarmad B. Gender specifics of remuneration and investment in the development of professional qualities of employees of arab hotels // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 155–165. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-155-165>.*

Введение. Инвестиции в человеческий капитал компаний туристической сферы, особенно в странах, где она является приоритетной, выступают важным условием роста профессиональных качеств работников, которые могут быть получены через обучение и повышение квалификации. Это объясняет важность применения новых подходов к целеориентированному инвестированию в наращивание профессиональных компетенций кадров, развитие и расширение их знаний и умений, то есть в человеческий капитал, включающий знания, навыки и способности, которые позволяют работнику эффективно и результативно выполнять свои должностные обязанности¹ [1; 3; 4; 10; 12; и др.].

Концепция инвестиций в человеческий капитал имеет несколько интерпретаций. Некоторые ученые считают, что инвестиции в человеческие ресурсы следует рассматривать как расходы, которые учреждение должно нести, особенно когда работники являются приоритетным и важным ресурсом для конкурентного преимущества компании в долгосрочной перспективе (например, компаний туристической сферы). Учреждения, которые не инвестируют в свои трудовые ресурсы, рискуют своим имиджем, поскольку человеческий фактор больше не является исключительно одним из факторов производства. Скорее, он стал учитываться как настоящие и будущие инвестиции, что повысило научный интерес к проблеме инвестирования в наращивание профессиональных компетенций работников, особенно в контексте внедрения инноваций, информатизации и цифровизации. Такие инвестиции должны способствовать разработке лучших способов и механизмов использования энергии, умственных и творческих способностей работников в создании и развитии конкурентных преимуществ компании, создавая современные и лучшие товары, услуги и технологии² [2; 5; 6; 7; 87; 11].

Материалы и методы. В процессе исследования для уточнения понятийно-категориального аппарата и подходов к изучению данной тематики, включая роль и специфику инвестирования в повышение профессиональных качеств работников туристического бизнеса, в разных (в том числе развивающихся) странах использовались общеметодологические, а также специальные методы, в том числе библиометрический, наукометрический, метод систематизации и обобщения. Это позволило сформировать теоретико-методологический базис исследования проблемы инвестирования в развитие профессиональных качеств работников сферы гостиничной индустрии, а также разграничить традиционные подходы к решению данной проблемы и те, которые присущи туристической индустрии стран арабского мира, в частности определяемые гендерной составляющей, которая накладывает особые условия не только на механизмы инвестирования в профессиональное развитие трудовых ресурсов отелей этих стран, но также на оплату их труда.

В соответствии с авторской концепцией использовались методы динамического сравнительного анализа для формирования инвестиционной политики менеджмента египетских отелей в отношении трудовых ресурсов и метод множественной регрессии для оценки степени влияния гостиничных инвестиций на национальную экономику, определения факторов, оказывающих прямой и косвенный вклад инвестиций в ВВП страны, приток туристов, доходность гостиничного сектора.

Исследование сущности, специфики и роли инвестиций в повышении профессиональных качеств работников арабских отелей. Инвестиции в человеческий капитал определяются как «инвестиции в развитие способностей, навыков и талантов человеческого элемента таким образом, чтобы он мог повысить свою производительность»

¹ Условия работы в туристических компаниях [Электронный ресурс]. URL: <https://thehrtourism.com/>; Made Elkhbiri. What are the specifications of workers in the provision of hospitality services? What is the importance of tourism activities? [Electronic resource] // House Com is the largest job in the Middle East and North Africa region. 2017. URL: <https://specialties.bayt.com/ar/specialties/q; Measuring Employment in the Tourism Industries Guide with Best Practices> [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284416158>.

² Investment of human resources in the tourism sector [Electronic resource]. URL: <http://www.almasalla.travel/News/News.asp?id=8057>.

[11, p. 123]. Современный гостиничный менеджмент в кадровой сфере является одним из важных факторов, способствующих повышению уровня гостиничных услуг и снижению затрат в целях достижения туристического, социального и экономического развития стран. При этом именно человеческий фактор играет важную роль в сфере гостиничного бизнеса и гостиничных услуг, поскольку во всем мире он считается ключевым средством процесса производства гостиничных продуктов и обслуживания клиентов. Основными инструментами эффективного использования трудовых ресурсов отелей являются, во-первых, правильный подбор кадров, работающих при оказании гостеприимства; во-вторых, непрерывное обучение работников и повышение их квалификации; в-третьих, стимулирование и поощрение работников различными способами к оказанию гостиничных услуг и услуг гостеприимства высокого качества и умелому освоению инноваций в данной сфере; в-четвертых, оперативное решение проблем, с которыми сталкиваются поставщики гостиничных услуг. В дополнение к перечисленному важное значение имеют так называемые «технические характеристики работников при оказании гостиничных услуг»: забота о своей внешности, соблюдение графика работы и отсутствие опозданий, сила личности, вежливое и уважительное отношение к клиентам.

Помимо специфических качеств, связанных с оказанием услуг, туризм является средством ликвидации безработицы и предоставления возможностей трудоустройства для молодежи. Многие туристические страны работают над трудоустройством своих граждан именно в учреждениях туризма, ресторанах и отелях, связанных с обслуживанием туристов, таких как работа гида, экскурсовода и другие рабочие места для продвижения туризма. Сотни тысяч молодых людей, квалифицированных и обученных, работают в туристических странах, таких как Египет³ [9]. В этой стране ожидается рост

числа застрахованных работников отелей в 2022 году примерно на 16,6% и достигнет 140000 человек по сравнению со 120000 человек в 2021 году. Такая тенденция, несмотря на влияние внешних турбулентных факторов, объясняется возможностью и потребностью египетских отелей в большем количестве туристов, ростом заполняемости и повышением их доходов в большинстве районов, особенно в Хургаде и Шарм-эль-Шейхе, что положительно отражается на занятости. Так, каждый миллион туристов, приезжающих в Египет, обеспечивает занятость около 200 тысяч работников, но большая часть этой занятости является сезонной и незастрахованной из-за факторов, которым сектор подвергался в течение последнего десятилетия.

Научно обоснованный метод определения направлений и масштабов инвестирования в повышение профессиональных качеств работников египетских отелей имеет большое значение для данной страны, учитывая тот факт, что в целом гостиничный сектор потерял более 40% своей рабочей силы за годы пандемии коронавируса и текущего кризиса, когда данное направление является одним из немногих, открытых для туризма. В дополнение к этому следует отметить, что большой процент работников отелей не застрахован, что усложняет определение их реального количества в отрасли, а, следовательно, усложняет решение проблемы инвестирования в их развитие. При этом, согласно авторскому исследованию, каждый эксплуатируемый гостиничный номер предоставляет возможности занятости примерно для трех человек, а также другие возможности трудоустройства в сфере обслуживания гостиничного сектора, включая транспорт, работу гида и другие услуги.

Сущность и гендерная специфика оплаты труда и инвестирования в рост профессиональных качеств работников египетских отелей. Результаты проведенного анализа показали, что работники сферы туризма в Египте покидали сектор из-за

3 Условия работы в туристических компаниях [Электронный ресурс]. URL: <https://thehrtourism.com/>; Arab Republic of Egypt [Electronic resource] // Ministry of Tourism and Antiquities. URL: moa.portal@mota.gov.eg; Made Elkhbiri. What are the specifications of workers in the provision of hospitality services? What is the importance of tourism activities? [Electronic resource] // House Com is the largest job in the Middle East and North Africa region. 2017. URL: <https://specialties.bayt.com/ar/specialties/q; Measuring Employment in the Tourism Industries Guide with Best Practices> [Electronic resource]. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284416158>.

сокращения иностранных потоков и снижения заполняемости отелей. Однако за последние два года правительство предприняло несколько инициатив по предотвращению увольнений, в том числе предоставляя чрезвычайные субсидии застрахованным работникам для их поддержки, а также направляя инвестиции в повышение их профессиональных качеств. Общая сумма, потраченная Чрезвычайным фондом [14] на застрахованных работников туристических компаний, составила около 1,15 миллиарда фунтов стерлингов после кризиса пандемии. Было произведено семь платежей 332 тысячам рабочих на сумму 195,3 миллиона фунтов стерлингов для первого взноса, 387,6 миллиона фунтов стерлингов для второго и третьего взносов, 330,4 миллиона фунтов стерлингов для четвертого и пятого взносов и 236,1 миллиона фунтов стерлингов для шестого

и седьмого взносов. Это финансирование предназначалось в том числе для роста качественных характеристик работников, что является фактором их востребованности.

Важной спецификой сферы туризма арабских стран является наличие гендерных проблем, в числе которых выделяют следующие (рисунок 1).

Использование инструментов динамической и аналитической статистики позволило сделать важный вывод о влиянии на процесс принятия решений в сфере инвестирования в повышение профессиональных качеств работников отелей гендерного фактора. Этот же фактор является определяющим и в оплате труда работников отелей. Так, мужчина, работающий менеджером по продажам отелей в Египте, зарабатывает около 11600 египетских фунтов в месяц. Его заработная плата варьируется от 6170 египет-

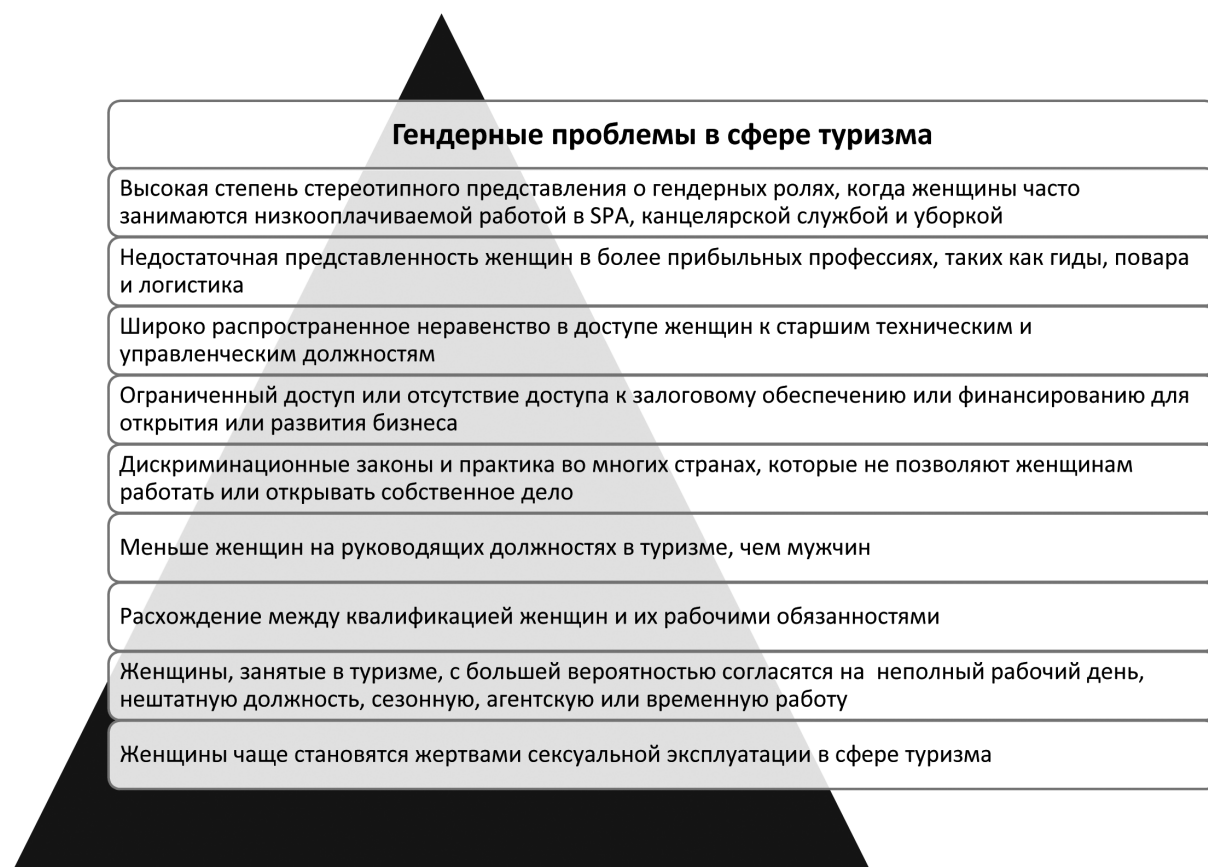

Рис. 1. Основные гендерные проблемы, присущие туристическому бизнесу арабских стран⁴
Fig. 1. The main gender problems inherent in the tourism business of Arab countries

⁴ USAID. Jordan Tourism Development Project: Final Report October 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.chemonics.com/OurWork/OurProjects/Documents/USAID-Jordan.TDP.Final.Report.pdf>.

ских фунтов (самая низкая) до 17700 египетских фунтов (максимальная зарплата)⁵. Она включает рабочие льготы, такие как жилье и транспорт. Оплата труда в существенной степени зависит от опыта человека и других факторов, в том числе гендерного.

Ниже будет приведена дифференциация оплаты труда мужчин и женщин в данных отелях. Средняя заработная плата работников египетских отелей составляет 10900 фунтов стерлингов в месяц. При этом 25% работников профессии «менеджер по продажам отелей» зарабатывают менее 7700 фунтов стерлингов, а 75% — больше этой суммы; 75% работников других профессий получают менее 13500 фунтов стерлингов, а 25% — больше этой суммы⁶ [10; 15; 16]. Кроме того, на размер оплаты труда работников египетских отелей большое влияние оказывает стаж работы (таблица 1).

Более того, опыт работы является одним из важнейших факторов, определяющих величину заработной платы. Считается естественным, что зарплата увеличивается с течением времени и накоплением опыта. Лица с опытом работы менее двух лет получают среднюю заработную плату в размере 7090 египетских фунтов в месяц, в то время как сотрудник со стажем работы от двух до пяти лет зарабатывает 8700 фунтов стерлингов.

Что касается работников, имеющих от пяти до десяти лет опыта, их заработная плата обычно эквивалентна 12300 фунтам

стерлингов, что на 42% больше, чем у тех, у кого меньше опыта. Когда опыт «менеджера по продажам отелей» превышает десять лет, средняя зарплата возрастает до 14400 фунтов стерлингов, что на 17% больше, чем у работника с меньшим опытом работы. После пятнадцати лет опыта средняя зарплата составляет 15800 фунтов стерлингов, что на 10% больше, чем зарплата тех, у кого меньше опыта. Наконец, сотрудник с более чем двадцатилетним стажем получает зарплату около 16800 фунтов стерлингов в месяц, что на 6% больше, чем у человека с пятнадцатидвадцатилетним стажем. Такая дифференциация оплаты труда в зависимости от стажа работы является мотивирующим фактором и возможностью расходования дополнительного финансирования для наращивания своих профессиональных компетенций работниками в условиях высокой конкуренции за рабочие места.

Теоретически предполагается, что пол работника не должен влиять на его заработную плату, но реальной практикой гостиничного бизнеса в арабском мире тестируется факт, что между мужской и женской зарплатой существует заметная разница. Так, мужчины-менеджеры по продажам отелей в Египте зарабатывают в среднем на 16% больше, чем их коллеги-женщины (таблица 2).

На рисунке 2 показана сравнительная динамика изменения заработной платы разных категорий работников египетских отелей.

Таблица 1

Table 1

Распределение зарплат менеджеров по продажам отелей в Египте по стажу работы⁷
Distribution of salaries of hotel sales managers in Egypt by work experience

0–2 года		7,090 египетских фунтов
2–5 лет	23%	8,700 египетских фунтов
5–10 лет	42%	12,300 египетских фунтов
10–15 лет	17%	14,400 египетских фунтов
15–20 лет	10%	15,800 египетских фунтов
+25 лет	+6%	16,800 египетских фунтов

⁵ Abdul Razek Al-Shweikhi. 16.6% increase in insured hotel workers expected during. 2022 [Electronic resource] URL: <https://www.alborsaanews.com/2022/02/20/1510985>; World Tourism Organization. Tourism statistical data set database 2020 [Electronic resource]. URL: info@unwto.org.

⁶ Arab Republic of Egypt [Electronic resource] // Ministry of Tourism and Antiquities. URL: moa.portal@mota.gov.eg.

⁷ Все иллюстративные материалы разработаны (рассчитаны) автором.

Как видно на рисунке 2, средняя зарплата менеджера по продажам в отелях на 90% выше, чем у работников других категорий в индустрии гостеприимства и туризма. При этом, однако, заработная плата в индустрии гостеприимства и туризма Египта на 33% ниже, чем в других сферах.

Оценка влияния гостиничных инвестиций на макроэкономические показатели Дубая. Как отмечалось выше, туризм как комплексная сфера услуг, сильно зависящая от человеческого фактора (что делает ее одной из самых трудоемких отраслей), обладает мультипликативным эффектом в экономике и социальной сфере стран арабского мира. В данном контексте важное значение имеет оценка степени влияния гостиничных инвестиций на национальную экономику, поскольку эта оценка важна и для более частных выводов относительно роли инвестиционного фактора в повышении профессиональных качеств работников отелей.

На примере гостиничной индустрии Дубая определим влияние некоторых факторов

на прямой и косвенный вклад инвестиций в ВВП, а также в приток туристов и доходность гостиничного сектора.

В таблице 3 приведены результаты данного анализа за период 2015–2020 годов с использованием данных, размещенных на официальном сайте Департамента туризма и коммерческого маркетинга Дубая.

Значение представленных в таблице 4 показателей позволяет сделать вывод, что процент вклада гостиничных инвестиций в ВВП колеблется от 8 до 12, а средний коэффициент составляет 10,3. При этом можно отметить прямую взаимосвязь с другими показателями выборки, так как максимальные и минимальные показатели всех трех переменных совпали.

Для отбора влияющих факторов с использованием модели множественной регрессии рассчитана корреляционная матрица (таблица 5).

Как видно из таблицы 5, переменные X1 и X2 имеют высокую корреляционную зависимость (что естественно) и напрямую влияют на переменную Y — вклад гостиничного бизнеса в ВВП страны.

Таблица 2
Table 2

Сравнение мужской и женской зарплаты в отелях Египта Comparison of male and female salaries in hotels in Egypt

мужчина		12300 египетских фунтов
женщина	↓ -14%	10600 египетских фунтов

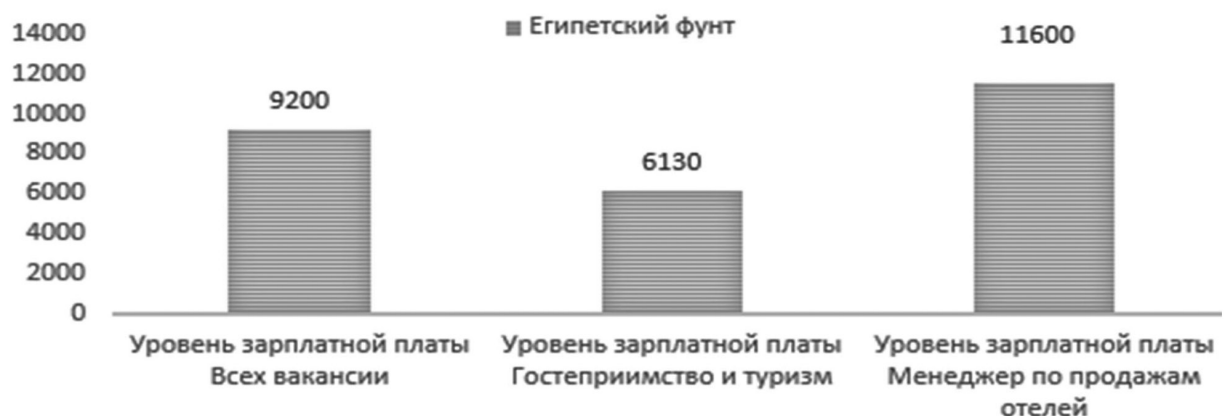

Рис. 2. Сравнение динамики оплаты труда разных категорий работников в египетских отелях
Fig. 2. Comparison of the dynamics of remuneration of different categories of employees in Egyptian hotels

Таблица 3

Table 3

Результаты оценки степени влияния гостиничных инвестиций (отели Дубая) на ВВП, приток туристов и доходность отелей
The results of assessing the degree of influence of hotel investments (Dubai hotels) on GDP, tourist influx and profitability of hotels

Годы	Прямой и косвенный вклад гостиничного сектора в ВВП	Приток туристов в Дубай (млн туристов)	Доходность гостиничного сектора (млрд дирхамов)
	Y	X1	X2
2015	9%	14.2	9.10
2016	10%	14.9	8.70
2017	8%	15.79	9.75
2018	11.1%	15.97	10.66
2019	11.5%	16.73	10
2020	12%	5.51	2.12

Таблица 4

Table 4

Результаты оценки степени влияния гостиничных инвестиций (отели Дубая) на ВВП, приток туристов и доходность отелей
The results of assessing the degree of influence of hotel investments (Dubai hotels) on GDP, tourist influx and profitability of hotels

	Y	X1	X2
Среднее	10.26666667	13.85	8.388333333
Стандартное отклонение	1.551343504	4.179306163	3.146670727
Минимум	8	5.51	2.12
Максимум	12	16.73	10.66

Заключение. Таким образом, проведенное исследование показало, что в текущих экономических условиях организации туристической сферы (а также других отраслей и направлений деятельности) рассматривают качественные человеческие ресурсы как конкурентное преимущество,

благодаря которому они выгодно отличаются от других. В силу этого, по мнению менеджмента компаний, их реальная ценность высокопрофессиональных работников превышает стоимость многих материальных активов.

Следовательно, затраты на повышение их качества — это не затраты в традиционном смысле, а *инвестиционные* затраты. В ряде передовых стран расходы на человеческие ресурсы достигли примерно 60 % от общих расходов многих компаний. Автор статьи придерживается мнения, что современные вызовы требуют постоянно развивающегося как в индивидуальном плане, так и на уровне компаний человеческого капитала.

Таблица 5

Table 5

Результаты множественной регрессии
Multiple regression results

	Y	X1	X2
Y	1		
X1	-0.43982	1	
X2	-0.45294	0.987817	1

Список источников

1. Борщ Л. М., Жарова А. Р. Методология развития человеческого капитала с позиций цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13. №11. С. 2141–2158.
2. Владимирова Ц. Д. Вызовы информационной экономики: развитие человеческого капитала // Экономика труда. 2019. Т. 6. №3. С. 1029–1042.
3. Городнова Н. В., Скипин Д. Л., Роженов И. С. Применение Smart-технологий: оценка влияния на развитие человеческого капитала // Креативная экономика. 2019. Т. 13. №1. С. 1837–1858.
4. Грачев С. А. Разработка инструментария оценки результативности функционирования человеческого капитала в инновационной экономике региона // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. №3. С. 763–770.
5. Каплина А. В., Низов Н. В. Организационно-информационная платформа использования трудового потенциала в системе отношений «вуз-бизнес» // Вестник академии знаний. 2019. №31(2). С. 114–120.
6. Троицкая А. А. Конкурентоспособный человеческий капитал работника: проблемы формирования и реализации // Экономика труда. 2019. Т. 6. №2. С. 647–658.
7. Хайрутдинов З. Р. Влияние интеллектуального (человеческого) капитала на увеличение объемов продаж — вклад менеджера по продажам // Креативная экономика. 2019. Т. 13. №3. С. 573–588.
8. Шаховская Л. С., Головчанская Е. Э. Интеграционные процессы как необходимое условие развития интеллектуальных ресурсов в системе университетов предпринимательского типа // Белорусский экономический журнал. 2016. №2. С. 31–45.
9. Abul-Qassem Hamdi. Developing Individuals' Competencies and Their Role in Supporting Competitive Advantage // Master Thesis. Business Administration Specialization. University of Algiers. 2005. P. 32.
10. Becker G. S. Human Capital and Personal Distribution of Income: An Analytical Approach // Human Capital 2nd ed. N. Y.: Columbia University Press, 1975. P. 94–144.
11. Handa Madfuni. Human capital in the university between investment mechanisms and

the problem of measuring its effectiveness // Economic and Financial Research Proposal. 2016. P. 123.

12. Iwamoto H., Suzuki H. The Relationships Between Human Capital, Quality Management and Corporate Social Performance: A Bayesian SEM Approach / Procedia manufacturing, 2019. P. 695–701.

13. Matveeva L. G., Mikhakina E. V., Chernova O. A. The Methodology for the evaluation of youth economic potential: Revealing the resources // Journal of Advanced Research in Law and Economics. Vol. XI. Issue 1(47). 2020. P. 246–255.

14. Mustafa Youssef Kaif. Sustainable tourism Green tourism and its role in solving the problem of unemployment. Konstantin: Alpha Documentation House. 2017. P. 301–306.

15. The first electronic tourist newspaper in the Arab world. 9 December 2009.

16. World Tourism Organization and United Nations // International Recommendations for Tourism Statistics 2008. Compilation Guide. Chapter 7. UNWTO, Madrid, UN, New York, 2014.

References

1. Borshh L. M., Zharova A. R. Metodologija razvitija chelovecheskogo kapitala s pozicij cifrovoj jekonomiki [Methodology of human capital development from the standpoint of digital economy]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative economy]. 2019; 13(11): 2141–2158. (In Russ.).
2. Vladimirova C. D. Vyzovy informacionnoj jekonomiki: razvitie chelovecheskogo kapitala Challenges of the information economy: the development of human capital. *Jekonomika truda* [Labor economics]. 2019; 6(3): 1029–1042. (In Russ.).
3. Gorodnova N. V., Skipin D. L., Rozhenov I. S. Primenenie Smart-tehnologij: ocenka vlijaniya na razvitie chelovecheskogo kapitala [Application of Smart technologies: assessment of the impact on the development of human capital]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative economy]. 2019; 13(1): 1837–1858. (In Russ.).
4. Grachev S. A. Razrabotka instrumentariya ocenki rezul'tativnosti funkcionirovanija chelovecheskogo kapitala v innovacionnoj jekonomike regiona [Development of tools for assessing the effectiveness of the functioning of

human capital in the innovative economy of the region]. *Voprosy innovacionnoj jekonomiki [Issues of innovative economy]*. 2019; 9(3): 763–770. (In Russ.).

5. Kaplina A. V., Nizov N. V. Organizacionno-informacionnaja platforma ispol'zovanija trudovogo potenciala v sisteme otnoshenij «vuz-biznes» [Organizational and information platform for the use of labor potential in the system of relations «university-business»]. *Vestnik akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge]*. 2019; 31(2): 114–120. (In Russ.).

6. Troickaja A. A. Konkurentosposobnyj chelovecheskij kapital rabotnika: problemy formirovaniya i realizacii [Competitive human capital of an employee: problems of formation and implementation]. *Jekonomika truda [Labor economics]*. 2019; 6(2): 647–658. (In Russ.).

7. Hajrutdinov Z. R. Vlijanie intellektual'nogo (chelovecheskogo) kapitala na uvelichenie ob'emov prodazh — vklad menedzhera po prodazham [The influence of intellectual (human) capital on the increase in sales volumes — the contribution of a sales manager]. *Kreativnaja jekonomika [Creative economy]*. 2019; 13(3): 573–588. (In Russ.).

8. Shahovskaja L. S., Golovchanskaja E. Je. Integracionnye processy kak neobhodimoe uslovie razvitija intellektual'nyh resursov v sisteme universitetov predprinimatel'skogo tipa [Integration processes as a necessary condition for the development of intellectual resources in the system of entrepreneurial type universities]. *Belorusskij jekonomicheskij zhurnal [Belarusian Economic Journal]*. 2016; (2): 31–45. (In Russ.).

9. Abul-Qassem Hamdi. Developing Individuals' Competencies and Their Role in Supporting Competitive Advantage // Master Thesis. Business Administration Specialization. University of Algiers. 2005. P. 32.

10. Becker G. S. Human Capital and Personal Distribution of Income: An Analytical Approach // Human Capital 2nd ed. N. Y.: Columbia University Press, 1975. P. 94–144.

11. Handa Madfuni. Human capital in the university between investment mechanisms and the problem of measuring its effectiveness // Economic and Financial Research Proposal. 2016. P. 123.

12. Iwamoto H., Suzuki H. The Relationships Between Human Capital, Quality Management and Corporate Social Performance: A Bayesian SEM Approach / Procedia manufacturing, 2019. P. 695–701.

13. Matveeva L. G., Mikhakina E. V., Chernova O. A. The Methodology for the evaluation of youth economic potential: Revealing the resources // Journal of Advanced Research in Law and Economics. Vol. XI. Issue 1(47). 2020. P. 246–255.

14. Mustafa Youssef Kaif. Sustainable tourism Green tourism and its role in solving the problem of unemployment. Konstantin: Alpha Documentation House. 2017. P. 301–306.

15. The first electronic tourist newspaper in the Arab world. 9 December 2009.

16. World Tourism Organization and United Nations // International Recommendations for Tourism Statistics 2008. Compilation Guide. Chapter 7. UNWTO, Madrid, UN, New York, 2014.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.

The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing on 22.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

База Сармад — аспирантка 3-го года обучения, кафедра «Информационная экономика», экономический факультет, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая садовая, 105/42

Sarmad Baza — Postgraduate Student of the third year of study, Department of Information Economics, Faculty of Economics, Southern Federal University.

105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 338.22.01 (338.22.021.2)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-166-181

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: НАКОПИТЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Олег Сергеевич Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Россия

o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID РИНЦ: 446204,

AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018

Аннотация. Макроэкономическая политика как система воздействий на экономику демонстрирует накопительный эффект, который выражается в потере чувствительности цели к инструментам политики (негативный), либо в увеличении этой чувствительности (позитивный). Тем самым применение повторяющихся многократно методов политики может не влиять на изменение целей развития. Сила и повторяемость применения инструмента имеет принципиальное значение и не учитывается классической экономической теорией.

Цель исследования — сформировать представления об отрицательном накопительном эффекте макроэкономической политики, расширив принципы «цели-инструменты» и «эффективной рыночной классификации» на базе авторской доктрины «распределённого управления», позволяющей дифференцировать инструменты политики и учесть накопительный эффект, как ситуацию, когда чувствительность целей развития к инструментам может снижаться (увеличиваться).

Методология исследования — построена на классической теории экономической политики Тинбергена-Манделла, эмпирическом и структурном анализе.

Общий результат проведенного исследования сводится к демонстрации накопительного эффекта макроэкономической политики, обнаруживаемого для российской экономики на уровне общей политики роста и по целям структурного развития. Повышение чувствительности целей развития к методам политики видится в области нескольких вариантов решений: замены применяемых инструментов отдельно и в совокупности — смена парадигмы политики, а также повышение силы и действенности применяемого инструмента. В частности, помимо использования созданного и отложенного дохода, требуется учесть ресурсы, сконцентрированные в секторах экономики, которые могут быть использованы для новой модели роста при соответствующей структурной политике.

Ключевые слова: теория экономической политики, принцип «цели-инструменты», накопительный эффект экономической политики, структурный анализ, экономический рост, уровень технологичности, распределение ресурсов

Для цитирования: Сухарев О.С. Макроэкономическая политика: накопительный эффект и его преодоление // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 166–181. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-166-181>.

Благодарности: статья подготовлена в рамках темы государственного задания «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ус-

корения экономического роста в Российской Федерации» Институту экономики РАН, Центру институтов социально-экономического развития.

Original article

MACROECONOMIC POLICY: CUMULATIVE EFFECT AND ITS OVERCOMING

Oleg S. Sukharev

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID RSCI: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018*

Abstract. *Macroeconomic policy as a system of impacts on the economy demonstrates a cumulative effect, which is expressed in the loss of sensitivity of the target to policy instruments (negative), or in an increase in this sensitivity (positive). Thus, the application of repeated policy methods may not affect the change in development goals. The strength and repeatability of the application of the tool is of fundamental importance and is not taken into account by classical economic theory.*

The purpose of the study is to form ideas about the negative cumulative effect of macroeconomic policy by expanding the principles of «goals-instruments» and «effective market classification» on the basis of the author's doctrine of «distributed control», which makes it possible to differentiate policy instruments and take into account the cumulative effect, as a situation where the sensitivity of development goals to tools may decrease (increase).

The research methodology is based on the classical theory of economic policy of Tinbergen-Mandell, empirical and structural analysis.

The overall result of the study is reduced to demonstrating the cumulative effect of macroeconomic policy, which is found for the Russian economy at the level of the general growth policy and the goals of structural development. Increasing the sensitivity of development goals to policy methods is seen in the area of several solutions: replacing the applied instruments separately and in combination — changing the policy paradigm, as well as increasing the strength and effectiveness of the applied instrument. In particular, in addition to the use of created and deferred income, it is required to take into account the resources concentrated in sectors of the economy that can be used for a new growth model with appropriate structural policies.

Keywords: *theory of economic policy, principle of «goals-instruments», cumulative effect of economic policy, structural analysis, economic growth, level of manufacturability, distribution of resources*

For citation: *Sukharev O. S. Macroeconomic Policy: Cumulative Effect and Its Overcoming // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 166–181. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-166-181>.*

Acknowledgments: *the article was prepared within the framework of the state task «Formation of a scientific and technological contour and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation» to the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, the Center for Institutes of Social and Economic Development.*

Введение. Макроэкономическая политика преследует набор целей, но основополагающими являются увеличение валового продукта и занятости, то есть организация устойчивого (продолжительного) экономического роста [1; 3; 5; 12], и снижение инфляции. Современная теория экономической политики [5–7; 10; 16; 19] рассматривает, как правило, два наиболее значимых инструмента для достижения указанных целей — монетарную и фискальную политику. Конечно, в связи с действием различных факторов в экономике возникают рецессии и депрессии, требующие политики противодействия. Собственно, пока экономика растёт, уже закладываются условия будущего кризиса, который, по идее, инструменты макроэкономической политики должны элиминировать, предупреждать, а при возникновении — смягчать.

Это также может рассматриваться как цель макроэкономической политики, равнозначная цели обеспечения экономического роста. Если под рецессией понимается снижение базовых целевых индикаторов развития на протяжении двух кварталов подряд, либо отрицательные величины по приросту ВВП по итогам года, то депрессия с позиций современного экономического знания как понятие претерпевает трансформацию, хотя и вызывающую пока только полемику¹.

В частности, Пол Кругман в своей работе «Депрессии — это нечто иное» [4, с. 26–27] определяет депрессию в функциональном смысле², а именно — как развитие экономики ниже своих возможностей (потенциала), причём довольно длительное. Если следовать данному представлению о депрессии, то российская экономика за последние тридцать лет никогда из неё и не выходила. Кстати, данное определение депрессии не отрицает наличие какого-то экономического роста, некоего темпа прироста ВВП страны. Оно весьма сложное, поскольку довольно трудно точно определить возможности и потенциал и через призму текущей оценки развития определить

глубину такого депрессивного функционирования. В общем можно признать данное определение весьма парадоксальным. Тем не менее оно в рамках теории экономической политики полезно в том смысле, что ставит добавочные цели в области экономического развития с решением проблемы и его измерения [18]. Кроме этого, фактически утверждается слабость стереотипных инструментов макроэкономической политики — монетарной и фискальной — в решении задачи обеспечения полной занятости (равновесные представления о макроэкономической динамике). Стандартные рецессии, подвергнутые эффекту аккумуляции, могут превращаться в депрессии, но и без них экономика вполне может развиваться ниже своих потенциальных возможностей.

Конвергентные кризисы по отдельным направлениям экономической деятельности, например, провал рынка недвижимости и строительства либо финансового рынка способны приводить экономику в целом к такому функционированию, что стандартные инструменты — процентная ставка — оказываются бессильны в изменении ситуации, как и наращение денежной массы. Таким образом, макроэкономическая политика становится как бы бессильной — инструменты применяются, как и применялись, но движению к цели они не способствуют. Иными словами, цель оказывается не чувствительной к воздействию данного инструмента политики или набору инструментов. Подобные исходы приводят часто к необходимости заменить проводимую политику, подобрать иные способы влияния и даже заставляют экономистов менять теоретические взгляды, трансформируя некогда базисные научные положения. Если продолжать применение стандартных, устоявшихся инструментов, например, стремиться свести бюджет к профициту либо таргетировать инфляцию на очень низких значениях, то это может углубить и текущую рецессию, и обеспечить депрессию в смысле

1 В ряде стран рецессия определяется по спаду в течение двух кварталов либо решением некой комиссии при снижении целевых индикаторов. Однако по депрессии точный критерий в принципе отсутствует, что и позволяет исследователям весьма свободно трактовать это понятие. Однако, на сегодня ясно одно: длительный спад, растягивающийся на 2 и более лет, конечно, может быть признан уже депрессией, в зависимости от глубины падения и длительности восстановительного периода для конкретной экономики.

2 Такой подход очень близок автору, который на протяжении уже почти четверти века развивает теорию дисфункции институтов и управления, рассматривая кризисные явления посредством структурно-функциональных изменений.

определения П. Кругмана [4]. Причина современных экономических кризисов — в институциональной организации рынков капитала, когда суммарные обязательства игроков многократно превышают реальную и даже рыночную стоимость активов [9]. Именно такой разрыв делает монетарную политику низкоэффективной в преодолении рецессии. Институциональная деформация сказывается на применимости инструментов макроэкономической политики, часто понижая непредсказуемым образом их результативность. Поскольку стандартные инструменты применяются перманентно, то возможно явление потери силы их влияния, когда целевые параметры экономики уже не изменяются, так как стали не чувствительны к воздействию, либо это изменение довольно слабое, не позволяющее достичь целевых ориентиров развития. Данное явление обозначим как накопительный эффект (отрицательный³) макроэкономической политики [2; 11], проявляемый по каждому инструменту политики и цели, например, инвестиционной или монетарной политики [2].

Именно это обстоятельство рушит многие прогнозы и прогнозные модели [1]. Различные их виды (от экстраполяционных до сценарных) оказываются слабыми, поскольку не включают изменчивость инструментов, их связность и влияние на целевые параметры, которые и являются объектом прогнозирования. Иными словами, требуются не просто динамические сценарии, а такой подход, который в модели включал бы изменяющиеся решения — инструменты проводимой политики⁴.

Сказанное позволяет сформулировать **основную цель настоящего исследования** как формирование представления о накопительном эффекте политики в рамках теории экономической политики, чтобы использовать затем данное представление в макроэкономическом анализе, изменяя инструменты влияния на экономическое развитие. Такой подход позволит преодолеть стереотипы в области проведения макроэкономической

политики стандартными способами, обосновать их изменения в требуемом направлении. Данная задача рассматривается на двух уровнях — теоретическом и иллюстрационно-эмпирическом на данных по российской экономике. Методологию для её решения составляют теория экономической политики и авторская доктрина «распределённого управления», эмпирический анализ. Последовательное продвижение к цели позволит скорректировать принцип «цели-инструменты» Тинбергена и его расширение в виде «эффективной рыночной классификации» Манделла [6; 19], не учитывающие изменения силы инструментов, представляющие их в этом смысле статически.

1. Теория экономической политики: «накопительный эффект» и доктрина «распределённого управления». Классическая теория экономической политики [5–7; 9; 12; 19] исходит из наличия у правительства набора инструментов — монетарной и фискальной (бюджетно-налоговой) политики. В качестве целей рассматривается движение экономики к равновесию, в том числе платёжного баланса [6]. Принимается, что инструменты (виды политики) могут применяться независимо друг от друга для достижения цели, причём влияние инструментов разводится, то есть одна политика ориентируется на достижение внутреннего, другая — внешнего равновесия экономики [6]. Задача обычно сводится к поиску такого сочетания инструментов, чтобы приблизиться к поставленным внутренним и внешним целям развития. Может проводиться политика дешёвых или дорогих денег либо умеренные варианты каждого вида. При этом могут повышаться или понижаться налоги, увеличиваться или сокращаться государственные расходы, то есть проводиться бюджетная экспансия или рестрикция.

Таким образом, по большому счёту, сочетания этих инструментов вполне конечны, но вот подбор, применение, и главное результативность влияния могут оказаться

³ Возможна ситуация, когда чувствительность цели развития увеличивается к применяемому инструменту политики, тогда можно говорить о положительно накопительном эффекте. Имеется в виду, что инструмент применяется в постоянном режиме.

⁴ Пока такая задача экономической наукой не решена.

весьма различными. Конечно, важное обстоятельство применения инструментов политики — лаги влияния. У процентной ставки они явно меньше по времени, для налоговых изменений — значительно больше. Однако, современной теории весьма затруднительно развести влияние рассматриваемых инструментов политики, даже привязывая каждый априорно к соответствующей цели. Связка самих целей, а также инструментов, и тем более, факторов развития с инструментами не учитывается. Более того, не принимается во внимание, что влияние каждого инструмента распределяется как по своеобразному портфелю — по объектам экономики, сила его разная как по объектам, так изменяется с течением времени [10]. Это зависит от самого инструмента, его применения правительством, которое регулирует силу, а также от связки с иными инструментами, факторами влияния.

В итоге стереотипный подход закрепил, что политика дорогих кредитов применяется для сдерживания инфляции, как и увеличение бюджетного профицита, а монетарная экспансия применяется для противодействия рецессии и внешнему профициту, выражая принцип «эффективной рыночной классификации», утверждающий, что инструменты политики должны соответствовать цели, для достижения которой они наиболее адекватны [6]. Однако, это соответствие изменяется с течением развития экономики, а определение, какой инструмент пригоден для какой цели, имеет объективные трудности. Данные обстоятельства нельзя не учитывать, поскольку они изменяют внутреннее содержание принципа. Например, процентная ставка, которая на каком-то этапе времени может менее влиять на внутреннее развитие, нежели на внешнее (платёжный баланс), но на другом и более положительном периоде её такое значение может измениться на противоположное. Это потребует смены области применения инструмента. Ответственные за макроэкономическую политику могут не увидеть данного изменения, как и сразу присутствия влияния инструмента на обе цели. Принцип Тинбергена постулирует [19], что число инструментов должно быть не меньше числа целей, причём принцип «эффективной классификации» вторит этому положению. В то время

как на практике инструменты имеют распределённое влияние по экономике в целом [10], не учитывать которое при анализе макроэкономической политики невозможно, если имеется аналитическая необходимость в получении как можно более точных оценок для проведения наиболее эффективной политики. Конечно, принцип Тинбергена не учитывает состояние инструментов и, по сути, является формулировкой, полученной по математической записи связи целей и инструментов, чтобы записанные уравнения имели решение. Однако, то, как связаны инструменты друг с другом, с какой силой влияют на цели, не принимает во внимание и принцип «цели-инструменты», и принцип «эффективной классификации», привязывающий априорно инструмент к конкретной цели. Если это и добавление к принципу Тинбергена, как утверждал Манделл [6], то весьма условное.

Во-первых, меньшим числом инструментов на практике можно добиться продвижения по большему числу целей.

Во-вторых, наличие конфликта целей и инструментов, когда, например, удаётся снизить инфляцию, но при этом свёртывается и экономический рост, может говорить как о прямой, например, связи между целями, так и о применении инструментов, имеющих на одну цель прямое влияние, а на другую цель обратное, не позволяющее её достичь. Тем самым допущение о независимости инструментов рушится, как и модельная формулировка цели, сводимая к достижению разных видов равновесия. В неравновесных условиях связи инструментов, целей и присутствующих факторов развития, которыми абсолютно пренебрегают при формулировке указанных двух принципов, имеют совсем иное и подлинное значение.

Таким образом, на наш взгляд, следует применять принцип «распределённого управления», рассматривающий связность целей, инструментов друг с другом и с выделяемыми факторами развития, притом определяющий изменяемую с течением времени силу инструментов, влияние которых распределяется по всем объектам экономики, целям. Этот принцип в виде доктрины распределённого управления обозначен подробно в ряде работ автора, как и представление о накопительном эффекте политики, при котором

инструменты теряют свою силу к цели или цель становится менее или совсем не чувствительна к применяемому инструменту [10]. Это существенно расширяет и модифицирует принцип Тинбергена и «эффективной рыночной классификации». Учитывая, что имеются инструменты макроэкономической политики с изменяющимся во времени своим влиянием на объекты и цели экономики, становится возможным не точно таким же, а и меньшим числом инструментов достичь цели. Важно, не просто распределить инструменты, а подобрать их по адекватному влиянию, которое обеспечило бы продвижение в достижении поставленных целей. Это требует на порядок лучшего аналитического понимания взаимосвязи целей, инструментов политики и факторов развития, как и исходного состояния экономической системы. Часто данными обстоятельствами пренебрегают. Если оперировать модельным уровнем, в частности моделью Манделла-Флеминга, которая строится в рамках весьма условных допущений, то уже в её рамках легко обнаруживается наличие накопительного эффекта (отрицательного и положительного⁵) для инструментов

макроэкономической политики — монетарных и фискальных (см. таблицу 1).

Как известно, в модели Манделла-Флеминга монетарная политика результативна при плавающем валютном курсе, а бюджетная политика — при фиксированном валютном курсе. Следовательно, в этих ситуациях возникает положительный накопительный эффект, так как целевой параметр в виде роста ВВП достигается за счёт применения стандартного инструмента конкретного вида политики. В иных случаях (таблица 1) возникает отрицательный эффект инструмента политики, так как ВВП не увеличивается согласно модели Манделла-Флеминга при соответствующем валютном курсе.

Однако, построение модели таково, что она, как подавляющее число неоклассических и других макроэкономических моделей, сильно упрощает реальность, иногда до неправдоподобия или неучёта важнейших вариантов динамики, в частности рассматривается равновесие классических кривых IS-LM и платёжного баланса (при плавающем курсе). Так, при росте денежного предложения закономерным выглядит снижение процентной

Таблица 1
Table 1

Виды накопительного эффекта в привязке к модели Манделла-Флеминга⁶
Types of cumulative effect in relation to the Mundell-Fleming model

Обменный курс	Вид политики	
	Монетарная	Бюджетная
Плавающий	Положительный	Отрицательный
Фиксированный	Отрицательный	Положительный

⁵ Отрицательный накопительный эффект — потеря или снижение чувствительности цели политики к инструменту политики, то есть инструмент перманентно действует и применяется, а ощутимого движения к установленной цели не происходит на установленном интервале времени. Положительный накопительный эффект — применение инструмента политики увеличивает чувствительность цели к нему и обеспечивает к ней обычно ускоренное продвижение на рассматриваемом интервале времени. Теоретически возможен вариант и со сверхчувствительностью, что может обернуться положительным и отрицательным исходом. Пример, когда не действуют инструменты монетарной политики, представляет собой ликвидная ловушка Дж.М. Кейнса, то есть ситуация очень низких по величине процентных ставок, так что дальнейшее снижение не влияет уже ни на что. Денежная политика в России не смогла запустить устойчивый экономический рост на протяжении более чем 10 лет, что может трактоваться как отрицательный накопительный эффект политики. Инструменты инвестиционной политики, а также усилия по изменению структуры российской экономики также оказались тщетны, несмотря на применяемые инструменты. Следовательно, цели к ним обнаруживали слабую чувствительность. Это будет эмпирически проиллюстрировано в следующем параграфе. Тем самым сила инструмента, длительность применения и возникающие при этом реакции важны для определения накопительного эффекта политики. «Распределённое управление» и накопительный эффект не принимаются во внимание в классической теории экономической политики. Тем самым предлагаемые и разрабатываемые автором позиции развивают в этом ключе данную экономическую теорию.

⁶ Источник: составлено автором.

ставки и дальнейший отток капитала, вызывающий девальвацию национальной валюты. Однако вытекающий из девальвации рост чистого экспорта повышает совокупный спрос, влияя на объём производства, что способствует увеличению процентной ставки. Общий итог денежной экспансии — увеличение продукта. Если при плавающем курсе возрастут государственные расходы либо снизятся налоги, то рост процентной ставки приведёт к притоку капитала в страну, национальная валюта укрепится, экспорт снизится, влияя в этом же направлении на величину ВВП [6–7].

Приведенное хрестоматийное объяснение нуждается во многих замечаниях, наиболее значимые из которых приведём ниже.

Во-первых, важно то, каков уровень исходной монетизации экономики страны. Если он очень низкий либо, наоборот, крайне высокий, то увеличение денежного предложения может оказаться таким, что либо сильно повлияет на процентную ставку (если монетизация низкая), либо значимо вообще не повлияет. В последнем случае вся цепочка рассуждений нарушается. Однако, и снижение процентной ставки может не сопровождаться оттоком капитала, таким, чтобы это сильно девальвировало национальную валюту и увеличило экспорт. Кстати, чувствительность экспорта к девальвации и зависимость от иных факторов также важна, что не учитывает модель Манделла-Флеминга. Например, в России процентная ставка всегда (два десятилетия) была относительно (среднемировой и западных стран) высока, но это не удерживало капитал внутри страны, величина оттока была в среднем высокой, в отдельные годы — сверхвысокой. При этом девальвация происходила только в годы кризиса и оставалась подталкиваемой процентной ставкой на значительную величину в 2–3 раза за сутки, которая затем понижалась очень медленно, тем самым блокируя инвестиции и развитие производства. Рост же экспорта и положительный чистый экспорт не определяли увеличение динамики ВВП.

Во-вторых, рост процентной ставки в России не приводил к значимому росту капитала в страну также за период 2000–2020 гг. Это подтверждается статистикой по ревальвации валюты. К тому же согласно модели Манделла-Флеминга фискальная политика может

выражаться в росте государственных расходов или снижении налогов, но механизмы и лаги влияния разные. Налоговые изменения — крайне сложные, и оценка их влияния не может быть однозначной, так как зависима от многих обстоятельств снижения налоговых ставок. Аналогичный анализ можно провести, когда валютный курс фиксированный. Также многие соотношения могут не наблюдаться на эмпирическом материале, так как влияют многие условия и факторы, которые исключены из рассмотрения изначально. Вместе с тем сам подход к тому, чтобы выяснять, когда инструменты проявляют силу, когда слабость, неявно, но заложен в модели — в привязке к условию режима валютного курса. При смене режима сила инструментов будет также меняться даже в рамках такой несовершенной модели. На практике она оказывается не такой даже при рассматриваемых режимах обменного курса, так как включаются многие иные факторы и связи, которые обозначены выше.

Уже этих двух позиций достаточно для того, чтобы усомниться в допущениях модели и вытекающей из неё оценке результативности монетарного и фискального инструментов макроэкономической политики. Тем не менее это не отменяет авторской позиции по роли накопительного эффекта и необходимости включать во внимание распределённое управление, пытаясь выявить то, как именно инструменты влияют на развитие различных секторов экономики.

При плавающем валютном курсе бюджетная политика слабо влияет на ВВП, а при фиксированном курсе похожую слабость показывает монетарная политика (следует из модели Манделла-Флеминга [7]). Накопительный эффект возникает при условии, что правительство применяет инструмент перманентно или многократно, причём возможен вариант, когда он начинает оказывать положительное действие, но затем оно исчерпывается и увеличивается нечувствительность данной цели к применяемому инструменту. С позиции авторской доктрины «распределённого управления» следует искать иную комбинацию инструментов — изменять подход в области макроэкономической политики. Если этого не происходит по идеологическим или иным причинам, то общий результат будет скорее отрицательным, демонстрируя

наличие соответствующего накопительного эффекта. Если чувствительность цели к инструменту не изменяется, можно говорить о нейтральности накопительного эффекта. При постановке цели экономического роста с одновременной целью снижения инфляции положительный накопительный эффект будет тем выше, чем выше отношение темпа роста ВВП к инфляции (при положительных величинах, когда имеется рост и отсутствует дефляция). Значение имеют лаги в применении инструмента, передаче воздействия на цель, а также изменении самой цели, которая может изменяться, например, с течением какого-то времени после осуществления воздействий — аналог применения лекарства при некоторых болезнях, когда облегчение и выздоровление наступают не сразу.

Если монетарную или бюджетную политику проводят с целью ускорить рост, но цель не достигается, а, наоборот, экономика движется от одной рецессии к другой (даже вызываемых иными причинами, не политикой), то можно говорить о снижении чувствительности целей к применяемым инструментам. Иные воздействия оказываются сильнее, а политика не может им противостоять.

В случае, когда влияют на одну из целей — снижают инфляцию, но при этом увеличения темпа роста не происходит либо темп понижается, тогда налицо разная чувствительность целей к применяемым инструментам. Это своеобразный конфликт целей, который не находит отражения в классической теории экономической политики, в связи с чем и требуется включить в неё доктрину «распределённого управления» и накопительный эффект.

Далее рассмотрим некоторый эмпирический материал по России, обнажающий наличие накопительного отрицательного эффекта в области общей макроэкономической, а также структурной политики и технологического развития, дадим подходы к тому, чтобы данный эффект элиминировать по названным целям политики.

2. Современная макроэкономическая политика в России: отрицательный накопительный эффект и его элиминирование. Проводимая макроэкономическая политика в России сегодня должна быть обусловле-

на введением фронтальных санкций, ограничивающих развитие страны. Она должна противостоять дестабилизации финансового рынка и банковской системы, валютного курса, элиминировать трудности функционирования различных секторов экономики под воздействием институциональных ограничений, а также вводить новые институциональные условия с тем, чтобы обеспечить как минимум снижение спада ВВП, как максимум — рост валового продукта страны. При этом нужно учитывать, как будут сказываться меры политики в новых условиях, если они тормозили развитие до всяких санкций, повторяясь многократно в виде монетарной и бюджетно-налоговой политики [3; 11].

Указанное обстоятельство говорит о наличии накопительного эффекта макроэкономической политики, если главная цель — рост ВВП желательным темпом — не достигается при использовании повторяющихся мер политики.

На рисунке 1 представлена структура вклада компонент ВВП в темп роста за период 2003 до 2022 года. Можно выделить два значимых этапа в экономическом росте. Первый — до 2008–2011 года, за исключением 2009-го, когда средний темп роста российской экономики превышал среднеевропейский темп роста и был вполне сопоставим с ростом китайской экономики. Второй период — начиная с 2013 года и вплоть до 2022 года, когда темп роста крайне низкий, причём вхождение в рецессии началось примерно с 2013 года. На всем интервале модель роста была потребительской, за исключением 2010–2011 годов, когда инвестиционные расходы давали основной вклад в темп роста.

Важно отметить, что в кризисные годы — 2009-й, 2014–2016-й, 2020-й — снижению динамики противостоял чистый экспорт, в то время как в первые два квартала 2022 года он также внёс отрицательный вклад в экономическую динамику по причине ограничивающих экспорт и импорт санкций. Однако по итогам 2022 года этот вклад, скорее всего, будет положительным, так как высокая цена на углеводороды и неэластичная кривая спроса на них обеспечили российским экспортёрам высокий доход и прибыль от поставок товара на рынок, и ограничения объёма положительно влияли на такой результат.

Стоит отметить по рисунку 1, что бюджетный механизм стимулирования экономического роста в России был крайне слабым на всем периоде. Его сила возросла в 2017, 2019–2020 годы (а также была аналогичной до 2008 года и в 2011–2012 годы), но возврат к умеренно-рестриктивной политике в монетарной сфере сказывался и на бюджетном проектировании, в связи с чем уже в 2021 году наблюдается опять ужесточение монетарной политики. Бюджетный механизм во влиянии на рост ослабевает. По существу, это и составляет проявление отрицательного накопительного эффекта политики⁷, когда меры политики сдерживают движение к цели — чувствительность цели к ним снижается.

Если к этому добавляются внешние воздействия в виде ограничивающих цель развития санкций, то это способно увеличить отрицательный накопительный эффект поли-

тики. Собственно говоря, санкции и вводятся для нанесения ущерба и обесценивания применяемых мер внутренней макроэкономической политики. Но и без них отрицательный накопительный эффект явно присутствовал, что видно по развитию 2012–2014 годов (рисунок 1). Кстати, в период 2000–2008 годов можно сказать, что темп роста был довольно высокий, а инфляция понижалась, причём монетизация экономики возрастала, а динамика цен на мировом рынке углеводородов была повышательной, как и на продовольствие, что создавало общие условия для роста экономики с возрастающей сырьевой ориентацией и такой же прогрессирующей импортной зависимостью.

Однако при этом не изменялась структура экономики. Более того, на указанном периоде роста сформировалась модель структурной деградации, но на определённое время был

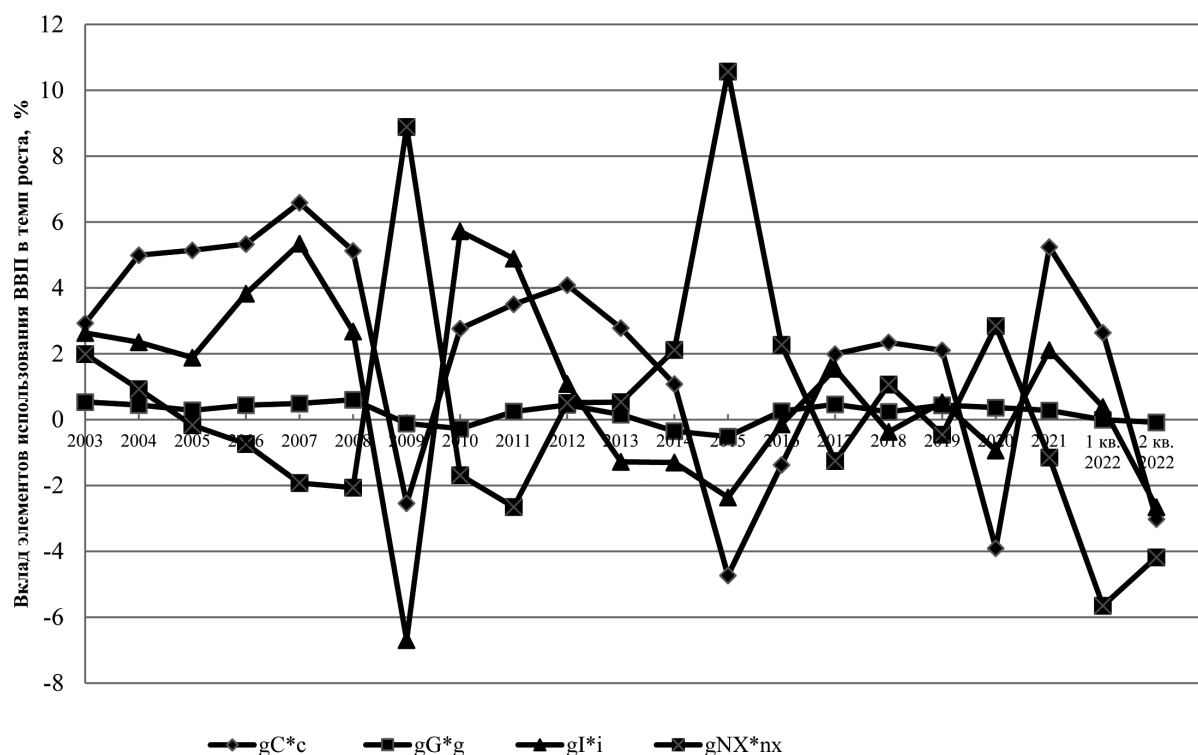

Рис. 1. Вклад компонент ВВП в его рост, 2003–2022 гг.⁸
 Fig. 1. Contribution of GDP components to its growth, 2003–2022

⁷ Публичные выступления академика С.Ю. Глазьева в 2022 году подтверждают, что при соответствующей политике Россия могла в принципе избежать спада на 2,7% ВВП в 2022 году, который оценивается сейчас как наиболее вероятный статистическими центрами при правительстве РФ. Следовательно, возврат к прежним процедурам и методам организации макроэкономической политики отражает отрицательный накопительный её эффект по достижению главной цели — роста ВВП.

⁸ Источник: расчет автора по данным Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

обеспечен рост этой неэффективной в стратегическом измерении структуры хозяйства. Затем он закономерно сменился стагнацией и повторяющимися рецессиями со слабым ускорением роста ВВП и актуализацией задачи смены модели роста.

Применяемые мероприятия политики — макроэкономической и промышленной — не позволили изменить эту хозяйственную структуру. Инструменты по-разному влияли на элементы структуры, представимой в виде технологических укладов или секторов экономики [3; 11]. Однако распределённое влияние никак не учитывалось [10] при изменении проводимой политики, как и чувствительность цели к инструментам, в качестве которых можно рассматривать: процентные ставки, денежную массу, бюджетные расходы, фонд национального благосостояния, ресурсы банков, валютный курс, резервы, государственный долг, смену институциональных условий по каждому сектору экономики отдельно и т.д. Эти инструменты применялись в общем плане, а иные не были задействованы как ресурс на развитие (ФНБ,

валютные резервы, ресурсы банковского сектора, государственный долг). Вместе с тем они указывались как имеющийся ресурс, способный быть вовлечённым в экономическое развитие для достижения цели новой модели роста. Отметим, что это вряд ли даст ощутимый результат, поскольку перечисленные ресурсы — это уже созданный и ранее выведенный из экономики доход, который согласно таким предложениям пытаются наконец задействовать, то есть как-то использовать для цели развития — роста ВВП. Однако новая модель роста — это не просто повышение динамики ВВП, а изменение качества этой динамики, чего без структурного перемещения ресурсов между секторами достичь невозможно. Следовательно, перечисленные выше макроэкономические меры, не принимающие во внимание чувствительность главной цели и элементов структуры к данным мерам, окажутся паллиативами, способными лишь на некий период подтолкнуть экономику до следующей рецессии, не более того.

Рисунок 2 отражает структуру технологически укладов в России, которая сформирова-

Рис. 2. Рентабельность, риск и инвестиции в технологических укладах экономики России (общая схема), 2011–2019 гг.⁹

Fig. 2. Profitability, risk and investment in the technological structures of the Russian economy (general scheme), 2011–2019

⁹ Источник: составлено автором на основе предыдущих исследований (см.: Сухарев О.С. «Ковидный» кризис, экономический рост и политика развития новых технологических укладов (часть 2). Инвестиции в России, 2021. №6. С. 10).

лась и не меняется на протяжении многих лет, показывая доминирование 1–3-го агрегированного уклада при скромных позициях 4-го уклада и довольно сжатом 5-м укладе (не более 12–14% валовой добавленной стоимости, создаваемой в России). Обратим внимание, что рентабельность 5-го уклада высока, относительно 4-го, сопоставима с 1–3-м агрегированном укладом, но риск много меньше, чем в 1–3-м и 4-м укладе. Инвестиции в 5-й уклад значительно меньше, чем в 1–3-й и даже в 4-й укладе, который более рискован и менее рентабелен. Этот феномен интересен не только тем, что может оказаться зависим от того, как выделены уклады (для российской экономики причина не в этом), а в том, каково состояние и масштаб видов деятельности, слагающих уклад, а также мотивы и возможности инвестирования. Именно учёт подобных структурных свойств и соотношений требуется принимать во внимание, формируя меры макроэкономической и структурно-промышленной (отраслевой) политики, и именно этот вопрос уходит из поля внимания современных плановиков и проводников макроэкономической политики.

Изменяя процентную ставку или денежную массу, влияя на валютный курс и распределяя ресурсы ФНБ, бюджетные расходы или мотивируя вкладывать банки, требуется выявлять причины сформировавшейся структуры и возможные реакции видов деятельности, слагающих каждый уклад на изменения макроэкономических инструментальных параметров. Когда пренебрегают показанными нюансами, скорее всего, отрицательный накопительный эффект политики, по крайней мере, по структурным целям развития будет наиболее вероятен. Возникающий вследствие стимулирующих мер политики экономический рост будет осуществлять сформиро-

вавшаяся структура, и сказать, изменится ли она в процессе роста, весьма проблематично, поскольку не ясны основания такой трансформации только по причине роста.

Рисунок 3 демонстрирует перемещение труда и капитала из обрабатывающих в транзакционно-сырьевые секторы российской экономики вплоть до 2021 года.

Как видим (рисунок 3), изменение величины основных фондов происходило в пользу транзакционных и сырьевых секторов¹⁰, а отток труда из обработки наблюдался в пользу этих же секторов на протяжении всего рассмотренного отрезка времени, только с разной интенсивностью (скоростью). Такое преимущественное развитие сервисной экономики не может дать больших темпов роста, особенно если сопровождается деградацией обработки и повышением импортной зависимости российской экономики, что и наблюдалось на рассматриваемом периоде времени, хотя после принятия программ замещения импорта в 2015 году эта зависимость понизилась, но не настолько значимо и не за счёт опережающего развития обрабатывающих секторов.

Таким образом, можно утверждать, что макроструктурные изменения не позволяли повысить чувствительность к стандартным методам макроэкономической политики тех целей, которые были актуальны для российской экономики — повышения темпа роста и качества модели роста. Структурной трансформации не наблюдалось, как и значимого повышения темпа роста, который был бы устойчивым. Эмпирические демонстрации подтверждают наличие отрицательного накопительного эффекта макроэкономической политики, проявляемого не только на уровне монетарного инструмента [2] или иных видов политики [11], но и экономической политики

¹⁰ В состав обрабатывающего сектора входят виды деятельности: обрабатывающие производства; строительство. В состав транзакционно-сырьевого сектора входят виды деятельности: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг. В сумме оба агрегированных сектора по ОКВЭД дают валовую добавленную стоимость страны.

в целом, включая и отраслевые приложения. Тем самым наличие сложных обратных связей повышает требования к аналитическому обоснованию инструментов политики, их дифференциации в привязке к элементам экономики с учётом их реакции на воздействия, а также чувствительности всего набора релевантных целей хозяйственного развития. Принципа эффективной классификации явно недостаточно, поскольку важна сила инструмента, повторяемость его применения и другие обстоятель-

ства. Элиминировать отрицательный накопительный эффект можно за счёт модификации цели развития и аналитического обоснования применяемых инструментов, влияющих именно на данную цель. Ограничения числа инструментов также явно недостаточно, так как меньшим числом инструментов, если их сила и адекватность выше, можно достичь большего числа целей, хотя в современной макроэкономической политике, как сложилась практика её планирования и проведения, применя-

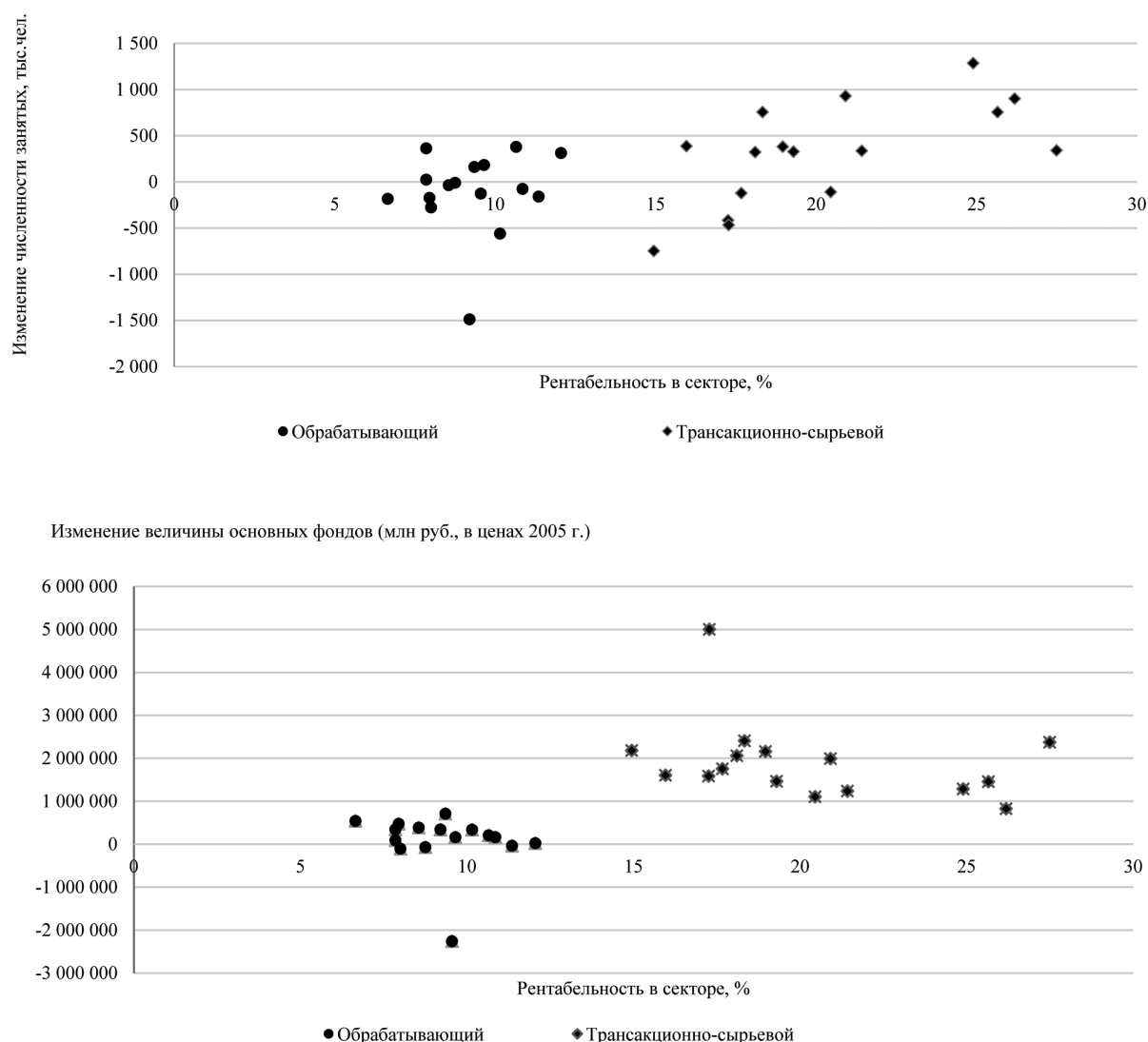

Рис. 3. Перемещение труда (вверху) и капитала (внизу) в ценах 2005 года между секторами в России, 2006–2021 гг.¹¹
Fig. 3. Movement of labor (above) and capital (below) in 2005 prices between sectors in Russia, 2006–2021

¹¹ Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force, https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/finans/fin12_bd.htm, https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/osnfond/nalved2.htm.

ется весь имеющийся в арсенале правительства инструментарий, причём одновременно. Это повышает неопределённость результата и усложняет анализ уровня влияния тех или иных мер, оценку их результативности. Только такими подходами можно изменить чувствительность цели к инструментам. Замена инструмента выступает одним из важнейших способов, особенно, если цель перманентно и длительно не достигается при наличии явного отрицательного накопительного эффекта политики. Кроме этого, можно изменить парадигму проводимой экономической политики, что приводит к смене целого набора методов регулирования и подходов в области характера воздействий на цели развития, например, от неолиберальной модели политики перейти к политике организации и авансирования экономического роста. Либо от стереотипных подходов, приводящих к короткому росту до следующего кризиса за счёт выведенной ранее части дохода (фонд национального благосостояния, валютные резервы, государственный долг) осуществлять структурную трансформацию с привлечением ресурса, избыточно сосредоточенного в ряде секторов (сервисных). Изменение силы инструментов также возможно, но при соответствующем аналитическом обосновании, в частности более радикальное снижение процентных ставок за какой-то период либо ввод дифференцированных ставок, поощряющих перемещение ресурсов между экономическими секторами. Конечно, эти примеры не ограничивают возможности элиминирования отрицательного накопительного эффекта политики.

Заключение. Подводя итог проведенному анализу, отметим наиболее важные результаты.

Во-первых, ни «критика Лукаса» [13; 16], ни правило Тинбергена и его подтверждение в некоторых, кстати, весьма немногочисленных исследованиях [15; 17; 19], ни «эффективная рыночная классификация» Манделла [6–7], тем более, наличие технологических и структурных факторов и целей развития [8; 14] не позволяют получить адекватную модель связи целей развития и инструментов политики. Они избегают представлений о накопительном эффекте макроэкономической политики, что приводит к упрощению свя-

зи целей друг с другом, факторов влияния, а также инструментов воздействия между собой и с целями. Теряется важное свойство управления, что воздействие может распространяться по экономической структуре с разной силой, а это означает распределённое влияние каждого инструмента по хозяйственным элементам. При этом сила самого инструмента может изменяться. Особый интерес здесь вызывает ситуация, когда эта сила ослабевает относительно конкретной цели, то есть возникает накопительный отрицательный эффект политики, или возрастает по другой цели (положительный накопительный эффект политики).

Во-вторых, модель Манделла-Флеминга выступает рельефной демонстрацией наличия отрицательного и положительного накопительного эффекта для каждого инструмента политики — монетарного и фискального (бюджетно-налогового). В связи с тем, что условия модели на практике не соблюдаются, могут возникать иные ситуации сильного и слабого влияния того или иного инструмента. Ни одна теория экономической политики не умеет разделить влияние всего набора политических инструментов, чтобы дать точную оценку влияния.

В-третьих, в российской экономике, для которой экономической рост выступает базовой целью, макроэкономическая политика обнаруживает отрицательный накопительный эффект, так как не удаётся обеспечить устойчивый темп роста на протяжении значительного отрезка времени. При этом секторальная структура экономики, как доказывает анализ, а также технологические и инновационные характеристики остаются без изменений, что подтверждает наличие отрицательного накопительного эффекта проводимой одними и теми же методами макроэкономической политики.

Таким образом, чтобы выявлять эффекты проводимой макроэкономической политики, чтобы преодолевать негативные аспекты развития, в частности отрицательный накопительный эффект, требуется использовать эффективную рыночную классификацию как принцип привязки инструмента к цели. Чем точнее выполнена такая привязка, тем правдоподобнее оценка может быть осуществлена по указанному виду эффекта. Кроме этого, необходимо использовать «принцип

исправления», когда требуется рассмотреть альтернативы управления и новый механизм воздействия, который может обнаружить положительный накопительный эффект в течение относительно короткого времени, изменяя цели развития в требуемом направлении.

Список источников

1. Анчишкин А.И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста. М.: Макс-Пресс, 2003. 300 с.

2. Глазьев С.Ю., Сухарев О.С., Афанасьева О.Н. Монетарная политика России: негативный накопительный эффект в рамках неоклассической модели и его преодоление // Микроэкономика. 2022. №2. С. 5–38.

3. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

4. Кругман П. Депрессии — это нечто иное // Экономика для любознательных. О чём размышляют Нобелевские лауреаты. М.: Институт Гайдара, 2017. С. 24–35.

5. Лукас Р. Лекции по экономическому росту. М.: Издательство института Гайдара, 2013. 288 с.

6. Манделл Р. Выбор экономической политики для достижения внутреннего и внешнего равновесия // Этот изменчивый валютный курс. Сборник статей. М.: Дело, 2001. С. 155–164.

7. Манделл Р. Проблема кризисов // Евродитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон. Сборник статей. М.: Дело, 2002. С. 117–126.

8. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. 232 с.

9. Смит В. Переосмысление экономики: классическое понимание // Экономика для любознательных. О чём размышляют Нобелевские лауреаты. М.: Институт Гайдара, 2017. С. 40–53.

10. Сухарев О.С. Распределенное управление как расширение принципа «цели-инструменты» экономической политики // Управленческие науки. 2021. №11(1). С. 6–19.

11. Сухарев О.С. Выбор модели экономического роста: планирование развития при накопительном эффекте политики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегод-

ник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием. Отв. редактор В.И. Герасимов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 266–271.

12. Хэлпман Э. Загадка экономического роста. М. Издательство института Гайдара, 2011. 240 с.

13. Blanchard O. The Lucas Critique and Volcker Deflation // American Economic Review. 1984. Vol. 74(2), May. P. 211–215.

14. Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P. The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // *Economia*. 2017. Vol. 18. Issue 3. P. 392–410.

15. Hallett A., Acocella N., Di B. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations // *Journal of Macroeconomics*. 2010. Vol. 32. Issue 1. P. 55–67.

16. Lucas R. Econometric policy evaluation a critique // *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*. 1976. Vol. 1. Issue 1. P. 19–46.

17. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule // *Latin American Journal of Central Banking*. 2021. Vol. 2. Issue 1. P. 100026.

17. Tinbergen J. The Duration of Development. *Journal of Evolutionary Economics*. 1995. Vol. 5(3). P. 333–339.

18. Tinbergen J. *Economic Policy: Principles and Design* North-Holland. 1956. 276 p.

References

1. Anchishkin A.I. Prognozirovanie tempov i faktorov jekonomicheskogo rosta [Forecasting the rates and factors of economic growth]. Moscow: Maks-Press, 2003. 300 p. (In Russ.).

2. Glaz'ev S. Ju., Suharev O. S., Afanas'eva O. N. Monetarnaja politika Rossii: negativnyj nakopitel'nyj jeffekt v ramkah neoklassicheskoy modeli i ego preodolenie [Monetary policy of Russia: negative cumulative effect within the neoclassical model and its overcoming]. *Mikro-jekonomika* [Microeconomics]. 2022; (2): 5–38. (In Russ.).

3. Glaz'ev S. Ju. Ryvok v budushhee. Rossiya v novykh tehnologicheskomy i mirohozjajstvennom ukladah [A leap into the future. Russia in new technological and world economic

structures]. Moscow: Knizhnyj mir, 2018. 768 p. (In Russ.).

4. Krugman P. Depressii — jeto nechto inoe [Depressions are something else]. Jekonomika dlja ljuboznatel'nyh. O chjom razmyshljajut No-belevskie laureaty [Economics for the curious. What Nobel Laureates are thinking about]. Moscow: Institut Gajdara, 2017. P. 24–35. (In Russ.).

5. Lukas R. Lekcii po jekonomicheskomu rostu [Lectures on economic growth]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2013. 288 p. (In Russ.).

6. Mandell R. Vybor jekonomicheskoy politiki dlja dostizhenija vnutrennego i vneshnego ravnovesija [The choice of economic policy to achieve internal and external equilibrium]. Jetot izmenchivyy valjutnyj kurs. Sbornik statej [This volatile exchange rate. Collection of articles]. Moscow: Delo, 2001. P. 155–164. (In Russ.).

7. Mandell R. Problema krizisov [The problem of crises]. Evroditja Mandella? Teorija optimal'nyh valjutnyh zon. Sbornik statej [Eurodit Mandella? The theory of optimal currency zones. Collection of articles]. Moscow: Delo, 2002. P. 117–126. (In Russ.).

8. Peres K. Tehnologicheskie revoljucii i finansovyj kapital. Dinamika puzyrej i periodov procvetanija [Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity]. Moscow: Delo, 2011. 232 p. (In Russ.).

9. Smit V. Pereosmyslenie jekonomiki: klassicheskoe ponimanie [Rethinking economics: Classical understanding]. Jekonomika dlja ljuboznatel'nyh. O chjom razmyshljajut No-belevskie laureaty [Economics is for the curious. What the Nobel laureates are thinking about]. Moscow: Institut Gajdara, 2017. P. 40–53. (In Russ.).

10. Suharev O.S. Raspredelennoe upravlenie kak rasshirenie principa «celi-instrumenty» jekonomicheskoy politiki [Distributed management as an extension of the principle of «goals-tools» of economic policy]. Upravlencheskie nauki [Managerial Sciences]. 2021; 11(1): 6–19. (In Russ.).

11. Suharev O.S. Vybor modeli jekonomicheskogo rosta: planirovanie razvitija pri nakopitel'nom jeffekte politiki [Choosing a model of economic growth: development planning with the cumulative effect of policy]. Rossiya: tendencii i perspektivy razvitija. Ezhegodnik. Materialy XXI Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Otv. redaktor V.I. Gerasimov [Russia: trends and prospects of development. Yearbook. Materials of the XXI National Scientific Conference with international participation. In V.I. Gerasimov (eds.)]. Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN, 2022. P. 266–271. (In Russ.).

12. Hjelpman Je. Zagadka jekonomicheskogo rosta [The Riddle of economic growth]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gajdara, 2011. 240 p. (In Russ.).

13. Blanchard O. The Lucas Critique and Volcker Deflation // American Economic Review. 1984. Vol. 74(2), May. P. 211–215.

14. Gabardo F.A., Pereima J.B., Einloft P. The incorporation of structural change into growth theory: A historical appraisal // EconomiA. 2017. Vol. 18. Issue 3. P. 392–410.

15. Hallett A., Acocella N., Di B. Policy games, policy neutrality and Tinbergen controllability under rational expectations // Journal of Macroeconomics. 2010. Vol. 32. Issue 1. P. 55–67.

16. Lucas R. Econometric policy evaluation a critique // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1976. Vol. 1. Issue 1. P. 19–46.

17. Peña R. Should monetary policy lean against the wind in a small-open economy? Revisiting the Tinbergen rule // Latin American Journal of Central Banking. 2021. Vol. 2. Issue 1. P. 100026.

17. Tinbergen J. The Duration of Development. Journal of Evolutionary Economics. 1995. Vol. 5(3). P. 333–339.

18. Tinbergen J. Economic Policy: Principles and Design Norn-Holland. 1956. 276 p.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.

The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing on 22.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Oleg S. Sukharev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 316.546

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-182-194

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ КАК ФАКТОР ДОСТИЖЕНИЯ БАЛАНСА СОЦИАЛЬНОЙ И ТРУДОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ И УДЕРЖАНИЯ РАБОТНИКОВ В ОТЕЛЯХ

Сара Хасан

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
shasan@sfedu.ru; Sarahasan11393@gmail.com, ORCID: 0009-0005-3155-3104

Аннотация. *Цель исследования* — определение условий и вариантов согласования противоречивых интересов руководства и работников арабских отелей, способов удержания сотрудников и достижения баланса социальной и трудовой компонент в системе их отношений на основе анализа одного из определяющих факторов — удовлетворенности трудом.

Методологическая база исследования представлена конвергенцией ряда теорий и концепций экономики труда, в том числе регулирования социально-трудовых отношений, системного и ресурсно-результативного подходов.

Результаты исследования. Под влиянием текущих кризисных факторов и во многом обусловленных ими внутренних проблем в системе социально-трудовых отношений в организациях туристической сферы (в частности отелях) арабских стран в последние годы в их индустрии гостеприимства текучесть кадров стала большой проблемой, что требует реализации комплекса мер по удержанию имеющейся и найму новой рабочей силы. Для этого в исследовании на примере Катара изучаются такие сопряженные с данной проблемой вопросы, как удовлетворенность работой, стимулы, продвижение по службе, формирование привлекательной рабочей среды и внедрение различных механизмов поддержки работников со стороны руководителей для удержания сотрудников в отелях. Результаты исследования показали, что продвижение по службе является наиболее влиятельным аспектом удовлетворенности работой для удержания сотрудников, за ним следуют рабочая среда, стимулы и поддержка руководителя. В статье рекомендуется пересмотреть политику, связанную с поощрениями и вознаграждениями, чтобы они были больше связаны с объективной оценкой эффективности деятельности работников. Важно также сосредоточить внимание лиц, отвечающих за управление кадрами отелей, на улучшении координации между различными отделами и повышении уровня связи между ними, чтобы обеспечить рабочий процесс с требуемой эффективностью, и, наконец, сосредоточить внимание на обучении менеджеров и руководителей для создания хороших отношений со своими подчиненными и поддержания устойчивости этих отношений.

Перспективы исследования заключаются в разработке и апробации подхода к достижению баланса интересов в рамках всей системы социально-трудовых отношений в сфере гостиничной индустрии.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения в отелях, удовлетворенность работой, текучесть кадров, удержание работников, гостиничный сектор Катара, баланс социальной и трудовой составляющих

Для цитирования: Хасан Сара. Удовлетворенность трудом как фактор достижения баланса социальной и трудовой составляющих и удержания работников в отелях // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 182–194. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-182-194>.

Original article

LABOR SATISFACTION AS A FACTOR IN ACHIEVING A BALANCE OF SOCIAL AND LABOR COMPONENTS AND RETENTION OF EMPLOYEES IN HOTELS

Sara Hasan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
shasan@sfsedu.ru; Sarahasan11393@gmail.com, ORCID: 0009-0005-3155-3104

Abstract. *The purpose of the study is to determine the conditions and options for coordinating the conflicting interests of management and employees of Arab hotels, how to keep employees and achieve a balance of social and labor components in the system of their relations based on an analysis of one of the determining factors — labor satisfaction.*

The methodological base of the study is represented by the convergence of a number of theories and concepts of labor economics, including the regulation of social and labor relations, system and resource-efficient approaches.

Study results. *Pod the influence of current crisis factors and, in many respects, internal problems in the system of social and labor relations in tourism organizations (in particular, hotels) of Arab countries, in recent years in their hospitality industry, staff turnover has become a big problem, which requires the implementation of a set of measures to retain existing and hire new labor. To do this, a study using the example of Qatar examines issues related to this problem, such as job satisfaction, incentives, promotion, the formation of an attractive working environment and the introduction of various mechanisms for supporting employees from managers to keep employees in hotels. The results of the study showed that promotion is the most influential aspect of job satisfaction to retain employees, followed by a work environment, incentives and executive support. The article recommends that the policy related to incentives and rewards be revised so that they are more related to an objective assessment of the performance of workers. It is also important to focus the people in charge of hotel human resources management on improving coordination between the different departments and increasing the level of communication between them to ensure the workflow with the required efficiency. And finally, focus on training managers and executives to create good relationships with their subordinates and maintain the sustainability of those relationships.*

The prospects of the study are to develop and test an approach to achieving a balance of interests within the entire system of social and labor relations in the hotel industry.

Keywords: *social and labor relations in hotels, job satisfaction, staff turnover; retention of employees, Qatar's hospitality sector, balance of social and labor components*

For citation: *Hasan Sara. Labor Satisfaction as a factor in achieving a balance of social and labor components and retention of employees in hotels // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 182–194. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-182-194>.*

Введение. Сектор гостеприимства в странах туристического профиля является особой подотраслью сферы услуг, которая не только предоставляет услуги своим гостям, но является бюджетообразующей, поскольку оказывает большое влияние на размер валового внутреннего дохода государства. Это в полной мере относится к странам арабского мира, где индустрия гостеприимства является также сферой трудоустройства, выполняя для этих стран большую социальную функцию. При этом данной отрасли постоянно требуется рабочая сила, способная удовлетворять высокие требования гостей как в условиях стабильности, так и в кризисные периоды, такие как пандемия коронавируса. В арабских странах туризм — одна из самых крупных и быстрорастущих отраслей, для многих из них она является многоотраслевой (собственно туризм, пищевая промышленность, транспорт, разного рода сопряженные услуги) и одновременно профилирующей в целом ряде стран этого региона мира, то есть в значительной степени определяющей и влияющей на макроэкономические показатели этих стран: например, в ОАЭ туристическая индустрия фактически является второй после нефтегазовой промышленности. Данные обстоятельства свидетельствуют о многообразии профессиональных профилей и качеств работников, обслуживающих функционирование организаций данного сектора экономики.

Это определяет актуальность перманентного изучения факторов поддержания и развития трудового потенциала в сфере туристического бизнеса — главного фактора доходности отелей. Последнее является совершенно очевидным, учитывая специфику гостиничного бизнеса, включая наличие большого числа туристско-рекреационных кластеров и особенности организации и использования их трудового потенциала [15; 7; 5; 3; 20; 18]. Однако есть также более сильные внешние факторы (мировой кризис), определяющие не только

устойчивость функционирования туристических компаний и их доходность, но, как следствие, прибыльность данного сектора в целом и рост экономики страны. Отмеченный многоотраслевой характер туристической сферы наглядно показан на рисунке 1.

Все эти обстоятельства определяют важность научного обоснования и идентификации факторов, которые оказывают наибольшее влияние на удержание работников в системе гостиничной индустрии и на привлечение новых, соответствующих повышенным требованиям по качеству обслуживания клиентов, в том числе молодых инициативных кадров [21].

Материалы и методы. Для проведения исследования, ориентированного на определение направлений эффективной гостиничной политики, связанной с сохранением необходимого состава и количества постоянно востребованных работников, а также привлечение дополнительного контингента в соответствии с изменением масштаба и качества предоставляемых услуг, в исследовании использовались методы динамического анализа и оценки взаимосвязей и взаимообусловленности факторов удовлетворенности трудом и удержания работников в отелях арабского мира с учетом их специфики.

Верификация данного методического инструментария осуществлялась с использованием официальной статистики, представленной на сайтах, содержащих информацию о динамике экономики Объединенных Арабских Эмиратов и их туристической сферы¹.

Поскольку под воздействием множества перечисленных факторов текучесть кадров в туристических организациях является в настоящее время серьезной проблемой во всем мире для большого числа стран, обладающих рекреационным потенциалом, ее решение требует не только новых методов, инструментария и управленческих подходов к удержанию и привлечению работников, но также допол-

1 Макроэкономические исследования [Электронный ресурс]. Экономика ОАЭ. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/profile/ae.html>; Объединенные Арабские Эмираты — экономические показатели [Электронный ресурс] // Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/united-arab-emirates/indicators>; Экономика ОАЭ: рост и развитие на 2020–2030 годы [Электронный ресурс] // UAE-Consulting. URL: <https://www.uae-consulting.com/infocentr/uae-dubai-business-company-economy-growth-development-2020-2030>; Доха — первая арабская страна, в которой работает отель [Электронный ресурс] // Аль-Ватан. 2021. URL: <https://www.al-watan.com/article/281220/ECS>.

нительных больших расходов. Они включают, в частности, затраты на «рекламу вакансий, собеседования, найм, обучение новых работников, снижение потерь их производительности и неэффективности» [1, с. 107] ввиду недостаточной квалификации и др.

Рассмотрение этих многоаспектных задач в системе социально-трудовых отношений в гостиничной индустрии потребовало использования системного (для одновременного учета всех факторов), кибернетического (для осуществления целеориентированного управления кадрами отелей с обратной связью), а также ресурсно-результативного подходов. Такой методологический прием позволяет, во-первых, реально оценивать

эффективность использования имеющегося трудового потенциала в отелях; во-вторых, определять направления и варианты его наращивания в будущем.

«Удовлетворенность трудом» как фактор удержания работников и достижения баланса социальной и трудовой компонент в арабских отелях. Как известно, сектор услуг (в том числе туристических) наиболее остро ощутил на себе влияние коронакризиса, особенно в арабском мире, что хорошо видно в сравнительном контексте с другими странами и мировой экономикой в целом (рис. 2).

Для формирования адаптированной к кризисным явлениям политики руководс-

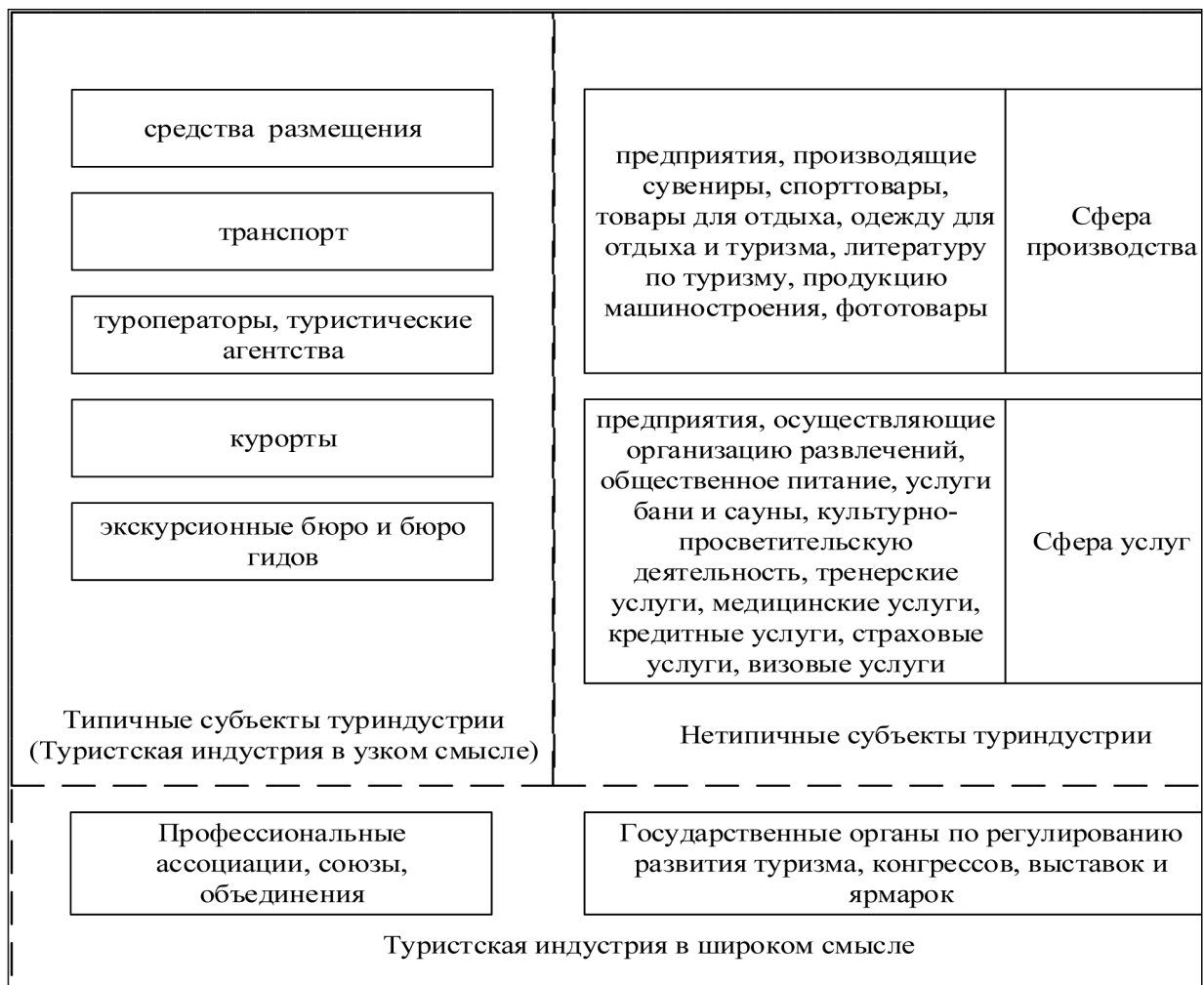

Рис. 1. Туризм — многоотраслевой производственный комплекс²

Fig. 1. Tourism — a diversified industrial complex

² Экономика ОАЭ: рост и развитие на 2020–2030 годы [Электронный ресурс] // UAE-Consulting. URL: <https://www.uae-consulting.com/infocentr/uae-dubai-business-company-economy-growth-development-2020–2030>.

тва гостиничным бизнесом необходима активная и мобильная рабочая сила, обладающая достаточными профессиональными способностями, для скорейшей переориентации и адаптации к внешним негативным явлениям. Кроме того, следует отметить, что и в периоды стабильности сфере туристических услуг требуется не менее сильная и квалифицированная рабочая сила, чтобы справиться с потребностями гостей и запросами рынка. И первая, и вторая ситуации делают индустрию гостеприимства достаточно трудоемкой. В то же время реальной практикой последних лет тестируется тот факт, что текучесть кадров стала частью задачи отрасли по удержанию имеющихся работников и найму новых кадров, соответствующих возрастающим (в связи с высокой конкуренцией, обострившейся в кризисные годы) требованиям сферы услуг.

Специалистами в области туристической деятельности текучесть кадров/персонала отелей рассматривается как «отношение числа рабочих, которые должны были быть заменены в данный период времени, к средней численности рабочих или служащих» [9, с. 83]. Для компаний и организаций, таких как субъекты гостиничного бизнеса, менеджмент должен стремиться «поддерживать вы-

сокий уровень удержания сотрудников» [6, с. 50], поскольку это для них имеет решающее значение. Данный факт объясняется тем, что отдельные клиенты (физические лица и компании) часто предпочитают получать услуги от определенных лиц того или иного отеля, так как со временем привыкают к ним, но руководству может быть достаточно сложно их удержать по разным причинам. Так, например, работники гостиничного сектора могут прекратить трудовые отношения с компанией в любое время, если работодатели не вознаградят их справедливо (с точки зрения выплаты заработной платы и возможных надбавок) с учетом «фактических трудовых усилий работников, а также будущих перспектив их продвижения по службе и возможностей обучения» [17, с. 2]. Это создает своего рода вызов гостиничной индустрии в контексте «нехватки сотрудников с навыками и знаниями, необходимыми для удовлетворения потребностей клиентов, хотя количество сотрудников, работающих в этой отрасли, уже велико» [10, с. 437] и возникающих противоречий. Следовательно, с одной стороны, вакантные должности не могут быть заполнены, потому что «имеющиеся сотрудники не могут соответствовать требуемому уровню квалификации, и эти должности остаются открытыми

Страна	2015–2019 В среднем за год	2020–2021 Во время пандемии	2022
ОАЭ	+3,0%	-4%	+4,2%
Развитые страны	+2,1%	0%	+3,3%
Мировая экономика	+3,4%	+2,8%	+3,6%

Рис. 2. Сравнительная динамика экономики ОАЭ и других стран в период 2015–2022 гг.³
Fig. 2. Comparative dynamics of the economy of the UAE and other countries in the period 2015–2022

³ Горчакова С. Жизнь в ОАЭ: главное о стране для тех, кто хочет переехать [Электронный ресурс] // Иммигрант инвестирует. 2022. URL: <https://immigrantinvest.com/ru/blog/life-in-uae/>.

из-за низкой заработной платы и/или неподходящего рабочего дня» [19, с. 543]. С другой стороны, возможна ситуация высокой потребности в работниках определенной категории и требуемых профессиональных качеств, но при этом существует дефицит вакансий.

Таким образом, речь идет о так называемом «обороте в гостиничном бизнесе», который, как показывают исследования, является естественным аспектом гостиничной индустрии. Существующие примеры свидетельствуют о том, что текучка кадров в отелях происходит тогда, когда имеется неудовлетворенность работой. Удовлетворенность работой — это определенное и установленное в каждой конкретной организации отношение к работе; и удовлетворение от работы требуется всем работникам. Сотрудники, которые в относительно большей степени удовлетворены своей работой, реже отсутствуют и будут дольше оставаться на своих рабочих местах по сравнению с наименее удовлетворенными сотрудниками. Таким образом, удовлетворенность работой («удовлетворенность трудом») становится одним из определяющих факторов удержания работников в компании и достижения баланса интересов социальной и трудовой компонент в общей системе социально-трудовых отношений в коллективе. Удовлетворенность трудом как особая категория «определяется множеством факторов: самой работой, заработной платой или окладом, ростом и восходящей мобильностью, надзором, отношениями с коллегами и отношением к работе» [12, с. 21].

Рассмотрим наиболее значимые факторы удовлетворенности трудом работников арабских отелей, что позволит выявить направления управляющих воздействий со стороны руководства.

Определение удержания сотрудников. Удержание сотрудников определяется как «обязательство продолжать работать с конкретной организацией на постоянной основе» [17, с. 2]. Удержание сотрудников также определяется как «усилия, предпринимаемые компанией или организацией для разработки стратегий и инициатив, поддерживающих удержание ее нынешних сотрудников» [8, с. 1]. В соответствии с этим фактором удовлетворенность работой определяется так же, как оценка человеком своей работы и контекста

своей работы. Это положительное или отрицательное отношение к внутренним или внешним аспектам работы человека. К общим аспектам удовлетворенности работой относятся: заработная плата, стимулы и вознаграждения, коллеги, оценка организацией усилий сотрудника, условия труда, продвижение по службе, надзор и политика или процедуры организации.

Ключевые детерминанты удовлетворенности работой сотрудников отелей можно представить следующим образом.

1) *Сама работа.* Характер выполняемой работы, ее объем, специфика (в разрезе потребностей гостиничного бизнеса) оказывают большое влияние на общую удовлетворенность работой. Работники, считающие свою работу однообразной, не вызывающей затруднений или скучной, как правило, менее удовлетворены своей работой.

2) *Оплата труда или заработная плата.* Общая удовлетворенность работой будет оцениваться, как невысокая, если заработная плата, полученная работником, неудовлетворительна. Сотрудники, которые не удовлетворены своей заработной платой, не будут выполнять свою работу хорошо или в полной мере.

3) *Рост и восходящая мобильность.* Степень удовлетворенности сотрудника наличием возможностей для роста своих профессиональных качеств, или так называемого потенциала для восходящей мобильности (условия для карьерного роста), может оказывать существенное влияние на удовлетворенность работой.

4) *Надзор.* Надзор, который испытывает на себе персонал гостиницы со стороны менеджмента разного уровня, безусловно, является сильным фактором влияния на удовлетворенность работой. Отношения между работодателем и работником очень важны для поддержания устойчивого баланса социальной и трудовой составляющих системы социально-трудовых отношений в отеле, чтобы работники были довольны своей деятельностью в конкретном отеле и не рассматривали варианты смены места работы.

5) *Коллеги.* Коллеги работника по совместной деятельности в гостиничном бизнесе и отношения с ними также влияют на общую удовлетворенность работой. Сотрудники, которые плохо работают и имеют хорошие че-

ловеческие отношения с другими коллегами, получают меньше удовлетворения по сравнению с теми, у кого хорошие человеческие отношения. Кроме того, удовлетворенность клиентов также поддерживается удовлетворенностью работой сотрудников.

В целом удовлетворенность работой сотрудников отелей влияет на текучесть кадров, невыходы на работу и производительность (рис. 3).

Таким образом, удовлетворенность работой напрямую влияет на удержание сотрудников в отелях, то есть на сохранение востребованной рабочей силы. Результаты анализа данной проблемы показали, что во многих исследованиях обсуждается взаимовлияние этих важных составляющих социально-трудовых отношений. В ряде этих исследований авторы показали, что «удовлетворенность работой положительно влияет на удержание сотрудников, поскольку удовлетворение повышает мотивацию сотрудников оставаться в организации, в которой они работают» [16, с. 129]. Кроме того, удовлетворенность работой снижает намерение сотрудников уйти с работы и таким образом снижает текучесть кадров. Сотрудники, которые чувствуют высокий уровень удовлетворенности, с меньшей вероятностью покинут свою текущую работу, следовательно, «удовлетворенность

работой может способствовать сохранению стабильной рабочей силы» [22, с. 15].

В рассмотренных публикациях по данной проблеме также выявлена взаимосвязь между стимулами, продвижением по службе, рабочей средой, поддержкой руководителей и удержанием сотрудников. Так, например, система поощрений выходит на первое место как наиболее эффективная стратегия по привлечению, удержанию и стимулированию сотрудников оставаться и продолжать работать в отелях.

Существуют также публикации, в которых показана прямая связь между продвижением по службе и удержанием сотрудников, поскольку продвижение по карьерной лестнице делает сотрудника удовлетворенным и повышает уровень его намерения остаться в организации [23].

В некоторых источниках отмечена также взаимосвязь между рабочей средой, которая сложилась в отеле, и удержанием сотрудников: руководство, обеспечивающее своим сотрудникам хорошие условия для работы, надлежащий уровень конфиденциальности и надежный контроль в рабочей среде значительно повышают их уровень мотивации и развивают чувство приверженности этой организации не только в текущей, но и в долгосрочной перспективе [11].

Рис. 3. Факторы удовлетворенности работой сотрудников арабских отелей⁴

Fig. 3. Factors of satisfaction with the work of employees of Arab hotels

⁴ Разработано автором по материалам исследования.

И наконец, многие специалисты отмечают четкую взаимосвязь между поддержкой (например, профессионального развития своих подчиненных) работников руководителем и удержанием сотрудников. В ситуации, когда руководитель оказывает адекватную поддержку своим подчиненным, отношения с ними укрепляются, развиваются навыки работников и возрастает их намерение остаться и продолжать работать в организации. С другой стороны, поддержка руководителя имеет и обратный эффект: чем она больше, тем выше у сотрудников мотивация к эффективной и результативной работе и тем больше удается поддерживать уровень производительности, требуемый организацией. «Чем больше сотрудников продолжают поддерживать хорошие отношения со своим руководителем, тем больше вероятность того, что это положительно повлияет на их повышенное чувство приверженности организации и тем выше шансы организации сохранить их» [13, с. 157].

Рассмотрим некоторые из изложенных выше положений на примере гостиничного сектора в одной из ведущих туристических стран арабского мира — Катаре. Город Доха в Катаре занял первое место в арабском мире в списке лучших городов Colliers International с точки зрения заполняемости отелей в 2021 году со средней заполняемостью 72%. Qatar Tourism предпринимал различные меры для усиления продвижения туризма в Катаре в рамках подготовки к чемпионату мира по футболу 2022 года, запустив в 17 странах по всему миру крупнейшую рекламную кампанию в истории туристического сектора этой страны — «Живи в исключительном мире».

Данные Всемирного совета по путешествиям и туризму показывают, что объем расходов иностранных посетителей в Катаре в 2020 году составил 32,1 миллиарда риалов, несмотря на последствия пандемии коронавируса, которая, в частности, оказала большое негативное влияние на воздушный транспорт во всем мире, в том числе и в арабских странах.

Сектор туризма занимает видное место в стратегии Катара в рамках диверсификации национальной экономики, поскольку страна стремится к достижению Qatar National Vision 2030. Руководство Катара определило

сферу туризма в число приоритетных секторов национальной экономики, поскольку осознало, что существует настоятельная необходимость сократить зависимость от доходов от нефти и газа и построить устойчивую национальную экономику в стратегическом контексте на период до 2030 года. В долгосрочной перспективе туризм обеспечит защиту от колебаний цен на нефть, которые могут повлиять на процесс экономического роста.

Согласно Добровольному национальному обзору государства Катар за 2021 год, выпущенному Управлением планирования и статистики, к концу 2020 года количество туристических гостиничных номеров достигло примерно 32000 и ожидается, что к началу 2023 года будет добавлено еще около 13000 номеров [15].

В целом Национальная стратегия в сфере туризма направлена на привлечение в Катар 5,6 млн. посетителей ежегодно, начиная с 2023 года, а также на повышение доли рекреационного туризма до 67% от общего числа посетителей и стабилизацию уровня заполняемости гостиниц на уровне 72%. При этом эти показатели обосновываются как за счет увеличения спроса и разнообразия вариантов размещения туристов, чтобы они соответствовали различным категориям посетителей, так и за счет удержания профессиональных работников с использованием всех перечисленных выше инструментов, а также наращивания квалификации у другого их контингента.

Заключение. Исследование проблемы сохранения высокопрофессиональных специалистов, а также повышения квалификации остальных работников гостиничной индустрии в арабских странах позволило сделать ряд выводов методического и прикладного характера.

Обосновано, что существует тесная связь между удовлетворенностью работой и удержанием сотрудников в сфере гостеприимства, в том числе в отелях Катара. Результаты также показали, что продвижение по службе является наиболее влиятельным аспектом удовлетворенности работой для удержания сотрудников; за ним следуют рабочая среда, стимулы и, наконец, поддержка руководителя.

Одним из основных факторов, влияющих на текучесть кадров в отелях, очевидным образом является заработная плата: большинство респондентов отметили, что именно заработная плата важна не только для удержания, но и для привлечения потенциальных сотрудников. В дополнение к этому получен вывод о необходимости пересмотра политики, связанной со стимулами и вознаграждениями, чтобы они напрямую коррелировали с оценкой эффективности труда работников. Данная политика должна включать адаптивные механизмы премирования и другие возможности финансовой поддержки, чтобы повысить шансы руководства на удержание сотрудников.

В дополнение к этому важным является сосредоточение усилий лиц, принимающих решения в отелях, на ежегодной подготовке планов по развитию сферы профессиональной переподготовки сотрудников с целью создания для них возможности для продвижения по службе и развития их карьеры. С целью достижения баланса между социальной и трудовой составляющими системы социально-трудовых отношений в гостиничной индустрии необходимо улучшение координации между различными отделами отелей и повышение уровня связи между ними для обеспечения эффективного рабочего процесса. Наконец, необходимо сосредоточиться на обучении менеджеров и руководителей для создания хороших отношений со своими подчиненными и поддержания устойчивости этих отношений.

Список источников

1. Акинёми О. Текучесть рабочей силы: причины, последствия и предупреждение [Электронный ресурс] // Журнал управления и социальных наук университета Фонтан. 2016. №5(1). С. 105–112. URL: <https://www.researchgate.net/profile/Akinyomi-John/publication/307545809.pdf>.
2. Атват Саида. Детерминанты удовлетворенности работой на малых и средних предприятиях [Электронный ресурс] // Пример медико-хирургической клиники «Бургла». Алжир, Университет Касди Мербах, 2016. URL: <https://dspace.univ-ouargla.dz/jspui/bitstream/123456789/10686/1/atawat-saida.pdf>.
3. Виноградова М.В., Ульянченко Л.А. Региональные туристские комплексы и клас-теры: общие черты и основные отличия // Сервис в России и за рубежом. 2014. №8(55). С. 127–140.
4. Гариб М., Кахваджи А., Эльтигани М. Факторы, влияющие на стратегии удержания персонала, используемые в частных сирийских компаниях во время кризиса [Электронный ресурс] // Международный обзор менеджмента и маркетинга. 2017. №7(2). С. 202–206. URL: https://www.researchgate.net/publication/316595452Factors_Affecting_Staff_Retention_Strategies_Used_in_Private_Syrian_Companies_during_the_Crisis.
5. Гриненко С.В. Менеджмент партнерства как платформа эффективного использования олимпийского наследия // Актуальные проблемы образовательного туризма. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск: ЧелГУ, 2017. С.32–44.
6. Джагун В. Исследование высокой текучести кадров в ирландском секторе гостеприимства, определение того, какие методы удержания следует принять. Диссертация [Электронный ресурс]. Дублин, Национальный колледж Ирландии, 2015. URL: <https://norma.ncirl.ie/2096/1/victoriajagun.pdf>.
7. Каменских Н.А. Кластерный подход к управлению развитием региональной туристско-рекреационной подсистемы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Наукоедение». 2016. Т. 8. №2. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/52EVN216.pdf>.
8. Мсенгети Д., Обвоги Дж. Влияние оплаты труда и условий труда на удержание сотрудников: исследование гостиничного бизнеса в округе Момбаса [Электронный ресурс] // Международный журнал научных и исследовательских публикаций. 2015. №5(4). С. 1–10. URL: <https://www.ijsrp.org/research-paper-0415/ijsrp-p4077.pdf>.
9. Нанкервис А.Р. Стратегии управления в производстве услуг: исследование гостиничной практики в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Исследования и практика в области управления человеческими ресурсами. 1995. №3. С. 71–83. URL: <https://espace.curtin.edu.au/handle/20.500.11937/35872>.
10. Нестороска И., Петровска И. Обучение персонала в сфере гостеприимства как преимущество повышения качества обслуживания [Электронный ресурс] // Туризм и ин-

дустрия гостеприимства 2014. Материалы конгресса «Тенденции в индустрии туризма и гостеприимства». С. 437–448. URL: <https://ideas.repec.org/p/tho/iscthi/section7-3.html>.

11. Рамлал С. Управление удержанием сотрудников как стратегия повышения организационной конкурентоспособности [Электронный ресурс] // Applied H. R. M. Researches. 2003. №8(2). С. 63–72. URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/55461859/Employee_retention_-_Applied_HRM_Research-with-cover-page-v2.pdf?Expires=1666642347&Signature=A.

12. Роджерс Д. Д., Клоу К. Е., Каш Т. Дж. Повышение удовлетворенности работой обслуживающего персонала [Электронный ресурс] // Журнал рынка услуг. 1994. №8. С. 14–26. URL: <https://www.researchgate.net/publication/305490640EmployeesSatisfactionandQualityManagementinHumanResourcesaStudyinSpanishThermalCentre>.

13. Смит Б. Сохранение работы в сфере защиты детей: влияние воспринимаемой организационной поддержки, поддержки руководителя и внутренней ценности работы [Электронный ресурс] // Служба по делам детей и молодежи. 2005. №27. С. 153–169. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0190740904001653>.

14. Тивари И. Анализ факторов, влияющих на удержание и текучесть кадров в ирландской индустрии гостеприимства [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://norma.ncirl.ie/2050/>.

15. Туристско-рекреационные кластеры в контексте управления развитием сферы туризма: кадровая составляющая [Электронный ресурс] // Экосистемы в пространстве новой экономики / Под ред. проф. Боровской М. А., Лябаха Н. Н., Матвеевой Л. Г. Ростов н/Д: Издательство ЮФУ. 2020. URL: https://kleiner.ru/wp-content/uploads/2022/01/elibrary_46223774_13912179.pdf.

16. Хан А., Алим М. Влияние удовлетворенности работой на текучесть кадров: эмпирическое исследование автономных медицинских учреждений Пакистана [Электронный ресурс] // Журнал международных исследований. 2014. №7(1). С. 122–132. URL: file:///C:/Users/LENOVO/Downloads/5y1.org_810439fa71319b83899aa090c6b1f9fc.pdf.

17. Чен Л., Ценг К. Трудоустройство и занятость в гостиничном бизнесе: обзор лите-

ратуры [Электронный ресурс] // Бизнес и экономика. 2014. №5(3). С. 1–3. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10963758.2014.935221>.

18. Шипилова В. А., Матвеева Л. Г. Российский и мировой опыт адаптации туристических компаний к вызовам пандемии // Сборник материалов XVI Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен» (Екатеринбург, 18–20 ноября 2021 г.). Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. С. 168–175.

19. Keep E., Mayhew K., Payne, J. From the skill revolution to the miracle of productivity — not as easy as it sounds? [Electronic resource] // Oxford Rev Econ Policy. 2006. №22. P. 539–559. URL: <https://www.jstor.org/stable/23606780>.

20. Konovalova E. E., Yudina E. V., Bushueva I. V., Ukhina T. V., Lebedev K. A. Forming approaches to strategic management and development of tourism and hospitality industry in the regions // Journal of Environmental Management and Tourism. 2018. Vol. 9. №2(26). P. 241–247.

21. Matveeva L. G., Mikhalkina E. V., Chernova O. A. The Methodology for the Evaluation of Youth Economic Potential: Revealing the Resources // Journal of Advanced Research in Law and Economics. Vol. XI. Issue 1(47). 2020. P. 246–255.

22. Neog B., Barua M. Factors Affecting Employee Retention in Assam Car Repair Shops: Empirical Study [Electronic resource] // SIJ Transactions on Industrial, Finance & Business Management (IFBM). 2015. №3(1). P. 9–18. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/a47a/89d49eee80a532144170dbe3aab736382bd2.pdf>.

23. Van H., Suleiman M. Omar A. Procedural fairness in the decision to promote management personnel in Malaysia [Electronic resource] // Asia Pacific Business Review. 2012. №18(1). P. 99–121. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13602380903424167>.

References

1. Akinjomi O. Tekuchest' rabochej sily: prichiny, posledstviya i preduprezhdenie [Labor turnover: causes, consequences and prevention] [Elektronnyj resurs]. Zhurnal upravleniya i social'nyh nauk universiteta Fontan [Journal of Management and Social Sciences of the Fountain University]. 2016; 5(1): 105–112. URL:

<https://www.researchgate.net/profile/Akinyomi-John/publication/307545809.pdf>. (In Russ.).

2. Atvat Said. Determinanty udovletvorenosti rabotoj na malyh i srednih predpriyatijah [Determinants of job satisfaction at small and medium-sized enterprises] [Elektronnyj resurs]. Primer mediko-hirurgicheskoy kliniki «Burgla» [Example of the medical and surgical clinic «Burgla»]. Alzhir, Universitet Kasdi Merbah, 2016. URL: <https://dspace.univ-ouargla.dz/jspui/bitstream/123456789/10686/1/atawat-saida.pdf>. (In Russ.).

3. Vinogradova M. V., Ul'janchenko L. A. Regional'nye turistskie komplekсы i klasteri: obshhie cherty i osnovnye otlichija [Regional tourist complexes and clusters: common features and main differences]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. 2014; 8(55): 127–140. (In Russ.).

4. Garib M., Kahvazhi A., Jel'tigani M. Faktory, vliyayushhie na strategii uderzhanija personala, ispol'zuemye v chastnyh sirijских kompanijah vo vremja krizisa [Factors influencing personnel retention strategies used in private Syrian companies during the crisis] [Elektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnyj obzor menedzhmenta i marketinga* [International Management and Marketing Review]. 2017; 7(2): 202–206. URL: https://www.researchgate.net/publication/316595452Factors_Affecting_Staff_Retention_Strategies_Used_in_Private_Syrian_Companies_during_the_Crisis. (In Russ.).

5. Grinenko S. V. Menedzhment partnerstva kak platforma jeffektivnogo ispol'zovaniya olimpijskogo nasledija [Partnership management as a platform for effective use of the Olympic heritage]. Aktual'nye problemy obrazovatel'nogo turizma. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Actual problems of educational tourism. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Cheljabinsk: ChelGU, 2017. P. 32–44. (In Russ.).

6. DzhaGUN V. Issledovanie vysokoj tekuchesti kadrov v irlandskom sektore gostepriimstva, opredelenie togo, kakie metody uderzhanija sleduet prinjat'. Dissertacija [A study of high staff turnover in the Irish hospitality sector, determining which retention methods should be adopted. Dissertation] [Elektronnyj resurs]. Dublin, Nacional'nyj kolledzh Irlandii, 2015. URL: <https://norma.ncirl.ie/2096/1/victoriajagun.pdf>. (In Russ.).

7. Kamenskih N. A. Klasternyj podhod k upravleniju razvitiem regional'noj turistsko-rekreativnoj podsystemy [Cluster approach to the management of the development of the regional tourist and recreational subsystem] [Elektronnyj resurs]. *Internet-zhurnal «Naukovedenie»* [Online journal «Science Studies»]. 2016; 8(2). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/52EVN216.pdf>. (In Russ.).

8. Msengeti D., Obvogi Dzh. Vlijanie oplaty truda i uslovij truda na uderzhanie sotrudnikov: issledovanie gostinichnogo biznesa v okruge Mombasa [The impact of wages and working conditions on employee retention: a study of the hotel business in Mombasa District] [Elektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnyj zhurnal nauchnyh i issledovatel'skich publikacij* [International Journal of Scientific and Research Publications]. 2015; 5(4): 1–10. URL: <https://www.ijsrp.org/research-paper-0415/ijsrp-p4077.pdf>. (In Russ.).

9. Nankervis A. R. Strategii upravlenija v proizvodstve uslug: issledovanie gostinichnoj praktiki v Jugo-Vostochnoj Azii [Management strategies in the production of services: a study of hotel practice in Southeast Asia] [Elektronnyj resurs]. *Issledovanija i praktika v oblasti upravlenija chelovecheskimi resursami* [Research and practice in the field of human resource management]. 1995; (3): 71–83. URL: <https://espace.curtin.edu.au/handle/20.500.11937/35872>. (In Russ.).

10. Nestoroska I., Petrovska I. Obuchenie personala v sfere gostepriimstva kak preimushhestvo povyshenija kachestva obsluzhivaniya [Staff training in the field of hospitality as an advantage of improving the quality of service] [Elektronnyj resurs]. Turizm i industrija gostepriimstva 2014. Materialy kongressa «Tendencii v industrii turizma i gostepriimstva» [Tourism and hospitality industry 2014. Materials of the Congress «Trends in the tourism and hospitality industry»]. P. 437–448. URL: <https://ideas.repec.org/p/tho/iscthi/section7-3.html>. (In Russ.).

11. Ramlall S. Upravlenie uderzhanijem sotrudnikov kak strategija povyshenija organizacionnoj konkurentosposobnosti [Employee retention management as a strategy for improving organizational competitiveness] [Elektronnyj resurs]. *Applied H.R.M. Researches*. 2003; 8(2): 63–72. URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/55461859/Employee_retention_-_Applied_HRM_Research-with-cover-page-v2.pdf?Expires=1666642347&Signature=A. (In Russ.).

12. Rodzhers D. D., Klou K. E., Kash T. Dzh. Povyshenie udovletvorennosti rabotoj obsluzhivajushhego personala [Increasing satisfaction with the work of service personnel] [Elektronnyj resurs]. *Zhurnal rynka uslug* [Journal of the service market]. 1994; (8): 14–26. URL: <https://www.researchgate.net/publication/305490640EmployeesSatisfactionandQualityManagementinHumanResourcesaStudyinSpanishThermalCentre>. (In Russ.).
13. Smit B. Sohranenie raboty v sfere zashhity detej: vlijanie vosprinimaemoj organizacionnoj podderzhki, podderzhki rukovoditelja i vnutrennej cennosti raboty [Preservation of work in the field of child protection: the impact of perceived organizational support, manager support and the intrinsic value of work] [Elektronnyj resurs]. *Sluzhba po delam detej i molodezhi* [Service for Children and Youth]. 2005; (27): 153–169. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0190740904001653>. (In Russ.).
14. Tivari I. Analiz faktorov, vlijajushhih na uderzhanie i tekuchest' kadrov v irlandskoj industrii gostepriimstva [Analysis of factors affecting retention and staff turnover in the Irish hospitality industry] [Elektronnyj resurs]. 2015. URL: <https://norma.ncirl.ie/2050/>. (In Russ.).
15. Turistsko-rekreacionnye klasteri v kontekste upravlenija razvitiem sfery turizma: kadrovaja sostavljajushhaja [Tourist and recreational clusters in the context of tourism development management: personnel component] [Elektronnyj resurs]. *Jekosistemy v prostranstve novoj jekonomiki* [Ecosystems in the space of the new economy]. Pod red. prof. Borovskoj M.A., Ljabaha N.N., Matveevoj L.G. [In Prof. Borovskoi M.A., Lyabakha N.N., Matveeva L.G. (eds.)]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo JuFU. 2020. URL: https://kleiner.ru/wp-content/uploads/2022/01/elibrary_46223774_13912179.pdf. (In Russ.).
16. Han A., Alim M. Vlijanie udovletvorennosti rabotoj na tekuchest' kadrov: jempricheskoe issledovanie avtonomnyh medicinskih uchrezhdenij Pakistana [The influence of job satisfaction on staff turnover: an empirical study of autonomous medical institutions in Pakistan] [Elektronnyj resurs]. *Zhurnal mezhdunarodnyh issledovanij* [Journal of International Studies]. 2014; 7(1): 122–132. URL: file:///C:/Users/LENOVO/Downloads/5y1.org_810439fa71319b83899aa090c6b1f9fc.pdf. (In Russ.).
17. Chen L., Ceng K. Trudoustrojstvo i zanjatost' v gostinichnom biznese: obzor literatury [Employment and employment in the hotel business: literature review] [Elektronnyj resurs]. *Biznes i jekonomika* [Business and economics]. 2014; 5(3): 1–3. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10963758.2014.935221>. (In Russ.).
18. Shipilova V.A., Matveeva L.G. Rossijskij i mirovoj opyt adaptacii turisticeskikh kompanij k vyzovam pandemii [Russian and world experience of adaptation of travel companies to the challenges of the pandemic]. *Sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoj konferencii «Rossijskie regiony v fokuse peremen»* (Ekaterinburg, 18–20 nojabrja 2021 g.) [Collection of materials of the XVI International Conference «Russian regions in the focus of change» (Yekaterinburg, November 18–20, 2021)]. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet, 2022. P. 168–175. (In Russ.).
19. Keep E., Mayhew K., Payne, J. From the skill revolution to the miracle of productivity — not as easy as it sounds? [Electronic resource] // *Oxford Rev Econ Policy*. 2006. №22. P. 539–559. URL: <https://www.jstor.org/stable/23606780>.
20. Konovalova E.E., Yudina E.V., Bushueva I.V., Ukhina T.V., Lebedev K.A. Forming approaches to strategic management and development of tourism and hospitality industry in the regions // *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2018. Vol. 9. №2(26). P. 241–247.
21. Matveeva L.G., Mikhalkina E.V., Chernova O.A. The Methodology for the Evaluation of Youth Economic Potential: Revealing the Resources // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. Vol. XI. Issue 1(47). 2020. P. 246–255.
22. Neog B., Barua M. Factors Affecting Employee Retention in Assam Car Repair Shops: Empirical Study [Electronic resource] // *SIJ Transactions on Industrial, Finance & Business Management (IFBM)*. 2015. №3(1). P. 9–18. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/a47a/89d49eee80a532144170dbe3aab736382bd2.pdf>.
23. Van H., Suleiman M. Omar A. Procedural fairness in the decision to promote management personnel in Malaysia [Electronic resource] // *Asia Pacific Business Review*. 2012. №18(1). P. 99–121. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13602380903424167>.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 25.12.2022.

The article was submitted on 12.12.2022; approved after reviewing on 22.12.2022; accepted for publication on 25.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хасан Сара — аспирант, Южный федеральный университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая садовая, 105/42

Hasan Sara — Postgraduate Student, Southern Federal University.
105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

Научная статья

УДК 1(0.91)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-195-202

НАСИЛИЕ И ПРАЗДНИК: ИСТОРИЯ УТРАТЫ

Оксана Сергеевна Борисова^{1✉}, Ирина Владимировна Кожяева²

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

²Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

¹borisova@bsu.edu.ru✉, ORCID: 0000-0003-0902-5178

²ikorrotaeva@bk.ru, ORCID: 0000-0002-7998-6516

Аннотация. Целью исследования является анализ взаимосвязи между двумя важными явлениями: праздником и насилием.

Результаты исследования. Отмечается, что исследовательский дискурс о насилии и празднике сложен, поскольку, с одной стороны, исключает пересечение этих двух объектов, с другой стороны, точки пересечения находятся на уровне реальной жизни. Поэтому дискурс о празднике и насилии возникает в первую очередь в антропологии, в которой праздник сопровождается насилием в форме жертвоприношения. Жертвоприношение — первый концепт, позволяющий связать праздник и насилие. Вторым концептом является эксцесс.

Жертвоприношение выступает своеобразным посредником между праздником и насилием. Его исключение в христианстве или даже сама возможность этого запустили механизм разделения праздника и насилия. Помимо этого, в современной культуре насилие вытеснено из пространства публичности.

Перспективы исследования. В качестве итога можно говорить о том, что связь насилия и эксцесса еще более окрепла, тогда как его контролируемый и игровой характер был утрачен. Связь праздника и эксцесса также была разорвана с нарушением оппозиции праздника и обыденности.

Ключевые слова: насилие, праздник, жертвоприношение, человек, эксцесс, миф

Для цитирования: Борисова О. С., Кожяева И. В. Насилие и праздник: история утраты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 195–202. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-195-202>.

Original article

VIOLENCE AND CELEBRATION: A HISTORY OF LOSS

Oksana S. Borisova^{1✉}, Irina V. Kozhaeva²

¹Belgorod State University, Belgorod, Russia

²Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

¹borisova@bsu.edu.ru✉, ORCID: 0000-0003-0902-5178

²ikorrotaeva@bk.ru, ORCID: 0000-0002-7998-6516

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the relationship between two important phenomena: holiday and violence.*

Research results. *It is noted that the research discourse on violence and the holiday is complex, since on the one hand it excludes the intersection of these two objects, on the other hand, the intersection points are at the level of real life. Therefore, the discourse about the holiday and violence arises primarily in anthropology, in which the holiday is accompanied by violence in the form of sacrifice. Sacrifice is the first concept to link celebration and violence. The second concept is kurtosis. Sacrifice acts as a kind of mediator between the holiday and violence. Its exclusion in Christianity, or even the very possibility of this, set in motion a mechanism for separating the holiday from violence. In addition, in modern culture, violence is ousted from the space of publicity.*

Research prospects. *As a result, we can say that the connection between violence and excess has become even stronger, while its controlled and playful nature has been lost. The connection between celebration and excess was also severed with the violation of the opposition between celebration and everyday life.*

Keywords: *violence, holiday, sacrifice, man, excess, myth*

For citation: Borisova O. S., Kozhaeva I. V. Violence and celebration: a history of loss // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 195–202. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-195-202>.

Введение. Насилие и праздник, взятые как феномены «жизненного мира» человека, в первом приближении оказываются настолько удалены друг от друга, насколько это возможно. Табуируемое насилие, со всей нагруженностью негативными смыслами, и праздник, неизменно позитивный и желанный, — полные противоположности. Вместе с тем реальность человеческого бытия часто сводит эти два феномена вместе. Более того, в традиционной культуре одно не существует без другого. Праздник не обходился без насилия в своей ритуализированной и ограниченной форме, или даже плохо ограниченной. Фольклор содержит массу таких примеров, от русских сказок с образами драки на празднике, до хрестоматийной исторической поэмы М.Ю. Лермонтова «Песни о купце Калашникове». Сегодня же мы не только на-

ходим все меньше таких примеров, но, как нам кажется, видим уже закреплённую культурную установку на исключение насилия из пространства праздничного, а возможно, и утрату этой достаточно давней связи между насилием и праздником.

«Не/возможный» дискурс праздника и насилия. Отметим сразу, что совместный дискурс праздника и насилия действительно можно считать невозможным и возможным одновременно. Пересечение дискурса о празднике и дискурса о насилии чрезвычайно редко и локализовано по большей части в работах антропологов, в которых праздник, как и насилие, большей частью рассматривается как данность человеческого мира, описывается, а не анализируется. В полной мере связь насилия и праздника намечается в работах

французских философов из «Коллежа социологии» Жоржа Батая и Роже Кайуа. Праздник для них — не только феномен, противоположный обыденности, но также связанный с эксцессом, выворачиванием наизнанку правил, отменой ограничений, в том числе запрета на насилие [6].

Относительно ограничения насилия мы опираемся на достаточно разработанную концепцию миметического насилия Рене Жирара [4], для которого насилие хотя и не относится к празднику, но напрямую связано с феноменом жертвоприношения. Его смысл состоит в концентрации «губительной» энергии сообщества на строго определенном объекте, который уничтожался и освобождал от напряжения, грозящего насилием, отметим особо — насилием бесконтрольным. Сама схема накопления чего-то негативного, ведущего к насилию с последующей разрядкой и освобождением, не является принципиально новой. Мы находим ее у З. Фрейда в его трактовке бессознательного. В курсе лекций, начатых им в Вене в 1915 году, он обращается к описанию структуры психической деятельности, «работа» которой основана на понимании психического как некоторой энергии, причем энергии, по своей сути разрушительной, которую требуется сублимировать, направлять и расходовать на те объекты, которые можно назвать приемлемыми [11].

Возвращаясь к не всегда явному дискурсу праздника и насилия, отметим, что он выстраивается на основе нескольких концептуальных линий, в которых насилие и праздник соприкасаются если и не непосредственно, то через посредничество одного элемента. Первой из таких линий будет являться концепт сакрального, который и выступает таким промежуточным или опосредующим концептом для насилия и праздника, поскольку последние одинаково с ним соотносятся в дискурсе философии, который с опорой на феноменологию религии и идеи Р. Отто, М. Элиаде и ряда других исследователей позволяет говорить об опасности, интенсивности, губительности, чистоте и скверне, наконец, ограничениях и их отсутствии.

Другой линией разговора является концепт эксцесса, который уже не столько опосредует насилие и праздник, сколько принадлежит им обоим. Так праздник есть нарушение

установленного порядка, специфическое время, в ходе которого нарушаются привычные установления, производится трата ранее накопленного без оглядки на целесообразность (Ж. Батай). Насилие в ряду нарушений является самым крайним. Если принять установку Р. Жирара, то контроль над насилием следует признать наиболее важным, поскольку его утрата угрожает существованию сообществу людей. И наконец, форма, в которой происходит его контроль, также относится к празднику, — жертвоприношение. Уже глубоко внешним образом жертвоприношение и праздник связаны ритуалом и пиршеством.

Утрата эффективной традиции. Несмотря на сложность соединения праздника и насилия на концептуальном уровне, жизненный мир традиции лишен этой проблемы. Праздник органично включает в себя игровое насилие или насилие в различных ритуализированных формах. Например, Клод Леви-Строс в работе «Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль» приводит интересный пример замещения реального насилия насилием игровым в ходе праздника: «Если какой-либо туземец заденет шуткой или оскорбит животное-эпоним другого туземца, тогда последний сообщает об этом своему клану, который подготавливает праздник, где употребляют в основном пищу тотемного животного: так, если это животное медведь, то ритуальную пищу готовят из ягод и зерен дикорастущих злаков. Торжественно приглашенному оскорбителю приходится напичкиваться ею, пока, как говорят туземцы, он не “лопнет” и не признает силу тотема» [8, с. 271]. Для Леви-Строса это пример утверждения оппозиций через их отрицание и «выворачивание». Запреты и ограничения формируют структуру сообщества и организуют жизнедеятельность, сохраняя свою действенность даже в ситуации их нарушения в ходе праздника. Оскорбление тотема, священного в обычное время, караемое смертью, заменяется его «перевернутым» аналогом, избыточным потреблением пищи. Само же упоминание о силе тотема явным образом отсылает к насилию, поскольку насилие есть обратная сторона силы [1].

У Роже Кайуа мы находим более явное соединение праздника и насилия через концепты эксцесса и трансгрессии. В работе «Чело-

век и сакральное» он характеризует праздник через противопоставление будням. Поскольку последние суть размеренное и упорядоченное бытие, праздник представляет из себя время экзальтации и растраты. Кайуа отмечает, что «... транжирство и уничтожение — формы эксцесса — по праву принадлежат самой сути праздника» [5, с. 219]. Отметим, что Кайуа пишет об уничтожении, а значит насилии, продолжая приведенную цитату упоминанием о драках, сопровождающих праздник. При этом важнейшей характеристикой праздника является его сакральная природа. Если обыденность находится на стороне сакрального, праздник соотносится со сферой сакрального. И сакральное также соотносимо с феноменом насилия через категории губительности и опасности. Один из ключевых теоретиков священного Рудольф Отто пишет об этом как «моменте ужасающего»: «На положительное “Как” этой предметности указывает прежде всего прилагательное *tremendum*. Слово *tremor* само по себе означает просто страх — хорошо знакомое “естественное” чувство. Это слово служит нам здесь ближайшим, но лишь аналогичным обозначением совершенно своеобразной чувственной реакции, которая, правда, похожа на страх, и потому по аналогии с ним может быть обрисована, но представляет собой все же нечто совсем иное» [9, с. 23]. Страх или ужас, по мнению Р. Отто, только отчасти, весьма отдаленно передает то интенсивное чувство опасности, которое возникает при соприкосновении со священным.

Рене Жирар на основе анализа феномена жертвоприношения также приходит к связи насилия и праздника. Он выявляет принципиально важную функцию жертвоприношения — возможность концентрировать на строго определенном объекте, который замещает собой все общество. Перенос насилия на жертву, которая должна иметь сходство с замещаемым, но также и отличаться от него, позволяет избавляться от насилия. Жертвоприношение тем самым избавляет от насилия через его ритуализацию, введение правил его использования и ограничение его объектов. И если провести параллель между жертвоприношением и праздником, то они тесно связаны, подразумевая одно под другим. Жирар также определяет

этот механизм избавления от насилия как чрезвычайно неустойчивый, а его поломку называет «жертвенным кризисом», который влечет за собой бесконтрольное насилие: «Сперва мы установили катартическую функцию жертвоприношения. Затем определили жертвенный кризис как утрату и этой катартической функции, и всех культурных различий. Если единодушное насилие против жертвы отпущения действительно кладет конец такому кризису, то очевидно, что именно оно должно находиться в начале новой жертвенной системы. Если только жертва отпущения способна прервать процесс деструктуризации, значит, в начале всякой структуризации стоит именно она» [4, с. 125]. И далее Жирар делает предположение, что установление запрета на насилие лежит в основе всей культуры: «Ниже мы увидим, возможно ли проверить это утверждение на уровне основных форм и правил культурного порядка, — например, праздников, запретов на инцест, обрядов перехода и т.д. Теперь у нас есть серьезные основания полагать, что насилие против жертвы отпущения, вполне возможно, было радикально учредительным в том смысле, что оно, кладя конец порочному кругу насилия, открывает новый порочный круг — круг жертвенных ритуалов, который, вполне возможно, есть круг вообще всей культуры» [4, с. 125]. Далее исследователь приводит примеры праздников, которые подтверждают его идею о жертвоприношении как насилии, меньшем и управляемом ритуалом в противовес насилию большему и неуправляемому, со ссылкой на Юбера и Мосса (греческий праздник «литоболлии» или «побивания камнями») [4].

Уже в другой работе, посвященной стереотипам гонений, Жирар ставит еще более важный вопрос о том, «работает» ли жертвенный механизм исключения насилия после его раскрытия. Само разоблачение осуществляет христианство, которое отменяет жертвоприношение в его насильственной форме. Жирар пишет: «Мы прекрасно видим, что Евангелия отвергают гонение. Но мы не догадываемся, что, отвергая его, они демонтируют его механизм — и тем самым человеческую религию как целое и происходящие из нее культуры. Все символические устои, которые сейчас зашатались вокруг нас, — это

неузнанный нами плод гонительской репрезентации... Однажды выявленные, эти механизмы перестают работать; мы все меньше верим в виновность жертв, которая требуется для работы этих механизмов, а лишённые поддерживающей их пищи и институты, происходящие из этих механизмов, один за другим рушатся вокруг нас. Созаем мы это или нет, но отвечают за это разрушение Евангелия» [3, с. 167]. И крушение этого фундаментального механизма ставит также вопрос о празднике и насилии, не исключая всех других и более фундаментальных, вплоть до понимания культуры в целом как феномена, учрежденного жертвоприношением, не является ли разоблачение гонительских стереотипов и самого механизма замещения источником исключения насилия из праздника. Равно как и второй вопрос — об упадке самого праздника, последующего за заявленным ранее исключением.

Сам факт разоблачения механизма жертвоприношения Рене Жирар связывает с христианством. Христианство делает явным центральный момент указанного механизма, а именно — безвинность жертв гонений. Тем самым происходит перевод жертвенного насилия из спасительного в преступное. Соответственно, не происходит необходимого ограничения насилия, его концентрации на «виновном» объекте. И далее можно продолжить Жирара в том, что, если нет жертвоприношения, то есть ли праздник. Его ответ состоит в том, что разоблачение состоялось и механизм замещения был скомпрометирован, но выбор в его пользу все еще осуществляется, даже самими христианами [3]. Можно предположить, что это половинчатое решение проблемы миметического насилия также ведет к сбою в «жизнеспособности» праздника, по крайней мере, запустило процесс разделения насилия и праздника.

В категориях традиции, традиционной культуры данное разделение может интерпретироваться как утрата праздником сакрального. Посредничество этого концепта в объяснении связи праздника и насилия на содержательном уровне сталкивается с проблемой процесса пост-секулярности. И здесь применима та схема динамики религиозного, которую обосновывает С. Жижек в работе «Кукла и карлик: христианство между ере-

сью и бунтом». Это движение по гегелевской схеме и за ее пределы: «... переход от одного состояния к другому здесь совершенно ясен: сначала (народная) религия теряет свою органическую *Naturwuchsigkeit*, превращается в набор отчужденных — извне навязанных и условных — правил; затем, что вполне логично, разум должен подвергнуть авторитет этих правил сомнению... Но каким может быть следующий шаг, который позволит вырваться из этого замкнутого круга, в котором универсалистский морализм и абстрактное чувство постоянно превращаются друг в друга?» [2, с. 9]. Выход из круга, очерченного Гегелем для религии, в которой ей отводится роль абстрактного и универсального морализма, по мысли Жижека, находится в уходе чувства религиозного на индивидуальный уровень, причем настолько интимный и глубинный, что в ней не признаются. Для обозначения такой веры Жижек обращается к концепту «подвешенной веры», веры, которая «ушла» из публичного пространства.

Этот факт «выдергивает» сакральное (веру мы рассматриваем как необходимую составляющую сакрального) из условного треугольника «праздник — сакральное — насилие». Ее посредничество прерывается так же, как и связь праздника и насилия. Остается связь между сакральным и насилием, которая раскрывается в концепциях секуляризации через обоснование угасания религиозного чувства, а вместе с ним и насилия. Вместе с тем реальность опровергает это утверждение. Происходит рост насилия, имеющего религиозную мотивацию и террористического в том числе [12]. И одновременно с этим стоит сказать о том, что насилие вытесняется из пространства публичного, что несколько противоречит первому тезису о росте религиозного насилия. Статистические данные о насилии, особенно в большой исторической перспективе, говорят о снижении насилия [10] с одним важным уточнением, что речь идет о физическом насилии. Именно оно вытесняется на периферию публичных пространств современной культуры, а одним из таких публичных пространств как раз и является праздник.

Заключение. Обе указанные тенденции являются разнонаправленными, однако их

можно рассматривать и как диалектическое противоречие, при котором уничтожение связи между праздником и насилием является следствием исключения насилия из публичной сферы, что можно отнести к росту безопасности; но также понимать под этим процессом и то, что насилие, ранее перекодированное в игровое, находит выход в различного рода эксцессах и проявлениях, слабо контролируемых. Сам же праздник также трансформируется без этого важного элемента, уже не играя своей роли в обеспечении безопасности на уровне повседневности, традиции и региона [7]. Оппозиция праздника как времени траты, эксцесса и обыденности, времени работы и накопления, ушла в прошлое. Произошла профанизация праздника, равно как и обратное, то, что можно назвать «праздником каждый день», тем более, что это комплементарно игровой природе реальности постмодерна.

Общий вывод из двух поставленных нами вопросов звучит утвердительно. Праздник и насилие, некогда тесно связанные в традиционной культуре, сегодня дистанцированы друг от друга. Насилие исключено из праздника как феномена публичной жизни, но, что и составляет глубинную механику этого процесса исключения, исходно праздник как пространство жертвоприношения перестал таковым быть. Вместе с жертвоприношением из праздника было исключено и насилие.

Сближение праздника и обыденности, стирание этого фундаментального для традиционной культуры различия, также привело к исчезновению эксцесса. Последний являлся неотъемлемой частью праздника и тесно соприкасался с насилием. Сегодня праздник растворен в повседневности, а повседневность — в празднике, а эксцесс из локализованного и в определенном смысле управляемого стал не только периферийным, но и спонтанным. В итоге мы видим утрату связи между праздником и насилием многогранной и сложной, замененной в современности простым исключением.

Список источников

1. Борисов С. Н. Русский Аристотель: герменевтика перевода и понимание насилия // Вопросы философии. 2019. №10. С. 42–45.

2. Жижек С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009. 336 с.

3. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.

4. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

6. Кибалко В. В., Борисов С. Н. Праздник и сакральное: ретроспектива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. №5(91). С. 35–41.

7. Культурная безопасность региона: объекты, компоненты, перспективы развития / К. В. Воденко, А. К. Дегтярев, О. С. Иванченко и др.; Отв. ред. д. ф. н., профессор К. В. Воденко. Ростов н/Д: Поволжский центр экологический оценок, 2022. 188 с.

8. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008. 486 с.

9. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: АНО, Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 272 с.

10. Пинкер С. Лучшее в нас. Почему насилия стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 952 с.

11. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.

12. Юргенсмайер М. «Ужас мой пошлю пред тобою». Религиозное насилие в глобальном масштабе. М.: НЛЮ, 2021. 496 с.

References

1. Borisov S. N. Russkij Aristotel': germe-nevtika perevoda i ponimanie nasiliya [Russian Aristotle: hermeneutics of translation and understanding of violence]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2019; (10): 42–45. (In Russ.).

2. Zhizhek S. Kukla i karlik. Hristianstvo mezhdu eres'ju i buntom [Doll and dwarf. Christianity between heresy and rebellion]. Moscow: Evropa, 2009. 336 p. (In Russ.).

3. Zhirar R. Kozel otpushhenija [The scapegoat]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2010. 336 p. (In Russ.).

4. Zhirar R. Nasilie i svjashhennoe [Violence and the sacred]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 448 p. (In Russ.).

5. Kajua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe [Myth and Man. Man and the sacred]. Moscow: OGI, 2003. 296 p. (In Russ.).

6. Kibalko V.V., Borisov S.N. Prazdnik i sakral'noe: retrospektiva [Holiday and the sacred: a retrospective]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2019; 5(91): 35–41. (In Russ.).

7. Kul'turnaja bezopasnost' regiona: ob'ekty, komponenty, perspektivy razvitiya [Cultural security of the region: objects, components, prospects of development]. K.V. Vodenko, A.K. Degtjarev, O.S. Ivanchenko i dr.; Otv. red. d.f.n., professor K.V. Vodenko [In K.V. Vodenko (eds.)]. Rostov-on-Don: Povolzhskij centr jekologicheskij ocenok, 2022. 188 p. (In Russ.).

8. Levi-Stros K. Totemizm segodnja. Nepriruchennaja mysl' [Totemism today. Untamed

thought]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2008. 486 p. (In Russ.).

9. Otto R. Svjashhennoe. Ob irracional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s racional'nym [Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. Saint Petersburg: ANO, Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2008. 272 p. (In Russ.).

10. Pinker S. Luchshee v nas. Pochemu nasiliya stalo men'she [The best in us. Why violence has become less]. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2021. 952 p. (In Russ.).

11. Frejd Z. Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii [Introduction to psychoanalysis. Lectures]. Moscow: Nauka, 1989. 456 p. (In Russ.).

12. Jurgensmajer M. «Uzhas moj poshlju pred toboju». Religioznoe nasilie v global'nom masshtabe [«I will send my terror before you». Religious violence on a global scale]. Moscow: NLO, 2021. 496 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Оксана Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и теология», Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Oksana S. Borisova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State University. 85 Pobedy str., Belgorod, Russia

Кожаева Ирина Владимировна — аспирант кафедры «Философия, культурология, науковедение», Белгородский государственный институт искусств и культуры. Россия, г. Белгород, ул. Королева, 7

Kozhaeva Irina Vladimirovna — Postgraduate Student, Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture. 7 Koroleva str., Belgorod, Russia

Вклад авторов:

Борисова О. С. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Кожяева И. В. — написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Borisova O. S. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Kozhaeva I. V. — writing the source text; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК. 304.44

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-203-211

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Максим Васильевич Герасимов

*Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Ростов-на-Дону, Россия
m.gerasimov@ro.ru, AuthorID РИНЦ: 1013404*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе факторов, способствующих коммерциализации спорта в условиях развития глобального сетевого общества.

Методологической основой исследования выступают положения теории глобализации (К. Омае), информационного общества, концепции сетевого общества М. Кастельса.

Результаты исследования. Современная спортивная деятельность как микромодель социальной системы отражает в себе все ключевые тенденции мирового развития. В условиях глобализации рынков, формирования потребительской модели общества коммерциализация спортивной деятельности представляет собой закономерный процесс, обусловленный развитием рыночных отношений, распространением либеральных идей, развитием информационных и медиатехнологий.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования положительных и негативных тенденций в процессах трансформации спортивной деятельности.

Ключевые слова: спорт, спортивная деятельность, коммерциализация, глобальное сетевое общество, общество потребления, индустрия спорта, спортивный бренд

Для цитирования: Герасимов М.В. Коммерциализация спортивной деятельности в глобальном сетевом обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 203–211. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-203-211>.

Original article

COMMERCIALIZATION OF SPORTS IN THE GLOBAL NETWORK SOCIETY

Maksim V. Gerasimov

*Rostov branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education «Russian State University of Justice», Rostov-on-Don, Russia
m.gerasimov@ro.ru, AuthorID RSCI: 1013404*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the factors that contribute to the commercialization of sports in the context of the development of a global network society.*

The methodological basis of the study is the provisions of the theory of globalization (K. Ohm-ae), the information society, the concept of the network society of M. Castells.

Research results. *Modern sports activity as a micromodel of a social system reflects all the key trends in world development. In the context of globalization of markets, the formation of a consumer model of society, the commercialization of sports activities is a natural process due to the development of market relations, the spread of liberal ideas, the development of information and media technologies.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of positive and negative trends in the processes of transformation of sports activities.*

Keywords: *sports, sports activities, commercialization, global network society, consumer society, sports industry, sports brand*

For citation: *Gerasimov M. V. Commercialization of Sports in the Global Network Society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 203–211. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-203-211>.*

Введение. Динамика развития современной спортивной деятельности обусловлена спецификой социальных процессов, идущих в обществе. В последние десятилетия спортивная деятельность из сферы культуры начала переходить в сферу коммерческой деятельности. В результате стала активно развиваться индустрия спорта, образующая развитую сеть спортивных бизнес-структур и направленная на получение прибыли. Такой вектор развития спорта был связан с трансформацией общества, его переходом от индустриальной модели к информационной. Последняя определила доминирование сферы услуг над сферой производства, что повлекло за собой коммерциализацию спортивной деятельности. На сегодняшний день не сложилось однозначное мнение относительно того, является коммерциализация спорта злом или благом. Дискуссионный характер данной проблемы определяет ее научную и социальную значимость.

Методология и методы исследования. Для анализа факторов, способствующих коммерциализации спортивной деятельности в современном мире, концептуальными являются положения теории глобализации, которые разрабатываются гиперглобалистами, опирающимися сугубо на экологическую логику и поддерживающими создание единого мирового рынка [24; 27].

В статье используются идеи теоретиков информационного общества [2; 25], анализирующие роль информационных технологий в трансформации социальной реальности. Методологически значимой для понимания специфики глобального сетевого общества является концепция «сетевого общества» М. Кастельса [10].

Для анализа процесса трансформации потребительских практик в условиях развития глобального сетевого общества применяются идеи теоретиков «общества потребления» [3; 4; 6; 15; 16].

Синтез этих теорий выступает методологической основой исследования проблемы

коммерциализация спортивной деятельности в глобальном сетевом обществе.

Результаты. В научном дискурсе проблемы современной индустрии спорта рассматриваются в работах таких авторов, как Е. В. Кохановский, В. А. Леднев, О. Ю. Фролова, Т. А. Хорошева и др. [12; 13; 23]. Исследователи отмечают, что в условиях глобализации рынков индустрия спорта охватывает различные направления предпринимательской деятельности: производство спортивных товаров, их сбыт, а также рынок спортивных услуг. Специалисты указывают на то, что «успешными стратегиями в сфере организации спортивных мероприятий можно назвать стратегии, ориентированные как на спортивный, так и на экономический результат» [13].

На практике спортивная деятельность сегодня ориентирована не только на самореализацию человека, развитие физической культуры, но и на получение прибыли. На наш взгляд, данная тенденция обусловлена спецификой современного общества, описываемого учеными как «общество потребления».

Как отмечают исследователи, «концепция общества потребления, созданная во второй половине XX в., базируется на идее, что система индустриального капитализма радикально меняется, когда для структурирования общества потребление становится важнее производства» [9, с. 9].

Начало осмысления социальных тенденций, обусловленных развитием общества потребления, связано с работами Т. Веблена, Ж. Бодрийяра, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассета и др. [6; 3; 15; 16]. Авторы обратились к исследованию феномена праздного, демонстративного и символического потребления, которое определяет систему отношений в современном обществе. Согласно Ж. Бодрийяру, современное потребление не просто предполагает обладание материальными вещами, а ориентировано на их символическое выражение. С точки зрения философа, потребление в условиях информационного сетевого общества представляет собой «деятельность систематического манипулирования знаками» [4, с. 164]. В этом плане товар обладает не только рыночной стоимостью, но и имеет знаковую стоимость, для описания которой Ж. Бодрийяр использует термин «симулякр»,

который отражает иллюзорность значимости вещи, искусственно созданный ее образ, который убеждает потребителя в ее истинной ценности.

В информационном обществе особое значение начинают играть потребительские стереотипы, интенсивно внедряемые в общественное сознание посредством рекламы, которая ориентирует человека на потребление определенных товаров.

Формирование глобального сетевого общества интенсифицировало процесс коммерциализации спортивной деятельности. Исследователи отмечают, что «Интернет, организованный в техническом плане по сетевому принципу, не только создал технические предпосылки для более легкого социального сетеобразования, но и стал своего рода матрицей для глобального сетевого сообщества. Сетевой импульс, преломившись в линзе Интернета, вернулся в социум во много раз усиленным» [22, с. 48].

Информационные технологии позволили создать платформы для сетевизации социума и интенсифицировали процесс получения и обмена информацией между пользователями. В свою очередь, это в значительной степени оказало влияние на рекламную деятельность и развитие спортивного маркетинга. Задача последнего заключалась в том, чтобы вовлечь большее количество болельщиков или просто зрителей в спортивное мероприятие не только путем информирования, но и путем формирования у них потребности приобщиться к спортивному событию посредством приобретения определенной услуги или продукции, тем самым сделать из них активных потребителей.

Исследователи обращают внимание на то, что именно «обусловленные финансовыми рынками, новейшими информационно-коммуникационными технологиями и тотальным нарастанием потоков информации, глобальный охват и динамизм социальной структуры сетевого общества делают его неограниченно расширяющейся социальной системой» [19, с. 141]. Это позволяет эффективно развивать такую деятельность, как спортивный маркетинг. Последний представляет собой одно из направлений индустрии спорта, задачи которого заключаются в рекрутировании новых потребителей и пропагандировании здорового

образа жизни, привлечении внимания людей к зрелищным и азартным спортивным мероприятиям и событиям.

В условиях сетевизации общества спортивный маркетинг активно переходит из сферы физического мира в виртуальное пространство, причем сетевое общество строится исключительно на создании и передаче информационных сообщений, которые, по сути, определяют природу этого общества.

Сегодня интернет-технологии открывают широкие возможности для эффективной маркетинговой деятельности. Речь прежде всего идет о создании сайтов, информирующих пользователей о компании, ее услугах, продукции, организации акций и пр.

Таким образом, процесс коммерциализации спортивной деятельности в сетевом обществе виртуализируется, поскольку каналы коммуникации утратили свои традиционные формы и приобрели новые цифровые форматы. В такой ситуации идут существенные изменения в рекламной деятельности, выступающей неотъемлемым компонентом спортивного маркетинга и его инструментом, причем в условиях виртуального социума реклама ставится одной из форм сетевой коммуникации, которая позволяет донести информацию до практически неограниченного количества пользователей. Исследователи считают, что основным преимуществом интернет-рекламы «является обширный состав целевой аудитории, возможность обеспечить обратную связь с потенциальными потребителями, относительно низкая стоимость и высокая рентабельность» [7, с. 34].

Одним из направлений продвижения товаров является процесс их брендинга. Анализ бренда как инструмента продвижения продукции компании осуществляется в работах как зарубежных [1; 8; 26], так и отечественных исследователей [18; 20]. Надо сказать, что несмотря на активные исследования в этой области, в научной литературе не сложилось единого понимания содержания понятия «бренда».

Символический подход в понимании бренда разрабатывается М. Макдональдом, который под брендом понимает «имя или символ, которые маркируют продукт как наиболее качественный и успешный» [26, р. 33]. В данном аспекте брендинговая вещь

несет в себе символический смысл, расшифровка которого дает потребителю нужную информацию.

Идентификационный подход к бренду представлен у Г. Даулинга, который ключевой функцией бренда считает идентификационную, позволяющую отождествлять продукт с именем компании, которое минимизирует риски покупателя и гарантирует потребителю высокое качество товара [8].

В рамках конструктивистского подхода бренд рассматривается как созданный образ товара, который отождествляется с надежностью, уникальностью, успехом и пр. [18].

Надо сказать, что все эти подходы концептуальны в понимании природы бренда и его значения в коммерческой деятельности современного спорта. По сути, они отражают многогранность функций, которые выполняет «бренд» в системе социальных и экономических отношений.

Специалисты полагают, что брендинг продукции несет в себе ряд преимуществ [1]: а) символическую пользу, которая выражается в информировании потребителей своей ценности приобретаемой вещи; б) эмоциональную выгоду, связанную с наличием положительных чувств от приобретения продукции определенной марки; в) возможность самовыражения, что проявляется в демонстрации окружающим своих жизненных приоритетов и своего стиля; г) получение социального одобрения.

В настоящее время брендингом продукции занимаются практически все коммерческие структуры. В современной деловой среде нередко имидж компании строится на наличии своего бренда, фирменного стиля, о котором свидетельствуют определенные предметы с логотипом фирмы. Отмечая эффективность брендинга, исследователи указывают на то, что «бренды создают у потребителя ощущение уверенности при покупке, служат дорожными картами, подсказывающими правильный выбор в случае, если разнообразие товаров приводит в замешательство» [5, с.24].

В условиях глобального сетевого общества спортивный брендинг является одним из ключевых направлений в формировании спроса и потребления посредством информационных технологий. В сфере индустрии спорта созда-

ются бренды спортивной одежды, обуви, инвентаря, сувенирной продукции и пр.

По мнению специалистов, развитие спортивного брендинга обусловлено преимущественно сферой спорта высших достижений, которая стала «важным элементом мировой политики, международной конкуренции, составляющей национальной репутации и частью стратегии мировых СМИ» [11, с. 617], причем данный вид спорта сегодня является сферой жесткой международной конкуренции, геополитического соперничества, а также определяет имидж государств.

Создание и активное продвижение спортивных брендов осуществляется благодаря развитию медиатехнологий, поскольку логотип определенного спортивного клуба, сообщества является своеобразным каналом коммуникации, несущим информацию потребителям рынка спортивных товаров и услуг. В данный момент в области спортивной индустрии сложились определенные кластеры продукции: спортивный имидж, спортивное событие, спортивная марка, спортивные услуги [21].

Надо отметить, что основным потребителем сегодня является как реальный клиент, непосредственно посещающий различные спортивные мероприятия, так и виртуальный зритель, который предпочитает опосредованное участие, используя возможности телекоммуникационных технологий. Но все-таки, по мнению исследователей, наиболее «желанным клиентом для спортивных организаций является именно тот, кто приходит на стадион: этот зритель покупает билет, приобретает сувенирную продукцию с символикой, а также пользуется различными сервисами на стадионе. Он крайне важен для спонсора и рекламодателя, а также красивой телевизионной картинки. Привлечь такого потребителя — значит иметь возможность активной рекламы смежных товаров и услуг» [13]. Очевидно, что в конкурентной борьбе за потребителя выигрывают те структуры, которые обеспечивают ему максимальный комфорт.

В условиях глобального сетевого общества индустрия спорта тоже приобретает глобальный характер. Сегодня индустрия спорта активно развивается в экономическом направлении, по сути, представляя собой сферу

предпринимательской деятельности. То есть сегодня мы наблюдаем сращивание спортивной деятельности, изначально направленной на физическое совершенствование человека, сохранение его здоровья, с экономической деятельностью, охватывающей сферу производства и услуг, целью которой является получение прибыли.

Следует сказать, что предпосылки процесса коммерциализации спортивной деятельности начались формироваться со второй половины XX века. В качестве основных предпосылок, определивших сращивание спорта и бизнеса, можно выделить следующие спортивные практики: а) проведение единичных коммерческих соревнований в ряде западных стран; б) появление новых форм управления спортивными проектами (профессиональная спортивная лига, спортивная корпорация); в) активное развитие в 70-е годы XX века фитнес-индустрии в виде массового увлечения аэробикой и шейпингом в США; г) появление интереса крупных международных и национальных компаний к профессиональному спорту как объекту инвестиций и как средству рекламы своих товаров.

Собственно, эти процессы стали основой трансформации спорта, его развития как нового сектора предпринимательской деятельности. И если во второй половине XX века в спортивной сфере наблюдались только редкие случаи реализации коммерческих спортивных проектов, то уже к концу XX века это начало приобретать массовый характер и международный масштаб.

По мнению ряда специалистов, мощным импульсом для коммерциализации спортивной деятельности стал процесс профессионализации спорта. Существенной чертой профессионализации спорта высших достижений стало появление правовой основы как для развития контрактной основы, так и появления экономической инфраструктуры, организующей процесс «купли-продажи» спортсменов и соревнования в рамках международного олимпийского движения.

Действительно, в наши дни такое социально значимое мероприятие, как Олимпийские игры является не только мировым культурным событием, это масштабный коммерческий проект, в котором принимают участие различные субъекты спортивной индустрии.

Осмысляя сегодняшние трансформации целей спортивной деятельности, связанной в том числе и с ее коммерциализацией, большинство ученых приходит к выводу, что спорт высших достижений не может функционировать и развиваться без огромных финансовых вложений, которые должны приносить прибыль как частному бизнесу, так и государству.

В научной литературе сложилось несколько подходов в оценке вектора коммерциализации спорта высших достижений.

Так зарубежные ученые придерживаются позиции, которая легитимирует внедрение рыночных отношений в сферу «высокого профессионального спорта». По мнению ряда специалистов, современный спорт высших достижений сегодня может развиваться только как коммерческий проект, ориентированный на потребителей и приносящий огромные прибыли как спортсменам, так и спонсорам [14]. Кроме того, финансирование таких международных мероприятий, как Олимпийские игры исключительно из бюджета государства мало кто может себе позволить, что неизбежно заставляет искать представителей крупного бизнеса, которые будут инвестировать такого рода проекты.

Сторонники другого подхода крайне негативно относятся к внедрению рыночных отношений в спортивную сферу, считая, что такие тенденции свидетельствуют о кризисе Олимпийского движения, которое изначально было направлено на физическое самосовершенствование человека, открывало возможности для его самореализации, переводило конкуренцию в спортивную область, способствовало укреплению межкультурных и межгосударственных отношений. В данный момент, отмечают специалисты, «олимпийское движение начинает представлять собой синтез спортивного шоу-бизнеса, технологии рекламы и публичной политики» [17, с. 138]. Очевидно, что эти процессы свидетельствуют о дегуманизации спорта высших достижений, которая проявляется в распространении таких деструктивных практик, как договорные соревнования, «купля-продажа» спортсменов, подкуп судейства, использование допинга, сверхвысокие нагрузки, агрессивность болельщиков и пр. Также следует обратить внимание на использование Олим-

пийских игр в современной геополитической борьбе, идущей в мире, что проявляется в бойкотировании этих соревнований в «неудобных» государствах, а также дискредитации спортсменов из этих государств.

Заключение. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в условиях развития глобального сетевого общества спорт претерпевает существенные изменения, обусловленные: а) распространением либеральной идеологии, базирующейся на идее внедрения рыночных отношений в различные социальные сферы, в том числе и в спортивную; б) развитием общества потребления, конструирующего определенные стереотипы потребления, в том числе и в спортивной индустрии; в) дегуманизацией спортивной деятельности, переориентацией ее с традиционных ценностей, связанных с физическим и духовным совершенствованием природы человека, на ценности рационализма, прагматизма, утилитаризма, что позволило запустить процесс коммерциализации спорта.

Такого рода трансформации позволяют рассматривать спортивную деятельность как микромодель социальной системы, в которой отражаются все ключевые тенденции мирового развития. В условиях глобализации рынков, формирования потребительской модели общества коммерциализация спортивной деятельности представляет собой закономерный процесс, обусловленный развитием рыночных отношений и распространением либеральных идей в современном мире.

Список источников

1. Аакер Д. Создание сильных брендов / Пер. с англ. М.: Издательский дом Гребенникова, 2003. 340 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 224 с.
5. Бренды и брендинг / Пер. с англ. А. Ижорский. М.: Олимп-Бизнес, 2008. 328 с.

6. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
7. Годин А.А. Интернет-реклама. М.: Дашков и Ко, 2012. 168 с.
8. Даулинг Г. Наука и искусство маркетинга / Пер. с англ. СПб.: Вектор, 2006. 392 с.
9. Иванов Д.В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. №5(58). С. 9–29.
10. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
11. Костиков В.Ю. Концепт спортивного брендинга: теоретико-методологические параметры // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. №4. С. 615–630.
12. Кохановский Е.В. Спорт как культурная индустрия в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №7(143). С. 141–147.
13. Леднев В.А. Индустрия спорта как арена конкурентной борьбы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Науковедение. 2013. №6(19). URL: <http://publ.naukovedenie.ru> (дата обращения: 17. 12. 2022).
14. Маркетинг спорта / Под ред. Д. Бича и С. Чедвика; Пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2015. 706 с.
15. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Ермак, 2003. 342 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 639 с.
17. Полякова Т.Д. Современные тенденции развития спорта высоких достижений в XXI в. // Физическая культура, спорт, здоровый образ жизни в XXI веке. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. С. 136–141.
18. Рудая Е. Основы бренд-менеджмента. М.: Аспект Пресс, 2006. 256 с.
19. Саяпин В.О. Сетевое общество как матрица современной структуры социальной виртуальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №1. С. 140–147.
20. Смирнов Э. Стратегический бренд-менеджмент. М.: Национальный институт бизнеса. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 216 с.
21. Томич М. Маркетинг в спорте. Рынок и спортивные продукты. М.: МАФСИ, 2002. 224 с.
22. Трубицын О.К. Формирование теории сетевого общества // Вестник РУДН. Сер. Философия. 2011. №2. С. 45–52.
23. Фролова О.Ю., Хорошева Т.А. Индустрия спорта: коммерческая деятельность и политика министерства спорта РФ // Вестник НГИЭИ. 2015. №9(52). С. 69–72.
24. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 588 с.
25. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981. 171 p.
26. McDonald M. Marketing Plans How to prepare them, how to use them. Oxford: Butterworth Heinemann, 1999. 578 p.
27. Ohmae K. The Borderless World. London: Collins, 1990. 276 p.

References

1. Aaker D. Sozdanie sil'nyh brendov [Creating strong brands]. Per. s angl. Moscow: Izdatel'skij dom Grebennikova, 2003. 340 p. (In Russ.).
2. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society. The experience of social forecasting]. Moscow: Academia, 2004. 788 p. (In Russ.).
3. Bodrijar Zh. Obshchestvo potreblenija. Ego mify i struktury [Consumer society. His myths and structures]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija; Respublika, 2006. 269 p. (In Russ.).
4. Bodrijar Zh. Sistema veshhej [The system of things]. Moscow: Rudomino, 1995. 224 p. (In Russ.).
5. Brendy i brending [Brands and branding]. Per. s angl. A. Izhorskij. Moscow: Olimp-Biznes, 2008. 328 p. (In Russ.).
6. Veblen T. Teorija prazdnogo klassa: jekonomicheskoe issledovanie institucij [Theory of the leisure class: economic research of institutions]. Moscow: Progress, 1984. 368 p. (In Russ.).
7. Godin A.A. Internet-reklama [Internet advertising]. Moscow: Dashkov i Ko, 2012. 168 p. (In Russ.).
8. Dauling G. Nauka i iskusstvo marketinga [Science and art of marketing]. Per. s angl. Saint Petersburg: Vektor, 2006. 392 p. (In Russ.).

9. Ivanov D.V. Gljem-kapitalizm: obshhestvo potreblenija v XXI v. [Glam capitalism: consumer society in the XXI century]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and social anthropology]. 2011; 5(58): 9–29. (In Russ.).
10. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internetе, biznese i obshhestve [Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg: U-Faktorija, 2004. 328 p. (In Russ.).
11. Kostikov V. Ju. Koncept sportivnogo brendinga: teoretiko-metodologicheskie parametry [The concept of sports branding: theoretical and methodological parameters]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of journalism]. 2017; 6(4): 615–630. (In Russ.).
12. Kohanovskij E. V. Sport kak kul'turnaja industrija v Rossii [Sport as a cultural industry in Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2012; 7(143): 141–147. (In Russ.).
13. Lednev V.A. Industrija sporta kak arena konkurentnoj bor'by [The sports industry as an arena of competitive struggle] [Elektronnyj resurs]. *Internet-zhurnal Naukovedenie* [Online journal of Science Studies]. 2013; 6(19). URL: <http://publ.naukovedenie.ru> (data obrashhenija: 17. 12. 2022). (In Russ.).
14. Marketing sporta [Sports Marketing]. Pod red. D. Bicha i S. Chedvika [In D. Beach and S. Chadwick (eds.)]; Per. s angl. 2-e izd. Moscow: Al'pina Publisher, 2015. 706 p. (In Russ.).
15. Markuze G. Odnomernyj chelovek [One-dimensional man]. Moscow: Ermak, 2003. 342 p. (In Russ.).
16. Ortega-i-Gasset H. Degumanizacija iskusstva [Dehumanization of art]. Moscow: Raduga, 1991. 639 p. (In Russ.).
17. Poljakova T.D. Sovremennye tendencii razvitija sporta vysokih dostizhenij v XXI v. [Modern trends in the development of high-achievement sports in the XXI century]. *Fizicheskaja kul'tura, sport, zdorovyj obraz zhizni v XXI veke* [Physical culture, sport, healthy life-style in the XXI century]. Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova, 2020. P. 136–141. (In Russ.).
18. Rudaja E. Osnovy brend-menedzhmenta [Fundamentals of brand management]. Moscow: Aspek Press, 2006. 256 p. (In Russ.).
19. Sajapin V.O. Setevoe obshhestvo kak matrica sovremennoj struktury social'noj virtual'nosti [Network society as a matrix of the modern structure of social virtuality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2016; (1): 140–147. (In Russ.).
20. Smirnov Je. Strategicheskij brend-menedzhment [Strategic brand management]. Moscow: Nacional'nyj institut biznesa. Rostov-on-Don: Feniks, 2004. 216 p. (In Russ.).
21. Tomich M. Marketing v sporte. Rynok i sportivnye produkty [Marketing in sports. Market and sports products]. Moscow: MAFSI, 2002. 224 p. (In Russ.).
22. Trubicyn O.K. Formirovanie teorii setevogo obshhestva [Formation of the theory of network society]. *Vestnik RUDN. Ser. Filosofija* [Bulletin of the RUDN. Ser. Philosophy]. 2011; (2): 45–52. (In Russ.).
23. Frolova O. Ju., Horosheva T.A. Industrija sporta: kommercheskaja dejatel'nost' i politika ministerstva sporta RF [Sports industry: Commercial activity and policy of the Ministry of Sports of the Russian Federation]. *Vestnik NGIJeI* [Bulletin of the NGIJeI]. 2015; 9(52): 69–72. (In Russ.).
24. Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man]. Per. s angl. M.B. Levina. Moscow: AST, 2015. 588 p. (In Russ.).
25. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981. 171 p.
26. McDonald M. Marketing Plans How to prepare them, how to use them. Oxford: Butterworth Heinemann, 1999. 578 p.
27. Ohmae K. The Borderless World. London: Collins, 1990. 276 p.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 12.02.2023.

The article was submitted on 26.01.2023; approved after reviewing on 07.02.2023; accepted for publication on 12.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Герасимов Максим Васильевич — преподаватель кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины», Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, 66

Maxim V. Gerasimov — Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Justice».

66 Lenin ave., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-212-218

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

Сергей Александрович Дементьев

*Южно-Российский гуманитарный институт, Ростов-на-Дону, Россия
s.a.dementiev2014@yandex.ru, ORCID: 0009-0002-6201-3686*

Аннотация. *Цель статьи* заключается в изучении особенностей обеспечения безопасности личности в глобальной сети Интернет.

Результаты исследования. Автор сосредотачивает внимание на различиях сетевой и реальной личности индивида и делает вывод о том, что отношение к собственной безопасности значительно отличается в виртуальной реальности. Объясняется это технической опосредованностью и асинхронным характером сетевой коммуникации. Безопасность личности в Интернете связывается, в первую очередь, с безопасностью личных данных и позиционируется как фундамент комфортной жизнедеятельности. Автор анализирует риски, с которыми сталкивается пользователь при внесении своих персональных данных в социальные сети на примере групп, имеющих интерес к конфиденциальным данным пользователей. Сделан вывод о том, что этикет общения в глобальной сети и низкая интернет-грамотность является важнейшим фактором в повышении рискованности интернет-коммуникаций.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем осмыслении механизмов обеспечения безопасности личности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: Интернет, сетевая личность, виртуальная реальность, безопасность личности, персональные данные, информационная безопасность, социальные сети

Для цитирования: Дементьев С. А. Безопасность личности в современной глобальной сети // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 212–218. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-212-218>.

Original article

PERSONAL SECURITY IN TODAY'S GLOBAL NETWORK

Sergey A. Dementiev

*South Russian Humanities Institute, Rostov-on-Don, Russia
s.a.dementiev2014@yandex.ru, ORCID: 0009-0002-6201-3686*

Abstract. *The purpose of the article is to study the features of personal security in the global Internet.*

The results of the study. *The author focuses on the differences between the network and the real personality of an individual and concludes that the attitude to one's own security is significantly different in virtual reality. This is explained by the technical mediation and asynchronous nature of network communication. Personal security on the Internet is associated, first of all, with the security of personal data and is positioned as the foundation of a comfortable life. The author analyzes the risks that a user faces when entering his personal data into social networks using the example of groups that have an interest in confidential user data. It is concluded that the etiquette of communication in the global network and low Internet literacy is the most important factor in increasing the risk of Internet communications.*

The prospects of the research *are to further comprehend the mechanisms of ensuring the security of the individual in the digital space.*

Keywords: *Internet, network personality, virtual reality, identity security, personal data, information security, social networks*

For citation: *Dementiev S.A. Personal security in today's global network // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 212–218. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-212-218>.*

Introduction. Глобальная сеть Интернет является важной частью жизни почти всех современных и прогрессивных людей, её охват по США — 93 %, в Европе — 88.2 %, а самый низкий — в Африке, где лишь 43 % населения имеет доступ к всемирной паутине¹. Интернет изначально позиционировался как международная база данных, в которой люди будут иметь доступ к важной информации, но современные тренды развития сети направлены, в первую очередь, на коммуникацию пользователей. Иными словами, база данных и «всемирная цифровая библиотека» возросла до полноценной виртуальной реальности, в которой люди общаются друг с другом посредством социальных сетей и мессенджеров. С одной стороны, коммуникация позволяет стирать границы, возводи-

мые между людьми, но с другой имеет опасности, связанные с безопасностью цифровой личности индивида. В этой работе мы предпримем попытку рассмотреть угрозы, которые представляет глобальная сеть Интернет для безопасности личности.

Materials and methods. В этой работе мы будем опираться на когнитивную теорию личности. Тематика цифровой личности и её особенностей в сети Интернет популярна среди множества исследователей. М. Ким вместе с коллегами анализировали влияние черт цифровой личности на агрессивное поведение [9], коллектив авторов во главе с М.А. Оливеро выявляли уязвимости и проблемы цифровой личности [11], а М. Диллер, М. Ассен и Т. Спет концентрировали своё внимание

¹ Internet Usage Statistics. The Internet Big Picture. World Internet Users and 2023 Population Stats. [Electronic resource] // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>.

на том, как трансформируется личность человека при переходе в цифровое пространство [8]. Примечательны также работы психологов К. Монтга и Дж. Д. Эльхай, рассматривающих психологический аспект формирования цифровой идентичности. Д. Азукар с коллегами предприняли попытку предсказать пять черт личности, наиболее часто проявляющихся в цифровой среде [7], а К. Салливан рассмотрел цифровую личность в правовом контексте [12]. Начнем с того, что «сетевая» личность человека значительно отличается от обычной. А. Е. Войскунский вместе с коллегами установили, что сетевая и реальная идентичности отличаются, в первую очередь, степенью влияния человека на неё [2]. Объясняется это следующим образом: в глобальной сети индивид имеет возможность корректировать черты своей личности так, как посчитает нужным, в то время как в реальности это реализовать намного сложнее. Другим важным фактором, отличающим сетевую личность от реальной, является доступность персональных данных другим пользователям, благодаря чему безопасность личности может оказаться под угрозой.

Results. В реальности персональные данные доступны только уполномоченным лицам, представителям власти, правоохранительным органам и другим компетентным группам, которые, предположительно, не смогут использовать персональные данные человека против него. Кража такой информации, как банковские реквизиты, паспортные данные, адрес и т.д., считается серьезным преступлением, вызывающим настороженность и опасения почти у всех обитателей «оффлайн»-реальности. Однако в глобальной сети персональные данные являются априори скомпрометированными, а процесс кражи в большинстве случаев остается незамеченным. Наибольшую опасность для личности в сети Интернет представляет кража персональных данных, которая может произойти как по вине самого пользователя, так и из-за внешних угроз (вирусы, мошенники, корпорации).

Персональные данные в реальности хранятся в двух видах: физически в сохранности у владельца или в оцифрованном виде у представителей власти и других компетентных лиц, имеющих возможности сохранить их

и не предать огласке. Для примера возьмем паспорт гражданина РФ. Он хранится в его физическом воплощении у владельца, а вся «цифровая» информация о нем может быть найдена у представителей власти, правоохранительных органов, банков и т.д. При этом потеря паспорта в его физическом воплощении вызывает серьезную панику практически у всех, ведь процедура его восстановления требует значительного времени и усилий. Аналогична ситуация и с информацией о банковских реквизитах. Потеря физической дебетовой карты может ввергнуть индивида в панику и заставить его звонить в банк и запрашивать блокировку карты. Однако в цифровой реальности человек добровольно предоставляет вышеописанные данные третьим лицам, надежность которых может находиться под вопросом, а сам факт потери персональных данных может быть не известен тому, кто их потерял [4].

Объясняется это самой сущностью интернет-среды — она нестабильна и небезопасна, так как протоколы безопасности требуют постоянного обновления, а мошенники постоянно улучшают свой рабочий инструментарий [1]. На основе этого можно сказать, что главную опасность для личности в сети Интернет представляет сам пользователь, зачастую не обладающий всей полнотой знаний о принципе работы всемирной сети и не умеющий реализовывать все необходимые процедуры для сохранения своих персональных данных.

Вышеописанные «персональные данные» в философском смысле являются «фундаментом» личности, так как, по сути, личность человека является можно считать их суммой. Знание социального статуса, хобби, семейного положения, материального достатка и адреса позволяет сказать о том, что о человеке «известно всё». Если представить теоретическую ситуацию, в которой мошенник, вымогатель или шантажист подойдет к жертве и скажет, что «знает все её секреты», то это вызовет экзистенциальный страх, связанный с повышенным чувством опасности за свою жизнь. Безопасность личности, по существу, является состоянием, в котором человек может быть уверен в том, что тайное, сокровенное и личное не попадет в чужие руки и не будет использовано против него.

Само понимание того, что кто-то знает о месте жительства, работе, семейном положении и прочих вещах, может привести к состоянию тревоги и оказать негативное влияние на психическое здоровье индивида. Из этого следует, что безопасность личности (личных данных) может считаться важнейшим условием безопасности экзистенциальной.

Особый интерес представляет отношение человека к безопасности своей личности в реальности и в сети, а именно — серьезные различия, наблюдаемые в отношении важности их сохранения. Мы считаем, что ощущение опасности имеет фундаментальные отличия в контексте онлайн- и офлайн-реальностей. Объясняется это тем, что в реальности кража персональных данных является атакой на «личность» конкретного человека и последствия от этого ощущаются в более традиционном формате. Иными словами, причина и следствие носят устоявшийся характер и являются известными большинству людей. Потеря паспорта по невнимательности ведёт к серьезным неприятностям, ведь его нашедший может использовать документ для совершения противоправных действий. Аналогично оценивается и попытка вытащить условный паспорт из сумки: злоумышленник хочет навредить и совершает противоправное действие. В глобальной сети это работает совершенно по-другому: персональные данные в абсолютном большинстве случаев не теряются по оплошности и не крадутся конкретным мошенником, имеющим интенцию навредить конкретному индивиду. Персональные данные крадутся большими партиями, выкупаются, сливаются и достаются в результате массивных хакерских атак [3]. Ни в одной из этих ситуаций конкретный пользователь не задействован и не понимает, что кто-то совершал противоправное действие по отношению к нему. Из этого следует, что асинхронность и опосредованность коммуникаций в Интернете притупляет чувство опасности и стремление защищать себя от нападков. Стоит добавить, что множество

пользователей просто не понимают ценности своих персональных данных в Интернете и не придают им серьезного значения.

Discussion. Исходя из вышеописанных результатов, остановимся подробнее на группах лиц, негативно влияющих на безопасность личности в Интернете.

Мошенники. Используют персональные данные для совершения противоправных действий. Банковские реквизиты могут быть использованы для покупок в сети Интернет без ведома владельца счёта в банке, паспортные данные могут быть использованы для оформления микрозаймов под высокий процент, номера телефонов и адреса электронной почты могут оказать содействие в рассылке спама. Мошенники могут украсть персональные данные пользователей, а могут приобрести украденные базы данных и использовать их в своих интересах. С 2020 года участились случаи телефонного мошенничества, когда преступники представляются сотрудниками банка и под разными предлогами просят жертв продиктовать им данные своих банковских карт². Чаще всего от них страдают люди старшего возраста, не обладающие знаниями о том, как противодействовать подобным нелегальным схемам. Увеличение числа подобных преступлений также может быть связано с пандемией коронавируса, из-за которой мошенничество, как и почти все сферы жизни общества, перешло в дистанционный формат³.

Корпорации. Такие компании, как Google, Facebook, Twitter, Apple, Microsoft и др., обладают огромным влиянием на информационную среду сети Интернет и имеют возможности им пользоваться для получения персональных данных пользователей способами различной степени законности [6]. Множество россиян пользуется американскими социальными сетями и ведет в них профили, наполняя их своими персональными данными. В случае обострения геополитической ситуации они могут быть использованы властями

² Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии. Каким преступлениям поспособствовала самоизоляция [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d> (дата обращения: 03.07.2021).

³ Эксперты назвали новые виды мошенничества киберпреступников в пандемию [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/10/2020/5f92846e9a79472ef8480c45 (дата обращения: 03.07.2021).

и силовыми структурами против интересов российских граждан. Вышеописанные корпорации также промышляют продажей рекламных площадей и применяют технологии таргетированной рекламы, запоминающие интересы пользователей и предоставляющие рекламные материалы, им соответствующие. На первый взгляд, это может показаться безобидным, но это, по сути, является использованием персональных данных в коммерческих целях.

Тролли и доксеры. Троллями можно охарактеризовать людей, получающих удовольствие от страданий других в сетевом пространстве. Определить тех, кто применяет кибербуллинг (цифровую травлю) против различных жертв, практически невозможно, следовательно, интернет-тролли не ограничивают себя в выражениях и способах нанести вред психике своих оппонентов и жертв. Доксеры — группы лиц, систематически крадущие и публикующие персональные данные пользователей сети Интернет в открытом доступе. Доксинг является относительно новым для России явлением, связанным с поиском и опубликованием персональной или конфиденциальной информации о человеке без его согласия [5]. Использование персональной информации индивида против него самого может нанести серьезный урон по психическому здоровью индивида, выбить его из привычной жизненной колеи, а в некоторых случаях даже разрушить отношения с друзьями и близкими людьми.

Стоит упомянуть, что деятельность вышеописанных акторов зависит, в первую очередь, от той среды, в которой они работают, а также от общего уровня коммуникативной интернет-грамотности человека, пользующегося глобальной сетью. Мошенники и прочие злоумышленники чаще опираются не на технические средства, а на неграмотность жертвы, не имеющей представления о том, как правильно обезопасить себя от незаконных действий в Интернете.

Conclusion. Как видно из вышеописанного, в глобальной сети существует множество рисков, связанных со снижением безопасности личности. Она связана, в первую очередь, с самой сущностью Интернета — постоянно меняющейся и трудно контро-

лируемой виртуальной реальностью, выход в которую не всегда безопасен для человека. Техническая опосредованность и асинхронность процесса коммуникации могут приглушить чувство опасности и сделать жертву более восприимчивой к технологическим и психологическим влияниям различных групп, заинтересованных в использовании персональных данных против человека. Интернет — реальность информационная, следовательно, вред человеку можно нанести лишь при помощи информации. Безопасность человека в Интернете напрямую связана с безопасностью его персональных данных, а именно — с уверенностью в том, что злоумышленники не смогут получить к ним доступ и использовать в своих целях. Таким образом, для повышения безопасности личности в Интернете необходимо работать над культурой общения, интернет-грамотностью и совершенствованием правовых норм, связанных с обеспечением безопасности личности в глобальной сети Интернет.

Список источников

1. Богданов А.В., Ильинский И. И., Хазов Е.Н. Киберпреступность и дистанционное мошенничество как одна из угроз современному обществу // Криминологический журнал. 2020. №1. С. 15–20.
2. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. №2. С. 98–121.
3. Герасимова А.В., Смирнов В.М. Обеспечение сохранности персональных данных в информационном пространстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №5-1. С. 13–15.
4. Дуданец К.И. Неправомерное использование персональных данных // Вестник Московского университета МВД России. 2011. №8. С. 221–223.
5. Летова Н.В., Полякова Т.А. Защита персональных данных граждан: особенности и проблемы // Образование и право. 2019. №10. С. 77–83.
6. Муромцева А.В., Муромцев В.В. Проблемы информационной безопасности в социальных сообществах в сети Интернет //

Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. №3 (5). С. 84–91.

7. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 124. P. 150–159.

8. Diller M., Asen M., Späth T. The effects of personality traits on digital transformation: Evidence from German tax consulting [Electronic resource] // International Journal of Accounting Information Systems. 2020. Vol. 37. URL: <https://doi.org/10.16/j.accinf.2020.100455>.

9. Kim M., Clark S.L., Donnellan M.B., Burt S.A. A multi-method investigation of the personality correlates of digital aggression [Electronic resource] // Journal of Research in Personality. 2020. Vol. 85. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2020.103923>.

10. Montag C., Elhai J.D. A new agenda for personality psychology in the digital age? [Electronic resource] // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 147. P. 128–134. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.03.045>.

11. Olivero M.A., Bertolino A., Domínguez-Mayo F. J., Escalona M.J., Matteucci I. Digital persona portrayal: Identifying pluridentity vulnerabilities in digital life [Electronic resource] // Journal of Information Security and Applications. 2020. Vol. 52. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2020.102492>.

12. Sullivan C. Digital identity — From emergent legal concept to new reality. Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34(4). P. 723–731.

References

1. Bogdanov A. V., Il'inskij I. I., Hazov E. N. Kiberprestupnost' i distancionnoe moshenichestvo kak odna iz ugroz sovremennomu obshhestvu [Cybercrime and remote fraud as one of the threats to modern society]. *Kriminologicheskij zhurnal* [Criminological Journal]. 2020; (1): 15–20. (In Russ.).

2. Vojskunskij A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Ju. Setevaya i real'naja identichnost': sravnitel'noe issledovanie [Network and real identity: a comparative study]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2013; 10(2): 98–121. (In Russ.).

3. Gerasimova A. V., Smirnov V. M. Obespechenie sohrannosti personal'nyh dannyh v informacionnom prostranstve [Ensuring the safety of personal data in the information space]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2021; (5-1): 13–15. (In Russ.).

4. Dudanec K. I. Nepravomernoe ispol'zovanie personal'nyh dannyh [Misuse of personal data]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2011; (8): 221–223. (In Russ.).

5. Letova N. V., Poljakova T. A. Zashhita personal'nyh dannyh grazhdan: osobennosti i problemy [Protection of personal data of citizens: features and problems]. *Obrazovanie i pravo* [Education and law]. 2019; 10: 77–83. (In Russ.).

6. Muromceva A. V., Muromcev V. V. Problemy informacionnoj bezopasnosti v social'nyh soobshhestvakh v seti Internet [Problems of information security in social communities on the Internet]. *Vestnik RGGU. Seriya «Jekonomika. Upravlenie. Pravo»* [Bulletin of the Russian State University. The series «Economics. Management. Right»]. 2016; 3(5): 84–91. (In Russ.).

7. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 124. P. 150–159.

8. Diller M., Asen M., Späth T. The effects of personality traits on digital transformation: Evidence from German tax consulting [Electronic resource] // International Journal of Accounting Information Systems. 2020. Vol. 37. URL: <https://doi.org/10.16/j.accinf.2020.100455>.

9. Kim M., Clark S.L., Donnellan M.B., Burt S.A. A multi-method investigation of the personality correlates of digital aggression [Electronic resource] // Journal of Research in Personality. 2020. Vol. 85. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2020.103923>.

10. Montag C., Elhai J. D. A new agenda for personality psychology in the digital age? [Electronic resource] // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 147. P. 128–134. URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.03.045>.

11. Olivero M.A., Bertolino A., Domínguez-Mayo F. J., Escalona M.J., Matteucci I. Dig-

ital persona portrayal: Identifying pluridentity vulnerabilities in digital life [Electronic resource] // Journal of Information Security and Applications. 2020. Vol. 52. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2020.102492>.

12. Sullivan C. Digital identity — From emergent legal concept to new reality. Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34(4). P.723–731.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 14.02.2023.

The article was submitted on 28.01.2023; approved after reviewing on 10.02.2023; accepted for publication on 14.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьев Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», Южно-Российский гуманитарный институт.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, 108

Sergey A. Dementiev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, South Russian Humanitarian Institute.

108 Krasnoarmeyskaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-219-227

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Анна Александровна Залевская

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

anna.zalevskaya92@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0055-5626

Аннотация. *Цель исследования.* Целью данной статьи является социально-философское осмысление условий и факторов формирования профессиональной субъектности личности в условиях цифровизации общества.

Методологическая база исследования. В статье рассматривается разнообразие точек зрения и исследовательских позиций относительно реалий и перспектив цифрового общества как социальной среды развития профессиональной субъектности личности с акцентом на необходимости создания оптимальных условий сосуществования человека и «цифры» как новой среды жизнедеятельности личности.

Результаты исследования. Современная цифровая среда с ее потенциалом и рисками должна быть освоена человеком таким образом, чтобы гуманитарная составляющая профессиональной деятельности не вытеснялась цифровой. На данный момент готовности к условиям осуществления в такой среде в российском обществе не наблюдается. Субъектность — базовое условие эффективной и благоприятно влияющей на духовное и физическое состояние личности профессиональной деятельности. Она поступательно утрачивается на фоне динамично развивающихся цифровых технологий. Ресурсы социально-философского поиска определяются в качестве необходимых для регуляции профессионально-трудовых отношений в современном обществе в координатах стремительного перехода к цифровым практикам.

Перспективы исследования. Цифровая реальность и ее динамичное развитие определяют не только перспективы, но и необходимость глубокой социально-философской рефлексии человеческих ресурсов (социальных, нормативно-правовых, психологических, образовательных, политических и др.) регуляции взаимодействий в условиях развития систем искусственного интеллекта, активно конкурирующих с человеческим.

Ключевые слова: субъектность, цифровизация, профессиональная субъектность, рынки труда, цифровизация образования, цифровая молодежь, цифровое поколение

Для цитирования: Залевская А. А. Профессиональная субъектность личности в условиях цифровизации общества: социально-философский анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 219–227. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-219-227>.

Original article

PROFESSIONAL SUBJECTIVITY OF PERSONALITY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Anna A. Zalevskaya

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
anna.zalevskaya92@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0055-5626*

Abstract. *The purpose of the study.* The purpose of this article is a socio-philosophical understanding of the conditions and factors of the formation of professional subjectivity of the individual in the conditions of digitalization of society.

Methodological basis of the study. The article examines the diversity of points of view and research positions regarding the realities and prospects of digital society as a social environment for the development of professional subjectivity of the individual, with an emphasis on the need to create optimal conditions for the coexistence of a person and a «digit» as a new environment for the life of the individual.

The results of the study. The modern digital environment with its potential and risks should be mastered by a person in such a way that the humanitarian component of professional activity is not displaced by digital. At the moment, there is no readiness for the conditions of implementation in such an environment in Russian society. Subjectivity is the basic condition for an effective and beneficial professional activity affecting the spiritual and physical state of a person. It is progressively being lost against the background of dynamically developing digital technologies. The resources of socio-philosophical search are defined as necessary for the regulation of professional and labor relations in modern society in the coordinates of the rapid transition to digital practices.

Research prospects. Digital reality and its dynamic development determine not only the prospects, but also the need for a deep socio-philosophical reflection of human resources (social, regulatory, psychological, educational, political, etc.) regulation of interactions in the context of the development of artificial intelligence systems that actively compete with human.

Keywords: subjectivity, digitalization, professional subjectivity, labor market, digitalization of education, digital youth, digital generation

For citation: Zalevskaya A. A. Professional subjectivity of personality in the conditions of digitalization of society: socio-philosophical analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 219–227. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-219-227>.

Введение. Профессиональное становление и развитие личности зависят от различных факторов, в совокупности отражающих дух эпохи, специфику ее социокультурной динамики. Наиболее значимым, глобальным фактором для развития современного общества и его отдельных социальных групп и личности выступает фактор цифровизации, пронизывающий все сферы

общественной жизни. С того момента, как эти тенденции в значительной степени стали влиять на ход и динамику общественной жизни и жизни отдельной личности, ученые обратились к этому феномену — цифровизации — с целью оценки современных реалий цифровизации и последствия ее влияния в проекции будущего общества, его отдельных социальных институтов

и личности¹. Значимая часть исследований в этом направлении посвящена проблеме социализации молодых поколений в эпоху цифровых технологий [19; 17], и исследователи уже активно используют понятие «цифровой» молодежи как той, социализация которой с раннего детства происходит в цифровой среде [7; 11; 14; 23]. Большое количество научных работ в контексте различных дисциплинарных практик посвящено проблеме цифровизации образования [2; 4; 5; 10; 25; 27; 28; 31; 33], а пандемия коронавируса и переход к онлайн-образованию стали источником острого дискурса вокруг цифровизации и онлайнизации образования [3; 13; 20; 21].

Профессиональная сфера жизнедеятельности личности — одна из важнейших и наиболее подверженных тенденциям цифровизации общества. Работы в данном направлении также представлены в научном дискурсе. В основном исследователи обращаются к проблемам динамики профессионально-трудовых отношений в координатах цифровизации общества [22], а также к структурным изменениям в самой системе профессионализации и в мире профессий в условиях цифровой экономики [15], которая весьма актуально ставит вопросы о сосуществовании человека и машин на рынке труда, о конкурентоспособности человека при таком динамичном развитии технологий, связанных с искусственным интеллектом [29].

На фоне происходящих «цифровых» изменений в профессиональной сфере общества актуализируется проблема профессиональной субъектности личности, социально-философский контекст изучения которой связан с осмыслением процессов профессионального самоопределения, саморазвития, самопреобразования в конкретных условиях социальной реальности, на данный момент находящихся под воздействием цифровизации как глобального явления современной эпохи.

Цифровизация общества и профессиональная субъектность личности в плоскости социально-философской рефлексии. Цифровизация — явление не столько новое,

сколько закономерное с точки зрения социокультурной динамики развития общества, в котором поступательное развитие технологий привело к появлению новых информационных технологий, ознаменовавших перевод от аналоговых к цифровым способам обработки информации, но только социальный контекст, связанный с тотальным проникновением «цифры» в социальную ткань общества, создал этот эффект — социальной цифровизации [18].

Плохо это или хорошо? Однозначного ответа быть не может. Е. Е. Елькина справедливо пишет о том, что любая технология носит амбивалентный характер, а потому и цифровые технологии по итогам их применения могут стать как благом, так и серьезной угрозой для человечества и человека [8], что сейчас мы наблюдаем в виде процессов оцифровки человека, усиления контроля с помощью использования биометрических данных, роста глобальных рисков ввиду создания целостного информационного общества, взаимозависимого как в положительных, так и негативных тенденциях развития.

Цифровизация, как пишут исследователи, стала закономерным этапом на пути развития общества в формате информатизации и компьютеризации, но цифровизация по сравнению с предшествующими этапами технического прогресса создала гораздо большие возможности и представления информации, и использования ее для решения многочисленных задач как производственного, так и личного свойства [30]. Посредством цифровых технологий развиваются коммуникативные связи, структуры, формируется дружественное окружение, создается глобальное пространство коммуникации для решения различного рода задач. Но никто не отменял и риски, формируемые в этом глобальном пространстве информатизации и цифровизации, которые также носят глобальный характер [24], отражаясь на финансовом состоянии государства и его социокультурном развитии, связанном с трансляцией культурных ценностей, знаний, норм, под влиянием цифровой глобализации зачастую утрачивающих свое первостепенное значение. Эти противоречи-

¹ Цифровизация человека: влияние цифровых технологий на общество [Электронный ресурс] // Mentamore. URL: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html>.

вые последствия цифровизации и порождают в научной среде дискурс относительно самой цифровизации, ее влияния на динамику общественного развития и отдельные сферы общественной жизни.

Хорошо известно, что профессионализация самым непосредственным образом связана с процессом становления и развития субъектности личности. Именно этот параметр профессионализации — профессиональная субъектность — отражает сущностное содержание человека как профессионала, как представителя определенной профессии с мотивацией к выполнению этой деятельности, с тем или иным профессиональным потенциалом, ценностью профессии для личности, осознанием своего места в профессии и роли в профессиональном пространстве.

Эпоха цифровизации внесла свои коррективы в формирование профессиональной субъектности, которая по-разному рассматривается исследователями, но в социально-философском контексте смысловым ядром данного понятия, на наш взгляд, выступает способность общества, социальных групп, отдельной личности быть активным творцом профессиональной реальности в процессе реализации профессиональной деятельности. Данное суждение логично выводится из представлений о профессиональной субъектности И. Н. Алексеенко, который под данным феноменом предлагает понимать «специфическую форму самоопределения в мире профессий как имманентной составляющей мира культуры, стремящуюся при этом к высшей форме своего проявления», что, с его точки зрения, непосредственно связано с профессиональной культурой как сущностной характеристикой целостности личности [1, с. 129]. Но сразу же возникает вопрос: насколько возможно обеспечение этой целостности в эпоху господства цифровой (электронной) культуры, в эпоху цифрового общества, когда, по словам, Н. А. Касавиной, «информационные технологии являются вызовом традиционным формам личностного становления через значимую коммуникацию, традицию, экзистенциальное соприкосновение человека с реальностью», когда «выбор виртуальных возможностей оборачивается утратой Я, расщеплением идентичности, отчуждением личности от собственной теле-

сности, угрозой здоровому физическому состоянию» [9, с. 132–134].

Если принять во внимание тот факт (для нас он выступает очевидным), что субъектность есть базис профессионала и профессионализма, поскольку только на основе субъектности может сформироваться и реализоваться личность в профессии, найти в ней себя и добиться успеха [26], то сразу актуализируется проблема формирования профессиональной субъектности в эпоху цифровизации с ее высокой динамикой на рынке профессий и труда. Речь идет о различных проявлениях цифровизации в пространстве профессионально-трудовых отношений и рынка труда, что сильно влияет на формирование профессиональной субъектности личности.

Во-первых, как отмечает Е. С. Садовая, активное внедрение высокоинтеллектуальных технологий в жизнь общества значительно повлияло на все сферы жизни, в том числе и на ситуацию на рынке труда, на его сокращение. Это остро поставило вопрос о будущем кадровой сферы экономики России, о том, как будут складываться отношения между машинами и человеком в условиях динамичного развития систем искусственного интеллекта, замещающего человеческий труд, о том, какими компетенциями необходимо овладеть человеку в цифровой среде, чтобы успешно конкурировать с машинами и гармонично сосуществовать с ними в инновационной среде [22].

Во-вторых, следуя суждениям Т. Г. Лешкевич, стоит отметить, что в условиях современной цифровой эпохи формируются новые типы субъектности, адекватные образу человека-виртуала во главе с ценностями дигитального мира, ориентированными на «сетевой успех» с вариативной идентификацией, не сопоставимой с традиционными ценностями с их базисным основанием — рефлексивным осмыслением бытия. Все это остро ставит вопросы о проблемах передачи гуманитарных ценностей тем, кто сегодня олицетворяет цифровое общество, — представителям цифрового поколения [12]. Это поколение, может, не понимая этого, находится между двух миров — миром, созданным цифровыми технологиями, и человеческим миром. И в сфере профессиональной деятельности этот когнитивный диссонанс проявляет себя

весьма значительно, когда гуманное отношение к людям сталкивается с миром компьютеров и цифровых технологий. Необходимость гуманитарного протеста, по мнению Т.Г. Лешкевич, крайне важна в создавшихся условиях, характеризующихся тенденциями разрушения человеческих ценностей.

И, наконец, вполне логичным видится вывод нормативно-правового порядка И.А. Филиповой о том, что трудовое законодательство в ближайшей исторической перспективе ждут значительные изменения в условиях цифровизации экономической и социальной среды, бурного развития искусственного интеллекта и исчезновения многих профессий и рабочих мест, образования новых, не требующих определенной части интеллектуального труда и определенных затрат физического труда. В таких условиях требуется создать нормативно-трудовые механизмы урегулирования профессионально-трудовых проблем и отношений, обеспечения их безопасности с целью формирования пространства совместной работы людей и роботов в режиме оптимальной эффективности и стабильности [29].

Важным вопросом в виду всего сказанного выше выступает следующий. Готово ли общество к подобным изменениям, к подобным вызовам и рискам? Эти риски и вызовы только обозначили свои контуры, но они уже не за горизонтом, и, как полагают исследователи, российская молодежь к ним не готова [6]. Об этом говорят многочисленные данные кризисной адаптации молодежи на рынке труда, особенно той части молодежи, которая впервые выходит на рынок труда после получения профессионального образования [32].

Выводы. Итак, цифровой мир принципиально отличается от того, что был прежде. Это относится к самым различным сферам общественной жизни, а также к такой важнейшей, как сфера профессиональной деятельности, в которой профессиональной субъектности отводится ключевая роль. Именно субъектность в профессии становится фактором эффективной профессионализации и профессионального успеха, знаком «качества» профессионального труда. Но как обрести профессиональную субъектность в мире, в котором, по словам ученых [16], утрачивается ценность отдельно взятой лич-

ности, стираются границы между духовными и материальными ценностями, а машины все активнее заменяют человека в области профессионально-трудовой деятельности?

Ценность «живого» человеческого труда постепенно заменяется ценностью цифрового, машинного труда. Цифровые технологии, которые, безусловно, принесли много блага человечеству, угрожают человеку потерей субъектности, профессиональной идентичности и несут массу проблем экзистенциально-психологического порядка: осознание своей жизненной неустроенности, потерю своего места в мире профессий и труда, отсутствие видения будущего, возможностей самореализации в жизни, последующую депрессию, разрушение привычного образа мира и своего места в нем.

Профессиональная субъектность чрезвычайно важна для ощущения своей устойчивости в мире, своей нужности, уверенности в настоящем и будущем, а потому социально-философский анализ условий и путей ее формирования является важной и перспективной нишей научно-исследовательской рефлексии.

Список источников

1. Алексеенко И.Н. Определение сущности профессиональной субъектности в социо-философском дискурсе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. №3. С. 127–131.
2. Богословский В.И., Аниськин В.Н. Роль и место холистичной информационно-образовательной среды на этапе цифровизации процессов обучения и воспитания личности // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. №4(25). С. 305–311.
3. Великая Т.В. Цифровизация образовательной деятельности в период коронавирусной инфекции // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. №2. С. 70–80.
4. Воденко К.В., Боровая Л.В., Ефимов А.В. Российское образование в условиях глобальной информатизации и цифровизации: социально-философский дискурс // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №3. С. 36–44.
5. Гребенникова В.М., Новикова Т.В. К вопросу о цифровизации образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. №5. С. 158–165.

6. Гужавина Т.А. Готовность молодежи к жизнедеятельности в условиях цифровизации // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. №4. С. 4.
7. Дунас Д.В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. №78. С. 200–224.
8. Елькина Е.Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. №2. С. 195–203.
9. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. №4. С. 129–142.
10. Ключкова Е.Н., Садовникова Н.А. Трансформация образования в условиях цифровизации // Открытое образование. 2019. №23(4). С. 13–22.
11. Кульчицкая Д.Ю., Филаткина Г.С. Фоновое медиапотребление как часть медиапрактик российской «цифровой молодежи» // Медиаскоп. 2021. №1. С. 8.
12. Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. №3. С. 53–63.
13. Лубский А.В., Ковалев В.В. От «онлайнизации» высшей школы к онлайн-образованию // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №2. С. 33–50.
14. Мешкова Л.Н. Влияние особенностей цифровой среды на социализацию цифрового поколения // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. №4. С. 10–21.
15. Мкртумова А.А. Трансформация роли человека в условиях цифровизации экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13. №6. С. 1163–1168.
16. Морозов А.В. Субъектность и цифровизация // Глобальная экономика и образование. 2021. Т. 1. №4. С. 99–107.
17. Никитина Д.О. Социализация молодежи в условиях цифрового общества // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. №5. С. 264–269.
18. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т. 1. №1. С. 18–28.
19. Пак Л.Г. Социализация цифрового поколения студенческой молодежи в архитектонике высшего образования: теоретико-прикладной аспект // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2021. №1(37). С. 190–204.
20. Радаев В.В. Переход к онлайн-образованию в условиях пандемии: первые итоги // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. №1. С. 6–17.
21. Румянцева А.Ю., Тарутко О.А. Анализ влияния пандемии на образовательную экосистему // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. №4(68). С. 188–196.
22. Садовая Е.С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. №3. С. 6–20.
23. Саидова Л.И. Цифровая молодежь и роль экологического туризма в преодолении рисков ее социализации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №6. С. 141–148.
24. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Кузнецова А.В. Информационные аспекты обеспечения финансовой безопасности российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 3. №11. С. 165–172.
25. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образовании // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. №2. С. 84–88.
26. Темнова Л.В. Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования: дис. ... д-ра. психол. наук. 19.00.13. М., 2001. 322 с.
27. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая и др.; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 343 с.
28. Тюкавкин Н.М. Цифровизация образовательных процессов в вузах // Эксперт: теория и практика. 2019. №1(1). С. 35–41.
29. Филипова И.А. Правовое регулирование труда 2020: смена парадигмы как следствие цифровизации экономики // Юрист. 2018. №11. С. 31–35.

30. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. №10(118). С. 46–63.

31. Шапинская Е. Н. Образование в эпоху «цифры»: учение или развлечение? [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2019. №2. URL: <http://cult-cult.ru/education-in-the-digital-age-learning-or-entertainment/>.

32. Шинкаренко Е. А. Первая работа молодежи: желаемые сценарии и реальные практики // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. №2(62). С. 18–28.

33. Яницкий М. С. Психологические аспекты цифрового образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. №2(34). С. 38–44.

References

1. Alekseenko I. N. Opredelenie sushhnosti professional'noj sub'ektnosti v socio-filosofskom diskurse [Definition of the essence of professional subjectivity in socio-philosophical discourse]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2017; 9(3): 127–131. (In Russ.).

2. Bogoslovskij V. I., Anis'kin V. N. Rol' i mesto holistichnoj informacionno-obrazovatel'noj sredy na jetape cifrovizacii processov obuchenija i vospitanija lichnosti [The role and place of a holistic information and educational environment at the stage of digitalization of the processes of education and upbringing of the individual]. *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. 2018; 4(25): 305–311. (In Russ.).

3. Velikaja T. V. Cifrovizacija obrazovatel'noj dejatel'nosti v period koronavirusnoj infekcii [Digitalization of educational activity during coronavirus infection]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Nauka. Culture. Society]. 2022; 28(2): 70–80. (In Russ.).

4. Vodenko K. V., Borovaja L. V., Efimov A. V. Rossijskoe obrazovanie v usloviyah global'noj informatizacii i cifrovizacii: social'no-filosofskij diskurs [Russian education in the conditions of global informatization and digitalization: socio-philosophical discourse]. *Gumanitarnij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2020; 9(3): 36–44. (In Russ.).

5. Grebennikova V. M., Novikova T. V. K voprosu o cifrovizacii obrazovanija [On the issue of digitalization of education]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2019; 11(5): 158–165. (In Russ.).

6. Guzhavina T. A. Gotovnost' molodezhi k zhiznedejatel'nosti v usloviyah cifrovizacii [Youth readiness for life in the conditions of digitalization]. *Voprosy territorial'nogo razvitija* [Issues of territorial development]. 2020; 8(4): 4. (In Russ.).

7. Dunas D. V. Media i socializacija: pervichnaja, vtorichnaja ili samosocializacija? Opyt izuchenija mediapotreblenija «cifrovoj molodezhi» Rossii [Media and socialization: primary, secondary or self-socialization? The experience of studying the media consumption of the «digital youth» of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2022; (78): 200–224. (In Russ.).

8. El'kina E. E. Cifrovaja kul'tura: ponjatie, modeli i praktiki [Digital culture: concept, models and practices]. *Informacionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tehnologii budushhego* [Information society: education, science, culture and technologies of the future]. 2018; (2): 195–203. (In Russ.).

9. Kasavina N. A. Chelovek i tehnika: ambivalentnost' jelektronnoj kul'tury [Man and technology: ambivalence of electronic culture]. *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of Science]. 2018; 55(4): 129–142. (In Russ.).

10. Klochkova E. N., Sadovnikova N. A. Transformacija obrazovanija v usloviyah cifrovizacii [Transformation of education in the conditions of digitalization]. *Otkrytoe obrazovanie* [Open education]. 2019; 23(4): 13–22. (In Russ.).

11. Kul'chickaja D. Ju., Filatkina G. S. Fonovoe mediapotreblenie kak chast' mediapraktik rossijskoj «cifrovoj molodezhi» [Background media consumption as part of the media practices of the Russian «digital youth»]. *Mediaskop*. 2021; (1): 8. (In Russ.).

12. Leshkevich T. G. Chelovek-virtual i peredacha kul'turnyh cennostej pokoleniju jepohi cifry [Virtual man and the transfer of cultural values to the generation of the Digital era]. *Voprosy filosofii* [Questions philosophy]. 2022; (3): 53–63. (In Russ.).

13. Lubskij A.V., Kovalev V.V. Ot «onlajnizacii» vysshej shkoly k onlajn-obrazovaniju [From «onlinization» of higher school to online education]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2020; 9(2): 33–50. (In Russ.).

14. Meshkova L.N. Vlijanie osobennostej cifrovoj sredy na socializaciju cifrovogo pokolenija [The influence of the features of the digital environment on the socialization of the digital generation]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2022; (4): 10–21. (In Russ.).

15. Mkrtumova A.A. Transformacija roli cheloveka v uslovijah cifrovizacii jekonomiki [Transformation of the human role in the conditions of digitalization of the economy]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative Economy]. 2019; 13(6): 1163–1168. (In Russ.).

16. Morozov A.V. Sub'ektnost' i cifrovizacija [Subjectivity and digitalization]. *Global'naja jekonomika i obrazovanie* [Global Economy and Education]. 2021; 1(4): 99–107. (In Russ.).

17. Nikitina D.O. Socializacija molodezhi v uslovijah cifrovogo obshhestva [Socialization of youth in a digital society]. *Russian Economic Bulletin* [Russian Economic Bulletin]. 2020; 3(5): 264–269. (In Russ.).

18. Nicevich V.F. Cifrovaja sociologija: teoretiko-metodologicheskie istoki i osnovanija [Digital sociology: theoretical and methodological origins and foundations]. *Cifrovaja sociologija* [Digital sociology]. 2018; 1(1): 18–28. (In Russ.).

19. Pak L.G. Socializacija cifrovogo pokolenija studencheskoj molodezhi v arhitektonike vysshego obrazovanija: teoretiko-prikladnoj aspekt [Socialization of the digital generation of students in the architectonics of higher education: theoretical and applied aspect]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University]. 2021; 1(37): 190–204. (In Russ.).

20. Radaev V.V. Perehod k onlajn-obrazovaniju v uslovijah pandemii: pervye itogi [Transition to online education in a pandemic: the first results]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. 2022; 26(1): 6–17. (In Russ.).

21. Rumjanceva A. Ju., Tarut'ko O.A. Analiz vlijanija pandemii na obrazovatel'nuju jekosis-

temu [Analysis of the impact of the pandemic on the educational ecosystem]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences]. 2022; 4(68): 188–196. (In Russ.).

22. Sadovaja E.S. Chelovek v cifrovom obshhestve: dinamika social'no-trudovyh otnoshenij [A person in a digital society: dynamics of social and labor relations]. *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences]. 2018; 19(3): 6–20. (In Russ.).

23. Saidova L.I. Cifrovaja molodezh' i rol' jekologicheskogo turizma v preodolenii riskov ee socializacii [Digital youth and the role of ecological tourism in overcoming the risks of its socialization]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2021; 14(6): 141–148. (In Russ.).

24. Samygin S.I., Vereshhagina A.V., Kuznečova A.V. Informacionnye aspekty obespečeni-ja finansovoj bezopasnosti rossijskogo obshhestva [Informational aspects of ensuring financial security of the Russian society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2015; 3(11): 165–172. (In Russ.).

25. Strekalova N.B. Riski vnedrenija cifrovych tehnologij v obrazovanii [Risks of introduction of digital technologies in education]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology]. 2019; 25(2): 84–88. (In Russ.).

26. Temnova L.V. Lichnostno-professional'noe razvitie psihologa v sisteme vysshego obrazovanija: dis. ... d-ra. psihol. Nauk [Personal and professional development of a psychologist in the system of higher education. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. 19.00.13. Moscow, 2001. 322 p. (In Russ.).

27. Trudnosti i perspektivy cifrovoj transformacii obrazovanija [Difficulties and prospects of digital transformation of education]. A. Ju. Uvarov, Je. Gejbl, I. V. Dvoreckaja i dr.; pod red. A. Ju. Uvarova, I. D. Frumina [In A. Yu. Uvarov, I. D. Frumin (eds.)]. Moscow: Izd. dom VShJe, 2019. 343 p. (In Russ.).

28. Tjukavkin N.M. Cifrovizacija obrazovatel'nyh processov v vuzah [Digitalization of educational processes in universities]. *Jekspert: teorija i praktika* [Expert: theory and practice]. 2019; 1(1): 35–41. (In Russ.).
29. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie truda 2020: smena paradigmy kak sledstvie cifrovizacii jekonomiki [Legal regulation of labor 2020: paradigm shift as a consequence of digitalization of the economy]. *Jurist* [Lawyer]. 2018; (11): 31–35. (In Russ.).
30. Halin V.G., Chernova G.V. Cifrovizacija i ee vlijanie na rossijskuju jekonomiku i obshhestvo: preimushhestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting]. 2018; 10(118): 46–63. (In Russ.).
31. Shapinskaja E.N. Obrazovanie v jepohu «cifry»: uchenie ili razvlechenie? [Education in the era of «numbers»: teaching or entertainment?] [Elektronnyj resurs]. *Kul'tura kul'tury* [Culture of culture]. 2019; (2). URL: <http://cult-cult.ru/education-in-the-digital-age-learning-or-entertainment/>. (In Russ.).
32. Shinkarenko E.A. Pervaja rabota molodezhi: zhelaemye scenarii i real'nye praktiki [The first work of youth: desired scenarios and real practices]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* [Izvestiya of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]. 2022; 2(62): 18–28. (In Russ.).
33. Janickij M.S. Psihologicheskie aspekty cifrovogo obrazovanija [Psychological aspects of digital education]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Vocational education in Russia and abroad]. 2019; 2(34): 38–44. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 18.02.2023; approved after reviewing on 24.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Залевская Анна Александровна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, Г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Anna A. Zalevskaya — Graduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 141.1; 141.7; 316.75

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-228-233

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ КОНСТРУКТА «ЭКОФИЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

Вера Александровна Захарова

*Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Симферополь, Россия
zakharova7vera@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2697-8926, AuthorID РИНЦ: 857178*

Аннотация. Цель исследования. Цель статьи заключается в выявлении особенностей онтологического среза конструкта «экофильное поведение» как базовой компоненты формирования инновационного экологического технологического уклада в контексте реализации стратегии развития современной России.

Методологическая база исследования представлена диатропикой как гносеологическим комплексом познавательных средств, направленных на обоснование доминанции принципа равноценности права на жизнь всех ее форм как системообразующего элемента коэволюционного процесса, являющегося естественным условием формирования инновационного экологического технологического уклада.

Результаты исследования. В онтологическом контексте философской рефлексии в статье раскрываются особенности конструкта «экофильное поведение». Осмысливается его императивное значение как ментальной основы экологической стратегии развития Российской Федерации. Диатропически обосновывается трансформация онтологических форм конструкта — феномена экофильного поведения в амплитуде перехода от идеальной модели экофильного поведения к форматам ее материализации в сфере субъект-объектного экообщения, восходящих к формату выполнения им роли фактора созидания инновационного экологического технологического уклада в нашей стране как условия обеспечения высоких стандартов безопасной и комфортной жизни россиян.

Перспективы исследования связаны с разработкой теоретико-концептуальных оснований решения актуальной научной проблемы формирования модели обеспечения органами государственной власти и институтами гражданского общества в Российской Федерации перехода от акцента на формально-декларативный тип экологического поведения молодежи к акценту на сознательно-ответственный тип ее экологического поведения.

Ключевые слова: философская рефлексия, онтология экообщения, экофильное поведение, постиндустриализм, экологичный технологический уклад

Для цитирования: Захарова В.А. Онтологический аспект философской рефлексии конструкта «экофильное поведение» // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 228–233. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-228-233>.

Original article

FEATURES OF THE ONTOLOGICAL SECTION OF PHILOSOPHICAL REFLECTION OF THE CONSTRUCTION «ECOPHILIC BEHAVIOR»

Vera A. Zakharova

*Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education «Russian State University of Justice», Simferopol, Russia
zakharova7vera@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2697-8926, AuthorID RSCI: 857178*

Abstract. Purpose of the study. The purpose of the article is to identify the features of the ontological cut of the construct «ecophilic behavior» as a basic component of the formation of an innovative environmentally friendly technological order in the context of implementing the development strategy of modern Russia.

The methodological base of the study is presented by diatropics as an epistemological complex of cognitive means aimed at substantiating the dominance of the principle of equivalence of the right to life of all its forms as a system-forming element of the co-evolutionary process, which is a natural condition for the formation of an innovative environmentally friendly technological order.

Research results. In the ontological context of philosophical reflection, the article reveals the features of the construct «ecophilic behavior». It comprehends its imperative meaning as the mental basis of the ecological development strategy of the Russian Federation. Diatropically substantiates the transformation of the ontological forms of the construct-phenomenon of ecophilic behavior in the amplitude of the transition from the ideal model of ecophilic behavior to the formats of its materialization in the sphere of subject-object eco-communication, going back to the format of playing the role of a factor in the creation of an innovative environmentally friendly technological order in our country as a condition for ensuring high standards of safe and comfortable life of Russians.

The research prospects are connected with the development of theoretical and conceptual foundations for solving the actual scientific problem of forming a model for ensuring the transition from an emphasis on the formally declarative type of environmental behavior of young people to an emphasis on a consciously responsible type of their environmental behavior by state authorities and civil society institutions in the Russian Federation.

Keywords: philosophical reflection, ontology of eco-communication, ecophilic behavior, post-industrialism, eco-friendly technological order

For citation: Zakharova V.A. The ontological aspect of philosophical reflection of the construction «ecophilic behavior» // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 228–233. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-228-233>.

Введение. В условиях нарастающих негативных для экосферы последствий мирового геополитического кризиса, наиболее ярко проявляющихся в попытках усиления санкционного давления «коллективного Запада» на Российскую Федерацию с целью ее экономического ослабления, очевидным становится банкротство не только его прежнего кур-

са на использование техногенных практик, но и непоследовательных попыток перехода к устойчивому развитию за счет внедрения, скорее, не столько «зеленых», сколько гибридных технологий, в большей мере имитирующих естественную природосообразность механизма энергообмена в обеспечении сложившегося за последние 300 лет капиталис-

тического индустриального хозяйственного уклада. Ныне пробуксовывает утверждавшийся в течение нескольких последних десятилетий механизм правового регулирования экологического развития стран Европейского Союза [3], грозя войти в фазу стремительной деградации. Опрометчивые шаги Еврокомиссии, в частности в сфере администрирования ценовой политики на рынках энергоресурсов, на фоне отказа от широкого использования источников возобновляемых видов энергии, как оказалось, довольно быстро привели в большинстве европейских стран к практике возвращения в качестве основных сырьевых ресурсов, обеспечивающих функционирование всей хозяйственной, как, впрочем, и социально-бытовой сферы, угля, торфа и прочих минеральных ресурсов, негативно влияющих на экологическое благополучие населения. В данной связи в еще большей степени актуализируется задача устранения причин, повлекших за собой глобальный сбой в усилиях по обеспечению устойчивого экологического развития мирового сообщества.

Обоснованность обращения к онтологическому срезу философской рефлексии экологической проблематики. Понять все негативные последствия усилившихся глобальных угроз в экологической сфере нашей планеты важно для принятия верных и своевременных мер к возвращению всех участников мирового сообщества к выполнению ранее принятых на международном уровне решений об осуществлении курса на устойчивое экологическое развитие¹. Это в полной мере относится и к реализации в нашей стране стратегии ее экологического развития² и обеспечения экологической безопасности³

с достаточной глубиной, осмысленной в начале XXI отечественными учеными [1; 2; 4; 5]. Вместе с тем нельзя обойтись без обращения к онтологическому срезу философской рефлексии данной проблемы, что позволит не только лучше понять ее смысловую, целеполагающую нагрузку, но и мировоззренчески фундаментализировать желаемый прогноз выхода из нее.

Особенности онтологической характеристики формирования модели экофильного поведения. Если исходить из доминирующих представлений о феномене поведения в целом, то, по мнению авторитетного российского философа Б.Г. Юдина, оно представляет собой «систему внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых каким-либо сложным объектом; характер и направленность этих действий определяются как внутренним строением объекта, так и его взаимоотношениями с окружающей средой» [13, с. 430]. В этой связи очевидно, что значимой детерминантой поведения любого человека является природная среда. Онтологически это объясняется самой дуальной природой человеческого существа, единственным источником жизни которого является земная биосфера. Вне ее человек существовать не может. Мудрецы древности и философы всех исторических эпох этот неоспоримый факт вполне осознавали, поэтому неудивительно, что определенная их часть, опираясь на эту онтологическую аксиому, внесла посильный вклад в становление, а затем и в развитие такой существенной составляющей философского знания, как экософия [12].

Исторически сложившиеся экософские императивы как раз и фундаментализируют

1 Millennium Development Goals and beyond 2015. Ensure environmental sustainability [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Goal7fs.pdf>; OECD Environment Working Paper №31, March 2011 [Electronic resource] // Mediumterm Management of Green Budget. URL: <http://www.oecd.org/officialdocuments/OurCommonFuture>. Report of the World Commission on Environment and Development [Electronic resource] // World Commission on Environment and Development. 1987. URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/42/ares42-187.htm>; Report of the United Nations Conference on environment and development [Electronic resource] // Rio de Janeiro, 3–14 June 1992. A/CONF.151/26/Rev. 1 (Vol. I). P. 3–7; Report of the United Nations Conference on Sustainable Development. [Electronic resource] // Rio de Janeiro, Brazil. 20–22 June. 2012. URL: <http://www.uncsd2012.org/content/documents/814UNCSD%20REPORT%20find%20revs.pdf>.

2 Указ Президента от 1 апреля 1996 г. «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>; Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // Консультант Плюс: СПС. Версия Проф. Электрон. дан.: Консультант Плюс, 2013.

3 Указ Президента РФ от 19.04.2017 г. №176. «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi?req=doc&base=LAW&n=215668&fld=134&100129.0&rnd=0/725714675857088#04276783689835888>.

ся ключевым онтологическим представлением о дуальной природе человеческого существа. В этом смысле акцент на природосообразность социального поведения придает ему обоснование как экофильного по природе феномена. Впрочем, тысячелетней традиции такого восприятия человеческого поведения, философски осмысленной как представителями Древнего Востока, так и Древней Греции, начиная с эпохи Нового времени пришлось оспаривать свою исключительность в борьбе с западноевропейской идеологией, обосновывающей роль человека как покорителя и господина природы. Указанная идеология, в первую очередь выражающая мировоззренческую, утилитаристскую позицию позитивизма, включает в себе философское утверждение перспективности использования создателями индустриального социума в рамках формирования капиталистического, а в последствии и социалистического, социально-экономических укладов концептов сциентизма и технократизма [6; 7; 8; 11]. На таком мировоззренческом фундаменте выросла и окрепла политика созидания техногенной цивилизации, оставляющая за экофильностью антураж прогрессивности правящих элит индустриальной цивилизации, стремящихся использовать ее как маскировку для продолжения безудержной эксплуатации природных, в том числе и человеческих, ресурсов с помощью так называемых инновационных «зеленых» технологий. В этом и состоит закономерная парадоксальность инновационного «прорыва» западных элит, парализующих с помощью «псевдозеленых», якобы природосообразных, технологий, стремленность к экофильным отношениям миллиардов людей, с восхищением встретивших на рубеже XX и XXI столетий вдохновляющие идеи постиндустриализма.

Подлинно экофильную сущность парадигмы постиндустриализма раскрывает современная концепция экософии, опирающаяся, в частности, на диатропический подход [12] в онтологическом обосновании концепта «экофильное поведение». В этой связи обращает на себя внимание соотношение следующих его онтологических составляющих: идеальная модель экофильного поведения, закрепившаяся в сознании субъекта экологического поведения в форме комплекса экофильных импе-

ративов, → воплощение данных императивов в содержании правовых и нравственных норм, сублимированно закреплённых (материализованных) в корпусе международного и отечественного экологического и природоресурсного законодательства с элементами его имплементации на уровне конституционного права, → правоприменительная практика как форма реализации модельных элементов экофильного поведения, воплощенных в законодательном порядке регулирования действий (отношений) субъектов экологического поведения (соответствующая модусу вторичной материализации ментальных установок идеальной модели экофильного поведения), → реакция правоприменителя, представляющая его запрос к законодателю в аспекте поиска путей снятия юридических барьеров, препятствующих полноценному решению целеполагающих задач экологического поведения, → реакция законодателя, представляющая его запрос к доктринальным институтам творческой рефлексии (экспертному научному сообществу) в связи с необходимостью получения теоретических обоснований для совершенствования правотворческого процесса, направленного на обновление нормативной правовой базы, адекватное потребностям правоприменения в сфере субъект-объектного экообщения, → формирование инновационной модели экофильного поведения, скорректированной по результатам учета экспертным сообществом реакции на проблемы в реализации изначальной модели экофильного поведения, → и далее: последующие трансформационные переходы по указанным базовым онтологическим формам конструкта — феномена экологического поведения, ведущие к достижению все большего эффекта от действий институтов его сопровождения.

Подобный алгоритм перехода от одного модуса (измерения) факторов, определяющих экологическую сущность поведения человека в идеальном выражении его модели, сконструированной с использованием принципа «позитивной поляризации» социокультурных субъектов [9], в том числе опирающейся на традиционные экофильные императивы даосизма, буддизма, синтоизма, этносов циркумполярной зоны, к последующим этапам их материализации в правотворческой и правоприменительной практике субъектов эко-

отношений, прежде всего народов Евразии и собственно этносов России, представляет онтологическую нормальность реальности, устремленной своей жизнеутверждающей траекторией в будущее, в противоположность экофобной политической и хозяйственной практике, сложившейся в эпоху формирования колониальных империй. Ныне эта экофобия переживает реанимацию в форме неокOLONIALИЗМА, по природе своей присущей западной технократической цивилизационной модели социума как аномальность, навязываемая ныне самыми изощренными, в том числе и информационно-диверсионными, методами мировому сообществу.

Вывод. Воспрепятствовать такому губительному для биосферной жизни в целом и человечества в частности развороту событий возможно только системно продвигая во все сферы жизнедеятельности усилиями научного, экспертного сообщества, законодателей всех стран, институтов исполнительной и судебной власти, международных инстанций и гражданского сообщества в лице в первую очередь единого фронта экологических организаций общепризнанную программу реализации курса на устойчивое экологическое развитие. С тем большим успехом можно добиться этого, насколько широко общественным сознанием будут восприняты и внедрены в практику результаты онтологической рефлексии (экспертизы) как феноменов техногенной и экологической практик, так и конструкта (концепта модели) экофильного поведения.

Список источников

1. Коротец И.Д., Никулина М.А. Экологическое мировоззрение эпохи стихийной глобализации. Ростов н/Д: Ростиздат, 2007. 115 с.
2. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система «Природа-Общество-Человек»: Устойчивое развитие. М.; Дубна: Ноосфера, 2000. 390 с.
3. Лозо В.И. Правовые основы экологической стратегии Европейского Союза (Концепция, программное обеспечение, систематизация и комментарий действующего законодательства ЕС). Харьков: Право, 2008. 368 с.

4. Морозова В.Н. Мировая экологическая политика и международное экологическое сотрудничество. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронежского государственного университета, 2007. 157 с.

5. Муравых А.И. Философия экологической безопасности: монография. М.: РАГС, 1997. 180 с.

6. Новая технократическая волна на Западе: сборник статей / Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. 450 с.

7. Петров И.И. Технократия // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С.567–568.

8. Попкова Н.В. Философия техносферы // Изд. стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.

9. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильевой. М.: Наука, 1997. 351 с.

10. Суркова Л.В. Технократизм // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С.566–567.

11. Швырев В.С. Сциентизм // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С.551–552.

12. Экософия права / Под общ. ред. С.В. Шефеля. Симферополь: Ариал, 2016. 378 с.

13. Юдин Б.Г. Поведение // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 430.

References

1. Korotec I.D., Nikulina M.A. Jekologicheskoe mirovozzrenie jepohi stihijnoj globalizacii [Ecological worldview of the era of spontaneous globalization]. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2007. 115 p. (In Russ.).
2. Kuznecov O.L., Kuznecov P.G., Bol'shakov B.E. Sistema «Priroda-Obshchestvo-Che-lovek»: Ustojchivoe razvitie [The system «Nature-Society-Man»: Sustainable development]. Moscow; Dubna: Noosfera, 2000. 390 p. (In Russ.).
3. Lozo V.I. Pravovye osnovy jekologicheskoy strategii Evropejskogo Sojuza (Konceptcija, programmnoe obespechenie, sistematizacija i kommentarij dejstvujushhego zakonodatel'stva ES) [Legal foundations of the

environmental strategy of the European Union (Concept, software, systematization and commentary of the current EU legislation)]. Har'kov: Pravo, 2008. 368 p. (In Russ.).

4. Morozova V.N. Mirovaja jekologicheskaja politika i mezhdunarodnoe jekologicheskoe sotrudnichestvo [World environmental policy and international environmental cooperation]. Voronezh: Izd.-poligraf. centr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 157 p. (In Russ.).

5. Muravyh A.I. Filosofija jekologicheskoy bezopasnosti: monografija [Philosophy of environmental safety: monograph]. Moscow: RAGS, 1997. 180 p. (In Russ.).

6. Novaja tehnokraticheskaja volna na Zapade: sbornik statej [The new technocratic wave in the West: a collection of articles]. Sost. i vstup. st. P. S. Gurevicha. Moscow: Progress, 1986. 450 p. (In Russ.).

7. Petrov I.I. Tehnokratija [Technocracy]. Filosofskij slovar' [Philosophical Dictionary]. Pod red. I. T. Frolova [In I. T. Frolov (eds.)]. 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Respublika, 2001. P. 567–568. (In Russ.).

8. Popkova N. V. Filosofija tehnosfery [Philosophy of the technosphere]. Izd. stereotip. Moscow: LIBROKOM, 2014. 344 p. (In Russ.).

9. Sorokin P.A. Glavnye tendencii nashego vremeni [The main trends of our time]. Per. s angl., sost. i predisl. T.S. Vasil'evoj. Moscow: Nauka, 1997. 351 p. (In Russ.).

10. Surkova L.V. Tehnokratizm [Technocratism]. Filosofskij slovar' [Philosophical Dictionary]. Pod red. I. T. Frolova [In I. T. Frolov (eds.)]. 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Respublika, 2001. P. 566–567. (In Russ.).

11. Shvyrev V.S. Scientizm [Scientism]. Filosofskij slovar' [Philosophical Dictionary]. Pod red. I. T. Frolova [In I. T. Frolov (eds.)]. 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Respublika, 2001. P. 551–552. (In Russ.).

12. Jekosofija prava [Ecosophy of Law]. Pod obshh. red. S. V. Shefelja [In S. V. Shefel (eds.)]. Simferopol': Arial, 2016. 378 p. (In Russ.).

13. Judin B. G. Povedenie [Behavior]. [Philosophical Dictionary]. Pod red. I. T. Frolova [In I. T. Frolov (eds.)]. 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Respublika, 2001. P. 430. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Захарова Вера Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Россия, г. Симферополь, ул. Павленко, 5

Vera A. Zakharova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Justice».

5 Pavlenko str., Simferopol, Russia

Научная статья

УДК 304.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-234-242

ГОРОД В ПРЕДМЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Максим Евгеньевич Козловский

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X, AuthorID РИНЦ: 176.59.64.12

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе походов к проблеме города, сложившихся в социально-гуманитарном знании.

Методологической основой исследования выступают социокультурный, символический и междисциплинарный подходы.

Результаты исследования. Развитие человечества идет преимущественно по вектору урбанизации. Современное развитие города как социокультурного пространства несет в себе позитивные тенденции, связанные с наличием широкого диапазона возможностей для самореализации личности, с повышением качества жизни, созданием комфортной среды, и экологические и экзистенциальные риски для человека.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования тенденций в развитии современного города.

Ключевые слова: город, городское пространство, социология города, философия города, урбанизация, жизненное пространство, умный город

Для цитирования: Козловский М. Е. Город в предметном пространстве социально-гуманитарного знания: исторические и современные аспекты исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 234–242. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-234-242>.

Original article

CITY IN THE SUBJECT SPACE OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: HISTORICAL AND MODERN ASPECTS OF RESEARCH

Maxim E. Kozlovsky

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X, AuthorID RSCI: 176.59.64.12*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze approaches to the problem of the city that have developed in social and humanitarian knowledge.*

The methodological basis of the research is socio-cultural, symbolic and interdisciplinary approaches.

Research results. *The development of mankind goes mainly along the vector of urbanization. Today's development of the city as a socio-cultural space carries both positive trends associated with the presence of a wide range of opportunities for self-realization of the individual, with improving the quality of life, creating a comfortable environment, as well as environmental and existential risks for humans.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research on trends in the development of a modern city.*

Keywords: *city, urban space, sociology of the city, philosophy of the city, urbanization, living space, smart city*

For citation: *Kozlovsky M.E. City in the subject space of socio-humanitarian knowledge: historical and modern aspects of research // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 234–242. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-234-242>.*

Введение. В качестве объекта исследования город представляет интерес для различных областей научного знания. Повышенное внимание к проблематике города обусловлено динамизмом социальных преобразований, которые инициируются именно в городской среде. В этом плане современный город сегодня является драйвером экономического и культурного развития общества. Если ранее города были центрами индустриализации социума, то в настоящее время они являются социальным пространством, функционирующим на основе информационных технологий, принципиально меняющих культурные практики человека. Очевидно, что эволюция общества идет по вектору городского развития, которое определяет специфику образа жизни людей, их мировоззренческие установки. Обращение к проблеме социокультурного пространства города связано с пониманием доминирования урбанизационной стра-

тегии в дальнейшем развитии цивилизации, что определяет необходимость исследования тех изменений, которые происходят в современной городской среде.

Методология и методы исследования. В статье использован разрабатываемый в трудах Ф. Броделя, М. Вебера, Ж. Ле Гоффа социокультурный подход, который открывает возможности для понимания генезиса городского образа жизни, его культурных особенностей и тенденций развития [4; 6; 18].

Методологической основой исследования городского пространства выступает символический подход, который позволяет рассматривать его как сложное пространство культурных символов, отражающих прошлое и настоящее города [20; 21].

Концептуальным является междисциплинарный подход, поскольку город представляет собой сложный социальный организм,

интегрирующий в себе различные компоненты (территория, экономика, политика, образование, наука, культура).

Результаты. Начало комплексных теоретических исследований города связано с работами К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера, К. Бюхера, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, которые обращались к анализу факторов, детерминирующих появление города как особого социально-территориального образования [22; 6; 5; 13; 14]. Классики марксизма рассматривали эволюцию города преимущественно через развитие экономической сферы и производственных отношений, подчеркивая, что становление городского образа жизни сопряжено с переходом «от варварства к цивилизации» [22, с. 373].

С позиции М. Вебера можно утверждать, что в основе появления городов лежит трансформация мировоззренческих установок, которая определяет их экономическое, политическое и культурное развитие и своеобразие. В силу формирования новой системы ценностей городской образ жизни вытесняет прежний традиционный уклад, отличая городское пространство социальным динамизмом и научно-техническими инновациями. Также М. Вебер обращает внимание на социальную неоднородность города, выделяя в ней наличие различных социальных групп, которые ведут между собой борьбу за властные полномочия, что свидетельствует о росте конфликтности в городской среде [6].

По мнению немецкого ученого К. Бюхнера, развитие города идет, прежде всего, по политическому вектору, поскольку исторически возникновение городов шло как развитие военно-административных центров. В этом аспекте основной функцией городских поселений является управление и обеспечение безопасности [5].

В концепции Г. Зиммеля город представляет собой социальное пространство, открывающее, с одной стороны, неограниченные возможности для самореализации человека, а с другой стороны, порождающее духовное отчуждение людей [13]. Тем самым мыслитель подчеркивает амбивалентную сущность города как жизненного пространства, которое характеризуется как наличием свободы и независимости, так и одиночеством чело-

века в условиях значительной концентрации людей на ограниченной территории.

Следует отметить, что исследования вышеуказанных авторов в области проблематики города стали теоретической основой для развития таких научных направлений, как социология города и философия города.

Дальнейшие исследования в русле развития социологии города продолжают представлятели чикагской социологической школы Р. Парк, Э. Берджес, Л. Вирт и др. [23; 3; 7]. Ученые рассматривают город как эпицентр социальных изменений и социальных проблем, встающих перед человеком. Именно в городе появляются основные технические инновации, свидетельствующие о научно-техническом прогрессе, который определяет эволюцию человечества. По мнению Р. Парка, город — это мир, созданный человеком, в котором «... человечество впервые возвысилось до интеллектуальной жизни и приобрело те черты, которые более всего отличают его от животных и первобытных людей» [23, с. 3].

Э. Берджес предложил свою концентрическую модель роста города, в которой динамика городского развития идет от центра к периферии, образуя концентрические зоны, обладающие своими особенностями. Последние проявляются как в архитектурных сооружениях, так и в специфике образа жизни их обитателей. Социолог рассматривает город как процесс и результат территориальной экспансии, в ходе которой идет процесс распределения социальных групп по определенным районам проживания [3].

С точки зрения Л. Вирта урбанизация как процесс появления сообщества городского типа представляет собой значимый процесс в развитии цивилизации. Исследователь фиксирует, что «влияние, оказываемое на жизнь человека городами, неизмеримо выше, чем <...> удельная доля городского населения, ибо город все более и более становится не просто тем местом, где живет и работает современный человек, но и творческим и регулирующим центром экономической, политической и культурной жизни, вовлекающим в свою орбиту самые отдаленные уголки земного шара и соединяющим в единый космос территории, народы и виды деятельности» [7, с. 89–90]. Данный аспект исследования города позволяет выделить такие

его специфические черты, как концентрация населения, интенсивность контактов, сосредоточение промышленности, финансовых и управленческих структур, социальная неоднородность, усиление конкуренции между социальными группами, миграционные процессы и т.д. В этом смысле город является сосредоточием всех видов социальных взаимодействий, которые отчетливо проявляются именно в городской среде.

В российском научном дискурсе социологический подход к городу разрабатывался в работах Л.Б. Когана, В.И. Локтева, О.Н. Яницкого и др. [15; 16; 30]. Отечественные социологи изучают различные аспекты города как особого социального пространства, обладающего своей институциональной и инфраструктурной спецификой. Анализируя процесс урбанизации, исследователи указывают на то, что город представляет собой интеграцию территории и социальной жизни.

Современные российские социологи исследуют город с позиций институционального подхода, в рамках которого город рассматривается преимущественно как социальный институт, структурирующий общественные отношения на основе определенных правил, норм, традиций, регламентирующих жизнь людей [12].

В социологическом аспекте город исследуется преимущественно как сложноструктурированное пространство, включающее следующие компоненты: территория, экономическая деятельность, политическое управление, культурная сфера, повседневные практики и т.п. Отмечая наличие сложной структуры городского пространства, исследователи усматривают в ней саморазвивающуюся систему, для которой свойственна динамика, открытость, обмен ресурсами, взаимодействие с другими локальными и глобальными социальными системами.

В настоящее время в социологических исследованиях акцентируется внимание на исследовании мегаполисов, специфики их формирования и влияния на жизнь различных социальных групп. Данный аспект освещается Н.А. Росляковой, Л.В. Дорофеевой, М.И. Серединой, И.К. Черкасовой и др. [25; 26; 29]. Авторы изучают социальную структуру, экономические и управленческие процессы, характеризующие жизнь современ-

ных мегаполисов. По мнению ученых, «мегаполис является центром, где проявляются макроэкономические и макросоциальные тенденции. Основные тенденции развития мегаполисов: глобализация, рост значения информационных технологий, инновации в различных сторонах общественной жизни человечества» [26, с. 251].

Философский аспект осмысления города как социального образования, возникшего на определенном уровне развития цивилизации, представлен в работах Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, К. Линча, Л. Мамфорда [4; 18; 19; 31]. Авторы предложили социокультурный подход к исследованию городского пространства, который позволял понять специфику мировоззрения и образа жизни горожан. В рамках данного подхода развитие городского образа жизни обусловлено формированием новой системы ценностей, в которой приоритетными являются ценности свободы, творчества, экономической активности. В концепции Ж. Ле Гоффа появление средневековых городов связывается с новым уровнем цивилизационного развития Европы, поскольку город становится центром экономической, научной и культурной жизни, что способствует формированию городской ментальности [18]. Именно последняя, с точки зрения Ф. Броделя, начинает определять «структуры повседневности» населения города, оказывая влияние на «... поступки, совершаемые людьми в самых разных сферах повседневной жизни: бытовой, религиозной, хозяйственной, жилищной и др.» [4, с. 541].

В подобном аспекте городская проблематика анализируется американскими учеными Л. Мамфордом, К. Линчем, которые отмечают, что особенностью города как социокультурного пространства является его способность интегрировать и эффективно использовать целый комплекс экономических, политических, научно-технических и культурных ресурсов на ограниченной территории [19; 31]. Кроме того, авторы отмечают значимую роль городов в истории человечества, их субъектность в различных исторических событиях.

Данный ракурс исследования позволяет походить к изучению города как культурного пространства, организованного на основе особых норм и правил, определяющих созна-

ние человека, виды его профессиональной деятельности и организацию его повседневной жизни. Именно социокультурный подход создал теоретические основы для развития такого научного направления исследований, как философия города.

В российском научном дискурсе проблематика «философии города» развивается в работах Л.Б. Когана, Ю.М. Лотмана, Т.Ю. Смирновой, В.Г. Туркиной и др. [15; 20; 21; 27; 28]. В русле семиотического подхода город представляет собой символически-знаковую систему, которая отражает специфику мировоззрения и культуры городского образа жизни. В концепции Ю.М. Лотмана город рассматривается как «сложный семиотический механизм», представленный в виде закодированной информации [20]. Ученый считает, что образ города всегда ассоциируется с конкретными историческими периодами в развитии государства, поскольку города выступают драйверами развития общества, через них проходят все ключевые события эпохи. Кроме того, архитектурные символы города несут в себе информацию об исторических особенностях появления города, его политических и культурных достижениях.

Исследователи отмечают, что «каждый город занимает особое, вполне определенное место не только в географическом пространстве, но и в пространстве смысловом, духовном. И так же, как внешний облик каждого места на земле неповторим, уникальна и его духовная сущность. Неповторим метафизический портрет этого места, неповторима его судьба» [27, с. 342]. В таком понимании города присутствует его многозначная духовная составляющая, которая и определяет его облик и его судьбу.

В рамках философии города развивается и пространственно-временной подход, который акцентирует внимание на изучении «хронотопа» города. В этом аспекте исследователи предлагают рассматривать город как «пространственную и временную сингулярность, географическую и топографическую особенность, как особую точку, с которой связана определенная мифологема, сакральное построение, экзистенциальное переживание. Город всегда связан с круговоротом, повтором, циклом, периодом. ... Город связан с определенной пространственной экспанси-

ей, он “протягивает щупальца” все дальше и дальше, это пространственно развивающаяся структура» [28, с. 73].

В настоящее время в «философии города» складывается экзистенциальная парадигма исследования духовных состояний человека в городской среде. Специфика данного подхода заключается в осмыслении города как пространства, продуцирующего экзистенциальные проблемы для человека. Жизнь человека в городе сопровождается определенными социально-психологическими состояниями, к которым относятся свобода, страх, одиночество, отчаяние, заброшенность, бессмысленность, ностальгия и т.п. [24].

В дальнейшем этот ракурс исследований развивается в работах Н.О. Анисимова, Г.В. Горновой и др. [1; 8; 9]. Авторы рассматривают город как пространство, продуцирующее одиночество человека и бессмысленность его существования. Разрушение близких межличностных связей в городах обусловлено динамизмом городской жизни, борьбой за выживание в ужесточающейся конкурентной среде, физической усталостью, дефицитом времени, что оказывает негативное влияние на межличностную коммуникацию.

В то же время ряд авторов рассматривается одиночество человека в городской среде не как побочный продукт особого городского ритма и образа жизни, а как имманентное свойство города как социокультурного пространства. В этом плане, «смысл города не заключается в формировании каких-то уникальных городских сообществ. Напротив, смысл города можно описать в его симбиотической связи с одиночеством. Модерновый город предоставил человеку возможность быть индивидуалистом и право быть одиноким» [1, с. 206].

В рамках философии города сложился антропологический подход, который анализирует город как человекомерное пространство. В рамках данного подхода формируются представления о городе как искусственной среде обитания человека, которая, с одной стороны, представляет собой пространство «развития сущностных сил человека» [9], а с другой стороны, осуществляет экспансию в отношении естественной среды (природы), что ведет к нарастанию противоречий и проблем в системе «человек-природа» [12].

Сегодня в современном научном знании формируется концепция «умного города», в рамках которой анализируются технологические и экологические факторы, меняющие организацию городского пространства. Ученые-урбанисты связывают появление «умного» города с развитием информационно-коммуникационных технологий, которые внедряются в различные сферы жизни общества [2].

В настоящее время формируется концепция цифрового города, которая отражает социальные трансформации, обусловленные активным развитием цифровых технологий, кардинально меняющих профессиональную и повседневную жизнь человека. Исследователи указывают на то, что сегодня в развитии городского пространства формируется тенденция цифровизации, которая «объединяет физические, цифровые и человеческие системы в искусственно созданной среде с целью обеспечения устойчивого, благополучного и всестороннего будущего для граждан» [17, с. 55]. Представляется, что дальнейшее развитие города связано именно с процессами цифровизации общества, кардинально меняющими ценности, образ жизни, повседневные практики современного человека.

Заключение. Анализ теоретических подходов, сложившихся в социально-гуманитарном знании, свидетельствует о том, что проблематика города не утрачивает своей актуальности. Более того, современное развитие человечества идет преимущественно по вектору урбанизации. Сегодняшнее развитие города как социокультурного пространства несет в себе как позитивные тенденции, связанные с наличием широкого диапазона возможностей для самореализации личности, с повышением качества жизни человека, созданием комфортной среды, так и негативные тенденции, проявляющиеся в развитии экологических проблем городского социума и экзистенциальных проблем человека.

Список источников

1. Анисимов Н. О. Одиночество и город // Наука. Искусство. Культура. 2019. №4(24). С. 197–207.
2. Аргунова М. В. Модель «Умного» города как проявление нового технологического уклада // Наука и школа. 2016. №3. С. 14–23.
3. Бёрджесс Э. У. Рост города: Введение в исследовательский проект // Чикагская социология: Сборник переводов / Сост. и пер. Николаев В. Г.; Отв. ред. Ефременко Д. В. М.: ИНИОН РАН, 2015. 430 с.
4. Бродель Ф. О своеобразии городов Запада // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. 592 с.
5. Бюхнер К. Большие города в их прошлом и настоящем // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1905. 204 с.
6. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
7. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН, 2005. С. 89–108.
8. Горнова Г. В. Город и одиночество // Гуманитарные исследования. 2019. №1(22). С. 12–14.
9. Горнова Г. В. Философия города. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. 344 с.
10. Город и время: интервью с Ю. М. Лотманом // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993. С. 84–92.
11. Заборова Е. Н. Человек в пространстве крупного города // Дискуссия. 2012. №4(22). С. 89–94.
12. Заборова Е. Н., Исламова А. Ф. Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013. №2. С. 97–101.
13. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. №3–4. С. 23–34.
14. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. 442 с.
15. Коган Л. Б. Быть горожанами. М.: Мысль, 1990. 207 с.
16. Коган Л. Б., Локтев В. И. Некоторые социологические аспекты моделирования городов // Вопросы философии. 1964. №9. С. 46–53.
17. Курчеева Г. И. Комплексная оценка потенциала «цифрового города» // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2019. Т. 12. №4. С. 55–66.

18. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

19. Линч К. Образ города / Пер. с англ. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

20. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского университета. 1984. Вып. 664. С. 30–45.

21. Лотман Ю.М. Символические пространства // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 297–334.

22. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. 574 с.

23. Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. №3. С. 3–12.

24. Порошенко О.Ю. Экзистенция города // Вестник Вятского государственного университета. 2021. №2(140). С. 45–51.

25. Рослякова Н.А., Дорофеева Л.В. Оценка уровня и качества жизни населения современного мегаполиса // Экономика и предпринимательство. 2022. №7(144). С. 669–674.

26. Середина М.И. Тенденции развития современных мегаполисов мира // Сервис в России и за рубежом. 2011. №4(23). С. 253–262.

27. Смирнова Т.Ю. Метафизика города как текст // Молодой ученый. 2009. №11(11). С. 342–344.

28. Туркина В.Г. Город как топос // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. №2(57). С. 73–79.

29. Черкасова И.К. Структура и управление мегаполисом // Социология. 2022. №4. С. 141–144.

30. Яницкий О.Н. История городской социологии в России: эволюция идей // Социологические исследования. 2016. №8. С. 117–126.

31. Mumford L. The culture of the cities. New York: Harcourt, Brace and co, 1938. 586 p.

References

1. Anisimov N.O. Odinochestvo i gorod [Loneliness and the city]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. 2019; 4(24): 197–207. (In Russ.).

2. Argunova M. V. Model' «Umnogo» goroda kak projavlenie novogo tehnologicheskogo uklada [The model of a «smart» city as a manifestation of a new technological way]. *Nauka i shkola* [Science and School]. 2016; (3): 14–23. (In Russ.).

3. Bjordzhesc Je. U. Rost goroda: Vvedenie v issledovatel'skij proekt [The growth of the city: An introduction to a research project]. *Chikagskaja sociologija: Sbornik perevodov* [Chicago Sociology: A collection of translations]. Sost. i per. Nikolaev V.G.; Otv. red. Efremenko D.V. [In Efremenko D.V. (eds.)]. Moscow: INION RAN, 2015. 430 p. (In Russ.).

4. Brodel' F. O svoeobrazii gorodov Zapada [About the originality of the cities of the West]. *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries. Vol. 1. Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow: Ves' mir, 2007. 592 p. (In Russ.).

5. Bjuhner K. Bol'shie goroda v ih proshlom i nastojashhem [Big cities in their past and present]. *Bol'shie goroda, ih obshhestvennoe, politicheskoe i jekonomicheskoe znachenie* [Big cities, their social, political and economic significance]. Saint Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishhestvo «Prosveshhenie», 1905. 204 p. (In Russ.).

6. Veber M. Gorod [City]. Moscow: Strelka Press, 2017. 252 p. (In Russ.).

7. Virt L. Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life]. *Izbrannye raboty po sociologii* [Selected works on sociology]. Moscow: INION, 2005. P. 89–108. (In Russ.).

8. Gornova G. V. Gorod i odinochestvo [The city and loneliness]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian studies]. 2019; 1(22): 12–14. (In Russ.).

9. Gornova G. V. Filosofija goroda [Philosophy of the city]. Moscow: FORUM: INFRA-M, 2014. 344 p. (In Russ.).

10. Gorod i vremja: interv'ju s Ju. M. Lotmanom [City and time: interview with Y.M. Lotman]. *Metafizika Peterburga: Peterburgskie chtenija po teorii, istorii i filosofii kul'tury* [Metaphysics of Petersburg: Petersburg readings on the theory, history and philosophy of culture]. Saint Petersburg: FKIC «Jejdos», 1993. P. 84–92. (In Russ.).

11. Zaborova E.N. Chelovek v prostranstve krupnogo goroda [A man in the space of a large

- city]. *Diskussija [Discussion]*. 2012; 4(22): 89–94. (In Russ.).
12. Zaborova E.N., Islamova A.F. Gorod kak social'noe prostranstvo [The city as a social space]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2013; (2): 97–101. (In Russ.).
13. Zimmel' G. Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' [Big cities and spiritual life]. *Logos*. 2002; (3–4): 23–34. (In Russ.).
14. Zombart V. Burzhua: jetjudy po istorii duhovnogo razvitija sovremennogo jekonomicheskogo cheloveka [Bourgeois: studies on the history of spiritual development of modern economic man]. Moscow: Nauka, 1994. 442 p. (In Russ.).
15. Kogan L.B. Byt' gorozhanami [To be citizens]. Moscow: Mysl', 1990. 207 p. (In Russ.).
16. Kogan L.B., Loktev V.I. Nekotorye sociologicheskie aspekty modelirovanija gorodov [Some sociological aspects of modeling cities]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*. 1964; (9): 46–53. (In Russ.).
17. Kurcheeva G.I. Kompleksnaja ocenka potencijala «cifrovogo goroda» [A comprehensive assessment of the potential of the «digital city»]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta [Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University]*. 2019; 12(4): 55–66. (In Russ.).
18. Le Goff Zh. Civilizacija srednevekovogo Zapada [The civilization of the medieval West]. Moscow: Progress, Progress-Akademija, 1992. 376 p. (In Russ.).
19. Linch K. Obraz goroda [The image of the city]. Per. s angl. Moscow: Strojizdat, 1982. 328 p. (In Russ.).
20. Lotman Ju. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta [Scientific notes of the University of Tartu]*. 1984; (664): 30–45. (In Russ.).
21. Lotman Ju. M. Simvolicheskie prostranstva [Symbolic spaces]. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki [The semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb., 2001. P. 297–334. (In Russ.).
22. Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija [German ideology]. Moscow: Politizdat, 1988. 574 p. (In Russ.).
23. Park R. Gorod kak social'naja laboratorija [The city as a social laboratory]. *Sociologicheskoe obozrenie [The Sociological Review]*. 2002; 2(3): 3–12. (In Russ.).
24. Poroshenko O. Ju. Jekzistencija goroda [The existence of the city]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University]*. 2021; 2(140): 45–51. (In Russ.).
25. Rosljakova N.A., Dorofeeva L. V. Ocenka urovnja i kachestva zhizni naselenija sovremennogo megapolisa [Assessment of the level and quality of life of the population of a modern metropolis]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economics and entrepreneurship]*. 2022; 7(144): 669–674. (In Russ.).
26. Seredina M.I. Tendencii razvitija sovremennyh megapolisov mira [Trends in the development of modern megacities of the world]. *Servis v Rossii i za rubezhom [Service in Russia and abroad]*. 2011; 4(23): 253–262. (In Russ.).
27. Smirnova T. Ju. Metafizika goroda kak tekst [Metaphysics of the city as a text]. *Molodoj uchenyj [Young scientist]*. 2009; 11(11): 342–344. (In Russ.).
28. Turkina V.G. Gorod kak topos [The city as a topos]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right]*. 2009; 2(57): 73–79. (In Russ.).
29. Cherkasova I.K. Struktura i upravlenie megapolisom [Structure and management of megapolis]. *Sociologija [Sociology]*. 2022; (4): 141–144. (In Russ.).
30. Janickij O.N. Istorija gorodskoj sociologii v Rossii: jevoljucija idej [The history of urban sociology in Russia: the evolution of ideas]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological Research]*. 2016; (8): 117–126. (In Russ.).
31. Mumford L. The culture of the cities. New York: Harcourt, Brace and co, 1938. 586 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козловский Максим Евгеньевич — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maxim E. Kozlovsky — Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 130

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-243-250

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Александр Александрович Молоканов^{1✉}, Петр Андреевич Пономарев²

¹Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹spartak123.molokanov@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0003-1405-6243, AuthorID РИНЦ: 876840

²ponomarev_p@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5373-2174

Аннотация. Целью исследования является анализ феномена человеческой телесности в контексте социокультурного подхода. Статья исследует категорию телесности как опосредованное социокультурными нормами и ценностными ориентациями сознательное отношение индивида к своему органическому телу.

Методологическую базу исследования представляет дифференциация категорий «физическое тело» человека и «человеческая телесность». На основе интеграции культурологического и психологического подходов человеческая телесность рассматривается как социокультурная категория, связанная с определенными стандартами восприятия человеческого тела в том или ином обществе в определенный период его развития, а также с формирующимися на базе этих социокультурных стандартов индивидуальными образами собственного тела.

Результаты исследования. В понятии телесности выделены три стороны: 1) физические характеристики индивидуального организма; 2) социокультурные представления и нормы, связанные с определением статуса органического тела человека; 3) индивидуальные психологические представления и личное сознательное самопозиционирование индивида по отношению к своему телу. Подчеркивается, что, поскольку телесность является социокультурным по содержанию и личностным по форме самосознанием биологического тела человека, постольку в каждый конкретный исторический период в каждой конкретной социокультурной среде формируются специфические представления и нормы телесности.

Динамизм исторического развития общества неизбежно порождает также динамизм общественных и индивидуальных норм и образов телесности. Кризисные периоды в развитии общества порождают противоречивые, проблематические социокультурные образы и образцы телесности и деформируют, дезориентируют личное, индивидуальное самосознание телесности.

Перспективы исследования заключаются в содержательном анализе качественных трансформаций социокультурных и индивидуальных форм телесности в современном российском обществе в контексте проблемы преемственности, соотношения прерывности и непрерывности в динамике форм телесности в рамках истории данного социокультурного субъекта.

Ключевые слова: идентичность, личность, телесность, физическое тело, виртуальное тело

Для цитирования: Молоканов А. А., Пономарев П. А. Человеческая телесность как социокультурный феномен // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 243–250. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-243-250>.

Original article

HUMAN CORPORATION AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Aleksandr A. Molokanov¹, Pyotr A. Ponomarev²

¹*Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia*

²*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*spartak123.molokanov@yandex.ru*✉, ORCID: 0000-0003-1405-6243, AuthorID RSCI: 876840

²*ponomarev_p@mail.ru*, ORCID: 0000-0001-5373-2174

Abstract. *The aim of the study is to analyze the phenomenon of human corporeality in the context of the sociocultural approach. The article explores the category of corporality as a conscious attitude of an individual to his organic body mediated by socio-cultural norms and value orientations.*

The methodological basis of the study is the differentiation of the categories «physical body» of a person and «human corporeality». Based on the integration of cultural and psychological approaches, human corporeality is considered as a sociocultural category associated with certain standards for the perception of the human body in a particular society at a certain period of its development, as well as with individual images of one's own body formed on the basis of these sociocultural standards.

Research results. *In the concept of corporality, three sides are distinguished: 1) physical characteristics of an individual organism; 2) sociocultural ideas and norms associated with determining the status of the organic body of a person; 3) individual psychological ideas and personal conscious self-positioning of an individual in relation to his body. It is emphasized that since corporeality is a socio-cultural in content and personal in form self-consciousness of the human biological body, in so far as in each specific historical period, in each specific socio-cultural environment, specific ideas and norms of corporality are formed.*

The dynamism of the historical development of society inevitably gives rise to the dynamism of social and individual norms and images of corporality. Crisis periods in the development of society give rise to contradictory, problematic socio-cultural images and patterns of corporeality and deform, disorientate the personal, individual self-awareness of corporality.

Research perspectives *lie in a meaningful analysis of the qualitative transformations of sociocultural and individual forms of corporality in modern Russian society in the context of the problem of continuity, the relationship of discontinuity and continuity in the dynamics of corporality forms within the framework of the history of a given sociocultural subject.*

Keywords: *identity, personality, physicality, physical body, virtual body*

For citation: *Molokanov A. A., Ponomarev P. A. Human Corporation as a Socio-Cultural Phenomenon // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 243–250. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-243-250>.*

Введение. В современном мире человеческая телесность, которая казалась до сих пор неотъемлемой формой физического существования человека, неоспоримым фактом бытия личности, внезапно стала проблематической. Причем она явилась не только теоретической проблемой философского осмыс-

ления физического существования человека в современном мире, но и практической проблемой сохранения человеком своей естественной, природной телесности перед агрессивным натиском современных научных технологий трансформации физического тела человека. «В настоящее время отношение че-

ловека к своему телу существенно меняется: появляются новые виды телесных практик и формы культивирования телесности, порожденные новыми социальными реалиями, развитием науки и трансформациями в сфере мировоззрения, формирующими смыслы, обуславливающие пути самоопределения личности» [1, с. 141].

Другими словами, ситуация постмодерна, порожденная переходом человечества к информационному обществу, крайне актуализирует проблему телесной и духовной идентичности личности: «Ставится под вопрос не только статус личности и идеология классического гуманизма, утверждающего личность и ее свободное и всестороннее развитие как высшую ценность, но сама идентичность личности. В бесконечной динамике социокультурных условий существования, к которой все труднее адаптироваться личности, возникает угроза утраты собственной идентичности» [5, с. 4].

Человеческое тело — единственная форма физического существования человека в материальном мире. Оно дано каждому как непреложный факт со всеми присущими ему физиологическими потребностями и неповторимой индивидуальностью каждого организма. Однако, поскольку сущность человека не сводится к его телесной, биологической природе, постольку тело всегда представляло и представляет для человека большую проблему, не только в смысле необходимости регулярного удовлетворения физиологических потребностей организма, но и с точки зрения взаимодействия человеческой психики, сознания, «души» (последний термин используют чаще философы-идеалисты) с нашим физическим телом.

Е.Д. Яковлева, характеризуя специфику современного отношения человека к своему телу, пишет о какой-то маниакальной устремленности человека к трансформации своего тела: «Тело есть природная сущность, данная каждому человеку индивидуально. Но в современном мире складывается парадоксальная ситуация, характеризующаяся рассогласованием человека со своим телом. Личность стремится избавиться от тела своеобразным способом, заполняя его всевозможными татуировками и вставками, корректируя или полностью изменяя конфигурацию» [11, с. 224].

Активное наступление постмодерна на традиционную человеческую телесность, безусловно, требует современного переосмысления вечных проблем человеческого существования о природе человека, о соотношении души и тела, о статусе человеческой телесности в природе человека и в социокультурной и природной среде его существования.

Методика. При осмыслении современной проблемы телесности необходимо начать с различения терминов «тело» и «телесность». Если тело — это индивидуальный, данный человеку от природы биологический организм, то телесность — это социокультурная категория, связанная с вполне конкретными и определенными стандартами восприятия человеческого тела в том или ином обществе в определенный период его развития, а также с формирующимися на базе этих социокультурных стандартов индивидуальными образами собственного тела, т.е. с индивидуальным личностным самосознанием, самовосприятием и самоощущением личностью своего собственного тела. Причем одни и те же физические характеристики тела в разных культурах, или даже в одной культуре, но в разные периоды ее истории, могут приобретать совершенно различную, вплоть до противоположности, социокультурную и психологическую интерпретацию. Например, идеалы женской красоты в Древней Руси и в современной России радикально различны.

Таким образом, можно согласиться с И.М. Быховской в том, что категория человеческой телесности является интегративной. Она включает в себя «тело природное (физическое), тело социальное (трансформированное пространством общественного бытия человека) и тело культурное (преобразованное на основе выбора человеком аксиологической/символично-нормативной ориентационной системы)» [2, с. 94].

Результаты. Впервые эти три стороны телесности как социокультурной категории в качестве трех элементов личности выделил У. Джеймс: «физическое Я» (тело человека), «социальное Я» (статус и социальные роли) и «духовное Я» (психические особенности человека в своей совокупности). Если физи-

ческое Я характеризует психофизиологические, психосоматические, биоэнергетические проявления человеческого тела, характеризующиеся двигательной активностью, способностью понимать и интерпретировать тело, влиять на него, развивать и чувствовать сигналы, то последние два элемента «телесности» характеризуют самовосприятие органического тела человека, опосредованное социокультурным самосознанием человеческого тела. Этот момент подчеркивает О.О. Морозова: «Тело понимается нами как биологический и физический фактор человеческого существования, как организм; телесность — как фундаментальное основание человеческого присутствия, социальный и культурно-исторический феномен, неорганическое тело, выражающее многообразие модусов и социальных образов человека. Человеческая телесность выступает как проективное, перспективное поле тела, выражающее себя через социальные и духовные отношения. Общество “живет в теле”, и тело выражает заложенные в него общественные институты и нормы. Социальная норма держит тело в границах: когда человек в телесности совпадает с нормой социального вокруг себя и с нормой личностной внутри себя, он начинает ощущать в себе человеческое. Социальное является фактором конституирования проективной функции человеческой телесности, а значит, ее экзистенциальных ресурсов» [6, с. 9].

Очевидно, что образ индивидуальной телесности как самосознание и самоотношение человека к собственному физическому телу не дан ему от природы, в отличие от самого тела, а формируется на основе процессов социализации и инкультурации личности в конкретной социокультурной среде. «Телесность является: интегральной характеристикой экзистенциального опыта человека; комплексом природных, социальных и культурных качеств человеческого тела; полем взаимодействия внутреннего и внешнего жизненного пространств человека; овладевшим в ходе социализации различными языками телом» [9, с. 15].

Поскольку телесность является социокультурным феноменом, она существует в двух формах: 1) в форме социокультурного самосознания тела вообще и 2) в форме индивидуального самосознания личностью конкретного своего тела. Обе эти формы

взаимно опосредуют друг друга. Социокультурное самосознание тела (социокультурная телесность) вообще определяет содержание индивидуальной, личностной телесности, которая в свою очередь выступает формой или способом существования социокультурной телесности. Само физическое тело в результате взаимодействия с социокультурной и личностной телесностью приобретает определенный социальный статус, в зависимости от которого оно формируется и трансформируется. «Физическое тело не самостоятельно — оно, во-первых, имеет свойство меняться само под влиянием внешних сил, а во-вторых, изменяет механизмы саморепрезентации в зависимости от контекста, в который оказывается погружено» [10, с. 145].

Зависимость человеческой телесности как интегративной категории от социокультурной среды выражается в понятии «телесный код». Телесный код — определенная конкретной социокультурной средой интерпретация, форма самосознания человеческой телесности. Телесный код «...играет интегративную роль по отношению к другим культурным кодам и служит основой познания и самопознания и идентификации как индивидов, так и социумов и этносов. Телесный код включен в трансляцию социального опыта из поколения в поколение, а телесные техники включены во все виды деятельности» [4, с. 122]. Другими словами, телесный код является одним из важнейших культурных кодов, формирующих личностную идентичность в конкретной социокультурной среде.

Обсуждение. Сложная комплексная, динамическая структура телесности порождает необходимость дифференциации с последующей интеграцией физиологического, психологического и социокультурного аспектов исследования тела. Физиологический аспект направлен на описание биологических параметров тела. Психологический аспект связан с анализом способов и механизмов формирования индивидуального самосознания личностью своего собственного тела.

Социокультурный аспект связан с анализом сложившихся в обществе представлений о теле, его соотношении с духовностью, психикой человека, а также норм и ценностных

ориентаций, регулирующих отношение людей к собственному телу.

Если говорить об интеграции этих аспектов, на основе которых сложились отдельные дисциплинарные подходы к исследованию телесности, то в качестве ее основы может быть избран информационно-синергетический подход, с точки зрения которого «Телесность человека является многомерной, креативной, целостной информационной системой. Основопологающим принципом целостности человеческой телесности является информационное взаимодействие различных ее уровней, позволяющее поддерживать соответствие между внутренними и внешними потоками информации и развитие способности диалога между “внешними” и “внутренними” состояниями тела. Знаки и символы, как акты внешнего и внутреннего в пространстве телесности, соединяются в одну языковую структуру» [9, с. 16]. Основным способом формирования самосознания тела выступает социальная и индивидуальная рефлексия, обуславливающие друг друга. С.В. Фролова подчеркивает, что эта рефлексия направлена на гармонизацию индивидуальной и социокультурной телесности и органического тела человека. Именно социокультурное самосознание тела является основным информационным потоком, который не только кодирует или перекодирует наше восприятие собственного тела, но и организует или реорганизует функциональные и физические параметры нашего физического тела. «На функциональные изменения телесности влияет эмоциональная значимость информации, ее интерпретация и индивидуальные смыслы. Посредством внешних и внутренних информационных взаимодействий человека формируются внутренние смысловые структуры в организации телесного пространства» [9, с. 17]. Влияние социокультурного самосознания телесности на физическое тело человека может быть позитивным в форме пропаганды здорового тела и здорового образа жизни, но оно может быть и негативным в виде пропаганды искажения, трансформации физического тела человека в форме либо акцентированного его «улучшения», либо в форме его акцентированного искажения. Яркими примерами такого искажения являются анорексия, булимия, различные виды искус-

ственного самоповреждения физического тела, трансгендеры и т.п.

Характер влияния общества и культуры на физическое тело человека зависит от самого состояния этого общества и культуры. Здоровое общество формирует социокультурную телесность физического здорового, нормального тела. Депрессивное, деградационное общество и культура рожают деструктивные ориентации и программы социокультурного формирования и позиционирования человеческого тела, аномальные формы трансформации и позиционирования биологической телесности человека. Так, например, в культуре постмодерна приобрела популярность идея «тела без органов», т.е. человеческой физической телесности, отчужденной от его духовной сущности, сознания и мышления. «В постмодернистском “теле без органов” органы оторваны от целого, сам их факт отрицается и как следствие ликвидируется... Данный тип тела формируется перед компьютерными мониторами, в реальном физическом мире» [3, с. 9]. Очевиден дегуманистический смысл такой своеобразной интерпретации человеческой телесности, но трагедия современной телесности в культуре постмодерна состоит в том, что «...дегуманистические тренды пока преобладают над гуманистическими» [8, с. 133]. Тем не менее современный кризис человеческой телесности, обусловленный противоречиями перехода к информационному обществу, может и должен быть преодолен гуманистической мыслью и социальной практикой.

Заключение. Из принципиальной обусловленности телесности как самосознания личностью своего физического тела в контексте определенных социокультурных норм и идеалов вытекает ряд следствий. Во-первых, динамизм исторического развития общества неизбежно порождает также динамизм общественных и индивидуальных норм и образов телесности. Во-вторых, кризисные периоды в развитии общества порождают противоречивые, проблематические социокультурные образы и образцы телесности и деформируют, дезориентируют личное, индивидуальное самосознание телесности. В-третьих, качественные трансформации социокультурных и инди-

видуальных форм телесности в процессе исторических трансформаций конкретного исторического субъекта порождают проблемы преемственности, соотношения прерывности и непрерывности в динамике форм телесности в рамках истории данного социокультурного субъекта. А.Ф. Поломошнов и П.А. Поломошнов отмечают принципиальный динамизм личностной идентичности, в связи с чем «особое значение приобретает контекстуализация идентичности в ее динамике. Это связано с принципиальной процессуальностью идентичности, которая в свою очередь связана с временным бытием человека» [7, с. 142].

Таким образом, можно говорить об историчности социокультурной телесности как основы и ядра индивидуальной личностной телесности. Анализ истории социокультурной телесности, которая одновременно выступает как снятая логика развития самосознания тела и социокультурных механизмов организации биологического тела человека, является необходимым элементом теоретической реконструкции современной телесности, ведь в современных конкурирующих образах и моделях телесности сосуществуют, взаимодействуют и трансформируются все ранее пройденные в истории формы и программы формирования телесности. Из этих метаморфоз рождается новая, современная форма телесности, которую невозможно адекватно осмыслить вне контекста исторических и межкультурных коннотаций.

Список источников

1. Александров В.Б. Человеческая телесность: постмодернизм перед лицом русской философии // Управленческое консультирование. 2015. №9(81). С. 140–148.
2. Быховская И.М. Физическая культура как культура тела: антропологический контрпункт природного и социального // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2020. №440). С. 92–109.
3. Горбачева А.Г. Трансформация человеческой телесности в информационном обществе // Актуальные вопросы современной науки. Сборник статей по материалам X международной научно-практической конференции. В 4-х частях. Т. I. Ч. 3. Уфа, 2018. С. 8–11.

4. Горлова И.И., Баниже О.Н. Телесность, телесные практики и телесный код в аспекте проблематизации // Право и практика. 2015. №4. С. 117–123.

5. Маслова Е.С., Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации. п. Персиановский: Донской ГАУ, 2019. 222 с.

6. Морозова О.О. Человеческая телесность как экзистенциал: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Казань, 2017. 24 с.

7. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Гуманизм, демократия, творчество как матрицы идентификации. п. Персиановский: Донской ГАУ, 2019. 225 с.

8. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Судьба гуманизма в XXI веке. п. Персиановский: Донской ГАУ, 2021. 155 с.

9. Фролова С.В. Человеческая телесность: онтологические начала и методологические основания: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Саратов, 2000. 160 с.

10. Чукуров А.Ю. Конструирование телесности как механизм самоконтроля // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. №3(36). С. 145–149.

11. Яковлева Е.Д. Осмысляя современные трансформации: гламурное тело // Бюллетень науки и практики. 2017. №1(14). С. 222–228.

References

1. Aleksandrov V.B. Chelovecheskaja telesnost': postmodernizm pered licom russkoj filosofii [Human physicality: postmodernism in the face of Russian philosophy]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Managerial consulting]*. 2015; 9(81): 140–148. (In Russ.).
2. Byhovskaja I.M. Fizicheskaja kul'tura kak kul'tura tela: antropologicheskij kontrapunkt prirodnogo i social'nogo [Physical culture as a culture of the body: an anthropological counterpoint of natural and social]. *Vestnik MGPU. Serija: Estestvennye nauki [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Natural Sciences]*. 2020; 4(40): 92–109. (In Russ.).
3. Gorbacheva A.G. Transformacija chelovecheskoj telesnosti v informacionnom obshhestve [Transformation of human physicality in the

Information society]. Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki. Sbornik statej po materialam X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii V 4-h chastjah [Topical issues of modern science. Collection of articles based on the materials of the X International Scientific and practical conference. In 4 parts]. Vol. I. Part 3. Ufa, 2018. P. 8–11. (In Russ.).

4. Gorlova I.I., Banizhe O.N. Telesnost', telesnye praktiki i telesnyj kod v aspekte problematizacii [Corporeality, bodily practices and the bodily code in the aspect of problematization]. *Pravo i praktika [Law and Practice]*. 2015; (4): 117–123. (In Russ.).

5. Maslova E.S., Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Identichnost' i gumanizm v jepohu transformacii [Identity and humanism in the era of transformation]. p. Persianovskij: Donskoj GAU, 2019. 222 p. (In Russ.).

6. Morozova O.O. Chelovecheskaja telesnost' kak jekzistencial: social'no-filosofskij analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11 [Human physicality as an existential: socio-philosophical analysis. Ph. D. (Philosophy) Thesis: 09.00.11]. Kazan', 2017. 24 p. (In Russ.).

7. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Gumanizm, demokratija, tvorcestvo kak matricy identifikacii [Humanism, democracy, creativity as identification matrices]. p. Persianovskij: Donskoj GAU, 2019. 225 p. (In Russ.).

8. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Sud'ba gumanizma v XXI veke [The fate of humanism in the XXI century]. p. Persianovskij: Donskoj GAU, 2021. 155 p. (In Russ.).

9. Frolova S.V. Chelovecheskaja telesnost': ontologicheskie nachala i metodologicheskie osnovanija: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.01 [Human physicality: ontological principles and methodological foundations. Ph. D. (Philosophy) diss.: 09.00.01]. Saratov, 2000. 160 p. (In Russ.).

10. Chukurov A. Ju. Konstruirovanie telesnosti kak mehanizm samokontrolja [The construction of physicality as a mechanism of self-control]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)]*. 2015; 3(36): 145–149. (In Russ.).

11. Jakovleva E.D. Osmyslaja sovremennye transformacii: glamurnoe telo [Comprehending modern transformations: the glamorous body]. *Bjulleten' nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice]*. 2017; 1(14): 222–228. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

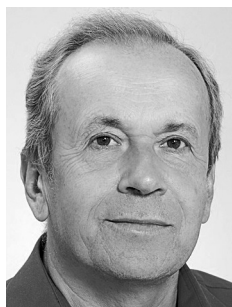
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Молоканов Александр Александрович — старший преподаватель кафедры «Физвоспитание», Донской государственной аграрный университет.

Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Aleksandr A. Molokanov — Senior Lecturer of the Department of Physical Education, Don State Agrarian University.
24 Krivoslykova str., Persianovsky v., Russia

Пономарев Петр Андреевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Донского государственного технического университета.

Россия, г. Новошахтинск, ул. Куйбышева, 20

Pyotr A. Ponomarev — Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Don State Technical University.

20 Kuibysheva str., Novoshakhtinsk, Russia

Вклад авторов:

Молоканов А. А. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Пономарев П. А. — научное руководство; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Molokanov A. A. — writing the source text; final conclusions.

Ponomarev P. A. — scientific guidance; revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 504.03

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-251-258

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Евгений Сергеевич Попов

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия**
rovove@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3474-4994, AuthorID РИНЦ: 1145404

Аннотация. *Целью исследования в представленной статье является рефлексия экологического императива и проблем национальной безопасности, а также определение места и роли экологического императива в национальной безопасности современной России.*

Методологию исследования составляет междисциплинарный подход, позволяющий осуществить рефлексия экологического императива в национальной безопасности с учетом современных достижений социально-гуманитарного и естественнонаучных направлений мысли. В то же время, обращаясь к работе по экологическому императиву отечественного ученого Н. Н. Моисеева, автор статьи приходит к выводу о необходимости использования диалектического подхода для конкретного рассмотрения данного феномена.

Результаты исследования. Экологический императив представляет собой границу в ресурсопользовательской деятельности людей, разделяющую два качественных состояния природной среды. Вместе с тем экологический императив в рамках национальной безопасности есть состояние экологической безопасности, выход за границу которой неизбежно ведет к экологическому кризису как превращению результатов человеческой деятельности в негативные силы, воздействующие на здоровье людей. В то же время угрозами национальной безопасности России являются внешние и внутренние тенденции к экологическому кризису.

Перспектива исследования связана с дальнейшим осмыслением экологического императива как границы деятельности людей в пространстве современной России.

Ключевые слова: экологический императив, экологический кризис, экологическая безопасность, национальная безопасность, граница, экономические интересы, экологические интересы

Для цитирования: Попов Е. С. Экологический императив и проблемы национальной безопасности современной России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 251–258. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-251-258>.

Original article

ENVIRONMENTAL IMPERATIVE AND THE PROBLEMS OF NATIONAL SECURITY OF MODERN RUSSIA

Evgeny S. Popov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
povove@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3474-4994, AuthorID RSCI: 1145404*

Abstract. *The purpose of the research in the presented article is to reflect the ecological imperative and the problems of national security. At the same time, the definition of the place and role of the environmental imperative in the national security of modern Russia.*

The methodology of the research is an interdisciplinary approach that allows for the reflection of the ecological imperative in national security, taking into account the modern achievements of socio-humanitarian and natural science directions of thought. At the same time, referring to the work on the ecological imperative of the Russian scientist N. N. Moiseev, the author of the article comes to the conclusion that it is necessary to use a dialectical approach for a specific consideration of this phenomenon.

The result of the study. The ecological imperative represents a boundary in the resource-based activity of people separating two qualitative states of the natural environment. At the same time, the environmental imperative within the framework of national security is a state of environmental security, the exit of which inevitably leads to an environmental crisis as the transformation of the results of human activity into negative forces affecting the health of people. At the same time, threats to Russia's national security are external and internal trends towards an environmental crisis.

The perspective of the research is connected with further understanding of the ecological imperative as the boundaries of human activity in the space of modern Russia.

Keywords: *ecological imperative, ecological crisis, ecological safety, national security, border, economic interests, ecological interests*

For citation: *Popov E. S. Environmental Imperative and the Problems of National Security of Modern Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 251–258. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-251-258>.*

Введение. В современных условиях территориальных изменений национального российского государства, связанных с вхождением в состав страны новых субъектов: Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей — встает проблема не только восстановления инфраструктуры, жилищного фонда, решения различных социальных проблем населения, прекращения боевых действий, но и преодоления экологических противоречий.

Как отмечает Заместитель Председателя правительства РФ В.В. Абрамченко, на новых территориях РФ наблюдается превыше-

ние предельных допустимых концентраций загрязняющих веществ в несколько тысяч раз [2]. Следовательно, уже существует проблема, связанная с проведением целого комплекса мероприятий с целью улучшения экологической обстановки в целом. Однако важно то, что необходимо не допустить распространения экологического кризиса на другие субъекты России в настоящем и будущем времени. Объяснение этого заключается в том, что, как пишет отечественный исследователь экологического кризиса В.С. Фридман, возникновение локального экологического кризиса, если его не купировать в короткий промежуток времени, неизбежно ведет к региональ-

ному и межрегиональному экологическому кризису [13].

В этом смысле экологический кризис неизбежно становится угрозой национальной безопасности. Однако, как явление экологический кризис связан с человеческой деятельностью. Соответственно для форсирования экологического кризиса в будущем необходимо понимать границу деятельности человека по отношению к природной среде и в какой момент наступает экологический кризис.

Таким образом, здесь актуализируется осмысление экологического императива в национальной безопасности. Тем самым автор ставит цель осмыслить понятие «экологический императив» и определить его место и роль в национальной безопасности современной России.

Методология. Понятие «экологический императив» ввел в научный оборот отечественный учёный Н.Н. Моисеев. Исследователь, анализируя экологические противоречия, возникшие в XX в., пришел к выводу, что если человеческое общество не изменит свое отношение к природной среде, его неизбежно ждет глобальный экологический кризис.

В связи с этим автор предложил такое понимание экологического императива «...как некоторого множества свойств окружающей среды (зависящих от особенностей цивилизации), изменение которых человеческой деятельностью недопустимо ни при каких условиях» [9, с. 6]. Тем самым специалист исходит из того, что экологический императив есть граница, которую нельзя переходить, поскольку за ней наступает экологический кризис, особенно в тех областях человеческой деятельности, которые несут в себе угрозы национальной безопасности.

Поэтому неслучайно другой исследователь Н.Н. Родзевич, развивая идеи Н.Н. Моисеева, определял экологический императив как группу запретов и ограничений в ресурсопользовательской деятельности людей, нарушение которых неизбежно приводит к ухудшению благоприятных экологических условий существования человека [12].

Отсюда следует, что экологический императив — это граница в использовании и потреблении природных ресурсов, выход

за предел которого приводит к ухудшению окружающей среды проживания общества.

На наш взгляд, для раскрытия истинного понимания экологического императива как границы необходимо обратиться к диалектическому методу Г. Гегеля. Философ подчеркивал, что «... поскольку нечто *и есть* и *не есть* в своей границе и эти моменты суть некоторое непосредственное, качественное различие... Она есть *середина между* ними, в которой они прекращаются» [4, с. 104–105].

Поэтому вышеуказанные понимания экологического императива как ограничивающую деятельность человека по отношению к природной среде являются односторонним, не вполне истинным пониманием понятия.

Здесь важно то, что экологический императив соединяет и разделяет два качественных состояния природной среды. С одной стороны, это экологический кризис, когда человеческая деятельность уже перешла в негативное состояние использования и потребления природных ресурсов. С другой — в диалектическом понимании нечто, взятое вместе со своей границей, есть конечное. Поэтому можно утверждать, что природопользование, взятое с границей экологического императива, есть экологическая безопасность.

В свою очередь, современная деятельность людей в области природных ресурсов связана с экономическими интересами. Как отмечает исследователь М.В. Попов, экономические интересы представляют собой характеристику положения людей в системе общественных отношений, которая показывает, в какой мере действия субъектов улучшают его экономическое положение [11].

Это означает, что поскольку в ресурсопользовательской деятельности есть различные субъекты, то существуют объективные основания в развитии одной из противоположных тенденций в экологическом императиве.

В то же время у различных социальных групп и средних слоев в современном российском обществе проявляются свои собственные экологические интересы.

Как подчеркивал Н.Н. Клюев, под экологическими интересами следует понимать осознанную объективную потребность устойчивой общности людей в благоприятных экологических условиях проживания, которые не сказываются на состоянии здоровья настоя-

щего и будущего поколений, а также обеспечивают увеличение продолжительности жизни, сохранение генофонда людей и многообразие живой и неживой природы [7].

На наш взгляд, автор говорит о том, что в настоящее время экологические интересы имеют наибольшее значение для устойчивой общности людей, проживающих в границах национального государства, поскольку негативные последствия экологического кризиса сказываются на продолжительности жизни, миграции, урбанизации, уровне заболеваемости населения и т.д.

Содержание. Отечественный исследователь Ю.Ю. Колесников, характеризуя экологический императив, подчеркивает, что в настоящее время это понятие представляет собой основание устойчивого развития в триаде «человек — общество — природная среда», где раскрываются все системные характеристики компонентов природной среды, цели и задачи экологической и социально-экономической политики страны [8].

Разумеется, нельзя оставить без внимания то, что экологический императив включает в себя особенные требования, такие как охрана окружающей среды, экологизация производства, развитие социально-экономической сферы общества, экологическое поведение. Это показательно в связи с тем, что экологический императив связывает различные экологические и социальные сферы.

Неслучайно Н.Н. Моисеев, выступая с категорией «экологический императив», отмечал, что это объективная категория, которая существует независимо от воли людей, но определяется соотношением свойств компонентов природной среды и особенностей социальных отношений [9].

Речь идет о том, что люди не свободны в выборе состояния свойств компонентов природной среды и в многообразии общественных форм, определяющих отношение к природной среде в целом, поскольку они

являются результатами предшествующей человеческой деятельности.

Однако люди в настоящем времени используют закономерности природных явлений, целенаправленно изменяют состояние компонентов окружающей среды, которые сказываются на них самих и на будущих поколениях. Следовательно, современная деятельность людей может быть направлена на обеспечение экологической безопасности.

В настоящее время в границах России действуют требования СанПин по питьевой воде, атмосферному воздуху, сбросам загрязняющих веществ в водные объекты, поддержанию плодородия почвы и т.д., которые направлены на охрану здоровья людей и на обеспечение благоприятных условий обитания социума¹.

Однако, исполнение данных требований возможно в рамках техногенной трансформации природной среды и изменения компонентов посредством техногенной среды. Это означает, что есть противоречие между недопустимостью изменений свойств окружающей среды в рамках понимания экологического императива Н.Н. Моисеевым и необходимостью их изменений для нахождения в границе экологического императива.

Результатом разрешения противоречия является создание человеком техногенной среды и трансформации природной среды для изменения компонентов природы с целью их сохранения в границе экологического императива.

Из этого в дальнейшем разворачивается, как отмечают Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, следующее: техногенная среда становится новым противоречием между очеловеченной природной средой обитания социума, которое поддерживает природные компоненты в границе экологического императива и ее сохранение как естественных природных компонентов [5; 6].

На наш взгляд, такое положение связано с экономическими интересами определенных

¹ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. №3 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159501/ (дата обращения: 25.01.2023).

социальных групп. Как утверждает У. Бек, существует противоречие между извлечением прибыли промышленным капиталом, который эксплуатирует рабочую силу, природную среду и создает техногенную среду, и многообразием рисков данного процесса, несущих в себе угрозы прибыли, человеческой жизни и природе в целом [1].

Дело в том, что экономические интересы ряда субъектов мотивируют вести ресурсопользовательскую деятельность за пределом экологического императива, а также создавать новую техногенную среду, разрушающую эколого-ресурсное равновесие [14].

Это ведет к тому, что результаты человеческой деятельности в природной среде превращаются в силы, враждебные самому человеку (радиоактивность, загрязнители атмосферного воздуха, биологические патогены в воде и т.д.), сказываясь на повышенных рисках, прежде всего, на здоровье настоящего и будущих поколений.

Кроме того, здесь стоит согласиться с американским неомарксистом И. Валлерстайном в том, что выходом из сложившейся ситуации для лидеров капиталистической части мира является перенос экологических издержек в ряд зависимых стран [3]. Для Российской Федерации это означает, что ее полупериферийное экономическое положение несет угрозы не только национальной безопасности, но и экологическим интересам населения.

Известно, что, с одной стороны, доходы федерального бюджета РФ в большей ее части формируются за счет ресурсопользовательской деятельности в области энергетических ресурсов (добыча-продажа), тем самым создавая предпосылки для российского добывающего капитала сокращать собственные экологические издержки для максимизации прибыли.

С другой стороны, иностранные национальные государства через собственные

транснациональные корпорации включаются в процесс эксплуатации природных ресурсов, перенося собственные экологические издержки в Россию.

Таким образом, проявляется двойственный характер угроз современной России. В этом смысле не удивительно принятие новой Стратегии национальной безопасности РФ², включающей в себя позитивный момент экологической безопасности. Однако надо отметить, что экологическая безопасность может выступать положительным моментом только через борьбу со своим отрицательным моментом — экологическим кризисом [10].

Соответственно, роль и место современной экологической безопасности как ресурсопользовательской деятельности людей в границе экологического императива — обеспечение национальной безопасности России.

На наш взгляд, для положительного развития экологической безопасности в контексте национальной безопасности необходимо обратиться к сталинскому плану преобразованию природы³. Это важно, поскольку сами мероприятия были согласованы с советским научным сообществом и проводились главным образом не через полное создание новой техногенной среды, а как система «природная среда-товарищ».

Речь идет о том, что преобразование природной среды происходило через ее социально-биосферное развитие. Массовое участие большой социальной группы и различных слоев населения в мероприятиях по лесонасаждению, внедрению севооборотов, созданию водоемов и прудов преодолеvalo тенденцию техносферизации самой природой среды и обеспечивало стране экологическую безопасность.

На наш взгляд, можно утверждать, что сталинский план регулирования природной среды есть первое научное и разумно осуществляемое мероприятия по деятельности людей в рамках экологического императива.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утвержденная указом Президента РФ от 02.07.2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 25.01.2023).

³ Постановление Совмина СССР, ЦК ВКП (б) от 20.10.1948 г. №3960 «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» [Электронный ресурс] // Консультант. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14933#mbixX1TmZmrngTDG> (дата обращения: 26.01.2023 г.).

Выводы. Итак, экологический императив, представляя собой границу между двумя качественными состояниями природной среды, является ориентиром экологической безопасности, в рамках которой она существует. Разумеется, важно то, что экологическая безопасность есть позитивный момент национальной безопасности, а это требует соответствующих действий для развития данной тенденции публичной власти, а конкретизация Стратегии национальной безопасности как программы развития на всю страну должна развивать свой собственный момент, ориентируясь на собственные социокультурные практики прошедшего периода истории.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. В новых субъектах России проведут экологическую «Генеральную уборку» [Электронный ресурс] // Интернет-издание «ТАСС». URL: <https://tass.ru/obschestvo/16018155> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
4. Гегель. Наука Логики. Т. I. Объективная логика / Пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М.: Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
5. Демиденко Э. С. Некоторые теоретико-методологические и организационные обоснования выхода биосферы из системного кризиса // Антропо-техногенная деградация биосферы: предложения по ее преодолению. Труды Российской междисциплинарной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 30–44.
6. Дергачева Е. А. Современная глобализация как процесс социально-техногенной трансформации биосферы // Антропо-техногенная деградация биосферы: предложения по ее преодолению: Труды Российской междисциплинарной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 45–54.
7. Ключев Н. Н. Национальные экологические интересы [Электронный ресурс] // Интернет-издание «География». URL: <https://geo.1sept.ru/article.php? ID=200102504> (дата обращения: 21.01.2023).

geo.1sept.ru/article.php? ID=200102504 (дата обращения: 21.01.2023).

8. Колесников Ю. Ю. Экологический императив как неотъемлемый фактор устойчивого развития человечества // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. №4(8). С. 46–48.

9. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. №1. С. 3–30.

10. Попов Е. С. Теория и методология изучения экологической безопасности в рамках социальной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021. №2. С. 26–29.

11. Попов М. В. Социальная диалектика. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. 468 с.

12. Родзевич Н. Н. Проблемы реализации экологического императива [Электронный ресурс] // Интернет-издание «География». URL: <https://geo.1sept.ru/article.php? ID=200802413> (дата обращения: 21.01.2023).

13. Фридман В. С. Глобальный экологический кризис: по материалам курса лекций: «Охрана природы: Биологические основы, имитационные модели, социальные приложения». М.: URSS, 2017. 442 с.

14. Foster J. B. Marxism and Ecology: Common Fonts of a Great Transition [Electronic resource] // Great Transition Initiative. 2015. URL: <https://greattransition.org/images/Foster-Marxism-and-Ecology.pdf> (date accessed: 28.01.2023).

References

1. Bek U. Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu [On the way to another modern]. Per. s nem. V. Sedel'nika i N. Fedorovoj. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 384 p. (In Russ.).
2. V novyh sub'ektah Rossii provedut jekologicheskiju «General'nuju uborku» [Ecological «General cleaning» will be carried out in the new subjects of Russia] [Elektronnyj resurs]. Internet-izdanie «TASS» [Online publication «TASS»]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16018155> (data obrashhenija: 20.01.2023). (In Russ.).
3. Vallerstajn I. Mirosistemnyj analiz: Vvedenie [Mirosystemic analysis: Introduction]. Per. N. Tjukinoj. Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006. 248 p. (In Russ.).

4. Gegel'. Nauka Logiki. T.I. Ob'ektivnaja logika [Science of Logic. T.I. Objective logic]. Per. s nem. B.G. Stolpnera. Moscow: Primedia E-launch LLC, 2017. 540 p. (In Russ.).
5. Demidenko Je. S. Nekotorye teoretiko-metodologicheskie i organizacionnye obosnovaniya vyhoda biosfery iz sistemnogo krizisa [Some theoretical, methodological and organizational justifications for the biosphere's exit from the systemic crisis]. Antropo-tehnogennaja degradacija biosfery: predlozhenija po ee preodoleniju. Trudy Rossijskoj mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Antropo-technogenic degradation of the biosphere: proposals for overcoming it. Proceedings of the Russian Interdisciplinary Scientific and Practical Conference]. Moscow: INION RAN, 2014. P. 30–44. (In Russ.).
6. Dergacheva E.A. Sovremennaja globalizacija kak process social'no-tehnogennoj transformacii biosfery [Modern globalization as a process of socio-technogenic transformation of the biosphere]. Antropo-tehnogennaja degradacija biosfery: predlozhenija po ee preodoleniju: Trudy Rossijskoj mezhdisciplinarnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Anthropo-technogenic degradation of the biosphere: proposals for overcoming it: Proceedings of the Russian Interdisciplinary Scientific and Practical Conference]. Moscow: INION RAN, 2014. P. 45–54. (In Russ.).
7. Kljuev N.N. Nacional'nye jekologicheskie interesy [National ecological interests] [Elektronnyj resurs]. *Internet-izdanie «Geografija»* [Online publication «Geography»]. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200102504> (data obrashhenija: 21.01.2023). (In Russ.).
8. Kolesnikov Ju. Ju. Jekologicheskij imperativ kak neot'emlemyj faktor ustojchivogo razvitiya chelovechestva [Ecological imperative as an integral factor of sustainable human development]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus State Technical University]. 2006; 4(8): 46–48. (In Russ.).
9. Moiseev N.N. Sovremennyj antropogenez i civilizacionnye razlomy. Jekologo-politologičeskij analiz [Modern anthropogenesis and civilizational differences. Ecological and political analysis]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1995; (1): 3–30. (In Russ.).
10. Popov E.S. Teorija i metodologija izučeniya jekologičeskoj bezopasnosti v ramkah social'noj filosofii [Theory and methodology of studying environmental safety in the framework of social philosophy]. *Gumanitarnye i social'no-jekonomičeskie nauki* [Humanities and socio-economic sciences]. 2021; (2): 26–29. (In Russ.).
11. Popov M. V. Social'naja dialektika [Social Dialectics]. Saint Petersburg: Izd-vo Politehn. un-ta, 2014. 468 p. (In Russ.).
12. Rodzevich N.N. Problemy realizacii jekologičeskogo imperativa [Problems of implementation of the ecological imperative] [Elektronnyj resurs]. *Internet-izdanie «Geografija»* [Online publication «Geography»]. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200802413> (data obrashhenija: 21.01.2023). (In Russ.).
13. Fridman V. S. Global'nyj jekologičeskij krizis: po materialam kursa lekcij: «Ohrana prirody: Biologičeskie osnovy, imitacionnye modeli, social'nye prilozhenija» [Global ecological crisis: based on the materials of the course of lectures: «Nature conservation: Biological foundations, simulation models, social applications»]. Moscow: URSS, 2017. 442 p. (In Russ.).
14. Foster J. B. Marxism and Ecology: Common Fonts of a Great Transition [Electronic resource] // Great Transition Initiative. 2015. URL: <https://greattransition.org/images/Foster-Marxism-and-Ecology.pdf> (date accessed: 28.01.2023).

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing on 22.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Евгений Сергеевич — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeniy S. Popov — Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316.77

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-259-266

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО РОССИИ И ЗАПАДА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Татьяна Борисовна Савкина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

savkina.tat@mail.ru, SPIN-код: 1451-1830

Аннотация. *Цель исследования* определяется объективной необходимостью рассмотрения условий информационного противодействия в современной геополитике, обоснования проблем и специфики взаимодействия России и Запада в контексте противоборства на информационном поле.

Методологическая база исследования. *Методология исследования* определяется необходимостью применения методов научного познания для оценки условий формирования геополитического противодействия и системного анализа, позволяющего сформировать концепцию развития и текущее состояние информационного противоборства. Синтез полученных результатов дает возможность определить существующее положение рассматриваемой проблемы и обосновать перспективы.

Результаты исследования. *Информационное противоборство* в современных условиях давно стало естественным условием ведения войны. В современных условиях проблематика данного вопроса приобретает особое значение на фоне конфликта России и Украины и активного противодействия в информационном пространстве со странами Запада. В статье представлена авторская концепция, определяющая специфику формирования информационного противоборства. Приводятся обоснования, позволяющие повысить эффективность информационной устойчивости современного общества.

Перспективы исследования. *Рассматриваемое направление* на ближайшую перспективу не потеряет своей актуальности. Наращивание геополитической напряженности определяет постоянный поиск средств и методов информационного противоборства. Информационное поле стало приоритетом при выборе оружия для ведения войны в современном мире.

Ключевые слова: *противоборство, манипуляция сознанием, общественное мнение, факторы влияния*

Для цитирования: *Савкина Т.Б. Информационное противоборство России и Запада в контексте современной геополитики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 259–266. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-259-266>.*

Original article

INFORMATION CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICS

Tatyana B. Savkina

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
savkina.tat@mail.ru, SPIN-code: 1451-1830*

Abstract. Objective of the study. *The purpose of the research is determined by the objective need to consider the conditions of information confrontation in modern geopolitics, to substantiate the problems and specifics of the interaction between Russia and the West in the context of confrontation in the information field.*

Methodological basis of the research. *The methodology of the research is determined by the need to apply methods of scientific cognition, to assess the conditions of formation of geopolitical confrontation and system analysis, allowing to form a concept of development and the current state of information confrontation. Synthesis of the results makes it possible to determine the current state of the problem in question and justify the prospects.*

Research results. *Information confrontation in modern conditions has long been a natural condition for warfare. In modern problems of this issue acquires special importance, on the background of the conflict between Russia and Ukraine and active confrontation in the information space with the countries of the West. The article presents the author's concept, which determines the specifics of the formation of information confrontation. The substantiations allowing to increase efficiency of information stability of the modern society are given.*

Prospects of the study. *The considered direction will not lose its relevance in the near future. Increase of geopolitical tension defines constant search of means and methods of information confrontation. Information field has become a priority in the choice of weapons for warfare in the modern world.*

Keywords: *confrontation, manipulation of consciousness, public opinion, factors of influence*

For citation: *Savkina T.B. Information confrontation between Russia and the West in the context of modern geopolitics // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 259–266. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-259-266>.*

Введение. Информационная война как фактор противостояния имеет глубокие исторические корни. Общественное мнение всегда становилось решающим показателем при формировании инструментария военного противостояния. Информационная война в отличие от прямого конфликта имеет длительный жизненный цикл, а военное соприкосновение является конечной фазой противоборства для стран, втягиваемых в конфликт.

Методологические основы исследования. Для реализации целей проводимого ис-

следования попробуем рассмотреть и структурировать системные фазы информационного противоборства. Начальной фазой всегда является идея: идея господства, идея приоритета, идея исторической значимости и пр.

Господство и власть как основа геополитического противоборства. Обоснование идеи господства как неотъемлемого фактора существования власти просматривается у многих авторов и обосновывается на междисциплинарном уровне. Так, Вебер определяет основы легитимации власти

(и порядка) легально-рациональным типом господства:

1) власть безличного порядка (impersonal order), а не лиц;

2) власть предержащие (person in authority), «вышестоящие» (superior), подчиняются безличному порядку;

3) подчинение человека власти (authority) означает, что он подчиняется закону и только закону;

4) члены сообщества (members) обязаны повиноваться безличному порядку, а не вышестоящему (superior) как индивиду [9].

Один из главных архитекторов многоликой концепции власти С. Льюкс отмечает, что «изначально все оперировали пониманием власти в телеологической парадигме “власть над...” и могли быть рассмотрены как альтернативные интерпретации и аппликации одного и того же подразумеваемого понятия власти, согласно которому А осуществляет власть над Б, когда А воздействует на Б способом, противоречащим интересам последнего. Такое её понимание приравнивалось к господству и концептуально, и лексически» [3, с. 82].

Макиавелли утверждал, что институциональная среда должна поддерживать возможности для производства «укрепляющих общественную свободу» законов [4].

Таким образом, понятие власти сформировано и определено на раннем этапе познания, а системные вопросы противоборства попадают под трактовку заданной концептуальной основы.

Идея и мифологизация как концептуальная основа информационного противоборства. Привлечение к идее и ее обоснование — это всегда последовательная работа, формирующая укоренение идеи в общественном сознании. Спецификой информационного противоборства является отсутствие необходимости документального подтверждения выдвинутой концепции со стороны инициатора. А информационно-психологическая война, в свою очередь, является наиболее агрессивным средством достижения государствами-участниками информационного противоборства безусловного лидерства в информационно-психологической сфере — так называемого информационного доминирования [5].

Попробуем рассмотреть современное положение, сложившееся в системе информационного противостояния и грозящее перерастанием в глобальную войну.

Проблемы манипуляции общественным сознанием достаточно широко представлены в научной литературе. С. Г. Кара-Мурза в своей работе «Манипуляция сознанием» достаточно широко представляет концепцию воздействия на социум посредством формирования информационной повестки. Он рассматривает информационное воздействие в контексте звеньев цепи, которые поступательно замыкаются при достижении поставленной цели. Автором проводится обоснование цепной реакции на примерах живой и неживой природы: «В порту Гамбурга на причале взорвалась куча азотных удобрений, обычно совершенно невзрывоопасных. Только потому, что куча была слишком большой — накопление в ней свободных радикалов превысило критическую величину и начались процессы, которых никто не ожидал...» [4, с. 4].

Впечатляюще выглядят описания, приведенные автором, и касающиеся механизмов формирования мифа в окружающей среде: «Растение обрамляет свои тычинки и пестик роскошной привлекательной декорацией — цветком, выделяющим к тому же ароматный нектар. Насекомые устремляются на запах и цвет, платя за нектар работой по опылению»; «...богомол притворился сухим листиком, не отличишь. Он создал невинный и скромный ложный образ, успокаивающий жертву» [1, с. 7].

Автором приводятся многочисленные исторические примеры, которые сводятся к главному: формирование устойчивого сознания у реципиента является эффективным условием объединения масс в одухотворенную и воинствующую толпу. С. Г. Кара-Мурза в своей работе задает многочисленные вопросы: «... что произошло с русскими в начале XVII века... Что это за Смуты такая? Почему поверили вора и жалким проходивцам, даже на русский престол посадили? Почему воеводы наперебой спешили сдать города ничтожным силам удивленных авантюристов, а казаки кинулись грабить русские города?». Далее проводится оценка исторических событий, которым сложно найти объективное объяснение, например,

активизация масс, приведшая к развалу Советского Союза. Можно много рассуждать о лидерах тех эпох, совершивших катастрофические ошибки, но изменить прошлое уже не представляется возможным. Важно понимать истоки и механизмы, ставшие причиной произошедшего.

Большинство современных трактовок при взгляде в прошлое пытаются обосновать свершившиеся факты изменой «сильных мира сего», но не все так однозначно. Наверняка, М. С. Горбачев был уверен в правильности своей позиции при формировании стратегии, а результат стал для него самого неожиданным. Процесс осознания наверняка случился, но уже после того, как реальные инструменты власти были переданы следующему звену выбранной цепи.

Процессы набирающего силу информационного противоборства в конце XX столетия выявили множество закономерностей, которые не были учтены в политических стратегиях России и после вступления в новый XXI век. Эпоха цифровизации привнесла расширенное поле возможностей в систему информационного противоборства. Многие годы в странах бывшего СССР велась актив-

ная деятельность, направленная на формирование устойчивого общественного мнения об исторических событиях прошлого. Преимуществом информационного противоборства является отсутствие необходимости в документированной доказательной базе, либо доказательства могут быть основаны на частных измышлениях и псевдоисторических фактах.

Что мы наблюдаем сегодня? Специальная военная операция выявила некоторые пробелы в деятельности российских служб. Интересными кажутся суждения М. Леонова, который определяет «украинство» как «троянского коня» англосаксов [6]. Его рассуждения о длительном этапе подготовки к военному противостоянию трудно назвать беспочвенными. Как уже отмечалось, мы считаем войну конечной (финишной) точкой конфликта, а значит, остальные точки были пройдены.

С нашей точки зрения, любой конфликт в свете концепции информационного противоборства можно разделить на несколько стадий. Каждая стадия формирует собственные критерии эффективности и фактического окончания (рис. 1).

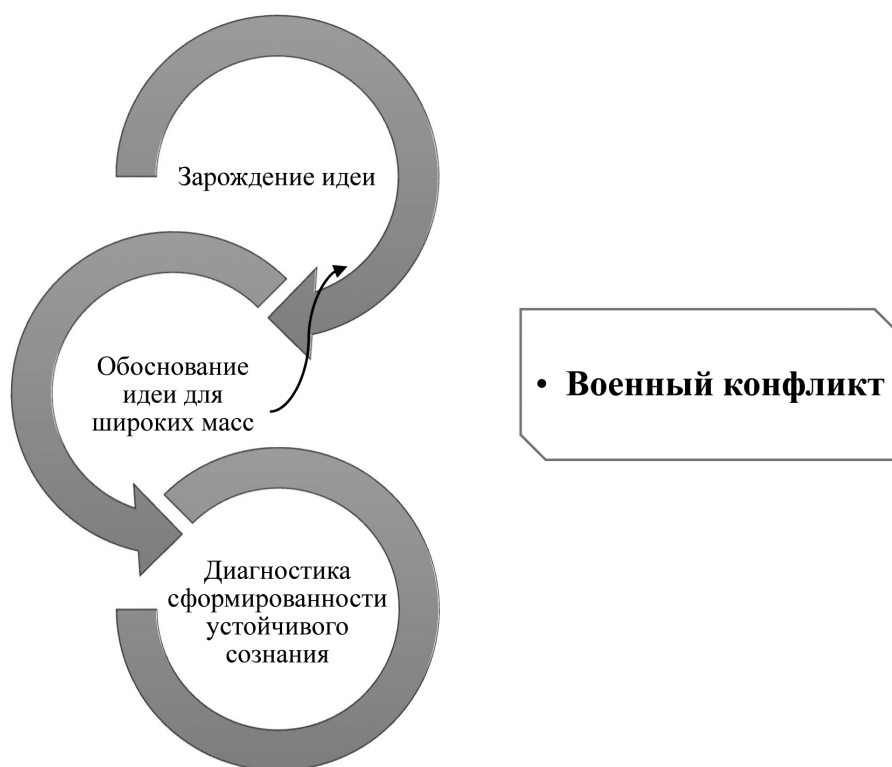

Рис. 1. Модель информационного противоборства
Fig. 1. The information warfare model

В современных условиях мы видим проявления активности и большое количество научных обоснований происходящих событий [8]. Насколько объективными можно считать сегодняшние оценки и нарастание информационного противоборства?

Рассматривая зарубежные источники, мы видим значительный упор на формирование отрицательного восприятия России. При этом навязывается мысль о возникновении беспричинной агрессии, что гармонизирует в сознании восприятие неадекватности происходящего со стороны инициатора, в качестве которого фигурирует Россия как государство, а Президент — как фактор отрицательного влияния: «От Украины до Африки и евроатлантического региона Москва на протяжении многих лет предпочитала использовать непрямую конфронтацию для достижения своих политических и стратегических целей» [7, с. 60]. Подобные утверждения приводятся в качестве обоснования начавшегося в феврале 2022 года военного противостояния. Мы видим, что современное информационное противоборство под-

водится под ранее выдвинутую концептуальную основу. Российские средства массовой информации также вступают в противоборство, но их позиция менее устойчива [5]. В западных СМИ приводится оценка текущих событий как закономерного следствия: «Для Москвы речь также шла о том, чтобы бросить вызов Вашингтону и Западу в приоритетной для них — с точки зрения Москвы — сфере (влиятельность, мягкая сила, различные виды подрывных операций). Задача заключалась в том, чтобы смыть унижение, вызванное распадом Советского Союза: по мнению российских военных мыслителей, СССР был побежден без оружия, а Соединённые Штаты одержали “величайшую победу в истории человечества”»¹.

Базовая среда для формирования общественной мысли. В научной парадигме мыслительный процесс всегда индивидуализирован, но в фактуре рассматриваемой проблемы есть смысл ввести понятие «социальной мыслительной деятельности» [2], определяющей базовую идею общественной

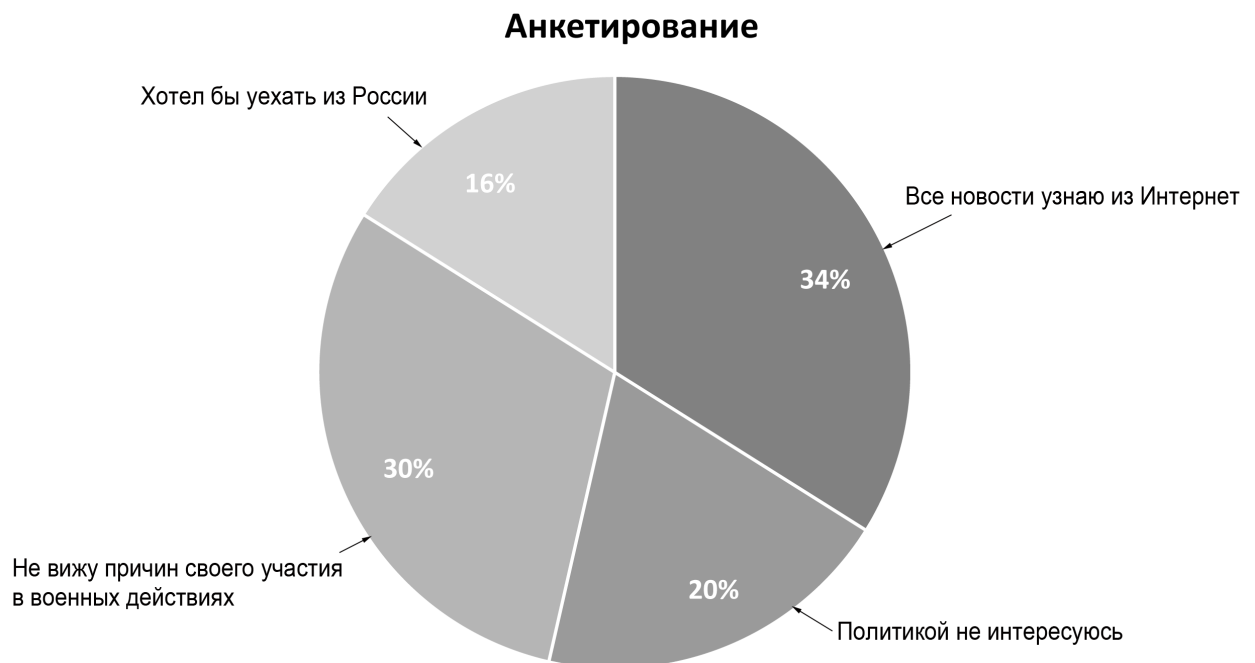

Рис. 2. Структура ответов на вопросы анкеты (%)
Fig. 2. Structure of answers to the questionnaire questions (%)

¹ Миник Д., Вторжение России в Украину: политико-стратегический перелом? [Электронный ресурс] // Записки Ифри. Russie. Nei. Visions. 2022. №126 // Пер. с фр. Н. Киселевой-Туле. URL: <https://www.ifri.org/ru/publications/notes-de-lifri/russie-nei-visions/vtorzhenie-rossii-v-ukrainu-politiko-strategicheskiy>.

единой интерпретации происходящих событий среди определенной аудитории. Считаем, что, рассматривая информационное противоборство, стороны должны понимать, что временные рамки влияния значительно расширены. Проведя опрос в социальных сетях, среди пользователей возрастной группы от 18 до 21 года (50 чел.), мы получили следующие результаты (рис. 2).

Современная информационная политика, реализуемая в России, находится в состоянии «догоняющего», а соответственно зачастую достаточно навязчива. Формирование общественного сознания является естественным процессом, следовательно, предполагает последовательность развития всех элементов информационного противостояния. В современных условиях предпринимаются активные меры, направленные на формирование патриотического сознания, катализируемые средствами массовой информации и использующие стандартные средства: обращения к событиям Второй мировой войны, к опыту поколений, к чувствам национальной гордости и пр. Данная позиция имеет место быть, но эта тематика в большей степени воздействует на старшее поколение, при этом в молодежной среде зачастую не пользуется популярностью².

В результирующих показателях учтены положительные ответы на заданный вопрос от всего состава выборки. Исходя из полученных результатов, мы видим значительный разрыв между формируемыми в России инструментами влияния и фактическим положением дел. Положительные результаты информационного влияния могут быть получены при условии эффективного «отклика» не менее 50% от репрезентативной выборки.

Определяя современные условия противоборства, мы наблюдаем процесс, который формирует информационную повестку и имидж властных структур в современных условиях. Безусловно, в России наблюдается повышение информационной активности в последние годы. К данным тенденциям можно отнести вещание российских каналов за рубежом и влияние СМИ на внутреннюю аудиторию.

Имиджевые потери России связаны с недостаточной подготовкой информационной среды к проведению специальной военной операции в 2022 году. Со стороны США и стран Европы мы наблюдаем конструктивную информационную политику, которая последовательно формировала образ врага в лице России в течение длительного исторического периода. Активное влияние на массовое сознание, продолжавшееся на протяжении последних 20 лет, уже определило сложившиеся позиции в общественном сознании. Считаем, что основным фактором успешности информационной политики является время. Только временные условия и последовательность информационного влияния позволят повысить эффективность воздействия на потенциальную аудиторию.

В текущих условиях информационная политика России строится посредством влияния общедоступных СМИ и отдельных персон. К персоналиям можно отнести базовые фигуры российского информационного пространства, таким как С. Лавров, М. Захаров, В. Небензя. Российские СМИ формируют информационный контент, не прибегая к научно обоснованным методам влияния на общественное мнение, что часто вызывает противодействие со стороны потенциального объекта влияния. Особая проблема состоит в восприятии информации со стороны молодежи. Более 76% жителей России от 18 до 40 лет используют в качестве информационного поля социальные сети и другие Интернет-ресурсы. Важно активизировать работу в данном направлении.

Заключение. На основании изложенного считаем необходимым разработать эффективные меры, направленные на молодежную аудиторию. Следует активизировать работу в востребованных у молодежи ресурсах Интернет. Методы влияния могут быть выражены только в пользующихся спросом у молодежи форматах. Следует активно применять возможности чатов в сетях, которые популярны в молодежной среде. Стратегия информационного воздействия должна быть ориентирована как на внутристрановую аудиторию,

² Зотьев А. На территории Украины сегодня решается судьба России [Электронный ресурс] // URL: <https://www.discred.ru/2022/10/06/informatsionnaya-vojna-kak-chast-svo/> (дата обращения: 12.11.2022).

так и на внешнюю. При этом возрастной критерий должен быть четко определен. Естественность процесса информационного воздействия является ключом эффективности полученного результата.

Список источников

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
2. Леонов М. СВО и информационная война [Электронный ресурс] // Международная жизнь. Электронный журнал. 24.09.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37128> (дата обращения: 12.11.2022).
3. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / Пер. с англ. А.И. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. университета ВШЭ, 2010. 240 с.
4. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Глава IV О том, что раздоры между плебсом и сенатом сделали Римскую республику свободной и могущественной [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». 70 с. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Makiavelli_Tit.pdf (дата обращения: 19.12.2022).
5. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
6. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общ. ред. А.С. Коржевского. М.: Изд-во РГГУ, 2021. 562 с.
7. Чебан В.В. Духовный фактор в войнах будущего. Проблемы и решения // Вестник Академии военных наук. 2003. Т. 3. №2. С. 60.
8. Minic D. La guerre informationnelle psychologique dans la pensée militaire russe et ses applications en Ukraine et en Syrie // *Annuaire français des relations internationales*. 2021. Vol. XXII. P. 523–533.
9. Weber M. Economy and Society. An outline of interpretive sociology / Ed. by Guenther R., Ckus W. // University of California Press. Berleley Los Angeles; London, 1978. 1469 p.

References

1. Kara-Murza S.G. Manipuljacija soznaniem [Manipulation of consciousness]. Moscow: Jeksmo, 2005. 832 p. (In Russ.).

2. Leonov M. SVO i informacionnaja vojna [SVO and the information war] [Elektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnaja zhizn'. Elektronnyj zhurnal*. 24.09.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/37128> (data obrashhenija: 12.11.2022). (In Russ.).

3. L'juks S. Vlast': Radikal'nyj vzgljad [Power: A Radical view]. Per. s angl. A.I. Kyrlezheva. Moscow: Izd. dom Gos. universiteta VShJe, 2010. 240 p. (In Russ.).

4. Makiavelli N. Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija. Glava IV O tom, chto razdory mezhdu plebsom i senatom sdělali Rimskuju respubliku svobodnoj i mogushhestvennoj [Reflections on the first decade of Titus Livius. Chapter IV That the discord between the plebs and the Senate made the Roman Republic free and powerful] [Elektronnyj resurs]. *Elektronnaja biblioteka «Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii»* [Electronic library «Civil society in Russia»]. 70 p. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Makiavelli_Tit.pdf (data obrashhenija: 19.12.2022). (In Russ.).

5. Manojlo A. V. Gosudarstvennaja informacionnaja politika v osobyh uslovijah: monografija [State information policy in special conditions: monograph]. Moscow: MIFI, 2003. 388 p. (In Russ.).

6. Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravlenija ih nejtralizacii [Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization]. Pod obshh. red. A. S. Korzhevskogo [In A. S. Korzhevsky (eds.)]. Moscow: Izd-vo RGGU, 2021. 562 p. (In Russ.).

7. Cheban V. V. Duhovnyj faktor v vojnah budushhego. Problemy i reshenija [The spiritual factor in the wars of the future. Problems and solutions]. *Vestnik Akademii voennyh nauk* [Bulletin of the Academy of Military Sciences]. 2003; 3(2): 60. (In Russ.).

8. Minic D. La guerre informationnelle psychologique dans la pensée militaire russe et ses applications en Ukraine et en Syrie // *Annuaire français des relations internationales*. 2021. Vol. XXII. P. 523–533.

9. Weber M. Economy and Society. An outline of interpretive sociology / Ed. by Guenther R., Ckus W. // University of California Press. Berleley Los Angeles; London, 1978. 1469 p.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 04.02.2023.

The article was submitted on 25.12.2022; approved after reviewing on 20.01.2023; accepted for publication on 04.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Савкина Татьяна Борисовна — кандидат военных наук, подполковник, профессор кафедры СИТ Военного учебного центра, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Малюгиной, 220/84, кв. 60

Tatyana B. Savkina — Candidate of the Military Sciences, Lieutenant Colonel, Professor of the Department of Information Technology of the Military Training Center, Southern Federal University.

220/84 Malyugina str., app. 60, Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 330.3

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-267-273

ПУБЛИКАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО УЧЕНОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Инна Ивановна Сальникова

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

s-inna79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8945-592X,

AuthorID РИНЦ: 1068839, SPIN-код: 6089-4864

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проявления публикационной культуры современного ученого в его публикационной деятельности.*

Цель статьи — показать, что формирование имиджа ученого напрямую связано с его умением донести результаты своих исследований до научного сообщества через публикации в научных журналах, то есть с его публикационной культурой.

Методологией исследования являются идеи и принципы, содержащихся в работах российских ученых, посвященных рассмотрению различных аспектов формирования имиджа и репутации ученых на современном этапе развития науки и высшего образования.

Результатами работы стало выявление произошедших изменений в формировании рейтинга ученых в научном сообществе и роли в этом процессе публикационной культуры.

Перспективой исследования является установление корреляции репутации научных работников и таких показателей, как публикационная активность и публикационный этос.

Ключевые слова: научная статья, публикационная культура ученого, публикационная активность, публикационный этос

Для цитирования: Сальникова И. И. Публикационная культура современного ученого: постановка проблемы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 267–273. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-267-273>.

Original article

PUBLICATION CULTURE OF A MODERN SCIENTIST: PROBLEM STATEMENT

Inna I. Salnikova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
s-inna79@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8945-592X,
AuthorID RSCI: 1068839, SPIN-code: 6089-4864*

Abstract. *The article is devoted to the study of the manifestation of the publication culture of a modern scientist in his publication activity.*

The purpose of the article is to show that the formation of the image of a scientist is directly related to his ability to convey the results of his research to the scientific community through publications in scientific journals, that is, with his publication culture.

The research methodology is the ideas and principles contained in the works of Russian sociologists devoted to the consideration of various aspects of the formation of the image and reputation of scientists at the present stage of development of science and higher education.

The results of the work were the identification of the changes that have taken place in the formation of the rating of scientists in the scientific community and the role of publication culture in this process.

The prospect of the study is to establish a correlation between the reputation of scientists and such indicators as publication activity and publication ethos.

Keywords: *scientific article, publication culture of a scientist, publication activity, publication ethos*

For citation: *Salnikova I.I. Publication culture of a modern scientist: problem statement // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 267–273. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-267-273>.*

Введение. Современная трансформация российской экономики в направлении цифровизации обуславливает необходимость новых подходов в сфере редакционно-издательской деятельности, в частности в области научных публикаций. Именно научная статья является отражением исследовательской активности ученого и его места в научном сообществе.

В связи с этим возникает необходимость корректного отображения научных достижений в научных публикациях с целью обеспечить их доступность для научного сообщества и тем самым повысить эффективность российской науки.

Адекватное изложение результатов научных исследований дает возможность пользователям информации найти и осуществить ее практическую реализацию.

Следует отметить, что в современной практике нет такого понятия, как «публикационная культура ученого». Таким образом, возникает необходимость введения нового понятия, отражающего важные аспекты деятельности научных работников в современных условиях.

Для конструирования нового понятия «публикационная культура» было рассмотрено известное определение, такое как «публикационная этика». Это то, что дает возможность ученым повысить свой рейтинг, а вузам — поднять престижность в условиях конкурентного развития высшего образования. В целях исследования необходимо определить основные составляющие публикационной культуры: *публикационную активность и публикационный этос*. Каждая из этих составляющих имеет

свои количественные и качественные показатели (рис. 1, 2.)

Публикационная активность есть конечный итог деятельности автора, научного коллектива или организации, региона, страны, который, по словам современного аналитика в области наукометрии и оценки результатов научно-исследовательской деятельности П.Г. Арефева, «воплощён в виде научной публикации, например, журнальной статьи, статьи в коллективном сборнике, доклада в трудах научной конференции, авторской или коллективной монографии, опубликованного отчёта по НИР» [1, с. 50].

Публикационный этос в представлении современного автора С.Е. Бащинского — это «нравственные принципы, проявляющиеся в личности автора, который должен показать себя объективным, здравомыслящим, хорошо разбирающимся в теме статьи, а также в вопросах научной и профессиональной этики» [2, с. 56].

Показатели публикационной активности, установленные Министерством науки и высшего образования России, рекомендованы при определении рейтинга индивидуального автора и научной организации в целом. Они необходимы для профессионального роста исследователя, продвижения по должностной лестнице.

Составляющие публикационного этоса характеризуют личностные качества автора-исследователя, его нравственные ценности и нормы, регламентирующие познавательную деятельность ученого.

Вышеуказанные характеристики представляют комплекс показателей, который определяет уровень публикационной культуры ученого (рис. 3).

Заметим, что эти же показатели являются современными критериями оценки качества публикационно-издательской сферы в обществе. Они характеризуют степень включен-

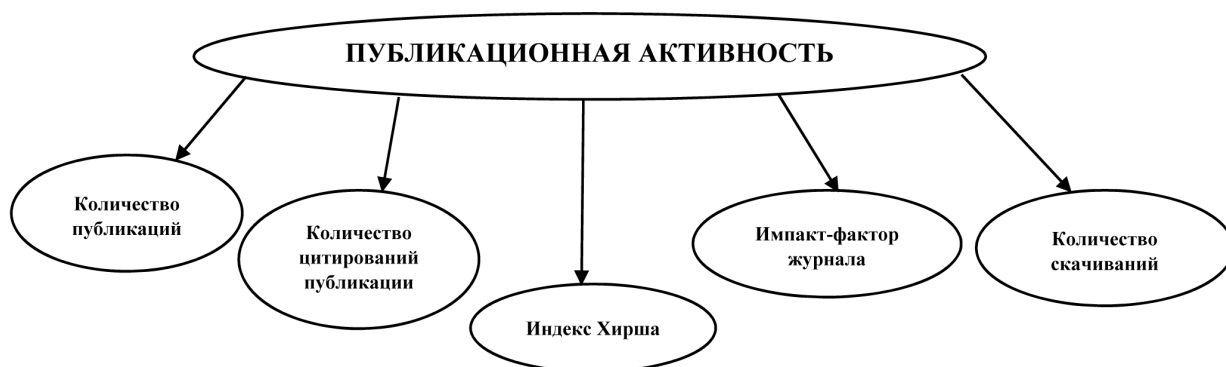

Рис. 1. Составляющие публикационной активности
Fig. 1. Components of publication activity

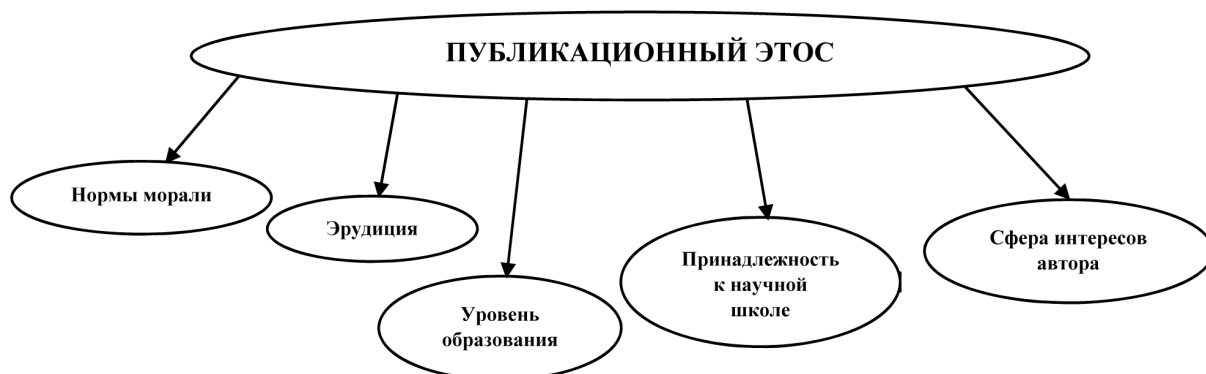

Рис. 2. Составляющие публикационного этоса
Fig. 2. Components of the publication ethos

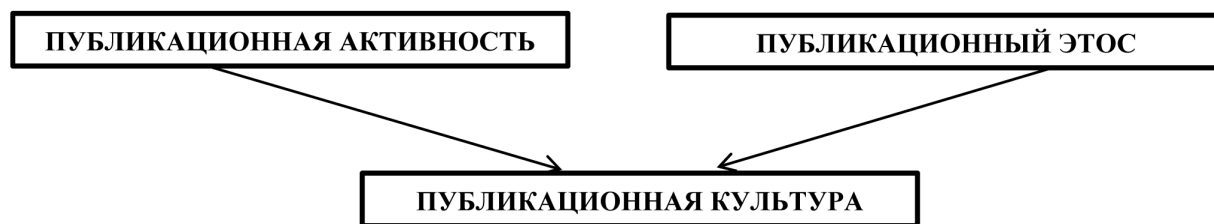

Рис. 3. Составляющие публикационной культуры
Fig. 3. Components of the publication culture

ности ученых-исследователей в научную, экономическую и социокультурную жизнь России и мира.

Такой показатель, как публикационная активность сотрудников вузов, является одним из главных факторов конкурентоспособности университетов и институтов, неуклонного роста соответствующих показателей в отечественных и мировых рейтингах университетов. Повышение публикационной активности сотрудников университета на основе междисциплинарных научных исследований в приоритетных областях науки и техники является главной целью университетов. В то же время перед учеными ставятся следующие задачи:

- повышение количества публикаций в журналах с высоким рейтингом;
- включение вузовских журналов в ведущие базы данных научной литературы;
- увеличение цитируемости публикаций, уменьшение самоцитирования;
- повышение количества публикаций с партнерами из-за рубежа.

Что касается показателя «публикационный этос», то его составляющие помогают решить задачи увеличения критериев качества и авторитетности результатов научной деятельности ученых в информационной среде и хорошей подготовки к публикации статей в соответствии с критериями международного стандарта, а также повышения значимости личностных качеств авторов-исследователей.

Следовательно, введение такого понятия, как публикационная культура, может стать основным показателем совершенствования

исследований инновационного развития современного научного знания.

Результаты исследования. При проведении данного исследования были определены основные направления изучения публикационной культуры — публикационная активность и публикационный этос в деятельности ученых, для которых эти показатели становятся показателем уровня компетентности, соответствия высокому профессионализму¹.

С каждым годом критерии оценивания ученых-исследователей становятся все более жесткими, что является следствием интегрирования российской и международной науки, поэтому научные публикации должны соответствовать содержательным и формальным признакам, которые показывают высокий уровень публикационной культуры ученого.

Определение «публикация» в словаре С.И. Ожегова представлено как «отглагольное существительное, происходящее от слова “публиковать”, означающего объявлять, предавать гласности в печатном органе...» [4, с. 547]. Авторы-исследователи обязаны ручаться за то, что их публикация — это честный, точный, взвешенный результат проведенной научной работы, предназначенный для практического применения.

Публикационная культура ученого — это не только научная публикация, написанная в рамках темы диссертации или самостоятельного научного исследования, являющаяся отражением полученных результатов в процессе этого исследования и предоставляющая подробные объяснения, но и отношения авто-

1 Borja A. Six things to do before writing your manuscript. In this new series — «How to Prepare a Manuscript for International Journals» — a seasoned editor gives advice to boost your chances of acceptance [Electronic resource]// Elsevier Connect. Posted on 12 May 2014. URL: <https://www.elsevier.com/connect/six-things-to-do-before-writing-your-manuscript>.

ра с другими учеными и сотрудниками, которые причастны к появлению научного труда в информационном пространстве. Это касается самого автора, рецензентов, работников редакционно-издательского отдела. Каждый из них является участником процесса создания результата издательской деятельности, соблюдая принципы публикационной культуры: положения по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований, принятые на II Всемирной конференции в Сингапуре 22–24 июля 2010 г.; положения по этике научных публикаций, разработанные соответствующим Комитетом; кодекс этики научных публикаций; рекомендации для авторов, представленные Ассоциацией научных редакторов и издателей.

Создавая научную публикацию, необходимо придерживаться специального — научного — стиля текста. Для того чтобы достичь объективности, логичности, доказательности и обобщенности, следует придерживаться критериев данного стиля, а именно: выдерживать строгий отбор языковых средств, соблюдать четкость словоупотребления, применять определенные термины, соответствующие тематике исследования. Самое главное — ясность, именно она является основным достоинством языка.

Процесс проверки показателей публикационной культуры начинается еще в редакционно-издательском отделе, когда статья оказывается в руках специалистов. Это становится неотъемлемой процедурой, так как многие авторы при написании статьи не придерживаются научного стиля. Редактор анализирует параметры, корректирует текст, исключает слова, которые нельзя использовать в научном стиле, проверяет публикацию на оригинальность. Только после этого он может принять статью к изданию или вернуть автору для доработки. В особом случае редактор решает не публиковать статью.

Д.Х. Валеев в своей работе пишет, что «научная статья является основным звеном

распространения нового знания в системе научных коммуникаций...» [3, с. 34].

В современной литературе справедливо отмечается, что «нельзя ставить целью достижение индикаторов — надо развивать и осуществлять научные исследования и адекватно представлять их результаты, иначе любые индикаторы теряют смысл...» [3, с. 36]. Это говорит о том, что особое внимание в исследовании уровня публикационной культуры ученого нужно уделять его личному интересу к исследуемой теме, научной новизне, уровню качества проведения исследования, достоверности результатов, а не количеству публикаций².

Следовательно, чтобы написать хорошую научную статью, необходимо придерживаться соответствующих требований, предъявляемых не только Министерством науки и высшего образования России, но и самим научным изданием, где планируется публикация, а именно: статья должна быть написана по теме определенного исследования для предметного журнала, иметь аутентичное содержание с оригинальной новизной и актуальным названием. Необходимо правильное оформление аннотации, ключевых слов, библиографии. Оригинальность статьи проверяется системой «Антиплагиат», при этом учитываются показатели «оригинальность» и «цитирование», а «совпадение» должно быть близко к нулю. «Самоцитирование» в научной статье не приветствуется.

Только в этом случае можно говорить о том, что требования к написанию научной статьи соблюдены, следовательно, показатели публикационной культуры будут на высоком уровне. Благодаря этому, научную статью примет и опубликует любой редакционно-издательский отдел³. Более того — повысятся составляющие публикационной активности и цитируемость самого автора-исследователя.

Таким образом, понятие публикационной культуры играет важную роль не только для определенного ученого, но и для конкретно-

2 Blocken B. 10 tips for writing a truly terrible article. In this fun but informative post, Editor Bert Blocken highlights some of the major mistakes early career researchers make when preparing and submitting a manuscript to a scientific journal [Electronic resource] // Elsevier Connect. January 11, 2017. URL: <https://www.elsevier.com/connect/authors-update/10-tips-for-writing-a-truly-terrible-journal-article>.

3 Shaikh A.A. 7 steps to publishing in a scientific journal: Before you hit «submit», here's a checklist (and pitfalls to avoid) [Electronic resource] // Elsevier Connect. Posted on 4 April 2016. URL: <https://www.elsevier.com/connect/7-steps-to-publishing-in-a-scientific-journal>.

го учебного заведения. Это дает возможность повысить имидж ученого-исследователя, а это важно для современного инновационного общества и для науки в целом.

Заключение. Актуальность исследования определяется тем, что публикационная культура ученого является одним из фундаментальных инструментов выражения результатов научного исследования, а также тем, насколько качественными и продуктивными являются публикации, от которых зависит дальнейшее развитие науки. В настоящее время сложилась ситуация, когда в приоритете рейтинг исследователя и научной организации, а оригинальность научного исследования, его результаты, новизна научной идеи, значимость теории для практики становятся неважными. Современные представители научного сообщества по-разному относятся к этой ситуации. Одни считают, что «чем больше статей будет опубликовано, тем лучше». Другие же, переживая за репутацию ученого, полагают, что только «личный интерес и любопытство должны быть основным мотивом, побуждающим к проведению исследования» [5]. Показателем этого является непреодолимое стремление «продемонстрировать результаты коллегам», которое «может закрепить приоритет в открытии новых закономерностей, свойств при решении научных проблем...» [5, с. 43].

Таким образом, вышеизложенный подход к анализу публикационной культуры ученого позволит объективно оценивать результаты научных исследований, даст возможность повысить репутацию автора, закрепить за ним высокий научный статус, и, как следствие, дать стимул для дальнейшего развития нашей науки.

Список источников

1. Арефьев П. Г. Публикационная активность, возможности роста научного продукта и традиционный русский вопрос «Что делать?» // Университетская книга. 2013. №10. С. 49–55.
2. Бащинский С. Е. Структура научных публикаций // Флебология. 2011. №5(1). С. 56–60.
3. Валеев Д. Х. Научная статья и наукометрические показатели // Методологические

проблемы цивилистических исследований: сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2 / Отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. 424 с.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.

5. Шестакович А. Г. Проблемы развития публикационной культуры в научном обществе России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2019. №2(28). С. 43–50.

6. Эбзеева Ю. Н. Публикационная деятельность университета как элемент построения имиджа // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №5. С. 89–99.

References

1. Aref'ev P. G. Publikacionnaja aktivnost', vozmozhnosti rosta nauchnogo produkta i tradicionnyj russkij vopros «Chto delat'?» [Publication activity, the growth opportunities of a scientific product and the traditional Russian question «What to do?». *Universitetskaja kniga [University Book]*. 2013; (10): 49–55. (In Russ.).
2. Bashhinskij S. E. Struktura nauchnyh publikacij [Structure of scientific publications]. *Flebologija [Phlebology]*. 2011; 5(1): 56–60. (In Russ.).
3. Valeev D. H. Nauchnaja stat'ja i nauko-metricheskie pokazateli [Scientific article and scientometric indicators]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh statej. Ezhegodnik. Vyp. 2* [Methodological problems of civil studies: a collection of scientific articles. Yearbook. Issue 2]. *Otv. red. A. V. Gabov, V. G. Golubcov, O. A. Kuznecova* [In A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova (eds.)]. Moscow: Statut, 2017. 424 p. (In Russ.).
4. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. *Pod red. N. Ju. Shvedovoj* [In N. Y. Shvedova (eds.)]. 18-e izd., stereotip. Moscow: Rus. jaz., 1986. 797 p. (In Russ.).
5. Shestakovich A. G. Problemy razvitija publikacionnoj kul'tury v nauchnom obshhestve Rossii [Problems of the development of publication culture in the scientific society of Russia].

Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, jekonomika. Serija jekonomika [Bulletin of USNTU. Science, education, economics. Economics series]. 2019; 2(28): 43–50. (In Russ.).

6. Jebzeeva Ju. N. Publikacionnaja dejatel'nost' universiteta kak jelement postroenija imidzha [Publishing activity of the University as

an element of image building]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15(5): 89–99. (In Russ.).*

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 04.02.2023.

The article was submitted on 25.12.2022; approved after reviewing on 20.01.2023; accepted for publication on 04.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сальникова Инна Ивановна — старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Inna I. Salnikova — Senior Lecturer of the Department of Production and Innovation Management, Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 323.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-274-282

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лариса Владимировна Шевченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
larishilton89@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4473-1978, AuthorID РИНЦ: 1140131*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе информационно-технологических условий формирования гражданской субъектности в российском обществе.

Методологической основой исследования выступают положения теории информационного общества (Д. Белл, Е. Масуда), деятельностный подход к субъектности человека (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), концепция политической субъектности (И. Г. Яковенко).

Результаты исследования. Смещение коммуникации в виртуальное пространство трансформировало социальную активность людей, которая в основном стала осуществляться в Интернет-сообществах, формирующихся на основе тематических интересов и функциональной направленности (правозащитные, экологические, волонтерские и т. п.). Данные сообщества позволяют выразить свою гражданскую позицию, дать оценку политической или иной ситуации, объединиться для достижения общих целей. Новые информационные технологии существенно изменили формат и содержание общественно-политической коммуникации в обществе.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования условий развития гражданской субъектности в современном российском обществе.

Ключевые слова: гражданская субъектность, информационное общество, информационный человек, гражданская культура, виртуальная коммуникация, политические традиции, десакрализация власти

Для цитирования: Шевченко Л. В. Развитие гражданской субъектности в условиях информационного общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 274–282. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-274-282>.

Original article

DEVELOPMENT OF CIVIL SUBJECTNESS IN THE CONDITIONS OF THE INFORMATION SOCIETY

Larisa V. Shevchenko

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
larishilton89@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4473-1978, AuthorID RSCI: 1140131*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the information technology conditions for the formation of civil subjectivity in Russian society.*

The methodological basis of the study is the provisions of the theory of the information society (D. Bell, E. Masuda), the activity approach to human subjectness (A. N. Leontiev, S. L. Rubinshtein, etc.), the concept of political subjectivity (I. G. Yakovenko).

Research results. *The shift of communication into the virtual space has transformed the social activity of people, which has mainly begun to be carried out in Internet communities that are formed on the basis of thematic interests and functional orientation (human rights, environmental, volunteer, etc.). These communities make it possible to express one's civic position, assess a political or other situation, and unite to achieve common goals. New information technologies have significantly transformed the format and content of social and political communication in society.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the conditions for the development of civic subjectivity in modern Russian society.*

Keywords: *civic subjectivity, information society, information person, civic culture, virtual communication, political traditions, desacralization of power*

For citation: *Shevchenko L. V. Development of civil subjectness in the conditions of the information society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 274–282. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-274-282>.*

Введение. Стремительное внедрение информационных технологий практически во все сферы общественной жизни способствовало появлению нового уровня информационного обмена, новых инструментов коммуникации между властью и обществом, возможностей проявления гражданской активности. Создание глобального информационного пространства не просто открыло людям доступ к мировым информационным ресурсам, но и приобщило их к иным культурным ценностям.

Формирование новой социальной реальности привело к появлению в научном дискурсе понятия «человек информационного общества». Спецификой этого человека стала его новая система ценностных приоритетов, среди которых ключевыми выступают ценности информации, свободы, творчества. Исследователи правомерно отмечают коррелят

между ключевыми характеристиками информационного пространства — глобальностью, трансграничностью и интернациональностью — и сущностными качествами современного человека — свободной, творческой индивидуальностью, имеющей космополитические ориентации [9].

Появление информационной среды открыло перед человеком широкий спектр возможностей (познавательных, образовательных, развлекательных и т.п.), выбор которых зависит исключительно от самого человека, от его предпочтений и личной активности. Это определяет научный интерес к исследованию влияния сети Интернет на развитие субъектности человека, в том числе и гражданской.

Методология и методы исследования. Методологической основой статьи являются

положения теории информационного общества (Д. Белл, Е. Масуда), пытающиеся понять современные технологические трансформации, которые принципиально меняют формы общественно-политической коммуникации [3; 24].

Теоретические основы анализа проблемы субъектности в российском научном знании были заложены советскими психологами, в частности А. Н. Леонтьевым, В. А. Петровским, С. Л. Рубинштейном и др. [10; 14; 16]. Авторы рассматривают субъектность с позиций деятельностного подхода, согласно которому совместная деятельность является способом раскрытия и реализации сущностных свойств человеком, его социального потенциала. Концептуальными для данного исследования выступают положения теории политической субъектности [5; 11; 19; 23].

Результаты. В научной литературе относительно понятия субъектности человека сложились различные интерпретации. Так философ-постмодернист М. Фуко дает собственное понимание сущности субъекта, не сводимое ни к его субстанциальности, ни к априорной форме существования в качестве разумного индивида. Субъект — есть результирующее тех или иных социальных практик, сущностью которых выступает либо подчинение, либо освобождение индивида [20].

Российские психологи интерпретируют человеческую субъектность, во-первых, как высокий уровень индивидуальной активности в сочетании с личностной целостностью и автономностью индивида, во-вторых, как способ самоорганизации и саморегуляции индивида при согласовании условий активности (внешних и внутренних) [15].

Проблема субъектности человека в политическом пространстве рассматривается в работах И. Н. Гомерова, С. Н. Першуткина, Т. Н. Самсоновой, И. Г. Яковенко и др. [5; 13; 17; 23]. Рассматривая субъектность сквозь призму политических коммуникаций в обществе, исследователи видят в ней прежде всего включенность человека в общественную деятельность [13]. В то же время анализ уровня сформированности индивидуальной и коллективной субъектности в политическом пространстве российского общества дает основание говорить о ее низком уровне, ко-

торый обусловлен как культурно-историческими факторами, определяющими отношения человека и власти, так и современной политикой государства, не ориентированной на выстраивание эффективных коммуникаций между властью и обществом.

С точки зрения И. Г. Яковенко, субъектность представляет собой качество личности, проявляющееся в независимости, самостоятельности и социальной активности, а политическая субъектность представляет её конкретизацию в определенной общественно значимой сфере [23], причем политическая субъектность предполагает не только включенность в политические процессы, но и делегирование человеком функций управления обществом государству. По мнению ученого, есть два типа человека: человек политический и человек дополитический. Особенностью человека первого типа является его умение разбираться в политических процессах и понимать законы политической жизни. Для человека второго типа власть представляет собой непроницаемую для разума «вещь в себе», обладающую священным ореолом и вызывающую лишь иррациональное чувство трепета [23].

В рамках данной классификации видно, к какому типу относится европейский человек, а к какому — русский.

Историческая практика и сегодняшняя социальная реальность показывают, что в России на протяжении всей ее истории «вариации» субъектности, прежде всего политико-административная и имущественная, были сосредоточены в руках действующей власти. Фактически власть представляла собой моно-субъект, аккумулирующий в себе все значимые формы активности, оставляя индивиду (и то крайне редко — прим. Л. В. Шевченко) лишь периферическое пространство личной и хозяйственной жизни. Подобная модель субъектности адекватна лишь традиционному обществу, в котором может существовать без всяких изменений на протяжении длительного времени, в то время как для модернизирующегося общества является не просто неэффективной, а контрпродуктивной [23].

В настоящее время в научном дискурсе рассматривается проблема гражданской субъектности. Данный аспект представлен в работах А. В. Алексеевой, С. Климовой, О. А. Ми-

рясовой, И. А. Симоновой, О. В. Кружковой и др. [1; 8; 11; 18]. В целом под гражданской субъектностью понимается социальная активность личности, целью которой выступают позитивные изменения условий социального бытия, соотносимые с представлением о должном [8].

В социально-философском смысле гражданская субъектность является сугубо коллективным явлением, поскольку объединяет людей на основе общей системы ценностей и ориентирует их деятельность на достижение блага для всего общества.

Подчеркивая культурные особенности гражданской культуры российского общества, ученые выделяют в ней два вектора гражданской субъектности:

— первый вектор ориентирован на социальную активность личности в русле западноевропейских ценностей, а именно: индивидуализма, рационализма, личной ответственности, приоритета права над моралью, гарантий частной собственности;

— второй вектор, свойственный традициям российского общества, направлен на поддержание коллективных ценностей, продвижение общественных идей, преобладанием морали над правом, доминирование общественного над личным, реализацию коллективной ответственности.

Очевидно, что различные ценностные установки общества определяют условия формирования гражданской культуры и уровень ее развития.

В настоящее время в российском обществе сложились условия для развития гражданской субъектности. Уровень развития цифровых технологий способствовал появлению новой формы организации социального пространства — виртуального пространства. Последнее, по мнению ученых, представляет собой самостоятельный мир, в котором присутствуют такие атрибуты автономности, как язык, специфические высокотехнологичные средства, особая модель близости между участниками социальной коммуникации [6]. Более того, виртуальное пространство формирует новый формат коммуникации — виртуальный. Появление виртуальной коммуникации стало одним из ключевых механизмов, определивших социокультурные трансформации современного общества. Данный факт

подчеркивает Ю. Хабермас, отмечая, что именно формы социальной коммуникации выступают показателями культурного и технологического развития общества [21].

Очевидно, что в настоящее время социальная коммуникация переносится преимущественно в виртуальное пространство, функционирующее на основе сети Интернет, выступающей в качестве технологической платформы, благодаря которой в коммуникацию вовлекается гигантская по численности аудитория, имеющая тенденцию к тотальности, а сама коммуникация — к глобальности [4].

Надо отметить, что с появлением виртуального пространства и виртуальной коммуникации формируется новая виртуальная культура, основными характеристиками которой являются: 1) интерактивность пользователей сети; 2) многовекторность деятельности; 3) свобода и творчество; 4) автономность времени и пространства; 5) субкультурный тип социального взаимодействия (появление виртуальных сообществ).

По мнению ученых, появление виртуальных сообществ принципиально трансформирует формат взаимодействия людей. Американский ученый Г. Рейнгольд определяет виртуальные сообщества как устойчивые объединения людей, технической базой взаимодействия которых выступает киберпространство, а основой социального объединения — длительность виртуальной коммуникации при обсуждении значимых вопросов и постепенно складывающаяся виртуальная сеть личных отношений [25]. В своих исследованиях он приходит к выводу о том, что развитие информационных технологий порождает образование новых массовых сообществ, которые начинают представлять собой «умную толпу». Если ранее мышление и поведение человека носило одномерный характер, поскольку регламентировалось общественными нормами и требованиями, то в условиях появления виртуальной реальности разрушаются прежние традиционные формы контроля. Это является следствием того, что в настоящее время информация распространяется беспрепятственно, само информационное пространство безгранично с точки зрения не только объема, но и вариативности наличествующей в нем информации, а сама информация представлена как ответ на за-

прос определенной аудитории с учетом её ценностно-мировоззренческих ориентаций [19]. Более того, потребителями этой информации являются преимущественно пользователи гаджетов, которые осуществляют ее самостоятельный выбор и сами определяют сферы для коммуникации.

По мнению исследователей, отсутствие прочной связи с той или иной общностью в сочетании с беспрепятственным доступом к информации является, на первый взгляд, очевидным источником демассификации индивидуально-личностного сознания. «Конструирование» собственного существования без оглядки на расхожие стереотипы и общепринятые стандарты открывает возможность проживать собственную, а не навязанную извне жизнь [19].

Действительно, развитие цифровых технологий формирует совершенно новую коммуникационную культуру, в которой человек — не только пассивный объект информационных воздействий, но и субъект информационного пространства, поскольку последнее открывает широкие возможности для многовекторного интерактивного общения в режиме реального времени.

Исследователи отмечают, что предшествующие этапы общественного развития ставили перед участниками коммуникации значительные преграды. Они могли быть вызваны самыми разнообразными причинами: во-первых, низким уровнем научно-технического развития, не позволявшим осуществлять опосредованное общение через персональные высокотехнологичные устройства; во-вторых, географическим фактором, чаще всего предполагающим физическую удаленность коммуницирующих субъектов; в-третьих, вариативными социально-дифференцирующими факторами (расовыми, этническими, сословными, классовыми, половозрастными, имущественными, образовательными и др.). Объективно существующие преграды преодолеваются в глобальном информационном пространстве, а опосредованная социальная коммуникация заметно демократизируется [22].

Очевидно, что смещение коммуникации в виртуальное пространство существенно трансформировало социальную активность людей. Последнее проявляется в появлении Интернет-сообществ, которые формируются

на основе тематических интересов и функциональной направленности (правозащитные, экологические, волонтерские и т.п.), причем данные сообщества формируются не просто для общения, а для того, чтобы выразить свою гражданскую позицию, дать оценку политической или иной ситуации, быть услышанными, найти единомышленников, объединиться для достижения общих целей.

Влияние технологического фактора на развитие гражданской культуры в обществе проявляется в таких практиках, как: а) сбор электронных подписей в поддержку или отказ от законодательных инициатив власти или муниципальных социальных проектов; б) информирование людей о проведении культурных и социально значимых мероприятий; в) уведомление и мобилизация для организации протестных акций и пр.

Современная виртуальная массмедийная среда создает информационные возможности для десакрализации политических лидеров и власти в целом. В условиях информационного общества процесс десакрализации власти осуществляется на основе массового распространения в Интернет-пространстве негативной информации о жизни и деятельности политических деятелей. Совершенствование информационных технологий открывает огромные возможности для манипуляции общественным сознанием. Сегодня достаточно распространенным явлением становится создание и распространение «фальшивых новостей» (fake news), которые представляют намеренное введение в заблуждение целевой аудитории СМИ и социальных сетей посредством сфабрикованной, а следовательно, недостоверной информации. Обычно цель «фейковой» информации — политическая выгода [12].

Такая ситуация связана с ужесточением политической конкуренции, борьбой за власть между различными политическими акторами, которые из физического мира переходят в виртуальную реальность. Появление сети Интернет позволило значительно расширить возможности осуществления информационно-психологических операций, направленных на формирование негативного образа политического соперника. Более того, если раньше негативная информация распространялась при помощи традиционных печатных

СМИ, то в настоящее время для десакрализации и делегитимации власти активно используются группы блогеров, распространяющих в сетях нужную информацию, причем, как отмечают специалисты, фальшивые новости предстают в различных модификациях. В современных информационных войнах активно используется как неполное, выборочное, фрагментарное освещение событий, так и настоящая «тяжелая артиллерия» — недостоверная вербальная информация и «постановочные» видеосюжеты [12].

Информация негативного характера по поводу тех или иных политических решений или сюжетов о личном обогащении государственных служащих инициирует рефлекссию по поводу деятельности политической власти, формируя критическое отношение к ней. В современном мире виртуальное пространство становится общественной площадкой, где пользователи Сети могут свободно высказывать свое мнение относительно политической жизни, значимых для общества решений власти, тем или иным образом критиковать действия государственных структур или публичные высказывания политиков [7].

Таким образом, современные информационные технологии позволяют не только конструировать положительный образ любого политического лидера или партии, но и демонизировать их. Эти процессы способствуют деформации гражданской культуры подданнического типа, длительное время доминирующей в российском обществе, обусловлены появлением в медиаиндустрии новых технологических возможностей для критики и дискредитации власти или отдельных ее представителей, что влечет за собой ее десакрализацию и, соответственно, изменяет тип гражданской культуры в обществе. Тем самым начинается процесс ослабления политических традиций, опирающихся на этатистский и патерналистский характер отношений человека и государства, свойственных российскому обществу.

Заключение. Тем самым можно заключить, что внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь влияет не только на сознание и поведение человека, но и на характер и направленность его отношений с властью. Инкорпорирование цифровых

технологий в сферу общественно-политических коммуникаций открыло новые способы взаимодействия общества и власти, что значительно усилило проявление гражданской активности, направленной как на решение социально значимых проблем общества, так на осуществление гражданского контроля над структурами политической власти.

Однако, несмотря на появление социальных сетей, онлайн-площадок для коммуникации, развитие гражданской культуры в российском обществе затруднено в силу политических традиций, долгое время определявших взаимоотношения между властью и обществом. Тем не менее цифровые технологии, изменив формы социального взаимодействия, кардинально преобразовали формат и содержание общественно-политической коммуникации в обществе.

Список источников

1. Алексеева А.В. Гражданская субъектность в России: опыт и проблемы формирования // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. С. 161–164.
2. Бектанова А.К. О роли менталитета в формировании гражданской культуры // Общество, философия, история, культура. 2018. №8. С. 58–61.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
4. Войскунский А. Метафоры Интернета // Вопросы философии. 2001. №11. С. 97–112.
5. Гомеров И.Н. Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2011. 883 с.
6. Касьянов В.В. Виртуальное пространство как новый — «старый» социокультурный феномен // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4(70). С. 38–42.
7. Качалина С.А. Политическое участие граждан в интернет-пространстве // Вести научных достижений. 2020. №10. С. 27–30.
8. Климова С.Г. Профсоюзы как форма субъектности наемных работников // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004 / Отв.

ред. Л. М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 273–290.

9. Курбатов В. И., Папа О. М. «Homo informaticus» — человек информационной эпохи: характерологические черты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. №1. С. 46–51.

10. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 303 с.

11. Мирясова О. А. Гражданская субъектность как предпосылка формирования политического поля // Политическая наука. 2018. №2. С. 93–111.

12. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 208 с.

13. Першуткин С. Н. Субъект и субъектность в контексте политических коммуникаций // Коммуникология. 2014. Т. 5. №3. С. 79–93.

14. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 509 с.

15. Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. 320 с.

16. Рубинштейн С. Л. Основы психологии. СПб.: Питер, 2010. 713 с.

17. Самсонова Т. Н. Особенности формирования политической субъектности современной российской молодежи в условиях глобализации // Историческая наука и историческое образование в условиях глобальных трансформаций. Материалы XXV Всероссийских историко-педагогических чтений (г. Екатеринбург, 23–26 марта 2021 г.). Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2021. С. 129–135.

18. Симонова И. А., Кружкова О. В. К проблеме соотношения гражданской субъектности и исторической ответственности // Вестник Омского университета. 2016. №3. С. 27–32.

19. Тихонова И. Ю. «Умные толпы» как феномен информационного общества // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2020. №2. С. 78–85.

20. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. 320 с.

21. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2000. 382 с.

22. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Коммуникативные и идентификационные трансформации как сущностные проявления цифровой культуры // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11(54). №2. С. 180–190.

23. Яковенко И. Г. Политическая субъектность масс: культурологический аспект политической жизни в России. М.: Новый Хронограф, 2009. 178 с.

24. Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Society, 1983. 171 p.

25. Rheingold H. The Virtual Community. New York: Perennial, 1994. 447 p.

References

1. Alekseeva A. V. Grazhdanskaja sub'ektnost' v Rossii: opyt i problemy formirovaniya [Civil subjectivity in Russia: experience and problems of formation]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2010; (4): 161–164. (In Russ.).

2. Bektanova A. K. O roli mentaliteta v formirovanii grazhdanskoj kul'tury [On the role of mentality in the formation of civic culture]. *Obshhestvo, filosofija, istorija, kul'tura* [Society, philosophy, history, culture]. 2018; (8): 58–61. (In Russ.).

3. Bell D. Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society. The experience of social forecasting]. Moscow: Academia, 2004. 944 p. (In Russ.).

4. Vojskanskij A. Metafori Interneta [Metaphors of the Internet]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2001; (11): 97–112. (In Russ.).

5. Gomerov I. N. Politicheskaja sub'ektnost' v strukture politicheskikh otnoshenij: teorija i rossijskie realii [Political subjectivity in the structure of political relations: theory and Russian realities]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. 883 p. (In Russ.).

6. Kas'janov V. V. Virtual'noe prostranstvo kak novyj — «staryj» sociokul'turnyj fenomen [Virtual space as a new — «old» socio-cultural phenomenon]. *Uchenye zapiski Krymskogo*

federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija [Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]. 2018; 4(70): 38–42. (In Russ.).

7. Kachalina S.A. Politicheskoe uchastie grazhdan v internet-prostranstve [Political participation of citizens in the Internet space]. *Vesti nauchnykh dostizhenij* [News of scientific achievements]. 2020; (10): 27–30. (In Russ.).

8. Klimova S.G. Profsojuzy kak forma sub'ektnosti naemnykh rabotnikov [Trade unions as a form of subjectivity of employees]. *Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik — 2004* [Reforming Russia: Yearbook — 2004]. Otv. red. L.M. Drobizheva [In L.M. Drobizheva (eds.)]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2004. P. 273–290. (In Russ.).

9. Kurbatov V.I., Papa O.M. «Homo informaticus» — chelovek informacionnoj jepohi: harakterologicheskie cherty [«Homo informaticus» — a man of the information age: characterological features]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2017; (1): 46–51. (In Russ.).

10. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Conscience. Personality]. 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1977. 303 p. (In Russ.).

11. Mirjasova O.A. Grazhdanskaja sub'ektnost' kak predposylka formirovanija politicheskogo polja [Civil subjectivity as a prerequisite for the formation of a political field]. *Politicheskaja nauka* [Political science]. 2018; (2): 93–111. (In Russ.).

12. Novaja social'naja real'nost': sistemoo-brazujushhie faktory, bezopasnost' i perspektivy razvitiya. Rossiya v tehnosocial'nom prostranstve [New social reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in the technosocial space]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2020. 208 p. (In Russ.).

13. Pershutkin S.N. Sub'ekt i sub'ektnost' v kontekste politicheskikh kommunikacij [Subject and subjectivity in the context of political communications]. *Kommunikologija* [Communicology]. 2014; 5(3): 79–93. (In Russ.).

14. Petrovskij V.A. Lichnost' v psihologii: paradigma sub'ektnosti [Personality in psychology: the paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don: Feniks, 1996. 509 p. (In Russ.).

15. Problema sub'ekta v psihologicheskoy nauke [The problem of the subject in psychological science]. Pod red. A.V. Brushlinskogo, M.I. Volovikovej, V.N. Druzhinina [In A.V. Brushlinsky, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinina (eds.)]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2000. 320 p. (In Russ.).

16. Rubinshtejn S.L. Osnovy psihologii [Fundamentals of psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2010. 713 p. (In Russ.).

17. Samsonova T.N. Osobennosti formirovanija politicheskoy sub'ektnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi v uslovijah globalizacii [Features of the formation of political subjectivity of modern Russian youth in the context of globalization]. *Istoricheskaja nauka i istoricheskoe obrazovanie v uslovijah global'nykh transformacij. Materialy XXV Vserossijskikh istoriko-pedagogicheskikh chtenij* (g. Ekaterinburg, 23–26 marta 2021 g.) [Historical science and historical education in the context of global transformations. Materials of the XXV All-Russian Historical and Pedagogical readings (Yekaterinburg, March 23–26, 2021)]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2021. P. 129–135. (In Russ.).

18. Simonova I.A., Kruzhkova O.V. K probleme sootnoshenija grazhdanskoy sub'ektnosti i istoricheskoy otvetstvennosti [On the problem of correlation of civil subjectivity and historical responsibility]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2016; (3): 27–32. (In Russ.).

19. Tihonova I. Ju. «Umnye tolpy» kak fenomen informacionnogo obshhestva [«Smart crowds» as a phenomenon of information society]. *Vestnik VGU. Serija: Filosofija* [Bulletin of the VSU. Series: Philosophy]. 2020; (2): 78–85. (In Russ.).

20. Fuko M. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju [Intellectuals and Power: selected political articles, speeches and interviews]. Part 3. Moscow: Praxis, 2006. 320 p. (In Russ.).

21. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie [Moral consciousness and communicative action]. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 382 p. (In Russ.).

22. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Kommunikativnye i identifikacionnye transformacii kak sushhnostnye projavlenija cifrovoj kul'tury [Communicative and identification transformations as essential manifestations of digital

culture]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2022; (2): 180–190. (In Russ.).

23. Jakovenko I. G. Politicheskaja sub'ektnost' mass: kul'turologicheskij aspekt politicheskoi zhizni v Rossii [Political subjectivity of the masses: the culturological aspect of politi-

cal life in Russia]. Moscow: Novyj Hronograf, 2009. 178 p. (In Russ.).

24. Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Society, 1983. 171 p.

25. Rheingold H. The Virtual Community. New York: Perennial, 1994. 447 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Лариса Владимировна — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Larisa V. Shevchenko — Postgraduate Student of the Department of Social and Human Sciences, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 141.7+17.034+316.75

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-283-289

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИХ ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ

Элена Эмирбековна Эмирбекова¹, Вера Александровна Захарова^{2✉}

¹Филиал ФГАОУВО «Южный федеральный университет»
в г. Махачкале Республики Дагестан, Махачкала, Россия

²Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Симферополь, Россия

¹eemirbekova@sfedu.ru, AuthorID РИНЦ: 524609, SPIN-код: 6528-2160

²zakharova7vera@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-2697-8926, AuthorID РИНЦ: 857178

Аннотация. Цель исследования заключается в философском обосновании необходимости органичного сопряжения в целостном социальном конструкте становления творца инновационного экологичного технологического уклада в нашей стране таких его фундаментальных компонентов, как экологическое воспитание и поведение как условия реализации стратегии развития современной России.

Методологическая база исследования представлена диатропикой как гносеологическим комплексом познавательных средств, направленных на обоснование доминанции принципа равноценности права на жизнь всех ее форм как системообразующего элемента коэволюционного процесса, фундаментализирующего воспитательные и поведенческие факторы формирования личности творца инновационного экологичного технологического уклада.

Результаты исследования заключаются в выявлении на основе философского анализа соотношения моделей экологического воспитания и поведения молодежи с учетом использования материалов авторского социологического исследования в разных административных субъектах Юга России возможностей сопряжения факторов, обуславливающих их интенциональную специфику, а также условия моделирования механизма обеспечения перехода от формально-декларативного типа экологического поведения к сознательно-ответственному типу экологического поведения молодых людей. Аргументируется вывод о целесообразности качественного усиления координации усилий органов государственной власти и институтов гражданского общества по созданию необходимых условий для самореализации креативного потенциала молодых россиян в формате разнообразных экологических практик, способствующих росту их вклада в решение задачи созидания инновационного экологичного технологического уклада в Российской Федерации.

Перспективы исследования связаны с продолжением концептуального обоснования решения актуальной научной проблемы моделирования перехода институтов государственной власти и гражданского общества в формировании инновационного экологичного технологического уклада в России к акценту на сознательно-ответственный тип экологического поведения его молодых творцов.

Ключевые слова: экологическое воспитание, экологические ценности, экологическое поведение, сознательно-ответственный тип экоповедения, формально-декларативный

тип экоповедения, молодежь, экологические практики, инновационный экологичный технологический уклад

Для цитирования: Эмирбекова Э.Э., Захарова В.А. Экологическое воспитание и экологическое поведение молодежи: философский анализ их взаимообусловленности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 283–289. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-283-289>.

Original article

ENVIRONMENTAL EDUCATION AND ENVIRONMENTAL YOUTH BEHAVIOR: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THEIR INTERDEPENDENCE

Elena E. Emirbekova¹, V. A. Zakharova²✉

¹*Branch of the Federal State Autonomous Educational institution of Higher Education «Southern Federal University» in Makhachkala, Republic of Dagestan, Makhachkala, Russia*

²*Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Justice», Simferopol, Russia*

¹*eemirbekova@sfedu.ru, AuthorID RSCI: 524609, SPIN-code: 6528-2160*

²*zakharova7vera@mail.ru*✉, *ORCID: 0000-0002-2697-8926, AuthorID RSCI: 857178*

Abstract. *The purpose of the study* it consists in the philosophical justification of the need for organic coupling in an integral social construct of the formation of the creator of an innovative eco-friendly technological way in our country of such fundamental components as ecological education and behavior as conditions for the implementation of the development strategy of modern Russia.

The methodological base of the study is represented by diatropics as an epistemological complex of cognitive means aimed at substantiating the dominance of the principle of the equivalence of the right to life of all its forms as a system-forming element of the coevolutionary process, which foundations the educational and behavioral factors of the formation of the personality of the creator of an innovative eco-friendly technological way.

The results of the study are to identify, on the basis of a philosophical analysis of the correlation of models of environmental education and youth behavior, taking into account the use of the materials of the author's sociological research in various administrative entities of the South of Russia, the possibilities of combining factors that determine their intentional specificity, as well as the conditions for modeling the mechanism for ensuring the transition from a formally declarative type of environmental behavior to a consciously responsible type of environmental behavior of young people. people. The conclusion is argued that it is expedient to qualitatively strengthen the coordination of efforts of state authorities and civil society institutions to create the necessary conditions for the self-realization of the creative potential of young Russians in the format of various environmental practices that contribute to the growth of their contribution to solving the problem of creating an innovative eco-friendly technological order in the Russian Federation.

The prospects for the study are connected with the continuation of the conceptual substantiation of the solution of the actual scientific problem of modeling the transition of institutions of state power and civil society in the formation of an innovative eco-friendly technological way of life

in Russia to an emphasis on a consciously responsible type of ecological behavior of its young creators.

Keywords: ecological education, ecological values, ecological behavior, conscious-responsible type of eco-behavior, formal-declarative type of eco-behavior, youth, environmental practices, innovative eco-friendly technological way

For citation: Emirbekova E. E., Zakharova V. A. Environmental education and environmental youth behavior: a philosophical analysis of their interdependence // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(1): 283–289. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-283-289>.

Введение. Новая социально-экономическая реальность, формирующаяся на наших глазах вследствие воздействия противоречивых тенденций современного этапа геополитического противостояния, подтверждает концептуальный сорокинский анализ алгоритма факторов, определяющих особенности «позитивной» и «негативной» поляризации социокультурных субъектов [8]. В полной мере вписывается в общую характеристику этого глобального процесса как объективная данность противоборство стержневых ментальных платформ, отстаиваемых сторонниками технократизма и радикального антропоцентризма, с одной стороны [6], и экологизма в его разнообразных модификациях с другой [3; 4; 5; 10; 11; 15]. При этом сторонники антропоцентрического технократизма, стремясь добиться преимуществ в этом противостоянии, изощряются в приемах изображения себя поборниками так называемого «зеленого» технологического уклада, на практике являющихся лишь средствами имитации усилий по созданию подлинно эффективного природосообразного технологического формата социально-экономического уклада будущего. Об этом свидетельствует полный провал такой их стратегии в условиях предпринимаемых ими же фронтальных санкционных мер сдерживания геополитических конкурентов. Наоборот, в Российской Федерации на почве курса импортозамещения все в большей мере реализуется такая экологическая политика, которая выступает реальным ресурсом

стратегии созидания эффективного экологичного социально-экономического уклада, обеспечивающего суверенитет нашей страны и благополучие ее граждан¹. Адекватно воспользоваться открывающимися в этой связи возможностями прорывного выхода на качественно новый уровень жизнеобеспечения россиян вполне реально при условии концептуального отлаживания работы механизма взаимодействия экологического воспитания и поведения молодого поколения творцов этого инновационного уклада.

Концептуальные последствия влияния дискурса по проблеме экологического поведения на постановку задач исследования. В связи с изложенным выше отнюдь не бесполезными являются поиски обоснования наиболее адекватной решению задач указанной стратегии модели формирования сознательно-ответственного типа экологического поведения молодого поколения россиян как ключевого социального ресурса созидания инновационного экологичного технологического уклада. Анализ результатов целого ряда исследований в данном аспекте с учетом обозначенных в поле научного дискурса положений, прежде всего присущих теориям активации нормы [17], запланированного поведения [12; 16; 19] и самовосприятия [13], подводит к необходимости вычленив в качестве наиболее значимого компонента в обосновании эффективной модели формирования сознательно-ответственного типа экологического поведения

¹ Основы политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: СПС. Версия Проф. Электрон. дан.: Консультант Плюс, 2013. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/; Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 г. №176 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi?req=doc&base=LAW&n=215668&fld=134&100129.0&rnd=0/725714675857088#04276783689835888>.

проблему органичного сопряжения в механизме обеспечения перехода от формально-декларативного типа экологического поведения к сознательно-ответственному типу экологического поведения молодых людей всех элементов выстраиваемой на такой интенциональной платформе системы экологического воспитания.

Основные результаты исследования проблемы обоснования модели формирования наиболее эффективного типа экологического поведения. Реальную подсказку для успешного продвижения по пути исследования указанной проблемы дают опросы репрезентантов выявленных типов экологического поведения, осуществленные авторами в 2019–2022 гг. в пределах нескольких регионов Южного Федерального округа (Волгоградская область, Краснодарский край, Республика Адыгея, Республика Крым и Ростовская область) [2]. Их содержание выстроено именно с учетом такого значимого акцента, выявленного авторами теории самовосприятия, как трансформация основного фактора активации поведения с трактовки его последствий на уровень личного опыта вовлеченности субъекта экоотношений в экологические практики. При этом ведущим концептом, используемым нами, является фундаментальное обоснование в контекстуальной теории П. Стерна предложения представить экологически значимое поведение субъекта экоотношений как результат действия внутренних (личностных) и внешних факторов [18]. На личностном уровне консолидируются экологические ценности, установки, мотивы, в то время как на внешнем уровне обнаруживается спектр контекстуальных факторов, не зависящих от индивидуальных предпочтений, установок и убеждений личности субъекта экологического поведения.

Опора на использование предложенных выше концептуальных конструктов позволила автору выявить значимые элементы механизма конструирования модели формирования наиболее эффективного — сознательно-ответственного типа — экологического поведения у представителей студенчества.

Прежде всего обращает на себя внимание факторность формирования у молодежи

экологической культуры. Так, у респондентов исследования в качестве доминантных факторов, определяющих высокую степень воздействия на молодых людей, оказались две группы факторов: факторы окружающего воздействия (в частности культура поведения семьи) — 57,31 % от общего их массива и факторы ценностного влияния (в частности жизненные ценности) — 56,75 % от их общего массива [2], что отличает их от иных социально-возрастных групп, в большей степени предрасположенных воздействию институциональных факторов.

Это неудивительно, поскольку отмеченные выше группы факторов консолидируются фундаментальным для социума системообразующим его конструктом культуры во всем разнообразии присущих ей аспектов, включая, безусловно, и аспект экологической культуры, что находится в полном соответствии с устоявшимися в отечественной философской мысли представлениями [1; 9]. Исходя из этого, понимаем, что экологический аспект культуры императивно предопределяет, что отнюдь не любая, а тем более не техногенная, деятельность, воплощает в себе здоровый, природосообразный смысл разворачивающейся технологической перестройки нашего социально-экономического уклада.

Поэтому столь важны акценты в использовании ценностно-культурных факторов формирования сознательно-ответственного типа экологического поведения, которые, бесспорно, должны быть положены в основу современной модели экологического воспитания молодых россиян. К этому, собственно, вызывают и авторы рискологического подхода в обосновании самоопределения молодежи Ю. А. Зубок и В. И. Чупров, отмечая, что в конечном счете осознание ею амбивалентности среды обитания по отношению к человеку и его социуму, несущей одновременно и новые возможности для его развития, но и создающей разные угрозы для его существования, становится решающим условием для наполнения новыми, экоориентированными по своей сути смыслами их социального поведения в форме креативной деятельности [7]. А ведь именно молодежь примет на себя подготовленный техногенной цивилизацией удар, тяжкие антиэкологические последствия

которого она сможет не просто выдержать, а скорее, преодолеть только в том случае, если вся система экологического воспитания будет формировать предпосылки для переформатирования ее ныне преимущественно формально-декларативного типа экологического поведения в сознательно-ответственный. Эти предпосылки кроются в очень востребованном, но еще в недостаточной степени раскрытом присущем ей потенциале ценностей самовыражения, которые, по мнению ряда ученых, имеют первостепенное значение именно для экологической защиты среды обитания [14].

Акцент на воспроизводство у молодых людей стремления к здоровому самовыражению, предусматриваемого системным их вовлечением в процессе воспитания в увлекательные экологические практики, как раз и выявляет самую глубокую и надежную основу формирования сознательно-ответственного типа экологического поведения.

Заключение. Востребованность перехода к инновационному экологичному технологическому укладу в Российской Федерации в целях обеспечения ее независимости и суверенитета как условия безопасности и благополучия россиян с очевидностью, подкрепляемой результатами основательных эмпирических исследований, выявляет возрастающую роль молодого поколения в этом перспективном процессе. Вместе с тем с такой же очевидностью выявляется задача компетентной подготовки молодых людей к участию в нем. Решить ее возможно на пути обеспечения диалектической связанности экологического воспитания и поведения, предполагающего в качестве искомого результата переход их основной массы с уровня формально-декларативного типа экологического поведения на уровень сознательно-ответственного типа экологического поведения, где должны быть задействованы в первую очередь культурно-ценностные факторы, аккумулирующие усилия органов государственной власти и управления и институтов гражданского общества, в первую очередь его молодежных структур, на акцент к стимулированию разнообразных, но, прежде всего, креативных форм самовыражения молодежи.

Список источников

1. Гирусов Э.В. Восхождение к экологической культуре: необходимость и сущность // Библиотечное дело. 2010. №3(117). С. 6–11.
2. Захарова В.А. Экологическое поведение современной молодежи: общероссийские и региональные тенденции: монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: РУСАЙНС, 2022. 280 с.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. В поисках этики для технологической цивилизации / Пер. с нем. А. Ермоленко и В. Ермоленко. Киев: Либра, 2001. 400 с. (на укр. яз.).
4. Лапина З.Г. Экологическое воспитание — творческая индивидуальность будущего / З.Г. Лапина, Чжоу Хун, К.И. Шилин. М.: ГУП Издательство «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2002. 256 с.
5. Левашов В.К. Возникновение и развитие научных представлений об устойчивом развитии // Новая парадигма развития России: Комплексное исследование проблем устойчивого развития. М.: Академия; Издательство МУК, 1999. С. 1–12.
6. Новая технократическая волна на Западе: сборник статей; переводы / Сост. и вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
7. Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления: монография / Ю.А. Зубок (отв. ред.), В.И. Чупров, И.С. Шаповалов и др. Белгород: Эпицентр, 2016. 208 с.
8. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильевой. М.: Наука, 1997. 351 с.
9. Стёпин В.С. Культура // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. С. 272.
10. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / Пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанский. М.: Прогресс, 1992. 572 с.
11. Яницкий Р.Г. Динамика ценностей российского экологического движения // Политика. 2004. №3. С. 24–42.
12. Chwialkowska A., Bhatti W.A., Glowik M. The influence of cultural values on pro-environmental behavior // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 26820. №122305. P. 1–34.
13. Dewi W., Sawitri D. Undergraduate Students' Pro-Environmental behavior in Daily Practice // E3S Web of Conferences. 2018. 4 p.

14. Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. №1–2. P. 130–146.

15. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. 290 p.

16. Onwezen M.C., Antonides G., Bartels J. The Norm Activation Model: An exploration of the functions of anticipated pride and guilt in pro-environmental behavior // *Journal of Economic Psychology*. 2013. Vol. 39. P. 141–153.

17. Schwartz S.H. Normative influences on altruism // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1977. Vol. 10. №1. P. 221–279.

18. Stern P. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior [Electronic resource] // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56. №3. P. 407–424. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236533664> (date accessed: 18.02.2020).

19. Walton T.N. Self, Society, and Environment in the 21st Century: The Development and Assessment of an Ecological Identity Scale. University of Tennessee, 2014. 33 p.

References

1. Girusov Je. V. Voshozhdenie k jekologicheskoj kul'ture: neobhodimost' i sushhnost' [Ascent to ecological culture: necessity and essence]. *Biblioteknoe delo* [Librarianship]. 2010; 3 (117): 6–11. (In Russ.).

2. Zaharova V.A. Jekologicheskoe povedenie sovremennoj molodezhi: obshherossijskie i regional'nye tendencii: monografija [Ecological behavior of modern youth: all-Russian and regional trends: monograph]. Otv. red. Ju. G. Volkov [In Yu. G. Volkov (eds.)]. Moscow: RUSAJNS, 2022. 280 p. (In Russ.).

3. Jonas G. Princip otvetstvennosti. V poiskah jetiki dlja tehnologicheskoi civilizacii [The principle of responsibility. In search of ethics for technological civilization]. Per. s nem. A. Ermolenko i V. Ermolenko. Kiev: Libra, 2001. 400 p. (In Ukr.).

4. Lapina Z.G. Jekologicheskoe vospitanie — tvorcheskaja individual'nost' budushhego [Ecological education — the creative individuality of the future]. Z.G. Lapina, Chzhou Hun, K.I. Shilin. Moscow: GUP Izdatel'stvo «Neft' i gaz» RGU nefti i gaza im. I.M. Gubkina, 2002. 256 p. (In Russ.).

5. Levashov V.K. Voznikovenie i razvitie nauchnykh predstavlenij ob ustojchivom razvitii [The emergence and development of scientific ideas about sustainable development]. Novaja paradigma razvitija Rossii: Kompleksnoe issledovanie problem ustojchivogo razvitija [A new Paradigm of Russia's Development: A comprehensive study of the problems of sustainable development]. Moscow: Akademija; Izdatel'stvo MUK, 1999. P. 1–12. (In Russ.).

6. Novaja tehnokraticeskaja volna na Zapade: sbornik. statej; perevody [The new technocratic wave in the West: a collection. articles; translations]. Sost. i vstup. st. P.S. Gurevicha. Moscow: Progress, 1986. 450 p. (In Russ.).

7. Riski transformirujushhejsja sredy obitaniya: problema issledovaniya i upravleniya: monografija [Risks of the transforming habitat: the problem of research and management: monograph]. In Ju. A. Zubok (eds.), V.I. Chuprov, I.S. Shapovalov et al. Belgorod: Jepicentr, 2016. 208 p. (In Russ.).

8. Sorokin P.A. Glavnye tendencii nashego vremeni [The main trends of our time]. Per. s angl., sost. i predisl. T.S. Vasil'evoj. Moscow: Nauka, 1997. 351 p. (In Russ.).

9. Stjopin V.S. Kul'tura [Culture]. Filosofskij slovar' [Philosophical dictionary]. Pod red. I.T. Frolova [In I.T. Frolov (eds.)]. 7-e izd., pererab. i dop. Moscow: Respublika, 2001. P. 272. (In Russ.).

10. Shvejcer A. Blagogovlenie pered zhizn'ju [Reverence for life]. Per. s nem. N.A. Zaharchenko, G.V. Kolshanskij. Moscow: Progress, 1992. 572 p. (In Russ.).

11. Janickij R.G. Dinamika cennostej rossijskogo jekologicheskogo dvizheniya [Dynamics of values of the Russian ecological movement]. *Politija* [Politiya]. 2004; (3): 24–42. (In Russ.).

12. Chwialkowska A., Bhatti W.A., Glowik M. The influence of cultural values on pro-environmental behavior // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 26820. №122305. P. 1–34.

13. Dewi W., Sawitri D. Undergraduate Students' Pro-Environmental behavior in Daily Practice // *E3S Web of Conferences*. 2018. 4 p.

14. Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. №1–2. P. 130–146.

15. Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. Madison: The University of Wisconsin Press, 1988. 290 p.

16. Onwezen M. C., Antonides G., Bartels J. The Norm Activation Model: An exploration of the functions of anticipated pride and guilt in pro-environmental behavior // *Journal of Economic Psychology*. 2013. Vol. 39. P. 141–153.

17. Schwartz S. H. Normative influences on altruism // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1977. Vol. 10. №1. P. 221–279.

18. Stern P. Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior [Electronic resource] // *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56. №3. P. 407–424. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236533664> (date accessed: 18.02.2020).

19. Walton T. N. Self, Society, and Environment in the 21st Century: The Development and Assessment of an Ecological Identity Scale. University of Tennessee, 2014. 33 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 25.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing on 12.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Эмирбекова Елена Эмирбековна — кандидат юридических наук, доктор философских наук, кафедра государственного права, директор филиала Южного федерального университета в г. Махачкале.

Россия, г. Махачкала, ул. Юсупова, 53а

Elena E. Emirbekova — Candidate of Juridical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Department of State Law, Director of the Branch of the Southern Federal University in Makhachkala.

53a Yusupova str., Makhachkala, Russia

Захарова Вера Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Россия, г. Симферополь, ул. Павленко, 5

Vera A. Zakharova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian State University of Justice».

5 Pavlenko str., Simferopol, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

ХРОНИКА CHRONICLE

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА И ДРУГА

Ушёл из жизни — и это всегда преждевременно! — мой товарищ и друг, Александр Константинович Дегтярёв (04.06.1954–03.02.2023). Слово «товарищ» в наши советские времена обрело много значений: это и однокашник, и коллега, и «ближний» в малом сообществе, и просто любой человек, к кому можно обратиться за советом или с малой просьбой... Для многих он таким и был, таким и запомнится: однокашником по философскому факультету Ростовского университета, безупречно профессиональным преподавателем философии во многих вузах страны и просто человеком, готовым прийти на помощь любому ближнему.

Во всех этих многих смыслах для меня он был не только товарищем, но и другом, что намного больше, чем просто товарищ! Это тот, с кем съел если не пуд соли, то уж точно делил в студенческие годы последний бутерброд и кружку пива (мы вместе снимали комнату на Богатыновском спуске Ростова), потом помогали друг другу в непростые времена деньгами и работой, обменивались идеями, спорили, думали в одном направлении...

Мы с Александром шли рядом по жизни с 1972 года, познакомившись в первые же дни учёбы на философском факультете нашего замечательного, свободного даже в те времена университета (см.: Самое яркое событие... // Наука. Искусство. Наука. Вып. 2 (26). 2020. С. 92–130). Ярких событий в нашей дружбе было столь много, что некоторые вошли в мою прозу, где друг Саня Дегтярёв стал узнаваемым прототипом. После окончания университета мы и работали рядом: я в г. Шахты, он — в родном Новочеркасске, ассистентом Новочеркасского инженерно-мелиоративного института; часто ездили к друг другу в гости. Потом он, как и многие выпускники нашего философского факультета, уехал в аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова делать «московскую науку», но и там мы умудрялись встречаться. Он защитил кандидатскую диссертацию по национальным отношениям (немногие тогда понимали их значимость в современной политике!) и вернулся преподавать философию студентам-мелиораторам. В те «перестроечные годы» я не только после аспирантуры переехал в Белгород, но и начал перетаскивать в этот город «ростовскую философскую диаспору». И вскоре к нам присоединился Александр Константинович: он четыре года преподавал в Белгородском технологическом институте строительных материалов (ныне БГТУ им. В. Г. Шухова). И наша дружба расцвела такими яркими событиями, что впору делать их прототипическими в романе...

Но в 1992 году А.К. Деттярёв неожиданно вернулся в родной посёлок от Новочеркасского электровозостроительного завода, где он родился в семье простых заводских рабочих, вырос, стал известным учёным. Родители болели, им надо было помогать в эти «лихие девяностые» ... В год дефолта он одним из первых среди однокашников защитил докторскую диссертацию «Идеология национализма: социокультурный подход» (мы и докторские защитили с ним в один год!), затем получил звание и должность профессора в Новочеркасском высшем военно-командном университете связи. После поспешного закрытия военного вуза перешёл работать в знаменитый Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, где трудился до самой своей кончины, зарекомендовав себя одним из авторитетных преподавателей социально-гуманитарных наук не только университета, но и региона, и страны.

Все товарищи и друзья, кому я передал эту скорбную весть, выразили неподдельную скорбь и печаль. Великий Г.Г. Маркес в своём знаменитом романе «Сто лет одиночества» написал: «Лучший друг тот, кто уже умер». Здесь смысл такой: смерть всё расставляет на свои места и делает жизнь человека судьбой. Так вот, нам всем судьбой был дарован замечательный товарищ и верный друг. Царствие Небесное тебе и вечная память!

В. П. Римский,
доктор философских наук, профессор,
член Союза писателей

Уважаемые авторы!
**Правильное оформление статьи значительно ускоряет процесс
ее обработки и передачи в работу для подготовки в печать**

Все статьи проверяются системой «Антиплагиат» (оригинальность текста не менее 85 %).

При оценке заимствований учитываются два параметра (если по одному из них выявляется превышение нормы, статья не принимается к публикации). Норма:

1-й параметр — отдельные фрагменты заимствований (в статье ни один фрагмент заимствований не должен быть выше 10 %);

2-й параметр — общая сумма заимствований (сумма всех фрагментов заимствований не должна превышать 20 %).

Статья представляется в текстовом формате, включает в себя сведения об авторе, аннотацию, текст статьи, список литературы. Все эти разделы подаются одним файлом.

Сведения об авторе

Необходимо в обязательном порядке представить:

1. ФИО автора (авторов) (на русском и англ. языках).
2. Название организации (на русском и англ. языках).
3. ORCID, Author ID РИНЦ авторов. При наличии могут быть представлены и дополнительные идентификаторы (Scopus ID и др.).
4. Указать автора, ответственного за переписку.
5. Информация об авторе: полная расшифровка имени и отчества, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, адрес, e-mail. Необходимо также указать адрес вуза (на русском и англ. языках).
6. Сведения о вкладе в работу над статьей каждого автора (на русском и англ. языках).
7. Фотография автора хорошего качества, на которой видно лицо. Фотографию можно присылать отдельным файлом.

Название и аннотация

1. Обязательно указывается тип статьи:

научная статья,

обзорная статья,

дискуссионная статья,

персоналии,

редакторская заметка,

рецензия на книгу,

рецензия на статью,

информационно-методическое сообщение,

краткое сообщение.

2. Перед названием необходимо указать УДК.

3. Название статьи (на русском и англ. языках). В названии не должно быть аббревиатур.

4. Аннотация (от 150 и не больше 250 слов) должна быть разделена на разделы:

Цель

Методология

Результаты

Перспективы исследования

Ключевые слова: 3–10 ключевых слов или словосочетаний

Благодарности

Финансирование

В аннотации не должно быть фамилий, ссылок и сокращений.

Текст

Требования к структуре статьи:

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.
- в статье должна быть выделена структура. Для этого текст нужно разбить на части (Введение, Методика, Результаты, Обсуждение, Заключение). В качестве частей могут быть выделены смысловые блоки, но обязательными являются рубрики «Введение» и «Заключение».
- текст должен содержать 21–35 000 знаков (с пробелами). Сведения об авторе, аннотация и список литературы не учитываются. Минимально — 21 000 знаков с пробелами.

Оформление текста:

1. Основной текст располагается в 1 колонку.
2. Шрифт текста — Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.
3. В тексте не должно быть расставленных вручную переносов.
4. В тексте не должно быть автоматических нумерованных и маркированных списков.
5. В тексте не должно быть ссылок и гиперссылок.
6. Буквы, обозначающие переменные в формулах и размещенные в тексте статьи, не должны быть вставлены в текст в виде формул или картинок, только в виде латинских или греческих символов (пункт меню «Вставка → Символ...»).
7. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation 3,0 или Math Type 5,0–6,0 Equation, располагаются в тексте в одну колонку.
8. Таблицы в текст должны быть вставлены в виде таблиц, а не картинок.
9. Иллюстрации только черно-белые (чтобы можно было оценить читаемость при ч/б печати), использование цвета и фона не допускается. Вместо выделения цветом на диаграммах (в Excel) делаются различные штриховки или используются оттенки черного цвета, графики выполняются пунктирными, штрихпунктирными и т.п. линиями.
10. Иллюстрации должны быть хорошего качества и размера: не стоит пытаться поставить несколько очень маленьких рисунков в ряд — они не будут читаться.
11. Все рисунки и таблицы должны иметь название.
12. Все иллюстрации, собранные из надписей в Word, необходимо сохранять и вставлять в текст в виде рисунков (.jpg, .tif, .png).
13. Рисунки могут пересылаться отдельными файлами, но в тексте нужно указать их место.
14. Абзац («красная строка») выставляется только автоматически, а не с помощью клавиш «пробел» или «табуляция».
15. Сокращения использовать не надо. Но если они и используются, то все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы.
16. Абзац не должен начинаться с фамилии автора.

Список источников

В тексте обязательны ссылки на источники:

- обычная ссылка — номер источника из списка литературы в квадратных скобках;

— ссылка при цитате — номер источника из списка литературы + номер страницы в квадратных скобках. В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер ссылки в соответствии со списком литературы.

Оформление списка источников:

- выполняется на русском языке
- строго в алфавитном порядке;
- английские источники в Списке пишутся по-английски и идут после русских (так же в алфавитном порядке); в текстовых ссылках номера страниц английских источников указываются как pages ([12, p. 5]);
- должно быть минимум 10 источников цитирования, обязательно 20 % на английском языке;
- в списке литературы под одним номером — один источник, а не список;
- самоцитирование не более 1–2 источников;
- обязательно указывать город и название издательства источника: М.: Наука, 2000;
- обязательно указывать общее количество страниц в источнике или номера страниц, которые занимает источник, если он является частью сборника, журнала и т.д.;
- транслитерация списка литературы и перевод на английский язык не нужна;
- электронные источники оформляются по ГОСТ Р 7.05-2008. Для электронных источников нужно указать те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В списке литературы в качестве электронных источников могут использоваться только электронные журналы.

В список литературы не включаются:

- нормативные и архивные документы;
- статистические сборники;
- справочные издания;
- газетные заметки без указания автора;
- ссылки на главные страницы сайтов.

Данные материалы оформляются в подстрочных библиографических ссылках (сносках внизу страницы). Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

В принципе не допустимо использование в научных статьях:

- статей из внутривузовских сборников;
- авторефератов диссертаций и диссертаций;
- учебных пособий.

Для аспирантов очной формы обучения, статьи которых в порядке очереди публикуются бесплатно, необходимо представить справку с места учебы. Также для аспирантов необходима рекомендация от кафедры.

Только правильно оформленная статья с приложением всех необходимых сопроводительных документов будет рассматриваться редакцией.

При повторном обращении с неполным комплектом документов статья рассмотрена не будет.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____

Тираж 500 экз. Заказ № _____

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2021